Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

Ѳ. М. Достоевскій

Собраніе сочиненій

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ *автора;*
Л. Н. Андреева, съ вступительной статьей проф. *А. М. Рейснера;*
Ѳ. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ *автора;*
Г. А. Мачтета, подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ *автора;*
Д. Я. Аизмана, подъ наблюденіемъ *автора;*
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ *автора;*
Шолома Аша, подъ наблюденіемъ *автора.*

II серія.

С. Т. Аксакова, подъ редакціей *А. Г. Горнфельда:*
Н. В. Гоголя, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
А. В. Кольцова, подъ редакціей *Арс. Ив. Введенскаго;*
И. А. Крылова, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
А. И. Левитова, со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. *Арс. И. Введенскаго;*
С. В. Максимова, со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ *автора;*
И. С. Никитина, подъ ред. *А. Г. Ѳомина* и *Ю. И. Эйхенвальда;*
А. Н. Островскаго, подъ ред. *М. И. Писарева;*
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. *Н. А. Благовѣщенскаго,*
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ *автора;*
А. С. Пушкина, подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ *автора.*

III серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго;*
Элизы Оржешко, подъ ред. *С. С. Зелинскаго;*
Георга Брандеса, съ предисловіемъ *М. В. Лучицкой;*
Гюи де Мопасана, съ критико-біографич. очерк. *З. А. Венгеровой;*
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ *М. А. Энгельгардта;*
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями *Ѳ. Д. Батюшкова* и *Е. В. Аничкова.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Полное собраніе сочиненій

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

Съ многочисленными приложеніями

Томъ семнадцатый

Братья Карамазовы

Романъ въ 4-хъ частяхъ съ эпилогомъ.

Части II (оконч.) — III.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе",
Забалканскій пр., д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

PG
3325
A7
1911
t.17

LIBRARY
DEC 8 1965
UNIVERSITY OF TORONTO

1028806

Оглавленіе.

Часть вторая (окончаніе).

Стр.

Книга шестая. Русскій инокъ.

I. Старецъ Зосима и гости его. 3

II. Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іеросхимонаха Зосимы, составлено съ собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ. Свѣдѣнія біографическія . . . . .

а) О юношѣ — братѣ старца Зосимы 10

б) О священномъ писаніи въ жизни отца Зосимы 15

в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ 25

г) Таинственный посѣтитель 35

III. Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы . . .

д) Нѣчто объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его 55

е) Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями 58

ж) О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи мірамъ инымъ 64

з) Можно ли быть судіею себѣ подобныхъ? О вѣрѣ до конца 68

и) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическое 71

Часть третья.

Книга седьмая. Алеша.

Стр.
I. Тлетворный духъ 79
II. Такая минутка 98
III. Лукавка 108
IV. Кана Галилейская 135

Книга восьмая. Митя.

I. Кузьма Самсоновъ 143
II. Лягавый 160
III. Золотые пріиски 171
IV. Въ темнотѣ 189
V. Внезапное рѣшеніе 197
VI. Самъ ѣду! 221
VII. Прежній и безспорный 233
VIII. Бредъ 259

Книга девятая. Предварительное слѣдствіе.

I. Начало карьеры чиновника Перхотина 280
II. Тревога 290
III. Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое 300
IV. Мытарство второе 313
V. Мытарство третье 325
VI. Прокуроръ поймалъ Митю 342
VII. Великая тайна Мити. Освистали 354
VIII. Показаніе свидѣтелей. Дитё 371
IX. Увезли Митю 386

Братья Карамазовы.

(Продолженіе.)

Книга шестая.

Русскій инокъ.

I.

Старецъ Зосима и гости его.

Когда Алеша съ тревогой и съ болью въ сердцѣ вошелъ въ келью старца, то остановился почти въ изумленіи: вмѣсто отходящаго больного, можетъ быть, уже безъ памяти, какимъ боялся найти его, онъ вдругъ его увидалъ сидящимъ въ креслѣ, хотя съ изможденнымъ отъ слабости, но съ бодрымъ и веселымъ лицомъ, окруженнаго гостями и ведущаго съ ними тихую и свѣтлую бесѣду. Впрочемъ, всталъ онъ съ постели не болѣе какъ за четверть часа до прихода Алеши; гости уже собрались въ келью раньше и ждали, пока онъ проснется, по твердому завѣренію отца Паисія, что «учитель встанетъ несомнѣнно, чтобъ еще разъ побесѣдовать съ милыми сердцу его, какъ самъ изрекъ и какъ самъ пообѣщалъ еще утромъ». Обѣщанію же этому, да и всякому слову отходящаго старца, отецъ Паисій вѣровалъ твердо, до того, что если бы видѣлъ его и совсѣмъ уже безъ сознанія и даже безъ дыханія, но имѣлъ бы его обѣщаніе, что еще

разъ возстанетъ и простится съ нимъ, то не повѣрилъ бы, можетъ быть, и самой смерти, все ожидая, что умирающій очнется и исполнитъ обѣтованное. Поутру же старецъ Зосима положительно изрекъ ему, отходя ко сну: «не умру прежде, чѣмъ еще разъ не упьюсь бесѣдой съ вами, возлюбленные сердца моего, на милые лики ваши погляжу, душу мою вамъ еще разъ изолью». Собравшіеся на эту послѣднюю, вѣроятно, бесѣду старца, были самые преданные ему друзья съ давнихъ лѣтъ. Ихъ было четверо: іеромонахи отецъ Іосифъ и отецъ Паисій, іеромонахъ отецъ Михаилъ, настоятель скита, человѣкъ не весьма еще старый, далеко не столь ученый, изъ званія простого, но духомъ твердый, нерушимо и просто вѣрующій, съ виду суровый, но проникновенный глубокимъ умиленіемъ въ сердцѣ своемъ, хотя видимо скрывалъ свое умиленіе до какого-то даже стыда. Четвертый гость былъ совсѣмъ уже старенькій, простенькій монашекъ, изъ бѣднѣйшаго крестьянскаго званія, братъ Анѳимъ, чуть ли даже не малограмотный, молчаливый и тихій, рѣдко даже съ кѣмъ говорившій, между самыми смиренными смиреннѣйшій и имѣвшій видъ человѣка, какъ бы навѣки испуганнаго чѣмъ-то великимъ и страшнымъ, не въ подъемъ уму его. Этого какъ бы трепещущаго человѣка старецъ Зосима весьма любилъ и во всю жизнь свою относился къ нему съ необыкновеннымъ уваженіемъ, хотя, можетъ быть, ни съ кѣмъ во всю жизнь свою не сказалъ менѣе словъ, какъ съ нимъ, несмотря на то, что когда-то многіе годы провелъ въ странствіяхъ съ нимъ вдвоемъ по святой Руси. Было это уже очень давно, лѣтъ предъ тѣмъ уже сорокъ, когда старецъ Зосима впервые началъ иноческій подвигъ свой въ од-

номъ бѣдномъ, мало извѣстномъ Костромскомъ монастырѣ, и когда, вскорѣ послѣ того, пошелъ сопутствовать отцу Анѳиму въ странствіяхъ его для сбора пожертвованій на ихъ бѣдный Костромской монастырекъ. Всѣ, и хозяинъ, и гости расположились во второй комнатѣ старца, въ которой стояла постель его, комнатѣ, какъ и было указано прежде, весьма тѣсной, такъ что всѣ четверо (кромѣ Порфирія послушника, пребывавшаго стоя) едва размѣстились вокругъ креселъ старца на принесенныхъ изъ первой комнаты стульяхъ. Начало уже смеркаться, комната освѣщалась отъ лампады и восковыхъ свѣчъ предъ иконами. Увидавъ Алешу, смутившагося при входѣ и ставшаго въ дверяхъ, старецъ радостно улыбнулся ему и протянулъ руку:

— Здравствуй, тихій, здравствуй, милый, вотъ и ты. И зналъ, что прибудешь.

Алеша подошелъ къ нему, склонился предъ нимъ до земли и заплакалъ. Что-то рвалось изъ его сердца, душа его трепетала, ему хотѣлось рыдать.

— Что̀ ты, подожди оплакивать, — улыбнулся старецъ, положивъ правую руку свою на его голову, — видишь, сижу и бесѣдую, можетъ, и двадцать лѣтъ еще проживу, какъ пожелала мнѣ вчера та добрая, милая, изъ Вышегорья, съ дѣвочкой Лизаветой на рукахъ. Помяни, Господи, и мать, и дѣвочку Лизавету (онъ перекрестился). Порфирій, даръ-то ея снесъ, куда я сказалъ?

Это онъ припоминалъ о вчерашнихъ шести гривнахъ, пожертвованныхъ веселою поклонницей, чтобъ отдать «той, которая меня бѣднѣй». Такія жертвы происходятъ какъ эпитиміи, добровольно на себя почему-либо наложенныя, и непремѣнно

изъ денегъ, собственнымъ трудомъ добытыхъ. Старецъ послалъ Порфирія еще съ вечера къ одной, недавно еще погорѣвшей нашей мѣщанкѣ, вдовѣ съ дѣтьми, пошедшей послѣ пожара нищенствовать. Порфирій поспѣшилъ донести, что дѣло уже сдѣлано и что подалъ, какъ приказано ему было, «отъ неизвѣстной благотворительницы».

— Встань, милый, — продолжалъ старецъ Алешѣ, — дай посмотрю на тебя. Былъ ли у своихъ и видѣлъ ли брата?

Алешѣ странно показалось, что онъ спрашиваетъ такъ твердо и точно объ одномъ только изъ братьевъ, — но о которомъ же: значитъ, для этого-то брата, можетъ быть, и отсылалъ его отъ себя и вчера, и сегодня.

— Одного изъ братьевъ видѣлъ, — отвѣтилъ Алеша.

— Я про того, вчерашняго, старшаго, которому я до земли поклонился.

— Того я вчера лишь видѣлъ, а сегодня никакъ не могъ найти, — сказалъ Алеша.

— Поспѣши найти, завтра опять ступай и поспѣши, все оставь и поспѣши. Можетъ, еще успѣешь что-либо ужасное предупредить. Я вчера великому будущему страданію его поклонился.

Онъ вдругъ умолкъ и какъ бы задумался. Слова были странныя. Отецъ Іосифъ, свидѣтель вчерашняго земного поклона старца, переглянулся съ отцомъ Паисіемъ. Алеша не вытерпѣлъ:

— Отецъ и учитель, — проговорилъ онъ въ чрезвычайномъ волненіи, — слишкомъ неясны слова ваши... Какое это страданіе ожидаетъ его?

— Не любопытствуй. Показалось мнѣ вчера

нѣчто страшное... словно всю судьбу его выразилъ вчера его взглядъ. Былъ такой у него одинъ взглядъ... такъ что ужаснулся я въ сердцѣ моемъ мгновенно тому, что уготовляетъ этотъ человѣкъ для себя. Разъ или два въ жизни видѣлъ я у нѣкоторыхъ такое же выраженіе лица... какъ бы изображавшее всю судьбу тѣхъ людей, и судьба ихъ, увы, сбылась. Послалъ я тебя къ нему, Алексѣй, ибо думалъ, что братскій ликъ твой поможетъ ему. Но все отъ Господа и всѣ судьбы наши. «Если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода». Запомни сіе. А тебя, Алексѣй, много разъ благословлялъ я мысленно въ жизни моей за ликъ твой, узнай сіе, — проговорилъ старецъ съ тихою улыбкой. — Мыслю о тебѣ такъ: изыдешь изъ стѣнъ сихъ, а въ міру пребудешь какъ инокъ. Много будешь имѣть противниковъ, но и самые враги твои будутъ любить тебя. Много несчастій принесетъ тебѣ жизнь, но ими-то ты и счастливъ будешь и жизнь благословишь, и другихъ благословить заставишь, — что̀ важнѣе всего. Ну, вотъ ты каковъ. Отцы и учители мои, — умиленно улыбаясь, обратился онъ къ гостямъ своимъ, — никогда до сего дня не говорилъ я, даже и ему, за что былъ столь милымъ душѣ моей ликъ сего юноши. Теперь лишь скажу: былъ мнѣ ликъ его какъ бы напоминаніемъ и пророчествомъ. На зарѣ дней моихъ, еще малымъ ребенкомъ, имѣлъ я старшаго брата, умершаго юношей, на глазахъ моихъ, всего только семнадцати лѣтъ. И потомъ, проходя жизнь мою, убѣдился я постепенно, что былъ этотъ братъ мой въ судьбѣ моей какъ бы указаніемъ и предназначеніемъ свыше, ибо

не явись онъ въ жизни моей, не будь его вовсе, и никогда-то, можетъ быть, я такъ мыслю, не принялъ бы я иноческаго сана и не вступилъ на драгоцѣнный путь сей. То первое явленіе было еще въ дѣтствѣ моемъ, и вотъ уже на склонѣ пути моего явилось мнѣ воочію какъ бы повтореніе его. Чудно это, отцы и учители, что, не бывъ столь похожъ на него лицомъ, а лишь нѣсколько, Алексѣй казался мнѣ до того схожимъ съ тѣмъ духовно, что много разъ считалъ я его какъ бы прямо за того юношу, брата моего, пришедшаго ко мнѣ на концѣ пути моего таинственнаго, для нѣкоего воспоминанія и проникновенія, такъ что даже удивлялся себѣ самому и таковой странной мечтѣ моей. Слышишь ли сіе, Порфирій, — обратился онъ къ прислуживавшему ему послушнику. — Много разъ видѣлъ я на лицѣ твоемъ какъ бы огорченіе, что я Алексѣя больше люблю, чѣмъ тебя. Теперь знаешь, почему такъ было, но и тебя люблю, знай это, и много разъ горевалъ, что ты огорчаешься. Вамъ же, милые гости, я хочу повѣдать о семъ юношѣ, братѣ моемъ, ибо не было въ жизни моей явленія драгоцѣннѣе сего, болѣе пророческаго и трогательнаго. Умилилось сердце мое, и созерцаю всю жизнь мою въ сію минуту, какъ бы вновь ее всю изживая . . .

* * *

Здѣсь я долженъ замѣтить, что эта послѣдняя бесѣда старца съ посѣтившими его въ послѣдній день жизни его гостями сохранилась отчасти записанною. Записалъ Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ нѣкоторое время спустя по смерти старца, на память. Но была ли это вполнѣ тогдашняя бесѣда или онъ присовокупилъ къ ней въ запискѣ своей

и изъ прежнихъ бесѣдъ съ учителемъ своимъ, этого уже я не могу рѣшить, къ тому же вся рѣчь старца въ запискѣ этой ведется какъ бы безпрерывно, словно какъ бы онъ излагалъ жизнь свою въ видѣ повѣсти, обращаясь къ друзьямъ своимъ, тогда какъ, безъ сомнѣнія, по послѣдовавшимъ разсказамъ, на дѣлѣ происходило нѣсколько иначе, ибо велась бесѣда въ тотъ вечеръ общая, и хотя гости хозяина своего мало перебивали, но все же говорили и отъ себя, вмѣшиваясь въ разговоръ, можетъ быть, даже и отъ себя повѣдали и разсказали что-либо, къ тому же и безпрерывности такой въ повѣствованіи семъ быть не могло, ибо старецъ иногда задыхался, терялъ голосъ и даже ложился отдохнуть на постель свою, хотя и не засыпалъ, а гости не покидали мѣстъ своихъ. Разъ или два бесѣда прерывалась чтеніемъ Евангелія, читалъ отецъ Паисій. Замѣчательно тоже, что никто изъ нихъ, однакоже, не полагалъ, что умретъ онъ въ самую эту же ночь, тѣмъ болѣе, что въ этотъ послѣдній вечеръ жизни своей онъ, послѣ глубокаго дневного сна, вдругъ какъ бы обрѣлъ въ себѣ новую силу, поддерживавшую его во всю длинную эту бесѣду съ друзьями. Это было какъ бы послѣднимъ умиленіемъ, поддерживавшимъ въ немъ неимовѣрное оживленіе, но на малый лишь срокъ, ибо жизнь его пресѣклась вдругъ... Но объ этомъ послѣ. Теперь же хочу увѣдомить, что предпочелъ, не излагая всѣхъ подробностей бесѣды, ограничиться лишь разсказомъ старца по рукописи Алексѣя Ѳедоровича Карамазова. Будетъ оно короче, да и не столь утомительно, хотя, конечно, повторяю это, многое Алеша взялъ и изъ прежнихъ бесѣдъ и совокупилъ вмѣстѣ.

II.

Изъ житія въ Бозѣ преставившагося іеросхимонаха старца Зосимы, составлено съ собственныхъ словъ его Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Карамазовымъ.

Свѣдѣнія біографическія.

а) О юношѣ — братѣ старца Зосимы.

Возлюбленые отцы и учители, родился я въ далекой губерніи сѣверной, въ городѣ В., отъ родителя дворянина, но не знатнаго и не весьма чиновнаго. Скончался онъ, когда мнѣ было всего лишь два года отроду, и не помню я его вовсе. Оставилъ онъ матушкѣ моей деревянный домъ небольшой и нѣкоторый капиталъ, не великій, но достаточный, чтобы прожить съ дѣтьми не нуждаясь. А было насъ всего у матушки двое: я, Зиновій, и старшій братъ мой, Маркелъ. Былъ онъ старше меня годовъ на восемь, характера вспыльчиваго и раздражительнаго, но добрый, не насмѣшливый, и странно какъ молчаливый, особенно въ своемъ домѣ, со мной, съ матерью и съ прислугой. Учился въ гимназіи хорошо, но съ товарищами своими не сходился, хотя и не ссорился, такъ, по крайней мѣрѣ, запомнила о немъ матушка. За полгода до кончины своей, когда уже минуло ему семнадцать лѣтъ, повадился онъ ходить къ одному уединенному въ нашемъ городѣ человѣку, какъ бы политическому ссыльному, высланному изъ Москвы въ нашъ городъ за вольнодумство. Былъ же этотъ ссыльный не малый ученый и знатный философъ въ университетѣ. Почему-то онъ полюбилъ Маркела и сталъ принимать

его. Просиживалъ у него юноша цѣлые вечера, и такъ во всю зиму, доколѣ не потребовали обратно ссыльнаго на государственную службу въ Петербургъ, по собственой просьбѣ его, ибо имѣлъ покровителей. Начался великій постъ, а Маркелъ не хочетъ поститься, бранится и надъ этимъ смѣется: «все это бредни, говоритъ, и нѣтъ никакого и Бога», такъ что въ ужасъ привелъ и мать и прислугу, да и меня малаго, ибо хотя былъ я и девяти лѣтъ всего, но, услышавъ слова сіи, испугался очень и я. Прислуга же была у насъ вся крѣпостная, четверо человѣкъ, всѣ купленные на имя знакомаго намъ помѣщика. Еще помню, какъ изъ сихъ четверыхъ продала матушка одну, кухарку Афимью, хромую и пожилую, за шестьдесятъ рублей ассигнаціями, а на мѣсто ея наняли вольную. И вотъ на шестой недѣлѣ поста стало вдругъ брату хуже, а былъ онъ и всегда нездоровый, грудной, сложенія слабаго и наклонный къ чахоткѣ; роста же не малаго, но тонкій и хилый, лицомъ же весьма благообразенъ. Простудился онъ, что ли, но докторъ прибылъ и вскорѣ шепнулъ матушкѣ, что чахотка скоротечная, и что весны не переживетъ. Стала мать плакать, стала просить брата съ осторожностью (болѣе для того, чтобы не испугать его), чтобы поговѣлъ и причастился Святыхъ Божіихъ Тайнъ, ибо онъ былъ тогда еще на ногахъ. Услышавъ, разсердился и выбранилъ храмъ Божій, однако, задумался: догадался сразу, что боленъ опасно и что потому-то родительница посылаетъ его, пока силы есть, поговѣть и причаститься. Впрочемъ, и самъ уже зналъ, что давно нездоровъ, и еще за годъ передъ тѣмъ проговорилъ разъ за столомъ мнѣ и матери хладнокровно: «не жилецъ я на свѣтѣ межъ

вами, можетъ, и года не проживу», и вотъ словно и напророчилъ. Прошло дня три, и настала Страстная недѣля. И вотъ братъ со вторника утра пошелъ говѣть. «Я это, матушка, собственно для васъ дѣлаю, чтобъ обрадовать васъ и успокоить», — сказалъ онъ ей. — Заплакала мать отъ радости, да и съ горя: «знать, близка кончина его, коли такая въ немъ вдругъ перемѣна». Но не долго походилъ онъ въ церковь, слегъ, такъ что исповѣдывали и причастили его уже дома. Дни наступили свѣтлые, ясные, благоуханные, Пасха была поздняя. Всю-то ночь онъ, я помню, кашляетъ, худо спитъ, а на утро всегда одѣнется и попробуетъ сѣсть въ мягкія кресла. Такъ и запомню его: сидитъ тихій, кроткій, улыбается, самъ больной, а ликъ веселый, радостный. Измѣнился онъ весь душевно — такая дивная началась въ немъ вдругъ перемѣна! Войдетъ къ нему въ комнату старая нянька: «позволь, голубчикъ, я и у тебя лампадку зажгу предъ образомъ». А онъ прежде не допускалъ, задувалъ даже. — «Зажигай, милая, зажигай, извергъ я былъ, что претилъ вамъ прежде. Ты Богу лампадку зажигая молишься, а я на тебя радуясь молюсь. Значитъ, одному Богу и молимся». Странными казались намъ эти слова, а мать уйдетъ къ себѣ и все плачетъ, только къ нему входя обтирала глаза и принимала веселый видъ. «Матушка, не плачь, голубушка, говоритъ, бывало, много еще жить мнѣ, много веселиться съ вами, а жизнь-то, жизнь-то веселая, радостная!». — «Ахъ, милый, ну какое тебѣ веселье, когда ночь горишь въ жару да кашляешь, такъ что грудь тебѣ чуть не разорветъ».— «Мама,—отвѣчаетъ онъ ей,—не плачь, жизнь есть рай, и всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а

если бы захотѣли узнать, завтра же и сталъ бы на всемъ свѣтѣ рай». И дивились всѣ словамъ его, такъ онъ это странно и такъ рѣшительно говорилъ; умилялись и плакали. Приходили къ намъ знакомые: «милые, говоритъ, дорогіе, и чѣмъ я заслужилъ, что вы меня любите, за что вы меня такого любите, и какъ я того прежде не зналъ, не цѣнилъ». Входящимъ слугамъ говорилъ поминутно: «милые мои, дорогіе, за что̀ вы мнѣ служите, да и стою ли я того, чтобы служить-то мнѣ? Если бы помиловалъ Богъ и оставилъ въ живыхъ, сталъ бы самъ служить вамъ, ибо всѣ должны одинъ другому служить». Матушка, слушая, качала головой: «дорогой ты мой, отъ болѣзни ты такъ говоришь». — «Мама, радость ты моя, говоритъ, нельзя чтобы не было господъ и слугъ, но пусть же и я буду слугой моихъ слугъ, такимъ же, какимъ и они мнѣ. Да еще скажу тебѣ, матушка, что всякій изъ насъ предъ всѣми виноватъ, а я болѣе всѣхъ». Матушка такъ даже тутъ усмѣхнулась, плачетъ и усмѣхается: — «Ну и чѣмъ это ты, говоритъ, предъ всѣми больше всѣхъ виноватъ? Тамъ убійцы, разбойники, а ты чего такого успѣлъ нагрѣшить, что себя больше всѣхъ обвиняешь?» — «Матушка, кровинушка ты моя, говоритъ (сталъ онъ такія любезныя слова тогда говорить, неожиданныя), кровинушка ты моя милая, радостная, знай, что воистину всякій предъ всѣми за всѣхъ и за все виноватъ. Не знаю я, какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что эта такъ, до мученія. И какъ это мы жили, сердились и ничего не знали тогда?» Такъ онъ вставалъ со сна, каждый день все больше и больше умиляясь и радуясь, и весь трепеща любовью. Пріѣдетъ, бывало, докторъ, —

старикъ нѣмецъ Эйзеншмидтъ ѣздилъ: «Ну что, докторъ, проживу я еще денекъ-то на свѣтѣ?» — шутитъ, бывало, съ нимъ. — «Не то, что день, и много дней проживете,—отвѣтитъ, бывало, докторъ, — и мѣсяцы, и годы еще проживете». — «Да чего годы, чего мѣсяцы! — воскликнетъ, бывало, — что тутъ дни-то считать, и одного дня довольно человѣку, чтобы все счастіе узнать. Милые мои, чего мы ссоримся, другъ передъ другомъ хвалимся, одинъ на другомъ обиды помнимъ: прямо въ садъ пойдемъ и станемъ гулять и рѣзвиться, другъ друга любить и восхвалять, и цѣловать, и жизнь нашу благословлять». — «Не жилецъ онъ на свѣтѣ, вашъ сынъ», промолвилъ докторъ матушкѣ, когда провожала она его до крыльца, «онъ отъ болѣзни впадаетъ въ помѣшательство». Выходили окна его комнаты въ садъ, а садъ у насъ былъ тѣнистый, съ деревьями старыми, на деревьяхъ завязались весеннія почки, прилетѣли раннія птички, гогочутъ, поютъ ему въ окна. И сталъ онъ вдругъ, глядя на нихъ и любуясь, просить и у нихъ прощенія: «птички Божіи, птички радостныя, простите и вы меня, потому что и предъ вами я согрѣшилъ». Этого ужъ никто тогда у насъ не могъ понять, а онъ отъ радости плачетъ: «да, говоритъ, была такая Божія слава кругомъ меня: птички, деревья, луга, небеса, одинъ я жилъ въ позорѣ, одинъ все обезчестилъ, а красы и славы не примѣтилъ вовсе». — «Ужъ много ты на себя грѣховъ берешь», плачетъ, бывало, матушка. — «Матушка, радость моя, я вѣдь отъ веселья, а не отъ горя это плачу; мнѣ вѣдь самому хочется предъ ними виноватымъ быть, растолковать только тебѣ не могу, ибо не знаю, какъ ихъ и любить. Пусть я грѣшенъ предъ всѣми, да

зато и меня всѣ простятъ, вотъ и рай. Развѣ я теперь не въ раю?»

И много еще было, чего и не припомнить, и не вписать. Помню, однажды вошелъ я къ нему одинъ, когда никого у него не было. Часъ былъ вечерній, ясный, солнце закатывалось и всю комнату освѣтило косымъ лучомъ. Поманилъ онъ меня, увидавъ, подошелъ я къ нему, взялъ онъ меня обѣими руками за плечи, глядитъ мнѣ въ лицо умиленно, любовно; ничего не сказалъ, только поглядѣлъ такъ съ минуту: «ну, говоритъ, ступай теперь, играй, живи за меня!» Вышелъ я тогда и пошелъ играть. А въ жизни потомъ много разъ припоминалъ уже со слезами, какъ онъ велѣлъ мнѣ жить за себя. Много еще говорилъ онъ такихъ дивныхъ и прекрасныхъ, хотя и непонятныхъ намъ тогда словъ. Скончался же онъ на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи, въ памяти, и хотя и говорить уже пересталъ, но не измѣнился до самаго послѣдняго своего часа: смотритъ радостно, въ очахъ веселье, взглядами насъ ищетъ, улыбается намъ, насъ зоветъ. Даже въ городѣ много говорили о его кончинѣ. Потрясло меня все это тогда, но не слишкомъ, хоть и плакалъ я очень, когда его хоронили. Юнъ былъ, ребенокъ, но на сердцѣ осталось все неизгладимо, затаилось чувство. Въ свое время должно было все возстать и откликнуться. Такъ оно и случилось.

б) О Священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы.

Остались мы тогда одни съ матушкой. Посовѣтовали ей скоро добрые знакомые, что вотъ, дескать, остался всего одинъ у васъ сынокъ, и не бѣд-

ные вы, капиталъ имѣете, такъ, по примѣру прочихъ, почему бы сына вашего не отправить вамъ въ Петербургъ, а оставшись здѣсь, знатной, можетъ быть, участи его лишите. И надоумили матушку меня въ Петербургъ, въ кадетскій корпусъ свезти, чтобы въ императорскую гвардію потомъ поступить. Матушка долго колебалась: какъ это съ послѣднимъ сыномъ разстаться, но, однако, рѣшилась, хотя и не безъ многихъ слезъ, думая счастію моему способствовать. Свезла она меня въ Петербургъ, да и опредѣлила, а съ тѣхъ поръ я ея и не видалъ вовсе; ибо черезъ три года сама скончалась, всѣ три года по насъ обоихъ грустила и трепетала. Изъ дома родительскаго вынесъ я лишь драгоцѣнныя воспоминанія, ибо нѣтъ драгоцѣннѣе воспоминаній у человѣка, какъ отъ перваго дѣтства его въ домѣ родительскомъ, и это почти всегда такъ, если даже въ семействѣ хоть только чуть-чуть любовь да союзъ. Да и отъ самаго дурного семейства могутъ сохраниться воспоминанія драгоцѣнныя, если только сама душа твоя способна искать драгоцѣнное. Къ воспоминаніямъ же домашнимъ причитаю и воспоминанія о священной исторіи, которую въ домѣ родительскомъ, хотя и ребенкомъ, я очень любопытствовалъ знать. Была у меня тогда книга, священная исторія, съ прекрасными картинками, подъ названіемъ: «Сто четыре священныя исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта», и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здѣсь на полкѣ лежитъ, какъ драгоцѣнную память сохраняю. Но и до того еще какъ читать научился, помню, какъ въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе духовное, еще восьми лѣтъ отроду. Повела матушка меня одного (не помню,

гдѣ былъ тогда братъ) во храмъ Господень, въ Страстную недѣлю въ понедѣльникъ къ обѣднѣ. День былъ ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносился изъ кадила ѳиміамъ и тихо восходилъ вверхъ, а сверху въ куполѣ, въ узенькое окошечко, такъ и льются на насъ въ церковь Божьи лучи, и, восходя къ нимъ волнами, какъ бы таялъ въ нихъ ѳиміамъ. Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отроду принялъ я тогда въ душу сѣмя Слова Божія осмысленно. Вышелъ на средину храма отрокъ съ большою книгой, такою большою, что, показалось мнѣ тогда, съ трудомъ даже и несъ ее, и возложилъ на налой, отверзъ и началъ читать, и вдругъ я тогда въ первый разъ нѣчто понялъ, что во храмѣ Божіемъ читаютъ. Былъ мужъ въ землѣ Унъ, правдивый и благочестивый, и было у него столько-то богатства, столько-то верблюдовъ, столько-то овецъ и ословъ, и дѣти его веселились, и любилъ онъ ихъ очень, и молилъ за нихъ Бога: можетъ, согрѣшили они веселясь. И вотъ восходитъ къ Богу діаволъ вмѣстѣ съ сынами Божьими и говоритъ Господу, что прошелъ по всей землѣ и подъ землею. «А видѣлъ ли раба Моего Іова?» спрашиваетъ его Богъ. И похвалился Богъ діаволу, указавъ на великаго святого раба Своего. И усмѣхнулся діаволъ на слова Божіи: «предай его мнѣ и увидишь, что возропщетъ рабъ Твой и проклянетъ Твое имя». И предалъ Богъ Своего праведника, столь Имъ любимаго, діаволу, и поразилъ діаволъ дѣтей его, и скотъ его, и разметалъ богатство его, все вдругъ, какъ Божіимъ громомъ, и разодралъ Іовъ одежды свои и бросился на землю, и возопилъ: «нагъ вышелъ изъ чрева матери, нагъ и возвращусь въ землю, Богъ далъ, Богъ и взялъ.

Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!» Отцы и учители, пощадите теперешнія слезы мои, — ибо все младенчество мое какъ бы вновь возстаетъ предо мною, и дышу теперь, какъ дышалъ тогда дѣтскою восьмилѣтнею грудкой моею, и чувствую, какъ тогда, удивленіе и смятеніе, и радость. И верблюды-то такъ тогда мое воображеніе заняли, и сатана, который такъ съ Богомъ говоритъ, и Богъ, отдавшій раба Своего на погибель, и рабъ Его, восклицающій: «буди имя Твое благословенно, несмотря на то, что казнишь меня», — а затѣмъ тихое и сладостное пѣніе во храмѣ: «Да исправится молитва моя», и снова ѳиміамъ отъ кадила священника и колѣнопреклоненная молитва! Съ тѣхъ поръ, — даже вчера еще взялъ ее, — и не могу читать эту пресвятую повѣсть безъ слезъ. А и сколько тутъ великаго, тайнаго, невообразимаго! Слышалъ я потомъ слова насмѣшниковъ и хулителей, слова гордыя: какъ это могъ Господь отдать любимаго изъ святыхъ Своихъ на потѣху діаволу, отнять отъ него дѣтей, поразить его самого болѣзнью и язвами такъ, что черепкомъ счищалъ съ себя гной своихъ ранъ, и для чего: чтобы только похвалиться предъ сатаной: «вотъ что, дескать, можетъ вытерпѣть святой Мой ради Меня!» Но въ томъ и великое, что тутъ тайна, — что мимоидущій ликъ земной и вѣчная истина соприкоснулись тутъ вмѣстѣ. Предъ правдой земною совершается дѣйствіе вѣчной правды. Тутъ Творецъ, какъ и въ первые дни творенія, завершая каждый день похвалою: «хорошо то, что я сотворилъ», смотритъ на Іова и вновь хвалится созданіемъ Своимъ. А Іовъ, хваля Господа, служитъ не только Ему, но послужитъ и всему созданію Его

въ роды и роды и вовѣки вѣковъ, ибо къ тому и предназначенъ былъ. Господи, что это за книга и какіе уроки! Что за книга это Священное Писаніе, какое чудо и какая сила данныя съ нею человѣку! Точно изваяніе міра и человѣка и характеровъ человѣческихъ, и названо все и указано навѣки вѣковъ. И сколько тайнъ разрѣшенныхъ и откровенныхъ: возстановляетъ Богъ снова Іова, даетъ ему вновь богатство, проходятъ опять многіе годы, и вотъ у него уже новыя дѣти, другія, и любитъ онъ ихъ, — Господи! Да какъ могъ бы онъ, казалось, возлюбить этихъ новыхъ, когда тѣхъ прежнихъ нѣтъ, когда тѣхъ лишился? Вспоминая тѣхъ, развѣ можно быть счастливымъ въ полнотѣ, какъ прежде, съ новыми, какъ бы новыя ни были ему милы? Но можно, можно: старое горе великою тайной жизни человѣческой переходитъ постепенно въ тихую умиленную радость; вмѣсто юной кипучей крови, наступаетъ кроткая ясная старость: благословляю восходъ солнца ежедневный, и сердце мое попрежнему поетъ ему, но уже болѣе люблю закатъ его, длинные косые лучи его, а съ ними тихія, кроткія, умиленныя воспоминанія, милые образы изо всей долгой и благословенной жизни, — а надо всѣмъ-то правда Божія, умиляющая, примиряющая, всепрощающая! Кончается жизнь моя, знаю и слышу это, но чувствую на каждый оставшійся день мой, какъ жизнь моя земная соприкасается уже съ новою, безконечною, невѣдомою, но близко грядущею жизнью, отъ предчувствія которой трепещетъ восторгомъ душа моя, сіяетъ умъ и радостно плачетъ сердце... Други и учители, слышалъ я не разъ, а теперь, въ послѣдне время, еще слышнѣе стало о томъ, какъ у насъ

іереи Божіи, а пуще всего сельскіе, жалуются слезно и повсемѣстно на малое свое содержаніе и на униженіе свое, и прямо завѣряютъ, даже печатно, — читалъ сіе самъ, — что не могутъ они уже теперь будто бы толковать народу Писаніе, ибо мало у насъ содержанія, и если приходятъ уже лютеране и еретики и начинаютъ отбивать стадо, то и пусть отбиваютъ, ибо мало-де у насъ содержанія. Господи! думаю, дай Богъ имъ болѣе сего столь драгоцѣннаго для нихъ содержанія (ибо справедлива и ихъ жалоба), но воистину говорю: если кто виноватъ сему, то на половину мы сами! Ибо пусть нѣтъ времени, пусть онъ справедливо говоритъ, что угнетенъ все время работой и требами, но не все же вѣдь время, вѣдь есть же и у него хоть часъ одинъ во всю-то недѣлю, чтобъ и о Богѣ вспомнить. Да и не круглый годъ работа. Собери онъ у себя разъ въ недѣлю, въ вечерній часъ, сначала лишь только хоть дѣтокъ, — прослышатъ отцы и отцы приходить начнутъ. Да и не хоромы же строить для сего дѣла, а просто къ себѣ въ избу прими; не страшись, не изгадятъ они твою избу, вѣдь всего-то на часъ одинъ собираешь. Разверни-ка онъ имъ эту книгу и начни читать безъ премудрыхъ словъ и безъ чванства, безъ возношенія надъ ними, а умиленно и кротко, самъ радуясь тому, что читаешь имъ и что они тебя слушаютъ и понимаютъ тебя, самъ любя словеса сіи, изрѣдка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не безпокойся, поймутъ все, все пойметъ православное сердце! Прочти имъ объ Авраамѣ и Саррѣ, объ Исаакѣ и Ревеккѣ, о о томъ, какъ Іаковъ пошелъ къ Лавану и боролся во снѣ съ Господомъ и сказалъ: «страшно мѣсто

сіе», и поразишь благочестивый умъ простолюдина. Прочти имъ, а дѣткамъ особенно, о томъ, какъ братья продали въ рабство родного брата своего, отрока милаго, Іосифа, сновидца и пророка великаго, а отцу сказали, что звѣрь растерзалъ его сына, показавъ окровавленную одежду его. Прочти, какъ потомъ братья пріѣзжали за хлѣбомъ въ Египетъ, и Іосифъ, уже царедворецъ великій, ими неузнанный, мучилъ ихъ, обвинилъ, задержалъ брата Веніамина, и все любя, любя: «люблю васъ и любя мучаю». Ибо вѣдь всю жизнь свою вспоминалъ неустанно, какъ продали его гдѣ-нибудь тамъ въ горячей степи, у колодца, купцамъ, и какъ онъ, ломая руки, плакалъ и молилъ братьевъ не продавать его рабомъ въ чужую землю, и вотъ, увидя ихъ послѣ столькихъ лѣтъ, возлюбилъ ихъ вновь безмѣрно, но томилъ ихъ и мучилъ ихъ, все любя. Уходитъ, наконецъ, отъ нихъ, не выдержавъ самъ муки сердца своего, бросается на одръ свой и плачетъ; утираетъ потомъ лицо свое и выходитъ сіяющъ и свѣтелъ и возвѣщаетъ имъ: «братья, я Іосифъ, братъ вашъ!» Пусть прочтетъ онъ далѣе о томъ, какъ обрадовался старецъ Іаковъ, узнавъ, что живъ еще его милый мальчикъ, и потянулся въ Египетъ, бросивъ даже отчизну, и умеръ на чужой землѣ, изрекши навѣки вѣковъ въ завѣщаніи своемъ величайшее слово, вмѣщавшееся таинственно въ кроткомъ и боязливомъ сердцѣ его во всю его жизнь, о томъ, что отъ рода его, отъ Іуды, выйдетъ великое чаяніе міра, Примиритель и Спаситель его! Отцы и учители, простите и не сердитесь, что какъ младенецъ толкую о томъ, что давно уже знаете и о чемъ меня же научите, стократъ искуснѣе и благолѣпнѣе. Отъ восторга лишь говорю

сіе, и простите слезы мои, ибо люблю книгу сію! Пусть заплачетъ и онъ, іерей Божій, и увидитъ, что сотрясутся въ отвѣтъ ему сердца его слушающихъ. Нужно лишь малое сѣмя, крохотное: брось онъ его въ душу простолюдина, и не умретъ оно, будетъ жить въ душѣ его во всю жизнь, таиться въ немъ среди мрака, среди смрада грѣховъ его, какъ свѣтлая точка, какъ великое напоминаніе. И не надо, не надо много толковать и учить, все пойметъ онъ просто. Думаете ли вы, что не пойметъ простолюдинъ? Попробуйте, прочтите ему далѣе повѣсть, трогательную и умилительную, о прекрасной Эсѳири и надменной Вастіи; или чудное сказаніе о пророкѣ Іонѣ во чревѣ китовѣ. Не забудьте тоже притчи Господни, преимущественно по Евангелію отъ Луки (такъ я дѣлалъ), а потомъ изъ Дѣяній Апостольскихъ обращеніе Савла (это непремѣнно, непремѣнно!), а наконецъ, и изъ Четьи-Миней хотя бы житіе Алексѣя Человѣка Божія и великой изъ великихъ радостной страдалицы, Боговидицы и Христоносицы матери Маріи Египтяныни — и пронзишь ему сердце сими простыми сказаніями, и всего-то лишь часъ въ недѣлю, не взирая на малое свое содержаніе, одинъ часокъ. И увидитъ самъ, что милостивъ народъ нашъ и благодаренъ, отблагодаритъ во сто кратъ; помня радѣнія іерея и умиленныя слова его, поможетъ ему на нивѣ его добровольно, поможетъ и въ дому его, да и уваженіемъ воздастъ ему большимъ прежняго, — вотъ уже и увеличится содержаніе его. Дѣло столь простодушное, что иной разъ боимся даже и высказать, ибо надъ тобою же засмѣются, а между тѣмъ, сколько оно вѣрное! Кто не вѣритъ въ Бога, тотъ и въ народъ Божій не повѣритъ. Кто же

увѣровалъ въ народъ Божій, тотъ узритъ и святыню Его, хотя бы и самъ не вѣрилъ въ нее до того вовсе. Лишь народъ и духовная сила его грядущая обратитъ отторгнувшихся отъ родной земли атеистовъ нашихъ. И что за слово Христово безъ примѣра? Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ душа его Слова и всякаго прекраснаго воспріятія. Въ юности моей, давно уже, чуть не сорокъ лѣтъ тому, ходили мы съ отцомъ Анѳимомъ по всей Руси, собирая на монастырь подаяніе, и заночевали разъ на большой рѣкѣ судоходной, на берегу, съ рыбаками, а вмѣстѣ съ нами присѣлъ одинъ благообразный юноша, крестьянинъ, лѣтъ уже восемнадцати на видъ, поспѣшалъ онъ къ своему мѣсту назавтра купеческую барку бечевою тянуть. И вижу я, смотритъ онъ предъ собой умиленно и ясно. Ночь свѣтлая, тихая, теплая, іюльская, рѣка широкая, паръ отъ нея поднимается, свѣжитъ насъ, слегка всплеснетъ рыбка, птички замолкли, все тихо, благолѣпно, все Богу молится. И не спимъ только мы оба, я да юноша этотъ, и разговорились мы о красѣ міра сего Божьяго и о великой тайнѣ его. Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, всѣ-то до изумленія знаютъ путь свой, не имѣя ума, тайну Божію свидѣтельствуютъ, безпрерывно совершаютъ ее сами, и, вижу я, разгорѣлось сердце милаго юноши. Повѣдалъ онъ мнѣ, что лѣсъ любитъ, птичекъ лѣсныхъ; былъ онъ птицеловъ, каждый ихъ свистъ понималъ, каждую птичку приманить умѣлъ: лучше того какъ въ лѣсу ничего я, говоритъ, не знаю, да и все хорошо. «Истинно, отвѣчаю ему, все хорошо и великолѣпно, потому что все истина. Посмотри, говорю ему, на коня, жи-

вотное великое, близъ человѣка стоящее, али на вола, его питающаго и работающаго ему, понураго и задумчиваго, посмотри на лики ихъ: какая кротость, какая привязанность къ человѣку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая довѣрчивость и какая красота въ его ликѣ. Трогательно даже это и знать, что на немъ нѣтъ никакого грѣха, ибо все совершенно, все кромѣ человѣка безгрѣшно, и съ ними Христосъ еще раньше нашего». — «Да неужто, спрашиваетъ юноша, и у нихъ Христосъ?» — «Какъ же можетъ быть иначе, говорю ему, ибо для всѣхъ Слово, все созданіе и вся тварь, каждый листикъ устремляется къ Слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего безгрѣшнаго совершаетъ сіе. Вонъ, говорю ему, въ лѣсу скитается страшный медвѣдь, грозный и свирѣпый, и ничѣмъ-то въ томъ неповинный». И разсказалъ я ему, какъ приходилъ разъ медвѣдь къ великому святому, спасавшемуся въ лѣсу, въ малой келійкѣ, и умилился надъ нимъ великій святой, безстрашно вышелъ къ нему и подалъ ему хлѣба кусокъ: «ступай, дескать, Христосъ съ тобой», и отошелъ свирѣпый звѣрь послушно и кротко, вреда не сдѣлавъ. И умилился юноша на то, что отошелъ, вреда не сдѣлавъ, и что и съ нимъ Христосъ. «Ахъ, какъ, говоритъ, это хорошо, какъ все Божіе хорошо и чудесно!» Сидитъ, задумался, тихо и сладко. Вижу, что понялъ. И заснулъ онъ подлѣ меня сномъ легкимъ, безгрѣшнымъ. Благослови Господь юность! И помолился я тутъ за него самъ, отходя ко сну. Господи, пошли миръ и свѣтъ Твоимъ людямъ!

в) Воспоминаніе о юности и молодости старца Зосимы еще въ міру. Поединокъ.

Въ Петербургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, пробылъ я долго, почти восемь лѣтъ, и съ новымъ воспитаніемъ многое заглушилъ изъ впечатлѣній дѣтскихъ, хотя и не забылъ ничего. Взамѣнъ того принялъ столько новыхъ привычекъ, и даже мнѣній, что преобразился въ существо почти дикое, жестокое и нелѣпое. Лоскъ учтивости и свѣтскаго обращенія вмѣстѣ съ французскимъ языкомъ пріобрѣлъ, а служившихъ намъ въ корпусѣ солдатъ считали мы всѣ, какъ за совершенныхъ скотовъ, и я тоже. Я-то, можетъ быть, больше всѣхъ, ибо изо всѣхъ товарищей былъ на все воспріимчивѣе. Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто изъ насъ и не зналъ, что она такое есть, а узналъ бы, такъ осмѣялъ бы ее тотчасъ же самъ первый. Пьянствомъ, дебоширствомъ и ухарствомъ чуть не гордились. Не скажу, чтобы были скверные; всѣ эти молодые люди были хорошіе, да вели-то себя скверно, а пуще всѣхъ я. Главное то, что у меня объявился свой капиталъ, а потому и пустился я жить въ свое удовольствіе, со всѣмъ юнымъ стремленіемъ, безъ удержу поплылъ на всѣхъ парусахъ. Ну, вотъ что дивно: читалъ я тогда и книги, и даже съ большимъ удовольствіемъ; Библію же одну никогда почти въ то время не развертывалъ, но никогда и не разставался съ нею, а возилъ ее повсюду съ собой: воистину берегъ эту книгу, самъ того не вѣдая, «на день и часъ, на мѣсяцъ и годъ». Прослуживъ этакъ года четыре, очутился я, нако-

нецъ, въ городѣ К., гдѣ стоялъ тогда нашъ полкъ. Общество городское было разнообразное, многолюдное и веселое, гостепріимное и богатое, принимали же меня вездѣ хорошо, ибо былъ я отроду нрава веселаго, да къ тому же и слылъ не за бѣднаго, что̀ въ свѣтѣ значитъ не мало. Вотъ и случилось одно обстоятельство, послужившее началомъ всему. Привязался я къ одной молодой и прекрасной дѣвицѣ, умной и достойной, характера свѣтлаго, благороднаго, дочери почтенныхъ родителей. Люди были не малые, имѣли богатство, вліяніе и силу, меня принимали ласково и радушно. И вотъ покажись мнѣ, что дѣвица расположена ко мнѣ сердечно, — разгорѣлось мое сердце при такой мечтѣ. Потомъ ужъ самъ постигъ, и вполнѣ догадался, что, можетъ быть, вовсе я ея и не любилъ съ такою силой, а только чтилъ ея умъ и характеръ возвышенный, чего не могло не быть. Себялюбіе, однакоже, помѣшало мнѣ сдѣлать предложеніе руки въ то время: тяжело и страшно показалось разстаться съ соблазнами развратной, холостой и вольной жизни въ такихъ юныхъ лѣтахъ, имѣя вдобавокъ и деньги. Намеки, однакожъ, я сдѣлалъ. Во всякомъ случаѣ отложилъ на малое время всякій рѣшительный шагъ. А тутъ вдругъ случилась командировка въ другой уѣздъ на два мѣсяца. Возвращаюсь я черезъ два мѣсяца и вдругъ узнаю, что дѣвица уже замужемъ за богатымъ пригороднымъ помѣщикомъ, человѣкомъ хоть и старѣе меня годами, но еще молодымъ, имѣвшимъ связи въ столицѣ и въ лучшемъ обществѣ, чего я не имѣлъ, человѣкомъ весьма любезнымъ, и сверхъ того образованнымъ, а ужъ образованія-то я не имѣлъ вовсе. Такъ я былъ пораженъ этимъ не-

ожиданнымъ случаемъ, что даже умъ во мнѣ помутился. Главное же въ томъ заключалось, что, какъ узналъ я тогда же, былъ этотъ молодой помѣщикъ женихомъ ея уже давно, и что самъ же я встрѣчалъ его множество разъ въ ихнемъ домѣ, но не примѣчалъ ничего, ослѣпленный своими достоинствами. Но вотъ это-то по преимуществу меня и обидѣло: какъ же это, всѣ почти знали, а я одинъ ничего не зналъ? И почувствовалъ я вдругъ злобу нестерпимую. Съ краской въ лицѣ началъ вспоминать, какъ много разъ почти высказывалъ ей любовь мою, а такъ какъ она меня не останавливала и не предупредила, то, стало быть, вывелъ я, надо мною смѣялась. Потомъ, конечно, сообразилъ и припомнилъ, что нисколько она не смѣялась, сама же, напротивъ, разговоры такіе шутливо прерывала, и зачинала на мѣсто ихъ другіе, — но тогда сообразить этого я не смогъ и запылалъ отмщеніемъ. Вспоминаю съ удивленіемъ, что отмщеніе сіе и гнѣвъ мой были мнѣ самому до крайности тяжелы и противны, потому что, имѣя характеръ легкій, не могъ подолгу ни на кого сердиться, а потому какъ бы самъ искусственно разжигалъ себя, и сталъ, наконецъ, безобразенъ и нелѣпъ. Выждалъ я время, и разъ въ большомъ обществѣ удалось мнѣ вдругъ «соперника» моего оскорбить будто бы изъ самой посторонней причины, подсмѣяться надъ однимъ мнѣніемъ его объ одномъ важномъ тогда событіи, — въ двадцать шестомъ году дѣло было, — и подсмѣяться, говорили люди, удалось остроумно и ловко. Затѣмъ вынудилъ у него объясненіе, и уже до того обошелся при объясненіи грубо, что вызовъ мой онъ принялъ, несмотря на огромную разницу между нами, ибо былъ я и моложе его, не-

значителенъ и чина малаго. Потомъ ужъ я твердо узналъ, что принялъ онъ вызовъ мой какъ бы тоже изъ ревниваго ко мнѣ чувства: ревновалъ онъ меня и прежде, немножко, къ женѣ своей, еще тогда невѣстѣ; теперь же подумалъ, что если та узнаетъ, что онъ оскорбленіе отъ меня перенесъ, а вызвать на поединокъ не рѣшился, то чтобъ не стала она невольно презирать его и не поколебалась любовь ея. Секунданта я досталъ скоро, товарища, нашего же полка поручика. Тогда хоть и преслѣдовались поединки жестоко, но была на нихъ какъ бы даже мода между военными, — до того дикіе нарастаютъ и укрѣпляются иногда предразсудки. Былъ въ исходѣ іюнь, и вотъ встрѣча наша назавтра, за городомъ, въ семь часовъ утра, — и воистину случилось тутъ со мной нѣчто какъ бы роковое. Съ вечера, возвратившись домой, свирѣпый и безобразный, разсердился я на моего денщика Аѳанасія и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу, такъ что окровавилъ ему лицо. Служилъ онъ у меня еще недавно, и случалось и прежде, что ударялъ его, но никогда съ такою звѣрскою жестокостью. И вѣрите ли, милые, сорокъ лѣтъ тому минуло времени, а припоминаю и теперь о томъ со стыдомъ и мукой. Легъ я спать, заснулъ часа три, встаю, уже начинается день. Я вдругъ поднялся, спать болѣе не захотѣлъ, подошелъ къ окну, отворилъ, — отпиралось у меня въ садъ, вижу восходитъ солнышко, тепло, прекрасно, зазвенѣли птички. Что же это, думаю, ощущаю я въ душѣ моей какъ бы нѣчто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нѣтъ, думаю, какъ будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитымъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то, совсѣмъ

даже не то... И вдругъ сейчасъ же и догадался, въ чемъ было дѣло: въ томъ, что я съ вечера избилъ Аѳанасія! Все мнѣ вдругъ снова представилось, точно вновь повторилось: стоитъ онъ предо мною, а я бью его съ размаху прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ, какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смѣетъ,—и это человѣкъ до того доведенъ и это человѣкъ бьетъ человѣка! Экое преступленіе! Словно игла острая прошла мнѣ въ душу насквозь. Стою я, какъ ошалѣлый, а солнышко-то свѣтитъ, листочки-то радуются, сверкаютъ, а птички-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрылъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ. И вспомнилъ я тутъ моего брата Маркела, и слова его предъ смертью слугамъ: «милые мои, дорогіе, за что вы мнѣ служите, за что меня любите, да и стою ли я, чтобы служить-то мнѣ?» «Да, стòю ли», вскочило мнѣ вдругъ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я такъ стòю, чтобы другой человѣкъ, такой же, какъ я, образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и вонзился мнѣ въ умъ въ первый разъ въ жизни тогда этотъ вопросъ. «Матушка, кровинушка ты моя, воистину всякій предъ всѣми за всѣхъ виноватъ, не знаютъ только этого люди, а если бы узнали — сейчасъ былъ бы рай!» «Господи, да неужто же и это неправда», плачу я и думаю, — «воистину я за всѣхъ, можетъ быть, всѣхъ виновнѣе, да и хуже всѣхъ на свѣтѣ людей!» И представилась мнѣ вдругъ вся правда, во всемъ просвѣщеніи своемъ: что я иду дѣлать? Иду убивать человѣка добраго, умнаго, благороднаго, ни въ чемъ предо мною неповиннаго, а супругу его

тѣмъ навѣки счастья лишу, измучаю и убью. Лежалъ я такъ на постели ничкомъ, лицомъ въ подушку, и не замѣтилъ вовсе, какъ и время прошло. Вдругъ входитъ мой товарищъ, поручикъ, за мной, съ пистолетами: «а, говоритъ, вотъ это хорошо, что ты уже всталъ, пора, идемъ». Заметался я тутъ, совсѣмъ потерялся, вышли мы, однакоже, садиться въ коляску: «погоди здѣсь время, говорю ему, — я въ одинъ мигъ сбѣгаю, кошелекъ забылъ». И вбѣжалъ одинъ въ квартиру обратно, прямо въ коморку къ Аѳанасію: «Аѳанасій, говорю, — я вчера тебя ударилъ два раза по лицу! прости ты меня», говорю. Онъ такъ и вздрогнулъ, точно испугался, глядитъ, — и вижу я, что этого мало, мало, да вдругъ, такъ какъ былъ въ эполетахъ, то бухъ ему въ ноги лбомъ до земли: «прости меня!» говорю. Тутъ ужъ онъ и совсѣмъ обомлѣлъ: «Ваше благородіе, батюшка, баринъ, да какъ вы . . . да стòю ли я» . . . и заплакалъ вдругъ самъ, точно, какъ давеча я, ладонями обѣими закрылъ лицо, повернулся къ окну и весь отъ слезъ такъ и затрясся, я же выбѣжалъ къ товарищу, влетѣлъ въ коляску, «вези!» кричу: «видалъ, кричу ему, — побѣдителя, — вотъ онъ предъ тобою!» Восторгъ во мнѣ такой, смѣюсь всю дорогу, говорю, говорю, непомню ужъ, что и говорилъ. Смотритъ онъ на меня: «ну, братъ, молодецъ же ты, вижу, что поддержишь мундиръ». Такъ и пріѣхали мы на мѣсто, а они уже тамъ, насъ ожидаютъ. Разставили насъ, въ двѣнадцати шагахъ другъ отъ друга, ему первый выстрѣлъ, — стою я предъ нимъ веселый, прямо лицомъ къ лицу, глазомъ не смигну, любя на него гляжу, знаю, что сдѣлаю. Выстрѣлилъ онъ, капельку лишь оцарапало мнѣ щеку да за ухо

задѣло, — «слава Богу, кричу, не убили человѣка!» да свой-то пистолетъ схватилъ, оборотился назадъ, да швыркомъ, вверхъ, въ лѣсъ и пустилъ: «туда, кричу, — тебѣ и дорога!» Оборотился къ противнику: «милостивый государь, говорю, — простите меня, глупаго молодого человѣка, что по винѣ моей васъ разобидѣлъ, а теперь стрѣлять въ себя заставилъ. Самъ я хуже васъ въ десять кратъ, а, пожалуй, еще и того больше. Передайте это той особѣ, которую чтите больше всѣхъ на свѣтѣ». Только что я это проговорилъ, — такъ всѣ трое они и закричали: «помилуйте, говоритъ мой противникъ, — разсердился даже, — если вы не хотѣли драться, къ чему же безпокоили?» — «Вчера, говорю ему, — еще глупъ былъ, а сегодня поумнѣлъ», весело такъ ему отвѣчаю. — «Вѣрю про вчерашнее, говоритъ, — но про сегодняшнее трудно заключить по вашему мнѣнію». — «Браво, кричу ему, въ ладоши захлопалъ, — я съ вами и въ этомъ согласенъ, заслужилъ!» — «Будете ли, милостивый государь, стрѣлять или нѣтъ?» — «Не буду, говорю, — а вы, если хотите, стрѣляйте еще разъ, только лучше бы вамъ не стрѣлять». Кричатъ и секунданты, особенно мой: «какъ это срамить полкъ, на барьерѣ стоя, прощенія просить; если бы только я это зналъ». Сталъ я тутъ предъ ними предъ всѣми и уже не смѣюсь: «господа мои, говорю, неужели такъ теперь для нашего времени удивительно встрѣтить человѣка, который бы самъ покаялся въ своей глупости и повинился въ чемъ самъ виноватъ публично?» — «Да не на барьерѣ же», кричитъ мой секундантъ опять. — «То-то вотъ и есть, отвѣчаю имъ, — это-то вотъ и удивительно, потому слѣдовало бы мнѣ повиниться

только что прибыли сюда, еще прежде ихняго выстрѣла, и не вводить ихъ въ великій и смертный грѣхъ, но до того безобразно, говорю, мы сами себя въ свѣтѣ устроили, что поступить такъ было почти и невозможно, ибо только послѣ того, какъ я выдержалъ ихъ выстрѣлъ въ двѣнадцати шагахъ, слова мои могутъ что-нибудь теперь для нихъ значить, а если бы до выстрѣла, какъ прибыли сюда, то сказали бы просто: трусъ, пистолета испугался и нечего его слушать. Господа, воскликнулъ я вдругъ отъ всего сердца, — посмотрите кругомъ на дары Божіи: небо ясное, воздухъ чистый, травка нѣжная, птички, природа прекрасная и безгрѣшная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаемъ, что жизнь есть рай, ибо стòитъ только намъ захотѣть понять и тотчасъ же онъ настанетъ во всей красотѣ своей, обнимемся мы и заплачемъ»... Хотѣлъ я и еще продолжать, да не смогъ, духъ даже у меня захватило, сладостно, юно такъ, а въ сердцѣ такое счастье, какого и не ощущалъ никогда во всю жизнь. «Благоразумное все это и благочестиво, говоритъ мнѣ противникъ, — и во всякомъ случаѣ человѣкъ вы оригинальный». — «Смѣйтесь, смѣюсь и я ему, — а потомъ сами похвалите». — «Да я готовъ и теперь, говоритъ, похвалить, извольте, я протяну вамъ руку, потому, кажется, вы дѣйствительно искренній человѣкъ». — «Нѣтъ, говорю, сейчасъ не надо, а потомъ, когда я лучше сдѣлаюсь и уваженіе ваше заслужу, тогда протяните, — хорошо сдѣлаете». Воротились мы домой, секундантъ мой всю-то дорогу бранится, а я-то его цѣлую. Тотчасъ всѣ товарищи прослышали, собрались меня судить въ тотъ же день: «мундиръ, дескать, замаралъ, пусть

въ отставку подаетъ». Явились и защитники: «выстрѣлъ все же, говорятъ, онъ выдержалъ». — «Да, но побоялся другихъ выстрѣловъ и попросилъ на барьерѣ прощенія». — «А кабы побоялся выстрѣловъ, возражаютъ защитники, такъ изъ своего бы пистолета сначала выстрѣлилъ, прежде чѣмъ прощенія просить, а онъ въ лѣсъ его еще заряженный бросилъ, нѣтъ, тутъ что-то другое вышло, оригинальное». Слушаю я, весело мнѣ на нихъ глядя: «любезнѣйшіе мои, говорю я, друзья и товарищи, не безпокойтесь, чтобъ я въ отставку подалъ, потому что это я уже и сдѣлалъ, я уже подалъ, сегодня же въ канцеляріи, утромъ, и когда получу отставку, тогда тотчасъ же въ монастырь пойду, для того и въ отставку подаю». Какъ только я это сказалъ, расхохотались всѣ до единаго: «да ты бъ съ самаго начала увѣдомилъ, ну теперь все и объясняется, монаха судить нельзя», смѣются, не унимаются, да и не насмѣшливо вовсе, а ласково такъ смѣются, весело, полюбили меня вдругъ всѣ, даже самые ярые обвинители, и потомъ весь-то этотъ мѣсяцъ, пока отставка не вышла, точно на рукахъ меня носятъ: «ахъ ты, монахъ», говорятъ. И всякій-то мнѣ ласковое слово скажетъ, отговаривать начали, жалѣть даже: «что ты надъ собой дѣлаешь?» — «Нѣтъ, говорятъ, онъ у насъ храбрый, онъ выстрѣлъ выдержалъ и изъ своего пистолета выстрѣлить могъ, а это ему сонъ наканунѣ приснился, чтобъ онъ въ монахи пошелъ, вотъ онъ отчего». Точно то же почти произошло и въ городскомъ обществѣ. Прежде особенно-то и не примѣчали меня, а только принимали съ радушіемъ, а теперь вдругъ всѣ наперерывъ узнали и стали звать къ себѣ: сами смѣются надо мной, а меня же любятъ.

Замѣчу тутъ, что хотя о поединкѣ нашемъ всѣ вслухъ тогда говорили, но начальство это дѣло закрыло, ибо противникъ мой былъ генералу нашему близкимъ родственникомъ, а такъ какъ дѣло обошлось безъ крови, а какъ бы въ шутку, да я, наконецъ, въ отставку подалъ, то и повернули дѣйствительно въ шутку. И сталъ я тогда вслухъ и безбоязненно говорить, несмотря на ихъ смѣхъ, потому все же былъ смѣхъ не злобный, а добрый. Происходили же всѣ эти разговоры больше по вечерамъ въ дамскомъ обществѣ, женщины больше тогда полюбили меня слушать и мужчинъ заставляли. «Да какъ же это можно, чтобъ я за всѣхъ виноватъ былъ, — смѣется мнѣ всякій въ глаза, — ну развѣ я могу быть за васъ, напримѣръ, виноватъ?»—«Да гдѣ,—отвѣчаю имъ,—вамъ это и познать, когда весь міръ давно уже на другую дорогу вышелъ, и когда сущую ложь за правду считаемъ, да и отъ другихъ такой же лжи требуемъ. Вотъ я разъ въ жизни взялъ да и поступилъ искренно, и что же, сталъ для всѣхъ васъ точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все же надо мной, говорю, — смѣетесь». — «Да какъ васъ такого не любить?» смѣется мнѣ вслухъ хозяйка, а собраніе у ней было многолюдное. Вдругъ, смотрю, подымается изъ среды дамъ та самая молодая особа, изъ-за которой я тогда на поединокъ вызвалъ и которую столь недавно еще въ невѣсты себѣ прочилъ, а я и не замѣтилъ, какъ она теперь на вечеръ пріѣхала. Поднялась, подошла ко мнѣ, протянула руку: «позвольте мнѣ, говоритъ, изъяснить вамъ, что я первая не смѣюсь надъ вами, а, напротивъ, со слезами благодарю васъ и уваженіе мое къ вамъ заявляю за тогдашній поступокъ вашъ». Подо-

шелъ тутъ и мужъ ея, а затѣмъ вдругъ и всѣ ко мнѣ потянулись, чуть меня не цѣлуютъ. Радостно мнѣ такъ стало, но пуще всѣхъ замѣтилъ я вдругъ тогда одного господина, человѣка уже пожилого, тоже ко мнѣ подходившаго, котораго я хотя прежде и зналъ по имени, но никогда съ нимъ знакомъ не былъ и до сего вечера даже и слова съ нимъ не сказалъ.

г) Таинственный посѣтитель.

Былъ онъ въ городѣ нашемъ на службѣ уже давно, мѣсто занималъ видное, человѣкъ былъ уважаемый всѣми, богатый, славился благотворительностью, пожертвовалъ значительный капиталъ на богадѣльню и на сиротскій домъ и много кромѣ того дѣлалъ благодѣяній тайно, безъ огласки, что все потомъ, по смерти его, и обнаружилось. Лѣтъ былъ около пятидесяти и видъ имѣлъ почти строгій; былъ малорѣчивъ; женатъ же былъ не болѣе десяти лѣтъ, съ супругой еще молодою, отъ которой имѣлъ трехъ малолѣтнихъ еще дѣтей. Вотъ я на другой вечеръ сижу у себя дома, какъ вдругъ отворяется моя дверь и входитъ ко мнѣ этотъ самый господинъ.

А надо замѣтить, что жилъ я тогда уже не на прежней квартирѣ, а какъ только подалъ въ отставку, съѣхалъ на другую и нанялъ у одной старой женщины, вдовы чиновницы, и съ ея прислугой, ибо и переѣздъ-то мой на сію квартиру произошелъ лишь потому только, что я Аѳанасія въ тотъ же день, какъ съ поединка воротился, обратно въ роту препроводилъ, ибо стыдно было въ глаза ему глядѣть послѣ давешняго моего съ нимъ поступка, —

до того наклоненъ стыдиться неприготовленный мірской человѣкъ даже иного справедливѣйшаго своего дѣла.

«Я, — говоритъ мнѣ вошедшій ко мнѣ господинъ, — слушаю васъ уже нѣсколько дней въ разныхъ домахъ съ большимъ любопытствомъ и пожелалъ, наконецъ, познакомиться лично, чтобы поговорить съ вами еще подробнѣе. Можете вы оказать мнѣ, милостивый государь, таковую великую услугу?» — «Могу, говорю, съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ и почту за особую честь», говорю это ему, а самъ почти испугался, до того онъ меня съ перваго раза тогда поразилъ. Ибо хоть и слушали меня и любопытствовали, но никто еще съ такимъ серьезнымъ и строгимъ внутреннимъ видомъ ко мнѣ не подходилъ. А этотъ еще самъ въ квартиру ко мнѣ пришелъ. Сѣлъ онъ. «Великую, — продолжалъ онъ, — вижу въ васъ силу характера, ибо не побоялись истинѣ послужить въ такомъ дѣлѣ, въ какомъ рисковали, за свою правду, общее презрѣніе отъ всѣхъ понести». — «Вы, можетъ быть, очень меня преувеличенно хвалите», говорю я ему. «Нѣтъ, не преувеличенно, — отвѣчаетъ мнѣ, — повѣрьте, что совершить таковой поступокъ гораздо труднѣе, чѣмъ вы думаете. Я, собственно, — продолжаетъ онъ, — этимъ только и поразился и за этимъ къ вамъ и пришелъ. Опишите мнѣ, если не побрезгаете столь непристойнымъ, можетъ быть, моимъ любопытствомъ, что именно ощущали вы въ ту минуту, когда на поединкѣ рѣшились просить прощенія, если только запомните? Не сочтите вопросъ мой за легкомысліе; напротивъ, имѣю, задавая таковой вопросъ, свою тайную цѣль, которую, вѣроятно, и объясню вамъ впо-

слѣдствіи, если угодно будетъ Богу сблизить насъ еще короче».

Все время, какъ онъ говорилъ это, глядѣлъ я ему прямо въ лицо и вдругъ ощутилъ къ нему сильнѣйшую довѣренность, и кромѣ того, и необычайное и съ моей стороны любопытство, ибо почувствовалъ, что есть у него въ душѣ какая-то своя особая тайна.

— «Вы спрашиваете, что я именно ощущалъ въ ту минуту, когда у противника прощенія просилъ, — отвѣчаю я ему, — но я вамъ лучше съ самаго начала разскажу, чего другимъ еще не разсказывалъ», и разсказалъ ему все, что произошло у меня съ Аѳанасіемъ и какъ поклонился ему до земли. «Изъ сего сами можете видѣть, — заключилъ я ему, — что уже во время поединка мнѣ легче было, ибо началъ я еще дома, и разъ только на эту дорогу вступилъ, то все дальнѣйшее пошло не только не трудно, а даже радостно и весело».

Выслушавъ, онъ смотритъ такъ хорошо на меня: «все это, говоритъ, чрезвычайно какъ любопытно, я къ вамъ еще и еще приду». И сталъ съ тѣхъ поръ ко мнѣ ходить чуть не каждый вечеръ. И сдружились бы мы очень, если бъ онъ мнѣ и о себѣ говорилъ. Но о себѣ онъ не говорилъ почти ни слова, а все меня обо мнѣ же разспрашивалъ. Несмотря на то, что я очень его полюбилъ и совершенно ему довѣрился во всѣхъ моихъ чувствахъ, ибо мыслю: на что мнѣ тайны его, вижу и безъ сего, что праведенъ человѣкъ. Къ тому же еще человѣкъ столь серьезный и неравный мнѣ лѣтами, а ходитъ ко мнѣ, юношѣ, и мною не брезгаетъ. И многому я отъ него научился полезному, ибо высокаго ума былъ человѣкъ. «Что жизнь

есть рай, — говоритъ вдругъ онъ мнѣ, — объ этомъ я давно уже думаю», и вдругъ прибавилъ: «Только вѣдь объ этомъ и думаю». Смотритъ на меня и улыбается. «Я больше вашего въ этомъ, — говоритъ, — убѣжденъ, потомъ узнаете почему». Слушаю я это и думаю про себя: «это онъ навѣрно хочетъ мнѣ нѣчто открыть». «Рай, говоритъ, въ каждомъ изъ насъ затаенъ, вотъ онъ теперь и во мнѣ кроется, и, захочу, — завтра же настанетъ онъ для меня въ самомъ дѣлѣ и уже на всю мою жизнь». Гляжу: съ умиленіемъ говоритъ и таинственно на меня смотритъ, точно вопрошаетъ меня. «А о томъ, продолжаетъ, что всякій человѣкъ за всѣхъ и за вся виноватъ, помимо своихъ грѣховъ, о томъ вы совершенно правильно разсудили и умилительно, какъ вы вдругъ въ такой полнотѣ могли сію мысль обнять. И воистину вѣрно, что когда люди эту мысль поймутъ, то настанетъ для нихъ царствіе небесное уже не въ мечтѣ, а въ самомъ дѣлѣ».—«А когда,—воскликнулъ я ему тутъ съ горестью, — сіе сбудется, и сбудется ли еще когда-нибудь? Не мечта ли сіе лишь только?» — «А вотъ ужъ вы, — говоритъ, — не вѣруете, проповѣдуете и сами не вѣруете. Знайте же, что несомнѣнно сія мечта, какъ вы говорите, сбудется, тому вѣрьте, но не теперь, ибо на всякое дѣйствіе свой законъ. Дѣло это душевное, психологическое. Чтобы передѣлать міръ по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше чѣмъ не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумѣютъ безобидно раздѣлиться въ собственности своей и въ правахъ своихъ. Все будетъ для ка-

ждаго мало и все будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга. Вы спрашиваете, когда сіе сбудется. Сбудется, но сначала долженъ заключиться періодъ человѣческаго *уединенія*». — «Какого это уединенія?» спрашиваю его. — «А такого, какое теперь вездѣ царствуетъ, и особенно въ нашемъ вѣкѣ, но не заключился еще весь и не пришелъ еще срокъ ему. Ибо всякій-то теперь стремится отдѣлить свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ себѣ самомъ полноту жизни, а между тѣмъ выходитъ изо всѣхъ его усилій вмѣсто полноты жизни лишь полное самоубійство, ибо вмѣсто полноты опредѣленія существа своего впадаютъ въ совершенное уединеніе. Ибо всѣ-то въ нашъ вѣкъ раздѣлились на единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ другого отдаляется, прячется и что имѣетъ прячетъ, и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ. Копитъ уединенно богатство и думаетъ: сколь силенъ я теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ безумный, что чѣмъ болѣе копитъ, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійственное безсиліе. Ибо привыкъ надѣяться на себя одного и отъ цѣлаго отдѣлился единицей, пріучилъ свою душу не вѣрить въ людскую помощь, въ людей и въ человѣчество, и только и трепещетъ того, что пропадутъ его деньги и пріобрѣтенныя имъ права его. Повсемѣстно нынѣ умъ человѣческій начинаетъ насмѣшливо не понимать, что истинное обезпеченіе лица состоитъ не въ личномъ уединенномъ его усиліи, а въ людской общей цѣлостности. Но непремѣнно будетъ такъ, что придетъ срокъ и сему страшному уединенію, и поймутъ всѣ разомъ, какъ неестественно отдѣлились одинъ отъ другого. Таково уже будетъ

вѣяніе времени, и удивятся тому, что такъ долго сидѣли во тьмѣ, а свѣта не видѣли. Тогда и язится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси... Но до тѣхъ поръ надо все-таки знамя беречь и нѣтъ-нѣтъ, а хоть единично долженъ человѣкъ вдругъ примѣръ показать и вывести душу изъ уединенія на подвигъ братолюбиваго общенія, хотя бы даже и въ чинѣ юродиваго. Это чтобы не умирала великая мысль»...

Вотъ въ такихъ-то пламенныхъ и восторгающихъ бесѣдахъ проходили вечера наши одинъ за другимъ. Я даже и общество бросилъ и гораздо рѣже сталъ появляться въ гостяхъ, кромѣ того, что и мода на меня начала проходить. Говорю сіе не въ осужденіе, ибо продолжали меня любить и весело ко мнѣ относиться; но въ томъ, что мода дѣйствительно въ свѣтѣ царица не малая, въ этомъ все же надо сознаться. На таинственнаго же посѣтителя моего сталъ я, наконецъ, смотрѣть въ восхищеніи, ибо, кромѣ наслажденія умомъ его, началъ предчувствовать, что питаетъ онъ въ себѣ нѣкій замыселъ и готовится къ великому, можетъ быть, подвигу. Можетъ, и то ему нравилось, что я наружно не любопытствовалъ о секретѣ его, ни прямо, ни намекомъ не разспрашивалъ. Но замѣтилъ я, наконецъ, что и самъ онъ какъ бы началъ уже томиться желаніемъ открыть мнѣ нѣчто. По крайней мѣрѣ, это ужъ очень стало видно, примѣрно, мѣсяцъ спустя какъ онъ сталъ посѣщать меня. «Знаете ли вы, — спросилъ онъ меня однажды, — что въ городѣ очень о насъ обоихъ любопытствуютъ и дивятся тому, что я къ вамъ столь часто хожу; но пусть ихъ, ибо *скоро все объяснится*». Иногда вдругъ нападало на него чрезвычайное

волненіе, и почти всегда въ такихъ случаяхъ онъ вставалъ и уходилъ. Иногда же долго и какъ бы пронзительно смотритъ на меня, — думаю: «что-нибудь сейчасъ да и скажетъ», а онъ вдругъ перебьетъ и заговоритъ о чемъ-нибудь извѣстномъ и обыкновенномъ. Сталъ тоже часто жаловаться на головную боль. И вотъ однажды, совсѣмъ даже неожиданно, послѣ того, какъ онъ долго и пламенно говорилъ, вижу, что онъ вдругъ поблѣднѣлъ, лицо совсѣмъ перекосилось, самъ же на меня глядитъ какъ въ упоръ.

— Что съ вами, — говорю, — ужъ не дурно ли вамъ?—А онъ именно на головную боль жаловался.

— Я... знаете ли вы... я... человѣка убилъ.

Проговорилъ, да улыбается, а самъ бѣлый, какъ мѣлъ. Зачѣмъ это онъ улыбается, — пронзила мнѣ мысль эта вдругъ сердце прежде, чѣмъ я еще что-либо сообразилъ. Самъ я поблѣднѣлъ.

— Что вы это? — кричу ему.

— Видите ли, — отвѣчаетъ мнѣ все съ блѣдною усмѣшкой, — какъ дорого мнѣ стоило сказать первое слово. Теперь сказалъ и, кажется, сталъ на дорогу. Поѣду.

Долго я ему не вѣрилъ, да и не въ одинъ разъ повѣрилъ, а лишь послѣ того, какъ три дня ходилъ ко мнѣ и все мнѣ въ подробности разсказалъ. Считалъ его за помѣшаннаго, но кончилъ тѣмъ, что убѣдился, наконецъ, явно съ превеликою горестью и удивленіемъ. Было имъ совершено великое и страшное преступленіе, четырнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, надъ одною богатою госпожей, молодою и прекрасною собой, вдовой-помѣщицей, имѣвшею въ городѣ нашемъ для пріѣзда собственный домъ.

Почувствовавъ къ ней любовь великую, сдѣлалъ онъ ей изъясненіе въ любви и началъ склонять ее выйти за него замужъ. Но она отдала уже свое сердце другому, одному знатному не малаго чина военному, бывшему въ то время въ походѣ, и котораго ожидала она, однако, скоро къ себѣ. Предложеніе его она отвергла, а его попросила къ себѣ не ходить. Переставъ ходить, онъ, зная расположеніе ея дома, пробрался къ ней ночью изъ сада черезъ крышу, съ превеликою дерзостью, рискуя быть обнаруженнымъ. Но какъ весьма часто бываетъ, всѣ съ необыкновенною дерзостью совершаемыя преступленія чаще другихъ и удаются. Чрезъ слуховое окно войдя на чердакъ дома, онъ спустился къ ней внизъ въ жилыя комнаты по лѣсенкѣ съ чердака, зная, что дверь, бывшая въ концѣ лѣсенки, не всегда, по небрежности слугъ, запиралась на замокъ. Понадѣялся на оплошность сію и въ сей разъ, и какъ разъ засталъ. Пробравшись въ жилые покои, онъ, въ темнотѣ, прошелъ въ ея спальню, въ которой горѣла лампада. И какъ нарочно обѣ горничныя ея дѣвушки ушли потихоньку безъ спросу, по сосѣдству, на именинную пирушку, случившуюся въ той же улицѣ. Остальные же слуги и служанки спали въ людскихъ и въ кухнѣ, въ нижнемъ этажѣ. При видѣ спящей разгорѣлась въ немъ страсть, а затѣмъ схватила его сердце мстительная ревнивая злоба, и, не помня себя, какъ пьяный, подошелъ и вонзилъ ей ножъ прямо въ сердце, такъ что она и не вскрикнула. Затѣмъ съ адскимъ и съ преступнѣйшимъ расчетомъ устроилъ такъ, чтобы подумали на слугъ: не побрезгалъ взять ея кошелекъ, отворилъ ключами, которые вынулъ изъ-подъ подушки, ея комодъ и

захватилъ изъ него нѣкоторыя вещи, именно такъ, какъ бы сдѣлалъ невѣжа-слуга, то-есть цѣнныя бумаги оставилъ, а взялъ однѣ деньги, взялъ нѣсколько золотыхъ вещей покрупнѣе, а драгоцѣннѣйшими въ десять разъ, но малыми вещами пренебрегъ. Захватилъ и еще кое-что себѣ на память, но о семъ послѣ. Совершивъ сіе ужасное дѣло, вышелъ прежнимъ путемъ. Ни на другой день, когда поднялась тревога, и никогда потомъ во всю жизнь, никому и въ голову не пришло заподозрить настоящаго злодѣя! Да и о любви его къ ней никто не зналъ, ибо былъ и всегда характера молчаливаго и несообщительнаго, и друга, которому повѣрялъ бы душу свою, не имѣлъ. Считали же его просто знакомымъ убитой и даже не столь близкимъ, ибо въ послѣднія двѣ недѣли онъ и не посѣщалъ ее. Заподозрили же тотчасъ крѣпостного слугу ея Петра, и какъ разъ сошлись всѣ обстоятельства, чтобъ утвердить сіе подозрѣніе, ибо слуга этотъ зналъ, и покойница сама не скрывала, что намѣрена его въ солдаты отдать, въ зачетъ слѣдуемаго съ ея крестьянъ рекрута, такъ какъ былъ одинокъ и дурного сверхъ того поведенія. Слышали, какъ онъ въ злобѣ, пьяный, грозился въ питейномъ домѣ убить ее. За два же дня до ея кончины сбѣжалъ и проживалъ гдѣ-то въ городѣ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. На другой же день послѣ убійства нашли его на дорогѣ, при выѣздѣ изъ города, мертво-пьянаго, имѣвшаго въ карманѣ своемъ ножъ, да еще съ запачканною почему-то въ крови правою ладонью. Утверждалъ, что кровь шла изъ носу, но ему не повѣрили. Служанки же повинились, что были на пирушкѣ, и что входныя двери съ крыльца оставались незапертыми до ихъ возвра-

щенія. Да и множество сверхъ того являлось подобныхъ сему признаковъ, по которымъ неповиннаго слугу и захватили. Арестовали его и начали судъ, но какъ разъ черезъ недѣлю арестованный заболѣлъ въ горячкѣ и умеръ въ больницѣ безъ памяти. Тѣмъ дѣло и кончилось, предали волѣ Божьей, и всѣ, и судьи, и начальство, и все общество, остались убѣждены, что совершилъ преступленіе никто какъ умершій слуга. А за симъ началось наказаніе.

Таинственный гость, а теперь уже другъ мой, повѣдалъ мнѣ, что вначалѣ даже и совсѣмъ не мучился угрызеніями совѣсти. Мучился долго, но не тѣмъ, а лишь сожалѣніемъ, что убилъ любимую женщину, что ея нѣтъ уже болѣе, что, убивъ ее, убилъ любовь свою, тогда какъ огонь страсти оставался въ крови его. Но о пролитой неповинной крови, объ убійствѣ человѣка онъ почти тогда и не мыслилъ. Мысль же о томъ, что жертва его могла стать супругой другому, казалась ему невозможною, а потому долгое время убѣжденъ былъ въ совѣсти своей, что и не могъ поступить иначе. Томилъ его нѣсколько вначалѣ арестъ слуги, но скорая болѣзнь, а потомъ и смерть арестанта успокоили его, ибо умеръ тотъ, по всей очевидности (разсуждалъ онъ тогда), не отъ ареста или испуга, а отъ простудной болѣзни, пріобрѣтенной именно во дни его бѣговъ, когда онъ, мертво-пьяный, валялся цѣлую ночь на сырой землѣ. Краденыя же вещи и деньги мало смущали его, ибо (все такъ же разсуждалъ онъ) сдѣлана кража не для корысти, а для отвода подозрѣній въ другую сторону. Сумма же краденаго была незначительная и онъ въ скорости всю эту сумму, и даже гораздо бо̀льшую, по-

жертвовалъ на учредившуюся у насъ въ городѣ богадѣльню. Нарочно сдѣлалъ сіе для успокоенія совѣсти насчетъ кражи и, замѣчательно, на время и, даже долгое, дѣйствительно успокоился, — самъ передавалъ мнѣ это. Пустился онъ тогда въ большую служебную дѣятельность, самъ напросился на хлопотливое и трудное порученіе, занимавшее его года два, и, будучи характера сильнаго, почти забывалъ происшедшее; когда же вспоминалъ, то старался не думать о немъ вовсе. Пустился и въ благотворительность, много устроилъ и пожертвовалъ въ нашемъ городѣ, заявилъ себя и въ столицахъ, былъ избранъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ членомъ тамошнихъ благотворительныхъ обществъ. Но все же сталъ, наконецъ, задумываться съ мученіемъ, не въ подъемъ своимъ силамъ. Тутъ понравилась ему одна прекрасная и благоразумная дѣвица, и онъ въ скорости женился на ней, мечтая, что женитьбой прогонитъ уединенную тоску свою, а вступивъ на новую дорогу и исполняя ревностно долгъ свой относительно жены и дѣтей, удалится отъ старыхъ воспоминаній вовсе. Но какъ разъ случилось противное сему ожиданію. Еще въ первый мѣсяцъ брака стала его смущать безпрерывная мысль: «вотъ жена любитъ меня, ну что если бъ она узнала?» Когда стала беременна первымъ ребенкомъ и повѣдала ему это, онъ вдругъ смутился: «даю жизнь, а самъ отнялъ жизнь». Пошли дѣти: «какъ я смѣю любить, учить и воспитывать ихъ, какъ буду про добродѣтель имъ говорить: я кровь пролилъ». Дѣти растутъ прекрасныя, хочется ихъ ласкать: «а я не могу смотрѣть на ихъ невинные, ясные лики; недостоинъ того». Наконецъ, начала ему грозно и горько мерещиться кровь убитой жер-

твы, погубленная молодая жизнь ея, кровь, вопіющая объ отмщеніи. Сталъ онъ видѣть ужасные сны. Но будучи твердъ сердцемъ, сносилъ муку долго: «искуплю все сею тайною мукой моею». Но напрасна была и сія надежда: чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе становилось страданіе. Въ обществѣ, за благотворительную дѣятельность, стали его уважать, хотя и боялись всѣ строгаго и мрачнаго характера его, но чѣмъ болѣе стали уважать его, тѣмъ становилось ему невыносимѣе. Признавался мнѣ, что думалъ было убить себя. Но вмѣсто того начала мерещиться ему иная мечта, — мечта, которую считалъ онъ вначалѣ невозможною и безумною, но которая такъ присосалась, наконецъ, къ его сердцу, что и оторвать нельзя было. Мечталъ онъ такъ: возстать, выйти предъ народъ и объявить всѣмъ, что убилъ человѣка. Года три онъ проходилъ съ этою мечтой, мерещилась она ему все въ разныхъ видахъ. Наконецъ, увѣровалъ всѣмъ сердцемъ своимъ, что, объявивъ свое преступленіе, излѣчитъ душу свою несомнѣнно и успокоится разъ навсегда. Но, увѣровавъ, почувствовалъ въ сердцѣ ужасъ, ибо какъ исполнить? И вдругъ произошелъ этотъ случай на моемъ поединкѣ. «Глядя на васъ, я теперь рѣшился». Я смотрю на него.

— И неужели, — воскликнулъ я ему, всплеснувъ руками, — такой малый случай могъ рѣшимость такую въ васъ породить?

— Рѣшимость моя три года рождалась, — отвѣчаетъ мнѣ, — а случай вашъ далъ ей только толчокъ. Глядя на васъ, упрекнулъ себя и вамъ позавидовалъ, — проговорилъ онъ мнѣ это даже съ суровостью.

— Да вамъ и не повѣрятъ, — замѣтилъ я ему, — четырнадцать лѣтъ прошло.

— Доказательства имѣю, великія. Представлю.

И заплакалъ я тогда, облобызалъ его.

— Одно рѣшите мнѣ, одно! — сказалъ онъ мнѣ (точно отъ меня теперь все и зависѣло): — жена, дѣти! Жена умретъ, можетъ быть, съ горя, а дѣти хоть и не лишатся дворянства и имѣнія, — но дѣти варнака, и навѣкъ. А память-то, память какую въ сердцахъ ихъ по себѣ оставлю.

Молчу я.

— А разстаться-то съ ними, оставить навѣки? Вѣдь навѣкъ, навѣкъ.

Сижу я, молча про себя молитву шепчу. Всталъ я, наконецъ, страшно мнѣ стало.

— Что же? — смотритъ на меня.

— Идите, — говорю, объявите людямъ. Все минется, одна правда останется. Дѣти поймутъ, когда вырастутъ, сколько въ великой рѣшимости вашей было великодушія.

Ушелъ онъ тогда отъ меня какъ бы и впрямь рѣшившись. Но все же болѣе двухъ недѣль потомъ ко мнѣ ходилъ, каждый вечеръ, сряду, все приготовлялся, все не могъ рѣшиться. Измучилъ онъ мое сердце. То приходитъ твердъ и говоритъ съ умиленіемъ:

— Знаю, что наступитъ рай для меня, тотчасъ же и наступитъ, какъ объявлю. Четырнадцать лѣтъ былъ во адѣ. Пострадать хочу. Приму страданіе и жить начну. Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься. Теперь не только ближняго моего, но и дѣтей моихъ любить не смѣю. Господи, да вѣдь поймутъ же дѣти, можетъ быть,

чего стоило мнѣ страданіе мое, и не осудятъ меня! Господь не въ силѣ, а въ правдѣ.

— Поймутъ всѣ подвигъ вашъ, — говорю ему, — не сейчасъ, такъ потомъ поймутъ, ибо правдѣ послужили, высшей правдѣ, неземной...

И уйдетъ онъ отъ меня, какъ бы утѣшенный, а назавтра вдругъ опять приходитъ злобный, блѣдный, говоритъ насмѣшливо:

— Каждый разъ какъ вхожу къ вамъ, вы смотрите съ такимъ любопытствомъ: «опять, дескать, не объявилъ?» Подождите, не презирайте очень. Не такъ вѣдь оно легко сдѣлать, какъ вамъ кажется. Я, можетъ быть, еще и не сдѣлаю вовсе. Не пойдете же вы на меня доносить тогда, а?

А я, бывало, не только что смотрѣть съ любопытствомъ неразумнымъ, я и взглянуть-то на него боялся. Измученъ былъ я до болѣзни, и душа моя была полна слезъ. Ночной даже сонъ потерялъ.

— Я сейчасъ, — продолжаетъ, — отъ жены. Понимаете ли вы, что̀ такое жена? Дѣтки, когда я уходилъ, прокричали мнѣ: «прощайте, папа, приходите скорѣе съ нами *Дѣтское Чтеніе* читать». Нѣтъ, вы этого не понимаете! Чужая бѣда не даетъ ума.

Самъ засверкалъ глазами, губы запрыгали. Вдругъ стукнулъ о столъ кулакомъ, такъ что вещи на столѣ вспрыгнули, — такой мягкій человѣкъ, въ первый разъ съ нимъ случилось.

— Да нужно ли? — воскликнулъ, — да надо ли? Вѣдь никто осужденъ не былъ, никого въ каторгу изъ-за меня не сослали, слуга отъ болѣзни померъ. А за кровь проліянную я мученіями былъ наказанъ. Да и не повѣрятъ мнѣ вовсе, никакимъ доказательствамъ моимъ не повѣрятъ. Надо ли

объявлять, надо ли? За кровь пролитую я всю жизнь готовъ еще мучиться, только чтобы жену и дѣтей не поразить. Будетъ ли справедливо ихъ погубить съ собою? Не ошибемся ли мы? Гдѣ тутъ правда? Да и познаютъ ли правду эту люди, оцѣнятъ ли, почтутъ ли ее?

«Господи! мысли про себя, с почтенія людей думаетъ въ такую минуту!» И по того жалко мнѣ стало его тогда, что, кажись, самъ бы раздѣлить его участь, лишь бы облегчить его. Вижу, онъ какъ изступленный. Ужаснулся я, понялъ уже не умомъ однимъ, а живою душой, чего стоитъ такая рѣшимость.

— Рѣшайте же судьбу! — шепнулъ опять.

— Идите и объявите, — прошепталъ я ему. Голосу во мнѣ не хватило, но прошепталъ я твердо. Взялъ я тутъ со стола Библію русскій переводъ, и показалъ ему отъ Іоанна, глава XII, стихъ 24:

«Истинно, истинно говорю вамъ, если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода». Я этотъ стихъ только что прочитывалъ предъ его приходомъ.

Прочелъ онъ: «правда», говоритъ, но усмѣхнулся горько: «да, въ этомъ книгу, — говоритъ, помолчавъ, — узнаешь что такое возрѣшить. Подъ пестъ-то ихъ легко сонуть. И кто-то мы такіе, неужели люди?»

— Духъ Святый писалъ, — говорю.

— Болтать-то вамъ легко, — усмѣхнулся онъ еще, но уже почти непонятно. Опять я книгу опять, развернулъ на другомъ мѣстѣ и показалъ ему къ Евреямъ, глава X, стихъ 31. Прочелъ онъ:

— «Страшно впасть въ руки Бога живаго».

Прочелъ онъ, да такъ и отбросилъ книгу. Задрожалъ весь даже.

— Страшный стихъ, — говоритъ, — нечего сказать, подобрали. Всталъ со стула: — Ну, говоритъ, — прощайте, можетъ, больше и не приду... въ раю увидимся. Значитъ, четырнадцать лѣтъ, какъ уже «впалъ я въ руки Бога живаго», — вотъ какъ эти четырнадцать лѣтъ, стало быть, называются. Завтра попрошу эти руки, чтобы меня отпустили...

Хотѣлъ было я обнять и облобызать его, да не посмѣлъ, — искривленно такъ лицо у него было и смотрѣлъ тяжело. Вышелъ онъ. «Господи, подумалъ я, куда пошелъ человѣкъ!» Бросился я тутъ на колѣни предъ иконой и заплакалъ о немъ Пресвятой Богородицѣ, скорой заступницѣ и помощницѣ. Съ полчаса прошло какъ я въ слезахъ на молитвѣ стоялъ, а была уже поздняя ночь, часовъ около двѣнадцати. Вдругъ, смотрю, отворяется дверь, и онъ входитъ снова. Я изумился.

— Гдѣ же вы были? — спрашиваю его.

— Я, — говоритъ, — я, кажется, что-то забылъ... платокъ, кажется... Ну, хоть ничего не забылъ, дайте присѣсть-то...

Сѣлъ на стулъ. Я стою надъ нимъ. «Сядьте, говоритъ, и вы». Я сѣлъ. Просидѣли минуты съ двѣ, смотритъ на меня пристально и вдругъ усмѣхнулся, запомнилъ я это, затѣмъ всталъ, крѣпко обнялъ меня и поцѣловалъ...

— Попомни, — говоритъ, — какъ я къ тебѣ въ другой разъ приходилъ. Слышишь, попомни это!

Въ первый разъ мнѣ *ты* сказалъ. И ушелъ. «Завтра», подумалъ я.

Такъ оно и сбылось. И не зналъ я въ сей вечеръ, что на завтра какъ разъ приходится день рожденія его. Самъ я въ послѣдніе дни никуда не выходилъ, а потому и узнать не могъ ни отъ кого. Въ этотъ же день у него каждогодно бывало большое собраніе, съѣзжался весь городъ. Съѣхались и теперь. И вотъ, послѣ обѣденной трапезы, выходитъ онъ на средину, а въ рукахъ бумага — форменное донесеніе по начальству. А такъ какъ начальство его было тутъ же, то тутъ же и прочелъ бумагу вслухъ всѣмъ собравшимся, а въ ней полное описаніе всего преступленія во всей подробности. «Какъ изверга себя извергаю изъ среды людей, Богъ посѣтилъ меня», — заключилъ бумагу, — «пострадать хочу!» Тутъ же вынесъ и выложилъ на столъ все, чѣмъ мнилъ доказать свое преступленіе и что четырнадцать лѣтъ сохранялъ: золотыя вещи убитой, которыя похитилъ, думая отвлечь отъ себя подозрѣніе, медальонъ и крестъ ея, снятые съ шеи, — въ медальонѣ портретъ ея жениха, записную ея книжку и, наконецъ, два письма: письмо жениха ея къ ней съ извѣщеніемъ о скоромъ прибытіи, и отвѣтъ ея на сіе письмо, который начала и не дописала, оставила на столѣ, чтобы завтра отослать на почту. Оба письма захватилъ онъ съ собою, — для чего? Для чего потомъ сохранялъ четырнадцать лѣтъ вмѣсто того, чтобъ истребить, какъ улики? И вотъ что̀ же случилось: всѣ пришли въ удивленіе и въ ужасъ, и никто не захотѣлъ повѣрить, хотя всѣ выслушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, но какъ отъ больного, а нѣсколько дней спустя уже совсѣмъ рѣшено было во всѣхъ домахъ и приговорено, что несчастный человѣкъ помѣшался. Начальство и судъ не могли не дать хо-

да дѣлу, но пріостановились и они: хотя представленныя вещи и письма и заставляли размышлять, но рѣшено было и тутъ, что если сіи документы и оказались бы вѣрными, то все же окончательное обвиненіе не могло бы быть произнесено на основаніи только сихъ документовъ. Да и вещи всѣ онъ могъ имѣть отъ нея самой, какъ знакомый ея, и по довѣренности. Слышалъ я, впрочемъ, что подлинность вещей была потомъ провѣрена чрезъ многихъ знакомыхъ и родныхъ убитой, и что сомнѣній въ томъ не было. Но дѣлу сему опять не суждено было завершиться. Дней черезъ пять всѣ узнали, что страдалецъ заболѣлъ и что опасаются за жизнь его. Какою болѣзнью онъ заболѣлъ, — не могу объяснить; говорили, что разстройствомъ сердцебіенія, но извѣстно стало, что совѣтъ докторовъ, по настоянію супруги его, свидѣтельствовалъ и душевное его состояніе, и что вынесли заключеніе, что помѣшательство уже есть. Я ничего не выдалъ, хотя и бросились разспрашивать меня, но когда пожелалъ его навѣстить, то долго мнѣ возбраняли, главное, супруга его: «это вы, говоритъ мнѣ, его разстроили, онъ и прежде былъ мраченъ, а въ послѣдній годъ всѣ замѣчали въ немъ необыкновенное волненіе и странные поступки, а тутъ какъ разъ вы его погубили; это вы его зачитали, не выходилъ онъ отъ васъ цѣлый мѣсяцъ». И что же, не только супруга, но и всѣ въ городѣ накинулись на меня и меня обвинили: «Это все вы», говорятъ. Я молчу, да и радъ въ душѣ, ибо узрѣлъ несомнѣнную милость Божію къ возставшему на себя и казнившему себя. А помѣшательству его я вѣрить не могъ. Допустили, наконецъ, и меня къ нему, самъ потребовалъ того на-

стоятельно, чтобы проститься со мной. Вошелъ я, и какъ разъ увидѣлъ, что не только дни, но часы его сочтены. Былъ онъ слабъ, желтъ, руки трепещутъ, самъ задыхается, но смотритъ умиленно и радостно.

— Совершилось! — проговорилъ мнѣ, — давно жажду видѣть тебя, что̀ не приходилъ?

Я ему не объявилъ, что меня не допустили къ нему.

— Богъ сжалился надо мной и зоветъ къ себѣ. Знаю, что умираю, но радость чувствую и миръ послѣ столькихъ лѣтъ впервые. Разомъ ощутилъ въ душѣ моей рай, только лишь исполнилъ, что̀ надо было. Теперь уже смѣю любить дѣтей моихъ и лобызать ихъ. Мнѣ не вѣрятъ, и никто не повѣрилъ, ни жена, ни судьи мои; не повѣрятъ никогда и дѣти. Милость Божію вижу въ семъ къ дѣтямъ моимъ. Умру, и имя мое будетъ для нихъ незапятнано. А теперь предчувствую Бога, сердце, какъ въ раю веселится... долгъ исполнилъ...

Говорить не можетъ, задыхается, горячо мнѣ руку жметъ, пламенно глядитъ на меня. Но недолго мы бесѣдовали, супруга его безпрерывно къ намъ заглядывала. Но успѣлъ-таки шепнуть мнѣ:

— А помнишь ли, какъ я къ тебѣ тогда въ другой разъ пришелъ, въ полночь? Еще запомнить тебѣ велѣлъ? Знаешь ли, для чего я входилъ? Я вѣдь убить тебя приходилъ!

Я такъ и вздрогнулъ.

— Вышелъ я тогда отъ тебя во мракъ, бродилъ по улицамъ и боролся съ собою. И вдругъ возненавидѣлъ тебя до того, что едва сердце вынесло. «Теперь, думаю, онъ единый связалъ меня, и судья

мой, не могу уже отказаться отъ завтрашней казни моей, ибо онъ все знаетъ». И не то, чтобъ я боялся, что ты донесешь (не было и мысли о семъ), но думаю: «какъ я стану глядѣть на него, если не донесу на себя?» И хотя бы ты былъ за тридевять земель, но живъ, все равно, невыносима эта мысль, что ты живъ и все знаешь, и меня судишь. Возненавидѣлъ я тебя, будто ты всему причиной и всему виноватъ. Воротился я къ тебѣ тогда, помню, что у тебя на столѣ лежитъ кинжалъ. Я сѣлъ и тебя сѣсть просилъ, и цѣлую минуту думалъ. Если бъ я убилъ тебя, то все равно бы погибъ за это убійство, хотя бы и не объявилъ о прежнемъ преступленіи. Но о семъ я не думалъ вовсе, и думать не хотѣлъ въ ту минуту. Я только тебя ненавидѣлъ и отомстить тебѣ желалъ изо всѣхъ силъ за все. Но Господь мой поборолъ діавола въ моемъ сердцѣ. Знай, однако, что никогда ты не былъ ближе отъ смерти.

Черезъ недѣлю онъ померъ. Гробъ его до могилы провожалъ весь городъ. Протоіерей сказалъ прочувствованное слово. Оплакивали страшную болѣзнь, прекратившую дни его. Но весь городъ возсталъ на меня, когда похоронили его, и даже принимать меня перестали. Правда, нѣкоторые, вначалѣ немногіе, а потомъ все больше и больше стали вѣровать въ истину его показаній, и очень начали посѣщать меня и разспрашивать съ большимъ любопытствомъ и радостью: ибо любитъ человѣкъ паденіе праведнаго и позоръ его. Но я замолчалъ и въ скорости изъ города совсѣмъ выбылъ, а черезъ пять мѣсяцевъ удостоился Господомъ Богомъ стать на путь твердый и благолѣпный, благословляя перстъ невидимый, мнѣ столь явно сей путь указав-

шій. А многострадальнаго раба Божія Михаила памятую въ молитвахъ моихъ и до сего дня на каждый день.

III.

Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы.

д) Нѣчто объ инокѣ русскомъ и о возможномъ значеніи его.

Отцы и учители, что̀ есть инокъ? Въ просвѣщенномъ мірѣ слово сіе произносится въ наши дни у иныхъ уже съ насмѣшкой, а у нѣкоторыхъ и какъ бранное. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Правда, охъ, правда, много и въ монашествѣ тунеядцевъ, плотоугодниковъ, сластолюбцевъ и наглыхъ бродягъ. На сіе указываютъ образованные свѣтскіе люди: «вы, дескать, лѣнтяи и безполезные члены общества, живете чужимъ трудомъ, безстыдные нищіе». А между тѣмъ, сколь много въ монашествѣ смиренныхъ и кроткихъ, жаждущихъ уединенія и пламенной въ тишинѣ молитвы. На сихъ меньше указываютъ, и даже обходятъ молчаніемъ вовсе, и сколь подивились бы, если скажу, что отъ сихъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ быть, еще разъ спасеніе земли русской! Ибо воистину приготовлены въ тишинѣ «на день и часъ, и мѣсяцъ, и годъ». Образъ Христовъ хранятъ пока въ уединеніи своемъ благолѣпно и неискаженно, въ чистотѣ правды Божіей, отъ древнѣйшихъ отцовъ, апостоловъ и мучениковъ, и когда надо будетъ, явятъ его поколебавшейся правдѣ міра. Сія мысль великая. Отъ востока звѣзда сія возсіяетъ.

Такъ мыслю объ инокѣ и неужели ложно, не-

ужели подменено? Посмотрите у мірскихъ и во всѣхъ пренебрегшихся подъ нарядомъ Божіимъ міра, не искавшихся ли тоже лишь Божіи и правда Его? У нихъ наука, а въ наукѣ лишь то, что подлежитъ чувственнымъ. Міръ же духовный, высшая половина существа человѣческаго отвергнута вовсе, нагнана съ нѣкіимъ торжествомъ, даже съ ненавистью. Провозгласилъ міръ свободу, въ послѣднее время особенно, и что же видимъ въ этой свободѣ ихней: одно лишь рабство и самоубійство! Ибо міръ говоритъ: «имѣешь потребности, а потому насыщай ихъ, ибо имѣешь права такія же, какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей. Не бойся насыщать всѣ, но даже пріумножай», — вотъ нынѣшнее ученіе міра. Въ этомъ и видятъ свободу. И что же выходитъ изъ сего права на пріумноженіе потребностей? У богатыхъ *уединеніе* и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ — зависть и убійство, ибо права-то доли, а средствъ насытить потребности еще не указали. Увѣряютъ, что міръ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе единится, слагается въ братское общеніе, тѣмъ что сокращаетъ разстояніе, передаетъ по воздуху мысли. Увы, не вѣрьте такому единенію людей. Понимая свободу, какъ пріумноженіе и скорое утоленіе потребностей, искажаютъ природу свою, ибо зарождаютъ въ себѣ много безсмысленныхъ и глупыхъ желаній, привычекъ и нелѣпѣйшихъ выдумокъ. Живутъ лишь для зависти другъ къ другу, для поглощенія и чванства. Имѣть обѣды, экипажи, чины и рабовъ-прислужниковъ — считается уже такою необходимостью, для которой жертвуютъ даже жизнью, честью и человѣколюбіемъ, чтобъ утолить эту необходимость, и даже убиваютъ себя, если не мо-

гутъ утолить ее. У тѣхъ, которые не богаты, то же самое видимъ, а у бѣдныхъ неутоленіе потребностей и зависть пока заглушаются пьянствомъ. Но вскорѣ вмѣсто вина упьются и кровью, къ тому ихъ ведутъ. Спрашиваю я васъ: свободенъ ли такой человѣкъ? Я зналъ одного «борца за идею», который самъ разсказывалъ мнѣ, что, когда лишили его въ тюрьмѣ табаку, то онъ до того былъ измученъ лишеніемъ симъ, что чуть не пошелъ и не предалъ свою «идею», чтобы только дали ему табаку. А вѣдь этакой говоритъ: «за человѣчество бороться иду». Ну, куда такой пойдетъ и на что̀ онъ способенъ? На скорый поступокъ развѣ, а долго не вытерпитъ. И не дивно, что вмѣсто свободы впали въ рабство, а вмѣсто служенія братолюбію и человѣческому единенію впали, напротивъ, въ *отъединеніе* и уединеніе, какъ говорилъ мнѣ въ юности моей таинственный гость и учитель мой. А потому въ мірѣ все болѣе и болѣе угасаетъ мысль о служеніи человѣчеству, о братствѣ и цѣлостности людей и воистину встрѣчается мысль сія даже съ насмѣшкой, ибо какъ отстать отъ привычекъ своихъ, куда пойдетъ сей невольникъ, если столь привыкъ утолять безчисленныя потребности свои, которыя самъ же навыдумывалъ? Въ уединеніи онъ, и какое ему дѣло до цѣлаго. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше.

Другое дѣло путь иноческій. Надъ послушаніемъ, постомъ и молитвой даже смѣются, а, между тѣмъ, лишь въ нихъ заключается путь къ настоящей, истинной уже свободѣ: отсѣкаю отъ себя потребности лишнія и ненужныя, самолюбивую и гордую волю мою смиряю и бичую послушаніемъ, и

достигаю тѣмъ, съ помощію Божьей, свободы духа, а съ нею и веселья духовнаго! Кто же изъ нихъ способнѣе вознести великую мысль и пойти ей служить, — уединенный ли богачъ или сей *освобожденный* отъ тиранства вещей и привычекъ? Инока корятъ его уединеніемъ: «уединился ты, чтобы себя спасти въ монастырскихъ стѣнахъ, а братское служеніе человѣчеству забылъ». Но посмотримъ еще, кто болѣе братолюбію поусердствуетъ? Ибо уединеніе не у насъ, а у нихъ, но не видятъ сего. А отъ насъ и издревле дѣятели народные выходили, отчего же не можетъ ихъ быть и теперь? Тѣ же смиренные и кроткіе постники и молчальники возстанутъ и пойдутъ на великое дѣло. Отъ народа спасеніе Руси. Русскій же монастырь искони былъ съ народомъ. Если же народъ въ уединеніи, то и мы въ уединеніи. Народъ вѣритъ по-нашему, а невѣрующій дѣятель у насъ въ Россіи ничего не сдѣлаетъ, даже будь онъ искрененъ сердцемъ и умомъ геніаленъ. Это помните. Народъ встрѣтитъ атеиста и поборетъ его, и станетъ единая православная Русь. Берегите же народъ и оберегайте сердце его. Въ тишинѣ воспитайте его. Вотъ вашъ иноческій подвигъ, ибо сей народъ богоносецъ.

е) Нѣчто о господахъ и слугахъ и о томъ, возможно ли господамъ и слугамъ стать взаимно по духу братьями.

Боже, кто говоритъ, и въ народѣ грѣхъ. А пламень растлѣнія умножается даже видимо, ежечасно, сверху идетъ. Наступаетъ и въ народѣ уединеніе: начинаются кулаки и міроѣды; уже купецъ все больше и больше желаетъ почестей, стремится показать себя образованнымъ, образованія

не имѣя ни мало, а для сего гнусно пренебрегаетъ древнимъ обычаемъ и стыдится даже вѣры отцовъ. Ѣздитъ ко князьямъ, а всего-то самъ мужикъ порченый. Народъ загноился отъ пьянства и не можетъ уже отстать отъ него. А сколько жестокости къ семьѣ, къ женѣ, къ дѣтямъ даже; отъ пьянства все. Видалъ я на фабрикахъ девятилѣтнихъ даже дѣтей: хилыхъ, чахлыхъ, согбенныхъ и уже развратныхъ. Душная палата, стучащая машина, весь Божій день работы, развратныя слова и вино, вино, а то ли надо душѣ такого малаго еще дитяти? Ему надо солнце, дѣтскія игры и всюду свѣтлый примѣръ и хоть каплю любви къ нему. Да не будетъ же сего, иноки, да не будетъ истязанія дѣтей, возстаньте и проповѣдуйте сіе скорѣе, скорѣе. Но спасетъ Богъ Россію, ибо хоть и развратенъ простолюдинъ и не можетъ уже отказать себѣ во смрадномъ грѣхѣ, но все же знаетъ, что проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ, и что поступаетъ онъ худо, грѣша. Такъ что неустанно еще вѣруетъ народъ нашъ въ правду, Бога признаетъ, умилительно плачетъ. Не то у высшихъ. Тѣ во слѣдъ наукѣ хотятъ устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ, но уже безъ Христа, какъ прежде, и уже провозгласили, что нѣтъ преступленія, нѣтъ уже грѣха. Да оно и правильно по-ихнему: ибо если нѣтъ у тебя Бога, то какое же тогда преступленіе? Въ Европѣ возстаетъ народъ на богатыхъ уже силой, и народные вожаки повсемѣстно ведутъ его къ крови и учатъ, что правъ гнѣвъ его. Но «проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ». А Россію спасетъ Господь, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его. Отцы и учители, берегите вѣру народа, и не мечта

сіе: поражало меня всю жизнь въ великомъ народѣ нашемъ его достоинство благолѣпное и истинное, самъ видѣлъ, самъ свидѣтельствовать могу, видѣлъ и удивлялся, видѣлъ, несмотря даже на смрадъ грѣховъ и нищій видъ народа нашего. Не раболѣпенъ онъ, и это послѣ рабства двухъ вѣковъ. Свободенъ видомъ и обращеніемъ, но безо всякой обиды. И не мстителенъ, и не завистливъ. «Ты знатенъ, ты богатъ, ты уменъ и талантливъ, — и пусть, благослови тебя Богъ. Чту тебя, но знаю, что и я человѣкъ. Тѣмъ, что безъ зависти чту тебя, тѣмъ-то и достоинство мое являю предъ тобой человѣческое». Воистину, если не говорятъ сего (ибо не умѣютъ еще сказать сего), то такъ *поступаютъ,* самъ видѣлъ, самъ испытывалъ, и вѣрите ли: чѣмъ бѣднѣе и ниже человѣкъ нашъ русскій, тѣмъ и болѣе въ немъ сей благолѣпной правды замѣтно, ибо богатые изъ нихъ кулаки и міроѣды во множествѣ уже развращены, и много, много тутъ отъ нерадѣнія и несмотрѣнія нашего вышло! Но спасетъ Богъ людей своихъ, ибо велика Россія смиреніемъ своимъ. Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ такъ, что даже самый развращенный богачъ нашъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступитъ ему, съ радостью и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ. Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе поймутъ лишь у насъ. Были бы братья, будетъ и братство, а раньше братства никогда не раздѣлятся. Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ, какъ драгоцѣнный алмазъ всему міру . . . Бу̀ди, бу̀ди!

Отцы и учители, произошло разъ со мною умилительное дѣло. Странствуя, встрѣтилъ я однажды, въ губернскомъ городѣ К., бывшаго моего денщика Аѳанасія, а съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ нимъ, прошло уже тогда восемь лѣтъ. Нечаянно увидѣлъ меня на базарѣ, узналъ, подбѣжалъ ко мнѣ, и Боже, сколь обрадовался, такъ и кинулся ко мнѣ: «батюшка, баринъ, вы ли это? Да неужто васъ вижу?» Повелъ меня къ себѣ. Былъ уже онъ въ отставкѣ, женился, двухъ дѣтей младенцевъ уже прижилъ. Проживалъ съ супругой своею мелкимъ торгомъ на рынкѣ съ лотка. Комнатка у него бѣдная, но чистенькая, радостная. Усадилъ меня, самоваръ поставилъ, за женой послалъ, точно я праздникъ какой ему сдѣлалъ, у него появившись. Подвелъ ко мнѣ дѣтокъ: «благословите, батюшка». «Мнѣ ли благословлять, отвѣчаю ему, инокъ я простой и смиренный, Бога о нихъ помолю, а о тебѣ, Аѳанасій Павловичъ, и всегда, на всякъ день, съ того самаго дня, Бога молю, ибо съ тебя, говорю, все и вышло». И объяснилъ ему я это, какъ умѣлъ. Такъ что̀ же человѣкъ: смотритъ на меня и все не можетъ представить, что я, прежній баринъ его, офицеръ, предъ нимъ теперь въ такомъ видѣ и въ такой одеждѣ: заплакалъ даже. «Чего же ты плачешь, говорю ему, незабвенный ты человѣкъ, лучше повеселись за меня душой, милый, ибо радостенъ и свѣтелъ путь мой». Многаго не говорилъ, а все охалъ и качалъ на меня головой умиленно. «Гдѣ же ваше, спрашиваетъ, богатство?» Отвѣчаю ему: «въ монастырь отдалъ, а живемъ мы въ общежитіи». Послѣ чаю сталъ я прощаться съ ними, и вдругъ вынесъ онъ мнѣ полтину, жертву на монастырь, а другую полтину, смотрю, суетъ мнѣ въ ру-

ку, торопится: «это уже вамъ, говоритъ, странному, путешествующему, пригодится вамъ, можетъ, батюшка». Принялъ я его полтину, поклонился ему и супругѣ его и ушелъ обрадованный, и думаю дорогой: «вотъ мы теперь оба, и онъ у себя, и я идущій, охаемъ, должно быть, да усмѣхаемся радостно, въ веселіи сердца нашего, покивая головой и вспоминая, какъ Богъ привелъ встрѣтиться». И больше я ужъ съ тѣхъ поръ никогда не видалъ его. Былъ я ему господинъ, а онъ мнѣ слуга, а теперь, какъ облобызались мы съ нимъ любовно и въ духовномъ умиленіи, межъ нами великое человѣческое единеніе произошло. Думалъ я о семъ много, а теперь мыслю такъ: неужели такъ недоступно уму, что сіе великое и простодушное единеніе могло бы въ свой срокъ и повсемѣстно произойти межъ нашихъ русскихъ людей? Вѣрую, что произойдетъ, и сроки близки.

А про слугъ прибавлю слѣдующее: сердился я прежде, юношею, на слугъ много: «кухарка горячо подала, денщикъ платье не вычистилъ». Но озарила меня тогда вдругъ мысль моего милаго брата, которую слышалъ отъ него въ дѣтствѣ моемъ: «стòю ли я того и весь-то, чтобы мнѣ другой служилъ, а чтобъ я, за нищету и темноту его, имъ помыкалъ?» И подивился я тогда же, сколь самыя простыя мысли, воочію ясныя, поздно появляются въ умѣ нашемъ. Безъ слугъ невозможно въ міру, но такъ сдѣлай, чтобы былъ у тебя твой слуга свободнѣе духомъ, чѣмъ если бы былъ не слугой. И почему я не могу быть слугою слугѣ моему и такъ, чтобы онъ даже видѣлъ это, и ужъ безо всякой гордости съ моей стороны, а съ его — невѣрія? Почему не быть слугѣ моему какъ бы мнѣ роднымъ,

такъ что приму его, наконецъ, въ семью свою и возрадуюсь сему? Даже и теперь еще это такъ исполнимо, но послужитъ основаніемъ къ будущему уже великолѣпному единенію людей, когда не слугъ будетъ искать себѣ человѣкъ и не въ слугъ пожелаетъ обращать себѣ подобныхъ людей, какъ нынѣ, а, напротивъ, изо всѣхъ силъ пожелаетъ стать самъ всѣмъ слугой, по Евангелію. И неужели сіе мечта, чтобы подъ конецъ человѣкъ находилъ свои радости лишь въ подвигахъ просвѣщенія и милосердія, а не въ радостяхъ жестокихъ, какъ нынѣ, — въ объяденіи, блудѣ, чванствѣ, хвастовствѣ и завистливомъ превышеніи одного надъ другимъ? Твердо вѣрую, что нѣтъ, и что время близко. Смѣются и спрашиваютъ: когда же сіе время наступитъ и похоже ли на то, что наступитъ? Я же мыслю, что мы со Христомъ это великое дѣло рѣшимъ. И сколько же было идей на землѣ, въ исторіи человѣческой, которыя даже за десять лѣтъ немыслимы были и которыя вдругъ появлялись, когда приходилъ для нихъ таинственный срокъ ихъ, и проносились по всей землѣ? Такъ и у насъ будетъ, и возсіяетъ міру народъ нашъ и скажутъ всѣ люди: «камень, который отвергли зиждущіе, сталъ главою угла». А насмѣшниковъ вопросить бы самихъ: если у насъ мечта, то когда же вы то воздвигнете зданіе свое и устроитесь справедливо лишь умомъ своимъ, безъ Христа? Если же и утверждаютъ сами, что они-то, напротивъ, и идутъ къ единенію, то воистину вѣруютъ въ сіе лишь самые изъ нихъ простодушные, такъ что удивиться даже можно сему простодушію. Воистину у нихъ мечтательной фантазіи болѣе, чѣмъ у насъ. Мыслятъ устроиться справедливо, но, отвергнувъ

Христа, кончатъ тѣмъ, что зальютъ міръ кровью, ибо кровь зоветъ кровь, а извлекшій мечъ погибнетъ мечомъ. И если бы не обѣтованіе Христово, то такъ и истребили бы другъ друга даже до послѣднихъ двухъ человѣкъ на землѣ. Да и сіи два послѣдніе не сумѣли бы въ гордости своей удержать другъ друга, такъ что послѣдній истребилъ бы предпослѣдняго, а потомъ и себя самого. И сбылось бы, если бы не обѣтованіе Христово, что ради кроткихъ и смиренныхъ сократится дѣло сіе. Сталъ я тогда, еще въ офицерскомъ мундирѣ, послѣ поединка моего, говорить про слугъ въ обществѣ, и всѣ-то, помню, на меня дивились: «что же намъ, говорятъ, посадить слугу на диванъ да ему чай подносить?» А я тогда имъ въ отвѣтъ: «почему же и не такъ, хотя бы только иногда». Всѣ тогда засмѣялись. Вопросъ ихъ былъ легкомысленный, а отвѣтъ мой неясный, но мыслю, что была въ немъ и нѣкая правда.

ж) О молитвѣ, о любви и о соприкосновеніи мірамъ инымъ.

Юноша, не забывай молитвы. Каждый разъ въ молитвѣ твоей, если искренна, мелькнетъ новое чувство, а въ немъ и новая мысль, которую ты прежде не зналъ, и которая вновь ободритъ тебя; и поймешь, что молитва есть воспитаніе. Запомни еще: на каждый день, и когда лишь можешь, тверди про себя: «Господи, помилуй всѣхъ днесь предъ Тобою представшихъ». Ибо въ каждый часъ и каждое мгновеніе тысячи людей покидаютъ жизнь свою на сей землѣ и души ихъ становятся предъ Господомъ, — и сколь многіе изъ нихъ разстались съ землею отъединенно, никому невѣдомо, въ гру-

сти и тоскѣ, что никто-то не пожалѣетъ о нихъ и даже не знаетъ о нихъ вовсе: жили ль они или нѣтъ. И вотъ, можетъ быть, съ другого конца земли вознесется ко Господу за упокой его и твоя молитва, хотя бы ты и не зналъ его вовсе, а онъ тебя. Сколь умилительно душѣ его, ставшей въ страхѣ предъ Господомъ, почувствовать въ тотъ мигъ, что есть и за него молельщикъ, что осталось на землѣ человѣческое существо, и его любящее. Да и Богъ милостивѣе воззритъ на обоихъ васъ; ибо если уже ты столь пожалѣлъ его, то кольми паче пожалѣетъ Онъ, безконечно болѣе милосердый и любовный чѣмъ ты. И проститъ его тебя ради.

Братья, не бойтесь грѣха людей, любите человѣка и во грѣхѣ его, ибо сіе ужъ подобіе Божеской любви и есть верхъ любви на землѣ. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листикъ, каждый лучъ Божій любите! Любите животныхъ, любите растенія, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божію постигнешь въ вещахъ. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все далѣе и болѣе, на всякъ день. И полюбишь, наконецъ, весь міръ уже всецѣлою, всемірною любовью. Животныхъ любите: имъ Богъ далъ начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте ихъ, не отнимайте у нихъ радости, не противьтесь мысли Божіей. Человѣкъ, не возносись надъ животными: они безгрѣшны, а ты со своимъ величіемъ гноишь землю своимъ появленіемъ на ней и слѣдъ свой гнойный оставляешь послѣ себя, — увы, почти всякъ изъ насъ! — Дѣтокъ любите особенно, ибо они тоже безгрѣшны, яко ангелы, и живутъ для умиленія нашего, для очищенія сердецъ нашихъ и

какъ нѣкое указаніе намъ. Горе оскорбившему младенца. А меня отецъ Анѳимъ училъ дѣтокъ любить: онъ, милый и молчащій, въ странствіяхъ нашихъ, на подаянные грошики имъ пряничковъ и леденцу, бывало, купитъ и раздастъ; проходить не могъ мимо дѣтокъ безъ сотрясенія душевнаго: таковъ человѣкъ.

Предъ иною мыслью станешь въ недоумѣніи, особенно видя грѣхъ людей, и спросишь себя; «взять ли силой, али смиренною любовью?» Всегда рѣшай: «возьму смиренною любовью». Рѣшишься такъ разъ навсегда, и весь міръ покорить возможешь. Смиреніе любовное — страшная сила, изо всѣхъ сильнѣйшая, подобной которой и нѣтъ ничего. На всякъ день и часъ, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтобъ образъ твой былъ благолѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный со сквернымъ словомъ, съ гнѣвливою душой; ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя, и образъ твой, неприглядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ сего, а, можетъ быть, ты уже тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй, а все потому, что ты не уберегся предъ дитятей, потому, что любви осмотрительной, дѣятельной не воспиталъ въ себѣ. Братья, любовь учительница, но нужно умѣть ее пріобрѣсти, ибо она трудно пріобрѣтается, дорого покупается, долгою работой и черезъ долгій срокъ, ибо не на мгновеніе лишь случайное надо любить, а на весь срокъ. А случайно-то и всякъ полюбить можетъ, и злой полюбитъ. Юноша братъ мой у птичекъ прощенія просилъ: оно какъ бы и безсмысленно, а вѣдь правда, ибо все, какъ океанъ, все течетъ и соприкасается, въ

одномъ мѣстѣ тронешь, въ другомъ концѣ міра отдается. Пусть безуміе у птичекъ прощенія просить, но вѣдь и птичкамъ было бы легче, и ребенку, и всякому животному около тебя, если бы ты самъ былъ благолѣпнѣе, чѣмъ ты есть теперь, хоть на одну каплю да было бы. Все, какъ океанъ, говорю вамъ. Тогда и птичкамъ сталъ бы молиться, всецѣлою любовію мучимый, какъ бы въ восторгѣ какомъ, и молить, чтобъ и онѣ грѣхъ твой отпустили тебѣ. Восторгомъ же симъ дорожи, какъ бы ни казался онъ людямъ безсмысленнымъ.

Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы, какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться, не говорите: «силенъ грѣхъ, сильно нечестіе, сильна среда скверная, а мы одиноки и безсильны, затретъ насъ скверная среда и не дастъ совершиться благому дѣланію». Бѣгите, дѣти, сего унынія! Одно тутъ спасеніе себѣ: возьми себя и сдѣлай себя же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и вправду такъ, ибо чуть только сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ отвѣтчикомъ искренно, то тотчасъ же увидишь, что оно такъ и есть въ самомъ дѣлѣ и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся виноватъ. А скидывая свою же лѣнь и свое безсиліе на людей, кончишь тѣмъ, что гордости сатанинской пріобщишься и на Бога возропщешь. О гордости же сатанинской мыслю такъ: трудно намъ на землѣ ее и постичь, а потому сколь легко впасть въ ошибку и пріобщиться ей, да еще полагая, что нѣчто великое и прекрасное дѣлаемъ. Да и многое изъ самыхъ сильныхъ чувствъ и движеній природы нашей мы

пока на землѣ не можемъ постичь, не соблазняйся и симъ и не думай, что сіе въ чемъ-либо можетъ тебѣ служить оправданіемъ, ибо спроситъ съ тебя Судья вѣчный то, что ты могъ постичь, а не то, чего не могъ, самъ убѣдишься въ томъ, ибо тогда все узришь правильно и спорить ужъ не станешь. На землѣ же воистину мы какъ бы блуждаемъ, и не было бы драгоцѣннаго Христова образа предъ нами, то погибли бы мы и заблудились совсѣмъ, какъ родъ человѣческій предъ потопомъ. Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того даровано намъ тайное сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ, да и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ. Вотъ почему и говорятъ философы, что сущности вещей нельзя постичь на землѣ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и взрастилъ садъ Свой, и взошло все, что могло взойти, но взрощенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взрощенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее. Мыслю такъ.

з) Можно ли быть судіею себѣ подобныхъ? О вѣрѣ до конца.

Помни особенно, что не можешь ничьимъ судіею быти. Ибо не можетъ быть на землѣ судья преступника, прежде чѣмъ самъ сей судья не познаетъ, что и онъ такой же точно преступникъ, какъ и стоящій предъ нимъ, и что онъ-то за преступленіе стоящаго предъ нимъ, можетъ, прежде

всѣхъ и виноватъ. Когда же постигнетъ сіе, то возможетъ стать и судіею. Какъ ни безумно на видъ, но правда сіе. Ибо былъ бы я самъ праведенъ, можетъ, и преступника, стоящаго предо мною, не было бы. Если возможешь принять на себя преступленіе стоящаго предъ тобою и судимаго сердцемъ твоимъ преступника, то немедленно пріими и пострадай за него самъ, его же безъ укора отпусти. И даже если бъ и самый законъ поставилъ тебя его судіею, то сколь лишь возможно будетъ тебѣ, сотвори и тогда въ духѣ семъ, ибо уйдетъ и осудитъ себя самъ еще горше суда твоего. Если же отойдетъ съ цѣлованіемъ твоимъ безчувственный и смѣясь надъ тобою же, то не соблазняйся и симъ: значитъ срокъ его еще не пришелъ, но придетъ въ свое время; а не придетъ, все равно: не онъ, такъ другой за него познаетъ и пострадаетъ, и осудитъ, и обвинитъ себя самъ, и правда будетъ восполнена. Вѣрь сему, несомнѣнно вѣрь, ибо въ семъ самомъ и лежитъ все упованіе и вся вѣра святыхъ.

Дѣлай неустанно. Если вспомнишь въ нощи, отходя ко сну: «я не исполнилъ что надо было», то немедленно возстань и исполни. Если кругомъ тебя люди злобные и безчувственные и не захотятъ тебя слушать, то пади предъ ними и у нихъ прощенія проси, ибо воистину и ты въ томъ виноватъ, что не хотятъ тебя слушать. А если уже не можешь говорить съ озлобленными, то служи имъ молча и въ уничиженіи, никогда не теряя надежды. Если же всѣ оставятъ тебя и уже изгонятъ тебя силой, то, оставшись одинъ, пади на землю и цѣлуй ее, омочи ее слезами твоими, и дастъ плодъ отъ слезъ твоихъ земля, хотя бы и не видалъ и не слыхалъ тебя никто въ уединеніи твоемъ. Вѣрь

до конца, хотя бы даже и случилось такъ, что всѣ бы на землѣ совратились, а ты лишь единый вѣренъ остался: принеси и тогда жертву и восхвали Бога ты, единый оставшійся. А если васъ такихъ двое сойдутся, — то вотъ ужъ и весь міръ, міръ живой любви, обнимите другъ друга въ умиленіи и восхвалите Господа: ибо хотя и въ васъ двоихъ, но восполнилась правда Его.

Если самъ согрѣшишь и будешь скорбенъ даже до смерти о грѣхахъ твоихъ, или о грѣхѣ твоемъ внезапномъ, то возрадуйся за другого, возрадуйся за праведнаго, возрадуйся тому, что если ты согрѣшилъ, то онъ зато праведенъ и не согрѣшилъ.

Если же злодѣйство людей возмутитъ тебя негодованіемъ и скорбью уже необоримою, даже до желанія отмщенія злодѣямъ, то болѣе всего страшись сего чувства; тотчасъ же иди и ищи себѣ мукъ такъ, какъ бы самъ былъ виноватъ въ семъ злодѣйствѣ людей. Пріими сіи муки и вытерпи, и утолится сердце твое, и поймешь, что и самъ виновенъ, ибо могъ свѣтить злодѣямъ даже какъ единый безгрѣшный и не свѣтилъ. Если бы свѣтилъ, то свѣтомъ своимъ озарилъ бы и другимъ путь, и тотъ, который совершилъ злодѣйство, можетъ быть, не совершилъ бы его при свѣтѣ твоемъ. И даже если ты и свѣтилъ, но увидишь, что не спасаются люди даже и при свѣтѣ твоемъ, то пребудь твердъ и не усомнись въ силѣ свѣта небеснаго; вѣрь тому, что если теперь не спаслись, то потомъ спасутся. А не спасутся и потомъ, то сыны ихъ спасутся, ибо не умретъ свѣтъ твой, хотя бы и ты уже умеръ. Праведникъ отходитъ, а свѣтъ его остается. Спасаются же и всегда по смерти спасающаго. Не принимаетъ родъ людской

пророковъ своихъ и избиваетъ ихъ, но любятъ люди мучениковъ своихъ и чтятъ тѣхъ, коихъ замучили. Ты же для цѣлаго работаешь, для грядущаго дѣлаешь. Награды же никогда не ищи, ибо и безъ того уже велика тебѣ награда на сей землѣ: духовная радость твоя, которую лишь праведный обрѣтаетъ. Не бойся ни знатныхъ, ни сильныхъ, но будь премудръ и всегда благолѣпенъ. Знай мѣру, знай сроки, научись сему. Въ уединеніи же оставаясь, молись. Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю цѣлуй и неустанно, ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступленія сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои. Изступленія же сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій, великій, да и не многимъ дается, а избраннымъ.

и) О адѣ и адскомъ огнѣ, разсужденіе мистическое.

Отцы и учители, мыслю: «что есть адъ?» Разсуждаю такъ: «страданіе о томъ, что нельзя уже болѣе любить». Разъ, въ безконечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни пространствомъ, дана была нѣкоему духовному существу, появленіемъ его на землѣ, способность сказать себѣ: «я есмь и я люблю». Разъ, только разъ, дано было ему мгновеніе любви дѣятельной, *живой,* а для того дана была земная жизнь, а съ нею времена и сроки, и что же: отвергло сіе счастливое существо даръ безцѣнный, не оцѣнило его, не возлюбило, взглянуло насмѣшливо и осталось безчувственнымъ. Таковой, уже отшедшій съ земли, видитъ и лоно Авраамово, и бесѣдуетъ съ Авраамомъ, какъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ намъ указано, и рай

созерцаетъ, и ко Господу восходить можетъ, но именно тѣмъ-то и мучается, что ко Господу взойдетъ онъ не любившій, соприкоснется съ любившими, любовью ихъ пренебрегшій. Ибо зритъ ясно и оговоритъ себѣ уже самъ: «нынѣ уже знаніе имѣю и хоть возжаждалъ любить, но уже подвига не будетъ въ любви моей, не будетъ и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придетъ Авраамъ хоть каплею воды живой (то есть вновь даромъ земной жизни, прежней и дѣятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которою пламенѣю теперь, на землѣ ее пренебрегши; нѣтъ уже жизни и времени болѣе не будетъ! Хотя бы и жизнь свою радъ былъ отдать за другихъ, но уже нельзя, ибо прошла та жизнь, которую возможно было въ жертву любви принесть, и теперь бездна между тою жизнью и симъ бытіемъ». Говорятъ о пламени адскомъ матеріальномъ: не изслѣдую тайну сію и страшусь, но мыслю, что если бъ и былъ пламень матеріальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю такъ, въ мученіи матеріальномъ хоть на мигъ позабылась бы ими, страшнѣйшая сего, мука духовная. Да и отнять у нихъ эту муку духовную невозможно, ибо мученіе сіе не внѣшнее, а внутри ихъ. А если бъ и возможно было отнять, то, мыслью, стали бы отъ того еще горше несчастными. Ибо хоть и простили бы ихъ праведные изъ рая, созерцая муки ихъ, и призвали бы ихъ къ себѣ, любя безконечно, но тѣмъ самымъ имъ еще болѣе бы пріумножили мукъ, ибо возбудили бы въ нихъ еще сильнѣе пламень жажды отвѣтной, дѣятельной и благодарной любви, которая уже невозможна. Въ робости сердца моего мыслю, однакоже, что самое сознаніе сей невозможности

послужило бы имъ, наконецъ, и къ облегченію, ибо принявъ любовь праведныхъ съ невозможностью воздать за нее въ покорности сей и въ дѣйствіи смиренія сего, обрящутъ, наконецъ, какъ бы нѣкій образъ той дѣятельной любви, которою пренебрегали на землѣ, и какъ бы нѣкое дѣйствіе съ нею сходное . . . Сожалѣю, братья и други мои, что не умѣю сказать сего ясно. Но горе самимъ истребившимъ себя на землѣ, горе самоубійцамъ! Мыслю, что уже несчастнѣе сихъ и не можетъ быть никого. Грѣхъ, рекутъ намъ, о сихъ Бога молить, и церковь наружно ихъ какъ бы и отвергаетъ, но мыслю въ тайнѣ души моей, что можно бы и за сихъ помолиться. За любовь не осердится вѣдь Христосъ. О таковыхъ я внутренно во всю жизнь молился, исповѣдуюсь вамъ въ томъ, отцы и учители, да и нынѣ на всякъ день молюсь.

О, есть и во адѣ пребывшіе гордыми и свирѣпыми, несмотря уже на знаніе безспорное и на созерцаніе правды неотразимой; есть страшные пріобщившіеся сатанѣ и гордому духу его всецѣло. Для тѣхъ уже адъ добровольный и ненасытимый; тѣ уже доброхотные мученики. Ибо сами прокляли себя, проклявъ Бога и жизнь. Злобною гордостью своею питаются, какъ если бы голодный въ пустынѣ кровь собственную сосать изъ своего тѣла началъ. Но ненасытимы вовѣки вѣковъ и прощеніе отвергаютъ, Бога, зовущаго ихъ, проклинаютъ. Бога живаго безъ ненависти созерцать не могутъ и требуютъ, чтобы не было Бога жизни, чтобы уничтожилъ Себя Богъ и все созданіе Свое. И будутъ горѣть въ огнѣ гнѣва своего вѣчно, жаждать смерти и небытія. Но не получатъ смерти . . .

* *
*

Здѣсь оканчивается рукопись Алексѣя Ѳедоровича Карамазова. Повторяю, она неполна и отрывочна. Біографическія свѣдѣнія, напримѣръ, обнимаютъ лишь первую молодость старца. Изъ поученій же его и мнѣній сведено вмѣстѣ, какъ бы въ единое цѣлое, сказанное, очевидно, въ разные сроки и вслѣдствіе побужденій различныхъ. Все же то, что изречено было старцемъ собственно въ сіи послѣдніе часы жизни его, не опредѣлено въ точности, а дано лишь понятіе о духѣ и характерѣ и сей бесѣды, если сопоставить съ тѣмъ, что приведено въ рукописи Алексѣя Ѳедоровича изъ прежнихъ поученій. Кончина же старца произошла воистину совсѣмъ неожиданно. Ибо хотя всѣ, собравшіеся къ нему въ тотъ послѣдній вечеръ, и понимали вполнѣ, что смерть его близка, но все же нельзя было представить, что наступитъ она столь внезапно; напротивъ, друзья его, какъ уже и замѣтилъ я выше, видя его въ ту ночь столь, казалось бы, бодрымъ и словоохотливымъ, убѣждены были даже, что въ здоровьѣ его произошло замѣтное улучшеніе, хотя бы и на малое лишь время. Даже за пять минутъ до кончины, какъ съ удивленіемъ передавали потомъ, нельзя было еще ничего предвидѣть. Онъ вдругъ почувствовалъ какъ бы сильнѣйшую боль въ груди, поблѣднѣлъ и крѣпко прижалъ руку къ сердцу. Всѣ тогда встали съ мѣстъ своихъ и устремились къ нему; но онъ, хоть и страдающій, но все еще съ улыбкой взирая на нихъ, тихо опустился съ креселъ на полъ и сталъ на колѣни, затѣмъ склонился лицомъ ницъ къ землѣ, распростеръ свои руки и, какъ бы въ радостномъ восторгѣ, цѣлуя землю и молясь (какъ самъ училъ), тихо и радостно отдалъ душу Богу.

Извѣстіе о кончинѣ его немедленно пронеслось въ скитѣ и достигло монастыря. Ближайшіе къ новопреставленному и кому слѣдовало по чину стали убирать, по древнему обряду, тѣло его, а вся братія собралась въ соборную церковь. И еще до разсвѣта, какъ передавалось потомъ по слухамъ, вѣсть о новопреставленномъ достигла города. Къ утру чуть не весь городъ говорилъ о событіи, и множество гражданъ потекло въ монастырь. Но о семъ скажемъ въ слѣдующей книгѣ, а теперь лишь прибавимъ впередъ, что не прошелъ еще и день, какъ совершилось нѣчто, до того для всѣхъ неожиданное, а по впечатлѣнію, произведенному въ средѣ монастыря и въ городѣ, до того какъ бы странное, тревожное и сбивчивое, что и до сихъ поръ, послѣ столькихъ лѣтъ, сохраняется въ городѣ нашемъ самое живое воспоминаніе о томъ, столь для многихъ тревожномъ, днѣ...

Часть третья.

Книга седьмая.

Алеша.

I.

Тлетворный духъ.

Тѣло усопшаго іеросхимонаха отца Зосимы приготовили къ погребенію по установленному чину. Умершихъ монаховъ и схимниковъ, какъ извѣстно, не омываютъ. «Егда кто отъ монаховъ ко Господу отыдетъ (сказано въ Большомъ Требникѣ), то учиненный монахъ (то есть для сего назначенный) отираетъ тѣло его теплою водой, творя прежде губою (то есть греческою губкой) крестъ на челѣ скончавшагося, на персѣхъ, на рукахъ и на ногахъ и на колѣнахъ, вящше же ничто же». Все это и исполнилъ надъ усопшимъ самъ отецъ Паисій. Послѣ отиранія, одѣлъ его въ монашеское одѣяніе и обвилъ мантіею; для чего, по правилу, нѣсколько разрѣзалъ ее, чтобъ обвить крестообразно. На голову надѣлъ ему куколь съ осьмиконечнымъ крестомъ. Куколь оставленъ былъ открытымъ, ликъ же усопшаго закрыли чернымъ воздухомъ. Въ руки ему положили икону Спасителя. Въ такомъ видѣ къ утру переложили его во гробъ (уже прежде давно заготовленный). Гробъ же вознамѣрились оставить въ кельѣ (въ первой большой комнатѣ, въ той самой, въ которой покойный старецъ принималъ братію и мірскихъ) на весь день. Такъ какъ усопшій по чину былъ іеросхимонахъ, то надъ нимъ слѣдовало іеро-

монахамъ же и іеродіаконамъ читать не Псалтирь, а Евангеліе. Началъ чтеніе, сейчасъ послѣ панихиды, отецъ Іосифъ; отецъ же Паисій, самъ пожелавшій читать потомъ весь день и всю ночь, пока еще былъ очень занятъ и озабоченъ, вмѣстѣ съ отцомъ настоятелемъ скита, ибо вдругъ стало обнаруживаться, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, и въ монастырской братіи, и въ прибывавшихъ изъ монастырскихъ гостиницъ и изъ города толпами мірскихъ нѣчто необычайное, какое-то неслыханное и «неподобающее» даже волненіе и нетерпѣливое ожиданіе. И настоятель, и отецъ Паисій прилагали всѣ старанія по возможности успокоить столь суетливо волнующихся. Когда уже достаточно ободняло, то изъ города начали прибывать нѣкоторые даже такіе, кои захватили съ собою больныхъ своихъ, особенно дѣтей, — точно ждали для сего нарочно сей минуты, видимо уповая на немедленную силу исцѣленія, какая, по вѣрѣ ихъ, не могла замедлить обнаружиться. И вотъ тутъ только обнаружилось, до какой степени всѣ у насъ пріобыкли считать усопшаго старца, еще при жизни его, за несомнѣннаго и великаго святого. И между прибывающими были далеко не изъ одного лишь простонародья. Это великое ожиданіе вѣрующихъ, столь поспѣшно и обнаженно выказываемое и даже съ нетерпѣніемъ и чуть не съ требованіемъ, казалось отцу Паисію несомнѣннымъ соблазномъ, и хотя и задолго имъ предчувствованнымъ, но на самомъ дѣлѣ превысившимъ его ожиданія. Встрѣчаясь со взволнованными изъ иноковъ, отецъ Паисій сталъ даже выговаривать имъ: «таковое и столь немедленное ожиданіе чего-то великаго», говорилъ онъ, «есть легкомысліе, воз-

можное лишь между свѣтскими, намъ же неподобающее». Но его мало слушали, и отецъ Паисій съ безпокойствомъ замѣчалъ это, несмотря на то, что даже и самъ (если ужъ все вспомнить правдиво), хотя и возмущался слишкомъ нетерпѣливыми ожиданіями и находилъ въ нихъ легкомысліе и суету, но потаенно про себя, въ глубинѣ души своей, ждалъ почти того же, чего и сіи взволнованные, въ чемъ самъ себѣ не могъ не сознаться. Тѣмъ не менѣе ему особенно непріятны были иныя встрѣчи, возбуждавшія въ немъ, по нѣкоему предчувствію, большія сомнѣнія. Въ тѣснившейся въ кельѣ усопшаго толпѣ замѣтилъ онъ съ отвращеніемъ душевнымъ (за которое самъ себя тутъ же и попрекнулъ) присутствіе, напримѣръ, Ракитина, или далекаго гостя обдорскаго, инока, все еще пребывавшаго въ монастырѣ, и обоихъ ихъ отецъ Паисій вдругъ почему-то счелъ подозрительными, — хотя и не ихъ однихъ можно было замѣтить въ этомъ же смыслѣ. Инокъ обдорскій изо всѣхъ волновавшихся выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно было всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ, вездѣ прислушивался, вездѣ шептался съ какимъ-то особеннымъ таинственнымъ видомъ. Выраженіе же лица имѣлъ самое нетерпѣливое и какъ бы уже раздраженное. А что до Ракитина, то тотъ, какъ оказалось потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому порученію госпожи Хохлаковой. Сія добрая, но безхарактерная женщина, которая сама не могла быть допущена въ скитъ, чуть лишь проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ прониклась столь стремительнымъ любопытствомъ, что немедленно отрядила вмѣсто себя въ скитъ Раки-

тина, съ тѣмъ, чтобы тотъ все наблюдалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно въ каждые полчаса, о *всемъ, что произойдетъ*. Ракитина же считала она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодого человѣка — до того онъ умѣлъ со всѣми обойтись и каждому представиться сообразно съ желаніемъ того, если только усматривалъ въ семъ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный и свѣтлый, и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились около скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма, равно какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитъ, отецъ Паисій вдругъ вспомянулъ объ Алешѣ и о томъ, что давно онъ его не видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ о немъ, какъ тотчасъ же и примѣтилъ его въ самомъ отдаленномъ углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ одного древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ инока. Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и какъ бы прятался за памятникъ. Подойдя вплоть, отецъ Паисій увидѣлъ, что онъ, закрывъ обѣими ладонями лицо, хотя и безгласно, но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ рыданій. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.

— Полно, сыне милый, полно, другъ, — прочувствованно произнесъ онъ, наконецъ, — чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не знаешь, что сей день есть величайшій изъ дней *его?* Гдѣ онъ теперь, въ минуту сію, вспомни-ка лишь о томъ!

Алеша взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ слезъ, какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ же, ни слова не вымолвивъ, отвернулся и снова закрылся обѣими ладонями.

— А, пожалуй, что и такъ, — произнесъ отецъ Паисій вдумчиво, — пожалуй, и плачь, Христосъ тебѣ эти слезы послалъ. «Умилительныя слезки твои лишь отдыхъ душевный и къ веселію сердца твоего милаго послужатъ», — прибавилъ онъ уже про себя, отходя отъ Алеши и любовно о немъ думая. Отошелъ онъ, впрочемъ, поскорѣе, ибо почувствовалъ, что и самъ, пожалуй, глядя на него, заплачетъ. Время между тѣмъ шло, монастырскія службы и панихиды по усопшемъ продолжались въ порядкѣ. Отецъ Паисій снова замѣтилъ отца Іосифа у гроба и снова принялъ отъ него чтеніе Евангелія. Но еще не минуло и трехъ часовъ пополудни какъ совершилось нѣчто, о чемъ упомянулъ я еще въ концѣ прошлой книги, нѣчто, до того никѣмъ у насъ неожиданное и до того въ разрѣзъ всеобщему упованію, что, повторяю, подробная и суетная повѣсть о семъ происшествіи даже до сихъ поръ съ чрезвычайною живостью вспоминается въ нашемъ городѣ и по всей нашей окрестности. Тутъ прибавлю еще разъ отъ себя лично: мнѣ почти противно вспоминать объ этомъ суетномъ и соблазнительномъ событіи, въ сущности же самомъ пустомъ и естественномъ, и я, конечно, выпустилъ бы въ разсказѣ моемъ вовсе безъ упоминовенія, если бы не повліяло оно сильнѣйшимъ и извѣстнымъ образомъ на душу и сердце главнаго, *хотя и будущаго* героя разсказа моего, Алеши, составивъ въ душѣ его какъ бы переломъ и переворотъ, потрясшій, но и укрѣпившій его разумъ уже окончательно, на всю жизнь и къ извѣстной цѣли.

Итакъ, къ разсказу: когда еще до свѣту положили уготованное къ погребенію тѣло старца во гробъ и вынесли его въ первую, бывшую пріемную, комна-

ту, то возникъ было между находившимися у гроба вопросъ: надо ли отворить въ комнатѣ окна? Но вопросъ сей, высказанный кѣмъ-то мимоходомъ и мелькомъ, остался безъ отвѣта и почти незамѣченнымъ, — развѣ лишь замѣтили его, да и то про себя, нѣкоторые изъ присутствующихъ лишь въ томъ смыслѣ, что ожиданіе тлѣнія и тлетворнаго духа отъ тѣла такого почившаго есть сущая нелѣпость, достойная даже сожалѣнія (если не усмѣшки), относительно малой вѣры и легкомыслія изрекшаго вопросъ сей. Ибо ждали совершенно противоположнаго. И вотъ, въ скорости послѣ полудня началось нѣчто, сначала принимаемое входившими и выходившими лишь молча и про себя, и даже съ видимою боязнью каждаго сообщить кому-либо начинающуюся мысль свою, но къ тремъ часамъ пополудня обнаружившееся уже столь ясно и неопровержимо, что извѣстіе о семъ мигомъ облетѣло весь скитъ и всѣхъ богомольцевъ-посѣтителей скита, тотчасъ же проникло и въ монастырь и повергло въ удивленіе всѣхъ монастырскихъ, а, наконецъ, чрезъ самый малый срокъ, достигло и города и взволновало въ немъ всѣхъ, и вѣрующихъ, и невѣрующихъ. Невѣрующіе возрадовались, а что до вѣрующихъ, то нашлись иные изъ нихъ возрадовавшіеся даже болѣе самихъ невѣрующихъ, ибо «любятъ люди паденіе праведнаго и позоръ его», какъ изрекъ самъ покойный старецъ въ одномъ изъ поученій своихъ. Дѣло въ томъ, что отъ гроба сталъ исходить мало-по-малу, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе замѣчаемый тлетворный духъ, къ тремъ же часамъ пополудни уже слишкомъ явственно обнаружившійся и все постепенно усиливавшійся. И давно уже не бывало и

даже припомнить невозможно было изъ всей прошлой жизни монастыря нашего такого соблазна, грубо разнузданнаго, а въ другомъ какомъ случаѣ такъ даже и невозможнаго, какой обнаружился тотчасъ же вслѣдъ за симъ событіемъ между самими даже иноками. Потомъ уже, и послѣ многихъ даже лѣтъ, иные разумные иноки наши, припоминая весь тотъ день въ подробности, удивлялись и ужасались тому, какимъ это образомъ соблазнъ могъ достигнуть тогда такой степени. Ибо и прежде сего случалось, что умирали иноки весьма праведной жизни и праведность коихъ была у всѣхъ на виду, старцы богобоязненные, а между тѣмъ и отъ ихъ смиренныхъ гробовъ исходилъ духъ тлетворный, естественно, какъ и у всѣхъ мертвецовъ появившійся, но сіе не производило же соблазна, и даже малѣйшаго какого-либо волненія. Конечно, были нѣкіе и у насъ изъ древле преставившихся, воспоминаніе о коихъ сохранилось еще живо въ монастырѣ, и останки коихъ, по преданію, не обнаружили тлѣнія, что умилительно и таинственно повліяло на братію и сохранилось въ памяти ея, какъ нѣчто благолѣпное и чудесное и какъ обѣтованіе въ будущемъ еще бо̀льшей славы отъ ихъ гробницъ, если только волею Божіей придетъ тому время. Изъ таковыхъ особенно сохранялась память о дожившемъ до ста пяти лѣтъ старцѣ Іовѣ, знаменитомъ подвижникѣ, великомъ постникѣ и молчальникѣ, преставившемся уже давно, еще въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и могилу котораго съ особымъ и чрезвычайнымъ уваженіемъ показывали всѣмъ впервые прибывающимъ богомольцамъ, таинственно упоминая при семъ о нѣкіихъ великихъ надеждахъ. (Это та самая могила, на которой

отецъ Паисій засталъ утромъ сидящимъ Алешу.) Кромѣ сего древле-почившаго старца, жива была таковая же память и о преставившемся сравнительно уже недавно великомъ отцѣ іеросхимонахѣ, старцѣ Варсонофіи, — томъ самомъ, отъ котораго отецъ Зосима и принялъ старчество, и котораго, при жизни его, всѣ приходившіе въ монастырь богомольцы считали прямо за юродиваго. О сихъ обоихъ сохранилось въ преданіи, что лежали они въ гробахъ своихъ, какъ живые, и погребены были совсѣмъ нетлѣнными и что даже лики ихъ какъ бы просвѣтлѣли въ гробу. А нѣкіе такъ даже вспоминали настоятельно, что отъ тѣлесъ ихъ осязалось явственно благоуханіе. Но несмотря даже и на столь внушительныя воспоминанія сіи, все же трудно было бы объяснить ту прямую причину, по которой у гроба старца Зосимы могло произойти столь легкомысленное, нелѣпое и злобное явленіе. Что до меня лично, то полагаю, что тутъ одновременно сошлось и много другого, много разныхъ причинъ заодно повліявшихъ. Изъ таковыхъ, напримѣръ, была даже самая эта закоренѣлая вражда къ старчеству, какъ къ зловредному новшеству, глубоко таившаяся въ монастырѣ, въ умахъ еще многихъ иноковъ. А потомъ, конечно, и главное, была зависть къ святости усопшаго, столь сильно установившейся при жизни его, что и возражать какъ будто было воспрещено. Ибо хотя покойный старецъ и привлекъ къ себѣ многихъ, и не столь чудесами, сколько любовью, и воздвигъ кругомъ себя какъ бы цѣлый міръ его любящихъ, тѣмъ не менѣе, и даже тѣмъ болѣе, симъ же самымъ породилъ къ себѣ и завистниковъ, а вслѣдъ затѣмъ и ожесточенныхъ враговъ, и явныхъ, и тайныхъ, и

не только между монастырскими, но даже и между свѣтскими. Никому, напримѣръ, онъ не сдѣлалъ вреда, но вотъ: «зачѣмъ-де его считаютъ столь святымъ?» И одинъ лишь сей вопросъ, повторяясь постепенно, породилъ, наконецъ, цѣлую бездну самой ненасытимой злобы. Вотъ почему и думаю я, что многіе, заслышавъ тлетворный духъ отъ тѣла его, да еще въ такой скорости, — ибо не прошло еще и дня со смерти его, — были безмѣрно обрадованы; равно какъ изъ преданныхъ старцу и доселѣ чтившихъ его, нашлись тотчасъ же таковые, что были симъ событіемъ чуть не оскорблены и обижены лично. Постепенность же дѣла происходила слѣдующимъ образомъ.

Лишь только начало обнаруживаться тлѣніе, то уже по одному виду входившихъ въ келью усопшаго иноковъ можно было заключить, зачѣмъ они приходятъ. Войдетъ, постоитъ недолго, и выходитъ подтвердить скорѣе вѣсть другимъ, толпою ожидающимъ извнѣ. Иные изъ сихъ ожидавшихъ скорбно покивали главами, но другіе даже и скрывать уже не хотѣли своей радости, явно сіявшей въ озлобленныхъ взорахъ ихъ. И никто-то ихъ не укорялъ болѣе, никто-то добраго гласа не подымалъ, что было даже и чудно, ибо преданныхъ усопшему старцу было въ монастырѣ все же большинство: но ужъ такъ видно самъ Господь допустилъ, чтобы на сей разъ меньшинство временно одержало верхъ. Въ скорости стали являться въ келію такими же соглядатаями и свѣтскіе, болѣе изъ образованныхъ посѣтителей. Простого же народу входило мало, хотя и столпилось много его у воротъ скитскихъ. Несомнѣнно то, что именно послѣ трехъ часовъ приливъ посѣтителей свѣт-

скихъ весьма усилился, и именно вслѣдствіе соблазнительнаго извѣстія. Тѣ, кои бы, можетъ, и не прибыли въ сей день вовсе, и не располагали прибыть, теперь нарочно пріѣхали; между ними нѣкоторыя значительнаго чина особы. Впрочемъ, благочиніе наружно еще не нарушалось, и отецъ Паисій твердо и раздѣльно, съ лицомъ строгимъ, продолжалъ читать Евангеліе въ голосъ, какъ бы не замѣчая совершившагося, хоть давно уже замѣтилъ нѣчто необычайное. Но вотъ и до него стали достигать голоса, сперва весьма тихіе, но постепенно твердѣвшіе и ободрявшіеся. «Знать судъ-то Божій не то, что человѣческій!» заслышалъ вдругъ отецъ Паисій. Вымолвилъ сіе первѣе всѣхъ одинъ свѣтскій, городской чиновникъ, человѣкъ уже пожилой и, сколь извѣстно было о немъ, весьма набожный, но, вымолвивъ вслухъ, повторилъ лишь то, что давно промежь себя повторяли иноки другъ другу на ухо. Тѣ давно уже вымолвили сіе безнадежное слово, и хуже всего было то, что съ каждою почти минутой обнаруживалось и возростало при этомъ словѣ нѣкое торжество. Вскорѣ, однако, и самое даже благочиніе начало нарушаться, и вотъ точно всѣ почувствовали себя въ какомъ-то даже правѣ его нарушать. «И почему бы *сіе* могло случиться», говорили нѣкоторые изъ иноковъ, сначала какъ бы и сожалѣя, «тѣло имѣлъ не великое, сухое, къ костямъ присохшее, откуда бы тутъ духу быть?» «Значитъ, нарочно хотѣлъ Богъ указать», поспѣшно прибавляли другіе, и мнѣніе ихъ принималось безспорно и тотчасъ же, ибо опять-таки указывали, что если бъ и быть духу естественно, какъ отъ всякаго усопшаго грѣшнаго, то все же изошелъ бы позднѣе, не съ такою столь явною по-

спѣшностью, по крайности, чрезъ сутки бы, а «этотъ естество предупредилъ», стало быть, тутъ никто какъ Богъ и нарочитый перстъ Его. Указать хотѣлъ. Сужденіе сіе поражало неотразимо. Кроткій отецъ іеромонахъ Іосифъ, библіотекарь, любимецъ покойнаго, сталъ было возражать нѣкоторымъ изъ злословниковъ, что «не вездѣ вѣдь это и такъ» и что не догматъ же какой въ православіи сія необходимость нетлѣнія тѣлесъ праведниковъ, а лишь мнѣніе, и что въ самыхъ даже православныхъ странахъ, на Аѳонѣ, напримѣръ, духомъ тлетворнымъ не столь смущаются, и не нетлѣніе тѣлесное считается тамъ главнымъ признакомъ православія спасенныхъ, а цвѣтъ костей ихъ, когда тѣлеса ихъ полежатъ уже многіе годы въ землѣ и даже истлѣютъ въ ней, и «если обрящутся кости желты, какъ воскъ, то вотъ и главнѣйшій знакъ, что прославилъ Господь усопшаго праведнаго; если же не желты, а черны обрящутся, то значитъ не удостоилъ такого Господь славы, — вотъ какъ на Аѳонѣ, мѣстѣ великомъ, гдѣ издревле нерушимо и въ свѣтлѣйшей чистотѣ сохраняется православіе», заключилъ отецъ Іосифъ. Но рѣчи смиреннаго отца пронеслись безъ внушенія и даже вызвали отпоръ насмѣшливый: «это все ученость и новшества, нечего и слушать», — порѣшили про себя иноки. «У насъ по-старому; мало ли новшествъ теперь выходитъ, всѣмъ и подражать?» «У насъ не менѣе ихняго святыхъ отцовъ было. Они тамъ подъ туркой сидятъ и все перезабыли. У нихъ и православіе давно замутилось, да и колоколовъ у нихъ нѣтъ», присоединяли самые насмѣшливые. Отецъ Іосифъ отошелъ съ горестью, тѣмъ болѣе, что и самъ-то высказалъ свое мнѣніе не

весьма твердо, а какъ бы и самъ ему мало вѣруя. Но со смущеніемъ провидѣлъ, что начинается нѣчто очень неблаговидное и что возвышаетъ главу даже самое непослушаніе. Мало-по-малу, вслѣдъ за отцомъ Іосифомъ, затихли и всѣ голоса разсудительные. И какъ-то такъ сошлось, что всѣ любившіе покойнаго старца и съ умиленнымъ послушаніемъ принимавшіе установленіе старчества страшно чего-то вдругъ испугались и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, робко лишь заглядывали одинъ другому въ лицо. Враги же старчества, яко новшества, гордо подняли голову. «Отъ покойнаго старца Варсонофія не только духу не было, но точилось благоуханіе», злорадно напоминали они, «но не старчествомъ заслужилъ, а тѣмъ, что и самъ праведенъ былъ». А вслѣдъ за симъ на новопреставившагося старца посыпались уже осужденія и самыя даже обвиненія: «несправедливо училъ; училъ, что жизнь есть великая радость, а не смиреніе слезное», говорили одни, изъ наиболѣе безтолковыхъ. «Помодному вѣровалъ, огня матеріальнаго во адѣ не признавалъ», присоединяли другіе еще тѣхъ безтолковѣе. «Къ посту былъ не строгъ, сладости себѣ разрѣшалъ, варенье вишневое ѣлъ съ чаемъ, очень любилъ, барыни ему присылали. Схимнику ли чаи распивать?» слышалось отъ иныхъ завиствующихъ. «Возгордясь сидѣлъ,—съ жестокостью припоминали самые злорадные, — за святого себя почиталъ, на колѣнки передъ нимъ повергались, яко должное ему принималъ». «Таинствомъ исповѣди злоупотреблялъ», злобнымъ шепотомъ прибавляли самые ярые противники старчества, и это даже изъ самыхъ старѣйшихъ и суровыхъ въ богомольи своемъ иноковъ, истинныхъ постниковъ и молчальни-

ковъ, замолчавшихъ при жизни усопшаго, но вдругъ теперь отверзшихъ уста свои, что было уже ужасно, ибо сильно вліяли словеса ихъ на молодыхъ и еще не установившихся иноковъ. Весьма выслушивалъ все сіе и обдорскій гость, монашекъ отъ святого Сильвестра, глубоко воздыхая и покивая главою: «нѣтъ, видно отецъ-то Ѳерапонтъ справедливо вчера судилъ», подумывалъ онъ про себя, а тутъ какъ разъ и показался отецъ Ѳерапонтъ; какъ бы именно чтобъ усугубить потрясеніе вышелъ.

Упомянулъ уже я прежде, что выходилъ онъ изъ своей деревянной келійки на пасѣкѣ рѣдко, даже въ церковь подолгу не являлся и что попущали ему это якобы юродивому, не связывая его правиломъ общимъ для всѣхъ. Но если сказать по всей правдѣ, то попущалось ему все сіе даже и по нѣкоторой необходимости. Ибо столь великаго постника и молчальника, дни и ночи молящагося (даже и засыпалъ, на колѣнкахъ стоя), какъ-то даже и зазорно было настоятельно обременять общимъ уставомъ, если онъ самъ не хотѣлъ подчиниться. «Онъ и всѣхъ-то насъ святѣе и исполняетъ труднѣйшее чѣмъ по уставу», сказали бы тогда иноки, «а что въ церковь не ходитъ, то, значитъ, самъ знаетъ, когда ему ходить, у него свой уставъ». Ради сего-то вѣроятнаго ропота и соблазна и оставляли отца Ѳерапонта въ покоѣ. Старца Зосиму, какъ уже и всѣмъ извѣстно было сіе, не любилъ отецъ Ѳерапонтъ чрезвычайно; и вотъ и къ нему въ его келійку донеслась вдругъ вѣсть о томъ, что «судъ-то Божій, значитъ, не тотъ, что у человѣковъ, и что естество даже предупредилъ». Надо полагать, что изъ первыхъ сбѣ-

галъ ему передать извѣстіе обдорскій гость, вчера посѣщавшій его и во ужасѣ отъ него вчера отшедшій. Упомянулъ я тоже, что отецъ Паисій, твердо и незыблемо стоявшій и читавшій надъ гробомъ, хотя и не могъ слышать и видѣть, что происходило внѣ кельи, но въ сердцѣ своемъ все главное безошибочно предугадалъ, ибо зналъ среду свою насквозь. Смущенъ же не былъ, а ожидалъ всего, что еще могло произойти, безъ страха, пронзающимъ взглядомъ слѣдя за будущимъ исходомъ волненія, уже представлявшимся умственному взору его. Какъ вдругъ необычайный и уже явно нарушавшій благочиніе шумъ въ сѣняхъ поразилъ слухъ его. Дверь отворилась настежь, и на порогѣ показался отецъ Ѳерапонтъ. За нимъ, какъ примѣчалось, и даже ясно было видно изъ кельи, столпилось внизу у крылечка много монаховъ, сопровождавшихъ его, а между ними и свѣтскихъ. Сопровождавшіе, однако, не вошли и на крылечко не поднялись, но, остановясь, ждали, что скажетъ и сдѣлаетъ отецъ Ѳерапонтъ далѣе, ибо предчувствовали они, и даже съ нѣкоторымъ страхомъ, несмотря на все дерзновеніе свое, что пришелъ онъ не даромъ. Остановясь на порогѣ, отецъ Ѳерапонтъ воздѣлъ руки, и изъ-подъ правой руки его выглянули острые и любопытные глазки обдорскаго гостя, единаго не утерпѣвшаго и взбѣжавшаго во слѣдъ отцу Ѳерапонту по лѣсенкѣ изъ-за превеликаго своего любопытства. Прочіе же кромѣ него, только что съ шумомъ отворилась настежь дверь, напротивъ, потѣснились еще болѣе назадъ отъ внезапнаго страха. Поднявъ руки горѣ, отецъ Ѳерапонтъ вдругъ завопилъ:

— Извергая извергну! — и тотчасъ же началъ,

обращаясь во всѣ четыре стороны попеременно, крестить стѣны и всѣ четыре угла кельи рукой. Это дѣйствіе отца Ѳерапонта тотчасъ же поняли сопровождавшіе его; ибо знали, что и всегда такъ дѣлалъ, куда ни входилъ, и что и не сядетъ и слова не скажетъ, прежде чѣмъ не изгонитъ нечистую силу.

— Сатана изыди, сатана изыди, — повторялъ онъ съ каждымъ крестомъ. — Извергая извергну! — возопилъ онъ опять. Былъ онъ въ своей грубой рясѣ, подпоясанной вервіемъ. Изъ-подъ посконной рубахи выглядывала обнаженная грудь его, обросшая сѣдыми волосами. Ноги же совсѣмъ были босы. Какъ только сталъ онъ махать руками, стали сотрясаться и звенѣть жестокія вериги, которыя носилъ онъ подъ рясой. Отецъ Паисій прервалъ чтеніе, выступилъ впередъ и сталъ предъ нимъ въ ожиданіи.

— Почто пришелъ, честный отче? Почто благочиніе нарушаешь? Почто стадо смиренное возмущаешь? — проговорилъ онъ, наконецъ, строго смотря на него.

— Чесо ради пришелъ еси? Чесо просиши? Како вѣруеши? — прокричалъ отецъ Ѳерапонтъ, юродствуя, — притекъ здѣшнихъ вашихъ гостей изгонять, чертей поганыхъ. Смотрю, много ль ихъ безъ меня накопили. Вѣникомъ ихъ березовымъ выметать хочу.

— Нечистаго изгоняешь, а, можетъ быть, самъ ему же и служишь, — безбоязненно продолжалъ отецъ Паисій, — и кто про себя сказать можетъ: «святъ есть»? Не ты ли, отче?

— Поганъ есмь, а не святъ. Въ кресла не сяду и не восхощу себѣ, аки идолу, поклоненія! — загре-

мѣлъ отецъ Ѳерапонтъ. — Нынѣ людіе вѣру святую губятъ. Покойникъ, святой-то вашъ, — обернулся онъ къ толпѣ, указывая перстомъ на гробъ, — чертей отвергалъ. Пурганцу отъ чертей давалъ. Вотъ они и развелись у васъ, какъ пауки по угламъ. А днесь и самъ провонялъ. Въ семъ указаніе Господне великое видимъ.

А это и дѣйствительно однажды такъ случилось при жизни отца Зосимы. Единому отъ иноковъ стала сниться, а подъ конецъ и наяву представляться нечистая сила. Когда же онъ, въ величайшемъ страхѣ, открылъ сіе старцу, тотъ посовѣтовалъ ему непрерывную молитву и усиленный постъ. Но когда и это не помогло, посовѣтовалъ, не оставляя поста и молитвы, принять одного лѣкарства. О семъ многіе тогда соблазнялись и говорили межъ Ѳерапонтъ, которому тотчасъ же тогда поспѣшили передать нѣкоторые хулители о семъ «необычайномъ» въ такомъ особливомъ случаѣ распоряженіи старца.

— Изыди, отче! — повелительно произнесъ отецъ Паисій, — не человѣки судятъ, а Богъ. Можетъ, здѣсь «указаніе» видимъ такое, коего не въ силахъ понять ни ты, ни я и никто. Изыди, отче, и стадо не возмущай! — повторилъ онъ настойчиво.

— Постовъ не содержалъ по чину схимы своей, потому и указаніе вышло. Сіе ясно есть, а скрывать грѣхъ! — не унимался расходившійся во рвеніи своемъ не по разуму изувѣръ. — Канфетою прельщался, барыни ему въ карманахъ привозили, чаемъ сладобился, чреву жертвовалъ, сладостями его наполняя, а умъ помышленіемъ надменнымъ . . . Посему и срамъ потерпѣлъ . . .

— Легкомысленны словеса твои, отче! — возвысилъ голосъ и отецъ Паисій, — посту и подвижничеству твоему удивляюсь, но легкомысленны словеса твои, якобы изрекъ юноша въ міру, непостоянный и малодушный. Изыди же, отче, повелѣваю тебѣ, — прогремѣлъ въ заключеніе отецъ Паисій.

— Я-то изыду! — проговорилъ отецъ Ѳерапонтъ, какъ бы нѣсколько смутившись, но не покидая озлобленія своего, — ученые вы! Отъ большого разума вознеслись надъ моимъ ничтожествомъ. Притекъ я сюда малограмотенъ, а здѣсь, что и зналъ, забылъ, самъ Господь Богъ отъ премудрости вашей меня, маленькаго, защитилъ...

Отецъ Паисій стоялъ надъ нимъ и ждалъ съ твердостью. Отецъ Ѳерапонтъ помолчалъ и вдругъ, пригорюнившись и приложивъ правую ладонь къ щекѣ, произнесъ нараспѣвъ, взирая на гробъ усопшаго старца:

— Надъ нимъ заутра «Помощника и Покровителя» станутъ пѣть — канонъ преславный, а надо мною, когда подохну, всего-то лишь «Кая житейская сладость» — стихирчикъ малый [1], — проговорилъ онъ слезно и сожалительно. — Возгордились и вознеслись, пусто мѣсто сіе! — завопилъ онъ вдругъ, какъ безумный и, махнувъ рукой, быстро повернулся и быстро сошелъ по ступенькамъ съ крылечка внизъ. Ожидавшая внизу толпа заколебалась; иные пошли за нимъ тотчасъ же, но иные замедлили, ибо келья все еще была отперта, а отецъ Паисій, выйдя вслѣдъ за отцомъ Ѳерапон-

---

[1] При выносѣ тѣла (изъ келіи въ церковь и, послѣ отпѣванія, изъ церкви на кладбище) монаха и схимонаха поются стихиры: „Кая житейская сладость“... Если же почившій былъ іеросхимонахомъ, то поютъ канонъ: „Помощникъ и Покровитель“...

томъ на крылечко, стоя наблюдалъ. Но расходившійся старикъ еще не окончилъ всего: отойдя шаговъ на двадцать, онъ вдругъ обратился въ сторону заходящаго солнца, воздѣлъ надъ собою обѣ руки и, какъ бы кто подкосилъ его, — рухнулся на землю съ превеликимъ крикомъ:

— Мой Господь побѣдилъ! Христосъ побѣдилъ заходящу солнцу! — неистово прокричалъ онъ, воздѣвая къ солнцу руки, и павши лицомъ ницъ на землю, зарыдалъ въ голосъ, какъ малое дитя, весь сотрясаясь отъ слезъ своихъ и распростирая по землѣ руки. Тутъ ужъ всѣ бросились къ нему, раздались восклицанія, отвѣтное рыданіе... Изступленіе какое-то всѣхъ обуяло.

— Вотъ кто святъ! Вотъ кто праведенъ! — раздавались возгласы уже не боязненно, — вотъ кому въ старцахъ сидѣть, — прибавляли другіе уже озлобленно.

— Не сядетъ онъ въ старцахъ... Самъ отвергнетъ... не послужитъ проклятому новшеству... не станетъ ихнимъ дурачествамъ подражать, — тотчасъ подхватили другіе голоса, и до чего бы это дошло, трудно и представить себѣ, но какъ разъ ударилъ въ ту минуту колоколъ, призывая къ службѣ. Всѣ вдругъ стали креститься. Поднялся и отецъ Ѳерапонтъ и, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, пошелъ къ своей кельѣ не оглядываясь, все еще продолжая восклицать, но уже нѣчто совсѣмъ несвязное. За нимъ потекли было нѣкоторые, въ маломъ числѣ, но большинство стало расходиться, поспѣшая къ службѣ. Отецъ Паисій передалъ чтеніе отцу Іосифу и сошелъ внизъ. Изступленными кликами изувѣровъ онъ поколебаться не могъ, но сердце его вдругъ загру-

стило и затосковало о чемъ-то особливо, и онъ почувствовалъ это. Онъ остановился и вдругъ спросилъ себя: «отчего сія грусть моя даже до упадка духа?» и съ удивленіемъ постигъ тотчасъ же, что сія внезапная грусть его происходитъ, повидимому, отъ самой малой и особливой причины: дѣло въ томъ, что въ толпѣ, тѣснившейся сейчасъ у входа въ келью, запримѣтилъ онъ между прочими волнующимися и Алешу, и вспомнилъ онъ, что, увидавъ его, тотчасъ же почувствовалъ тогда въ сердцѣ своемъ какъ бы нѣкую боль. «Да неужто же сей младый столь много значитъ нынѣ въ сердцѣ моемъ?» вдругъ съ удивленіемъ вопросилъ онъ себя. Въ эту минуту Алеша какъ разъ проходилъ мимо него, какъ бы поспѣшая куда-то, но не въ сторону храма. Взоры ихъ встрѣтились. Алеша быстро отвелъ свои глаза и опустилъ ихъ въ землю, и уже по одному виду юноши отецъ Паисій догадался, какая въ минуту сію происходитъ въ немъ сильная перемѣна.

— Или и ты соблазнился? — воскликнулъ вдругъ отецъ Паисій, — да неужто же и ты съ маловѣрными! — прибавилъ онъ горестно.

Алеша остановился и какъ-то неопредѣленно взглянулъ на отца Паисія, но снова быстро отвелъ глаза и снова опустилъ ихъ къ землѣ. Стоялъ же бокомъ и не повернулся лицомъ къ вопрошавшему. Отецъ Паисій наблюдалъ внимательно.

— Куда же поспѣшаешь? Къ службѣ благовѣстятъ, — вопросилъ онъ вновь, но Алеша опять отвѣта не далъ.

— Али изъ скита уходишь? Какъ же не спросясь-то, не благословясь?

Алеша вдругъ криво усмѣхнулся, странно,

очень странно вскинулъ на вопрошавшаго отца свои очи, на того, кому ввѣрилъ его, умирая, бывшій руководитель его, бывшій владыка сердца и ума его, возлюбленный старецъ его, и вдругъ, все попрежнему, безъ отвѣта, махнулъ рукой, какъ бы не заботясь даже и о почтительности, и быстрыми шагами пошелъ къ выходнымъ вратамъ вонъ изъ скита.

— Возвратишься еще! — прошепталъ отецъ Паисій, смотря во слѣдъ ему съ горестнымъ удивленіемъ.

II.

Такая минутка.

Отецъ Паисій, конечно, не ошибся, рѣшивъ, что его «милый мальчикъ» снова воротится, и даже, можетъ быть (хотя и не вполнѣ, но все же прозорливо), проникъ въ истинный смыслъ душевнаго настроенія Алеши. Тѣмъ не менѣе, признаюсь откровенно, что самому мнѣ очень было бы трудно теперь передать ясно точный смыслъ этой странной и неопредѣленной минуты въ жизни столь излюбленнаго мною и столь еще юнаго героя моего разсказа. На горестный вопросъ отца Паисія, устремленный къ Алешѣ: «или и ты съ маловѣрными?» — я, конечно, могъ бы съ твердостью отвѣтить за Алешу: «нѣтъ, онъ не съ маловѣрными». Мало того, тутъ было даже совсѣмъ противоположное: все смущеніе его произошло именно отъ того, что онъ много вѣровалъ. Но смущеніе все же было, все же произошло и было столь мучительно, что даже и потомъ, уже долго спустя, Алеша считалъ этотъ горестный день однимъ изъ самыхъ

тягостныхъ и роковыхъ дней своей жизни. Если же спросятъ прямо: «неужели же вся эта тоска и такая тревога могли въ немъ произойти лишь потому, что тѣло его старца вмѣсто того, чтобы немедленно начать производить исцѣленія, подверглось, напротивъ того, раннему тлѣнію», -- то отвѣчу на это не обинуясь: «да, дѣйствительно было такъ». Попросилъ бы только читателя не спѣшить еще слишкомъ смѣяться надъ чистымъ сердцемъ моего юноши. Самъ же я не только не намѣренъ просить за него прощенія, или извинять и оправдывать простодушную его вѣру его юнымъ возрастомъ, напримѣръ, или малыми успѣхами въ пройденныхъ имъ прежде наукахъ и пр., и пр., но сдѣлаю даже напротивъ и твердо заявлю, что чувствую искреннее уваженіе къ природѣ сердца его. Безъ сомнѣнія, иной юноша, принимающій впечатлѣнія сердечныя осторожно, уже умѣющій любить не горячо, а лишь тепло, съ умомъ хотя и вѣрнымъ, но слишкомъ ужъ, судя по возрасту, разсудительнымъ (а потому дешевымъ), такой юноша, говорю я, избѣгъ бы того, что случилось съ моимъ юношей, но въ иныхъ случаяхъ, право, почтеннѣе поддаться иному увлеченію, хотя бы и неразумному, но все же отъ великой любви происшедшему, чѣмъ вовсе не поддаться ему. А въ юности тѣмъ паче, ибо неблагонадеженъ слишкомъ ужъ постоянно разсудительный юноша и дешева цѣна ему -- вотъ мое мнѣніе! «Но, — воскликнутъ тутъ, пожалуй, разумные люди, — нельзя же всякому юношѣ вѣровать въ такой предразсудокъ и вашъ юноша не указъ остальнымъ». На это я отвѣчу опять-таки: да, мой юноша вѣровалъ, вѣровалъ свято и нерушимо, но я все-таки не прошу за него прощенія.

Видите ли: хоть я и заявилъ выше (и, можетъ быть, слишкомъ поспѣшно), что объясняться, извиняться и оправдывать героя моего не стану, но вижу, что нѣчто все же необходимо уяснить для дальнѣйшаго пониманія разсказа. Вотъ что скажу: тутъ не то чтобы чудеса. Не легкомысленное въ своемъ нетерпѣніи было тутъ ожиданіе чудесъ. И не для торжества убѣжденій какихъ-либо понадобились тогда чудеса Алешѣ (это-то уже вовсе нѣтъ), не для идеи какой-либо прежней, предвзятой, которая бы восторжествовала поскорѣй надъ другою, — о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: тутъ во всемъ этомъ и прежде всего, на первомъ мѣстѣ, стояло предъ нимъ лицо, и только лицо — лицо возлюбленнаго старца его, лицо того праведника, котораго онъ до такого обожанія чтилъ. То-то и есть, что вся любовь, таившаяся въ молодомъ и чистомъ сердцѣ его ко «всѣмъ и вся», въ то время во весь предшествовавшій тому годъ, какъ бы вся временами сосредоточивалась, и, можетъ быть, даже неправильно, лишь на одномъ существѣ преимущественно, по крайней мѣрѣ, въ сильнѣйшихъ порывахъ сердца его, — на возлюбленномъ старцѣ его, теперь почившемъ. Правда, это существо столь долго стояло предъ нимъ, какъ идеалъ безспорный, что всѣ юныя силы его и все стремленіе ихъ и не могли уже не направиться къ этому идеалу исключительно, а минутами такъ даже и до забвенія «всѣхъ и вся». (Онъ вспоминалъ потомъ самъ, что въ тяжелый день этотъ забылъ совсѣмъ о братѣ Дмитріи, о которомъ такъ заботился и тосковалъ наканунѣ; забылъ тоже снести отцу Илюшечки двѣсти рублей, что съ такимъ жаромъ намѣревался исполнить тоже наканунѣ.) Но не

чудесъ опять-таки ему нужно было, а лишь «высшей справедливости», которая была, по вѣрованію его, нарушена и чѣмъ такъ жестоко и внезапно было поранено сердце его. И что въ томъ, что «справедливость» эта, въ ожиданіяхъ Алеши, самимъ ходомъ дѣла, приняла форму чудесъ, немедленно ожидаемыхъ отъ праха обожаемаго имъ бывшаго руководителя его? Но вѣдь такъ мыслили и ожидали и всѣ въ монастырѣ, тѣ даже, предъ умомъ которыхъ преклонялся Алеша, самъ отецъ Паисій, напримѣръ, и вотъ Алеша, не тревожа себя никакими сомнѣніями, облекъ и свои мечты въ ту же форму, въ какую и всѣ облекли. Да и давно это уже такъ устроилось въ сердцѣ его, цѣлымъ годомъ монастырской жизни его, и сердце его взяло уже привычку такъ ожидать. Но справедливости жаждалъ, справедливости, а не токмо лишь чудесъ! И вотъ тотъ, который долженъ бы былъ, по упованіямъ его, быть вознесенъ превыше всѣхъ въ цѣломъ мірѣ, — тотъ самый, вмѣсто славы, ему подобавшей, вдругъ низверженъ и опозоренъ! За что? Кто судилъ? Кто могъ такъ разсудить — вотъ вопросы, которые тотчасъ же измучили неопытное и дѣвственное сердце его. Не могъ онъ вынести безъ оскорбленія, безъ озлобленія даже сердечнаго, что праведнѣйшій изъ праведныхъ преданъ на такое насмѣшливое и злобное глумленіе столь легкомысленной и столь ниже его стоявшей толпѣ. Ну, и пусть бы не было чудесъ вовсе, пусть бы ничего не объявилось чуднаго и не оправдалось немедленно ожидаемое, — но зачѣмъ же объявилось безславіе, зачѣмъ попустился позоръ, зачѣмъ это поспѣшное тлѣніе, «предупредившее естество», какъ говорили злобные монахи? Зачѣмъ это

«указаніе», которое они съ такимъ торжествомъ выводятъ теперь вмѣстѣ съ отцомъ Ѳерапонтомъ, и зачѣмъ они вѣрятъ, что получили даже право такъ выводить? Гдѣ же Провидѣніе и перстъ Его? Къ чему сокрыло Оно Свой перстъ «въ самую нужную минуту» (думалъ Алеша) и какъ бы само захотѣло подчинить себя слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественнымъ?

Вотъ отчего точилось кровью сердце Алеши, и ужъ, конечно, какъ я сказалъ уже, прежде всего тутъ стояло лицо, возлюбленное имъ болѣе всего въ мірѣ и оно же «опозоренное», оно же и «обезславленное!» Пусть этотъ ропотъ юноши моего былъ легкомысленъ и безразсуденъ, но опять-таки, въ третій разъ повторяю (и согласенъ впередъ, что, можетъ быть, тоже съ легкомысліемъ): я радъ, что мой юноша оказался не столь разсудительнымъ въ такую минуту, ибо разсудку всегда придетъ время у человѣка неглупаго, а если ужъ и въ такую исключительную минуту не окажется любви въ сердцѣ юноши, то когда же придетъ она? Не захочу, однакоже, умолчать при семъ случаѣ и о нѣкоторомъ странномъ явленіи, хотя и мгновенно, но все же обнаружившемся въ эту роковую и сбивчивую для Алеши минуту въ умѣ его. Это новое объявившееся и мелькнувшее *нѣчто* состояло въ нѣкоторомъ мучительномъ впечатлѣніи отъ неустанно припоминавшагося теперь Алешей вчерашняго его разговора съ братомъ Иваномъ. Именно теперь. О, не то чтобы что-нибудь было поколеблено въ душѣ его изъ основныхъ, стихійныхъ, такъ сказать, ея вѣрованій. Бога своего онъ любилъ и вѣровалъ въ Него незыблемо, хотя и возропталъ было на Него внезапно. Но все же какое-

то смутное, но мучительное и злое впечатлѣніе отъ припоминанія вчерашняго разговора съ братомъ Иваномъ вдругъ теперь снова зашевелилось въ душѣ его и все болѣе и болѣе просилось выйти на верхъ ея. Когда уже стало сильно смеркаться, проходившій сосновой рощей изъ скита къ монастырю Ракитинъ вдругъ замѣтилъ Алешу, лежавшаго подъ деревомъ лицомъ къ землѣ, недвижимаго и какъ бы спящаго. Онъ подошелъ и окликнулъ его:

— Ты здѣсь, Алексѣй? Да неужто жъ ты . . . — произнесъ было онъ удивленный, но, не докончивъ, остановился. Онъ хотѣлъ сказать: «неужто жъ ты *до того дошелъ?*» Алеша не взглянулъ на него, но по нѣкоторому движенію его Ракитинъ сейчасъ догадался, что онъ его слышитъ и понимаетъ.

— Да что съ тобой? — продолжалъ онъ удивляться, но удивленіе уже начало смѣняться въ лицѣ его улыбкой, принимавшею все болѣе и болѣе насмѣшливое выраженіе.

— Послушай, да вѣдь я тебя ищу уже больше двухъ часовъ. Ты вдругъ пропалъ оттудова. Да что ты тутъ дѣлаешь? Какія это съ тобой благоглупости? Да взгляни хоть на меня-то . . .

Алеша поднялъ голову, сѣлъ и прислонился спиной къ дереву. Онъ не плакалъ, но лицо его выражало страданіе, а во взорѣ виднѣлось раздраженіе. Смотрѣлъ онъ, впрочемъ, не на Ракитина, а куда-то въ сторону.

— Знаешь, ты совсѣмъ перемѣнился въ лицѣ. Никакой этой кротости прежней пресловутой твоей нѣтъ. Осердился на кого, что ли? Обидѣли?

— Отстань! — проговорилъ вдругъ Алеша, все попрежнему не глядя на него и устало махнувъ рукой.

— Ого, вотъ мы какъ! Совсѣмъ какъ и прочіе смертные стали покрикивать. Это изъ ангеловъ-то! Ну, Алешка, удивилъ ты меня, знаешь ты это, искренно говорю. Давно я ничему здѣсь не удивлялся. Вѣдь я все тебя за образованнаго человѣка почиталъ...

Алеша, наконецъ, поглядѣлъ на него, но какъ-то разсѣянно, точно все еще мало понимая.

— Да неужель ты только оттого, что твой старикъ провонялъ? Да неужели же ты вѣрилъ серьезно, что онъ чудеса отмачивать начнетъ? — воскликнулъ Ракитинъ, опять переходя въ самое искреннее изумленіе.

— Вѣрилъ, вѣрую и хочу вѣровать, и буду вѣровать, ну чего тебѣ еще! — раздражительно прокричалъ Алеша.

— Да ничего ровно, голубчикъ. Фу, чертъ, да этому тринадцатилѣтній школьникъ теперь не вѣритъ. А, впрочемъ, чертъ... Такъ ты вотъ и разсердился теперь на Бога-то своего, взбунтовался: чиномъ, дескать, обошли, къ празднику ордена не дали! Эхъ, вы!

Алеша длинно и какъ-то прищуривъ глаза посмотрѣлъ на Ракитина и въ глазахъ его что-то вдругъ сверкнуло... но не озлобленіе на Ракитина.

— Я противъ Бога моего не бунтуюсь, я только «міра Его не принимаю», — криво усмѣхнулся вдругъ Алеша.

— Какъ это міра не принимаешь? — капельку

подумалъ надъ его отвѣтомъ Ракитинъ. — Что̀ за белиберда?

Алеша не отвѣтилъ.

— Ну, довольно о пустякахъ-то, теперь къ дѣлу: ѣлъ ты сегодня?

— Не помню... ѣлъ, кажется.

— Тебѣ надо подкрѣпиться, судя по лицу-то. Состраданіе вѣдь на тебя глядя беретъ. Вѣдь ты и ночь не спалъ, я слышалъ, засѣданіе у васъ тамъ было. А потомъ вся эта возня и мазня... Всего-то антидорцу кусочекъ, надо быть, пожевалъ. Есть у меня съ собой въ карманѣ колбаса, давеча изъ города захватилъ на всякій случай, сюда направляясь, только вѣдь ты колбасы не станешь...

— Давай колбасы.

— Эге! Такъ ты вотъ какъ! Значитъ совсѣмъ ужъ бунтъ, баррикады! Ну, братъ, этимъ дѣломъ пренебрегать нечего. Зайдемъ ко мнѣ... Я бы водочки самъ теперь тяпнулъ, смерть усталъ. Водки-то, небось, не рѣшишься... аль выпьешь?

— Давай и водки.

— Эвона! Чудно, братъ! — дико посмотрѣлъ Ракитинъ. — Ну да такъ или этакъ, водка или колбаса, а дѣло это лихое, хорошее и упускать невозможно, идемъ!

Алеша молча поднялся съ земли и пошелъ за Ракитинымъ.

— Видѣлъ бы это братъ Ваничка, такъ какъ бы изумился! Кстати, братецъ твой Иванъ Ѳедоровичъ сегодня утромъ въ Москву укатилъ, знаешь ты это?

— Знаю, — безучастно произнесъ Алеша, и вдругъ мелькнулъ у него въ умѣ образъ брата Дми-

трія, но только мелькнулъ, и хоть напомнилъ что-то, какое-то дѣло спѣшное, котораго уже нельзя болѣе ни на минуту откладывать, какой-то долгъ, обязанность страшную, но и это воспоминаніе не произвело на него никакого впечатлѣнія, не достигло сердца его, въ тотъ же мигъ вылетѣло изъ памяти и забылось. Но долго потомъ вспоминалъ объ этомъ Алеша.

— Братецъ твой Ваничка изрекъ про меня единожды, что я «бездарный либеральный мѣшокъ». Ты же одинъ разикъ тоже не утерпѣлъ и далъ мнѣ понять, что я «безчестенъ»... Пусть! Посмотрю-ка я теперь на вашу даровитость и честность (окончилъ это Ракитинъ уже про себя, шепотомъ). Тьфу, слушай! — заговорилъ онъ снова громко, — минуемъ-ка монастырь, пойдемъ по тропинкѣ прямо въ городъ... Гм! Мнѣ бы, кстати, надо къ Хохлаковой зайти. Вообрази: я ей отписалъ о всемъ приключившемся, и, представь, она мнѣ мигомъ отвѣчаетъ запиской, карандашомъ (ужасно любитъ записки писать эта дама), что «никакъ она не ожидала отъ такого почтеннаго старца, какъ отецъ Зосима — *такого поступка!*» Такъ вѣдь и написала: «поступка!» Тоже вѣдь озлилась; эхъ, вы всѣ! Постой! — внезапно прокричалъ онъ опять, вдругъ остановился и, придержавъ Алешу за плечо, остановилъ и его:

— Знаешь, Алешка, — пытливо глядѣлъ онъ ему въ глаза, весь подъ впечатлѣніемъ внезапной новой мысли, вдругъ его осіявшей, и хоть самъ и смѣялся наружно, но видимо боясь выговорить вслухъ эту новую внезапную мысль свою, до того онъ все еще не могъ повѣрить чудному для него и никакъ неожиданному настроенію, въ которомъ

видѣлъ теперь Алешу, — Алешка, знаешь, куда мы всего лучше бы теперь пошли? — выговорилъ онъ, наконецъ, робко и искательно.

— Все равно... куда хочешь.

— Пойдемъ-ка къ Грушенькѣ, а? Пойдешь? — весь даже дрожа отъ робкаго ожиданія, изрекъ, наконецъ, Ракитинъ.

— Пойдемъ къ Грушенькѣ, — спокойно и тотчасъ же отвѣтилъ Алеша, и ужъ это было до того неожиданно для Ракитина, то есть такое скорое и спокойное согласіе, что онъ чуть было не отпрыгнулъ назадъ.

— Н-ну!.. Вотъ! — прокричалъ было онъ въ изумленіи, но вдругъ крѣпко подхватилъ Алешу подъ руку, быстро повлекъ его по тропинкѣ, все еще ужасно опасаясь, что въ томъ исчезнетъ рѣшимость. Шли молча, Ракитинъ даже заговорить боялся.

— А рада-то какъ она будетъ, рада-то... — пробормоталъ было онъ, но опять примолкъ. Да и вовсе не для радости Грушенькиной онъ влекъ къ ней Алешу; былъ онъ человѣкъ серьезный и безъ выгодной для себя цѣли ничего не предпринималъ. Цѣль же у него теперь была двоякая, во-первыхъ, мстительная, то есть увидѣть «позоръ праведнаго» и вѣроятное «паденіе» Алеши «изъ святыхъ во грѣшники», чѣмъ онъ уже заранѣе упивался, а во-вторыхъ, была у него тутъ въ виду и нѣкоторая матеріальная, весьма для него выгодная цѣль, о которой будетъ сказано ниже.

«Значитъ, такая минутка вышла», думалъ онъ про себя весело и злобно, «вотъ мы, стало быть, и изловимъ ее за шиворотъ, минутку-то эту, ибо она намъ весьма подобающая».

III.

Луковка.

Грушенька жила въ самомъ бойкомъ мѣстѣ города, близъ Соборной площади, въ домѣ купеческой вдовы Морозовой, у которой нанимала на дворѣ небольшой деревянный флигель. Домъ же Морозовой былъ большой, каменный, двухъэтажный, старый и очень неприглядный на видъ; въ немъ проживали уединенно сама хозяйка, старая женщина съ двумя своими племянницами, тоже весьма пожилыми дѣвицами. Отдавать въ наемъ свой флигель на дворѣ она не нуждалась, но всѣ знали, что пустила къ себѣ жилицей Грушеньку (еще года четыре назадъ) единственно въ угоду родственнику своему купцу Самсонову, Грушенькиному открытому покровителю. Говорили, что ревнивый старикъ, помѣщая къ Морозовой свою «фаворитку», имѣлъ первоначально въ виду зоркій глазъ старухи, чтобы наблюдать за поведеніемъ новой жилицы. Но зоркій глазъ весьма скоро оказался ненужнымъ и кончилось тѣмъ, что Морозова даже рѣдко встрѣчалась съ Грушенькой и совсѣмъ уже не надоѣдала ей подъ конецъ никакимъ надзоромъ. Правда, прошло уже четыре года съ тѣхъ поръ, какъ старикъ привезъ въ этотъ домъ изъ губернскаго города восемнадцатилѣтнюю дѣвочку, робкую, застѣнчивую и грустную, и съ тѣхъ поръ много утекло воды. Біографію этой дѣвочки знали, впрочемъ, у насъ въ городѣ мало и сбивчиво; не узнали больше и въ послѣднее время, и это даже тогда, когда уже очень многіе стали интересоваться такою «раскрасавицей», въ какую превратилась въ четыре года Агра-

фена Александровна. Были только слухи, что семнадцатилѣтнею еще дѣвочкой была она кѣмъ-то обманута, какимъ-то будто-бы офицеромъ, и затѣмъ тотчасъ же имъ брошена Офицеръ-де уѣхалъ и гдѣ-то потомъ женился, а Грушенька осталась въ позорѣ и нищетѣ. Говорили, впрочемъ, что хотя Грушенька и дѣйствительно была взята своимъ старикомъ изъ нищеты, но что семейства была честнаго и происходила какъ-то изъ духовнаго званія, была дочь какого-то заштатнаго діакона или что-то въ этомъ родѣ. И вотъ, въ четыре года, изъ чувствительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная, полнотѣлая русская красавица, женщина съ характеромъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, гордая и наглая, понимавшая толкъ въ деньгахъ, пріобрѣтательница, скупая и осторожная, правдами иль неправдами, но уже успѣвшая, какъ говорили про нее, сколотить свой собственный капиталецъ. Въ одномъ только всѣ были убѣждены: что къ Грушенькѣ доступъ труденъ, и что, кромѣ старика, ея покровителя, не было ни единаго еще человѣка, во всѣ четыре года, который бы могъ похвалиться ея благосклонностью. Фактъ былъ твердый, потому что на пріобрѣтеніе этой благосклонности выскакивало не мало охотниковъ, особливо въ послѣдніе два года. Но всѣ попытки оказались втунѣ, а иные изъ искателей принуждены были отретироваться даже съ комическою и зазорной развязкой, благодаря твердому и насмѣшливому отпору со стороны характерной молодой особы. Знали еще, что молодая особа, особенно въ послѣдній годъ, пустилась въ то, что называется «гешефтомъ», и что съ этой стороны она оказалась съ чрезвычайными способностями, такъ что

подъ конецъ многіе прозвали ее сущею жидовкой. Не то, чтобъ она давала деньги въ ростъ, но извѣстно было, напримѣръ, что въ компаніи съ Ѳедоромъ Павловичемъ Карамазовымъ она нѣкоторое время дѣйствительно занималась скупкою векселей за безцѣнокъ, по гривеннику за рубль, а потомъ пріобрѣла на нихъ изъ этихъ векселей по рублю на гривенникъ. Больной Самсоновъ, въ послѣдній годъ лишившійся употребленія своихъ распухшихъ ногъ, вдовецъ, тиранъ своихъ взрослыхъ сыновей, большой стотысячникъ, человѣкъ скаредный и неумолимый, подпалъ, однакоже, подъ сильное вліяніе своей протеже, которую сначала было держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и въ черномъ тѣлѣ, «на постномъ маслѣ», какъ говорили тогда зубоскалы. Но Грушенька успѣла эмансипироваться, внушивъ, однакоже, ему безграничное довѣріе касательно своей ему вѣрности. Этотъ старикъ, большой дѣлецъ (теперь давно покойникъ), былъ тоже характера замѣчательнаго, главное, скупъ и твердъ, какъ кремень, и хоть Грушенька поразила его такъ, что онъ и жить безъ нея не могъ (въ послѣдніе два года, напримѣръ, это такъ и было), но капиталу большого, значительнаго, онъ всетаки ей не отдѣлилъ, и даже если бъ она пригрозила ему совсѣмъ его бросить, то и тогда бы остался неумолимъ. Но отдѣлилъ зато запиталъ малый, и когда узналось это, то и это стало всѣмъ на удивленіе. «Ты сама баба не промахъ, сказалъ онъ ей, отдѣляя ей тысячъ съ восемь, сама и орудуй, но знай, что кромѣ ежегоднаго содержанія попрежнему, до самой смерти моей больше ничего отъ меня не получишь, да и въ завѣщаніи ничего больше тебѣ не отдѣлю». Такъ и сдержалъ слово:

умеръ и все оставилъ сыновьямъ, которыхъ всю жизнь держалъ при себѣ, наравнѣ, какъ слугъ, съ ихъ женами и дѣтьми, а о Грушенькѣ даже и не упомянулъ въ завѣщаніи вовсе. Все это стало извѣстно впослѣдствіи. Совѣтами же какъ орудовать «своимъ собственнымъ капиталомъ» онъ Грушенькѣ помогалъ не мало и указывалъ ей «дѣла». Когда Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, связавшійся первоначально съ Грушенькой по поводу одного случайнаго «гешефта», кончилъ совсѣмъ для себя неожиданно тѣмъ, что влюбился въ нее безъ памяти и какъ бы даже умъ потерялъ, то старикъ Самсоновъ, уже дышавшій въ то время на ладонъ, сильно подсмѣивался. Замѣчательно, что Грушенька была со своимъ старикомъ за все время ихъ знакомства вполнѣ и даже какъ бы сердечно откровенна, и это, кажется, съ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ самое послѣднее время, когда появился вдругъ съ своею любовью и Дмитрій Ѳедоровичъ, старикъ пересталъ смѣяться. Напротивъ, однажды, серьезно и строго посовѣтовалъ Грушенькѣ: «если ужъ выбирать изъ обоихъ, отца аль сына, то выбирай старика, но съ тѣмъ, однакоже, чтобы старый подлецъ безпремѣнно на тебѣ женился, а предварительно хоть нѣкоторый капиталъ отписалъ. А съ капитаномъ не якшайся, пути не будетъ». Вотъ были собственныя слова Грушенькѣ стараго сластолюбца, предчувствовавшаго тогда уже близкую смерть свою, и впрямь чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ совѣта сего умершаго. Замѣчу еще мелькомъ, что хотя у насъ въ городѣ даже многіе знали тогда про нелѣпое и уродливое соперничество Карамазовыхъ, отца съ сыномъ, предметомъ котораго была Грушенька, но настоящаго

смысла ея отношеній къ обоимъ изъ нихъ, къ старику и къ сыну, мало кто тогда понималъ. Даже обѣ служанки Грушеньки (послѣ уже разразившейся катастрофы, о которой еще рѣчь впереди) показали потомъ на судѣ, что Дмитрія Ѳедоровича принимала Аграфена Александровна изъ одного лишь страху, потому, будто бы, что «убить грозился». Служанокъ у нея было двѣ, одна очень старая кухарка, еще изъ родительскаго семейства ея, больная и почти оглохшая, и внучка ея, молоденькая, бойкая дѣвушка лѣтъ двадцати, Грушенькина горничная. Жила же Грушенька очень скупо и въ обстановкѣ совсѣмъ небогатой. Было у ней во флигелѣ всего три комнаты, меблированныя отъ хозяйки, древнею, краснаго дерева мебелью, фасона двадцатыхъ годовъ. Когда вошли къ ней Ракитинъ и Алеша, были уже полныя сумерки, но комнаты еще не были освѣщены. Сама Грушенька лежала у себя въ гостиной, на своемъ большомъ, неуклюжемъ диванѣ со спинкой подъ красное дерево, жесткомъ и обитомъ кожей, давно уже истершеюся и продырявившеюся. Подъ головой у ней были двѣ бѣлыя пуховыя подушки съ ея постели. Она лежала навзничь, неподвижно протянувшись, заложивъ обѣ руки за голову. Была она пріодѣта, будто ждала кого, въ шелковомъ черномъ платьѣ и въ легкой кружевной на головѣ наколкѣ, которая очень къ ней шла; на плечи была наброшена кружевная косынка, приколотая массивною золотою брошкой. Именно она кого-то ждала, лежала какъ бы въ тоскѣ и въ нетерпѣніи, съ нѣсколько поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ горячими губами и глазами, кончикомъ правой ноги нетерпѣливо постукивая по ручкѣ дивана. Чуть только появились Ра-

китинъ и Алеша, какъ произошелъ было маленькій переполохъ: слышно было изъ передней, какъ Грушенька быстро вскочила съ дивана и вдругъ испуганно прокричала: «кто тамъ?» Но гостей встрѣтила дѣвушка и тотчасъ же откликнулась барынѣ.

— Да не онѣ-съ, это другіе, эти ничего.

«Что̀ бы у ней такое?» — пробормоталъ Ракитинъ, вводя Алешу за руку въ гостиную. Грушенька стояла у дивана, какъ бы все еще въ испугѣ. Густая прядь темно-русой косы ея выбилась вдругъ изъ-подъ наколки и упала на ея правое плечо, но она не замѣтила и не поправила, пока не вглядѣлась въ гостей и не узнала ихъ.

— Ахъ, это ты, Ракитка? Испугалъ было меня всю. Съ кѣмъ ты это? Кто это съ тобой? Господи, вотъ кого привелъ! — воскликнула она, разглядѣвъ Алешу.

— Да вели подать свѣчей-то! — проговорилъ Ракитинъ съ развязнымъ видомъ самаго короткаго знакомаго и близкаго человѣка, имѣющаго даже право распоряжаться въ домѣ.

— Свѣчей . . . конечно, свѣчей . . . Ѳеня, принеси ему свѣчку . . . Ну, нашелъ время его привести!—воскликнула она опять, кивнувъ на Алешу, и, оборотясь къ зеркалу, быстро начала обѣими руками вправлять свою косу. Она какъ будто была недовольна.

— Аль не потрафилъ! — спросилъ Ракитинъ, мигомъ почти обидѣвшись.

— Испугалъ ты меня, Ракитка, вотъ что̀, — обернулась Грушенька съ улыбкой къ Алешѣ. — Не бойся ты меня, голубчикъ Алеша, страхъ какъ я тебѣ рада, гость ты мой неожиданный. А ты меня, Ракитка, испугалъ: я вѣдь думала, Митя ломит-

ся. Видишь, я его давеча надула и съ него честное слово взяла, чтобы мнѣ вѣрилъ, а я налгала. Сказала ему, что къ Кузьмѣ Кузмичу, къ старику моему, на весь вечеръ уйду и буду съ нимъ до ночи деньги считать. Я вѣдь каждую недѣлю къ нему ухожу на весь вечеръ счеты сводить. На замокъ запремся: онъ на счетахъ постукиваетъ, а я сижу — въ книги вписываю — одной мнѣ довѣряетъ. Митя-то и повѣрилъ, что я тамъ, а я вотъ дома заперлась — сижу, одной вѣсти жду. Какъ это вась Ѳеня впустила! Ѳеня, Ѳеня! Бѣги къ воротамъ, отвори и огляди кругомъ, нѣтъ ли гдѣ капитана-то? Можетъ, спрятался и высматриваетъ, смерть боюсь!

— Никого нѣтъ, Аграфена Александровна, сейчасъ кругомъ оглянула, я и въ щелку подхожу и гляжу поминутно, сама въ страхѣ-трепетѣ.

— Ставни заперты ли, Ѳеня, да занавѣсъ бы опустила — вотъ такъ! — Она сама опустила тяжелые занавѣсы, — а то на огонь-то онъ какъ разъ налетитъ. Мити, братца твоего, Алеша, сегодня боюсь.—Грушенька говорила громко, хотя и въ тревогѣ, но и какъ будто въ какомъ-то восторгѣ.

— Почему такъ сегодня Митеньки боишься? — освѣдомился Ракитинъ, — кажется, съ нимъ не пуглива, по твоей дудкѣ пляшетъ.

— Говорю тебѣ, вѣсти жду, золотой одной такой вѣсточки, такъ что Митеньки-то и не надо бы теперь вовсе. Да и не повѣрилъ онъ мнѣ, это чувствую, что я къ Кузьмѣ Кузьмичу пошла. Должно быть, сидитъ теперь тамъ у себя, у Ѳедора Павловича на задахъ въ саду, меня сторожитъ. А коли тамъ засѣлъ, значитъ, сюда не придетъ, тѣмъ и лучше! А вѣдь къ Кузьмѣ Кузьмичу я и впрямь

сбѣгала, Митя же меня и проводилъ, сказала до полночи просижу и чтобъ онъ же меня безпремѣнно пришелъ въ полночь домой проводить. Онъ ушелъ, а я минутъ десять у старика посидѣла, да и опять сюда, ухъ, боялась — бѣжала, чтобъ его не повстрѣчать.

— А разрядилась-то куда? Ишь вѣдь какой чепецъ на тебѣ любопытный.

— И ужъ какой же ты самъ любопытный, Ракитинъ! Говорю тебѣ, такой одной вѣсточки жду. Придетъ вѣсточка, вскачу — полечу, только вы меня здѣсь и видѣли. Для того и разрядилась, чтобъ готовой сидѣть.

— А куда полетишь?

— Много будешь знать — скоро состаришься.

— Ишь вѣдь. Вся въ радости . . . Никогда еще я тебя не видѣлъ такою. Разодѣлась, какъ на балъ, — оглядывалъ ее Ракитинъ.

— Много ты въ балахъ понимаешь.

— А ты много?

— Я-то видала балъ. Третьяго годъ Кузьма Кузьмичъ сына женилъ, такъ я съ хоръ смотрѣла. Что жъ мнѣ, Ракитка, съ тобой что ли разговаривать, когда тутъ такой князь стоитъ. Вотъ такъ гость! Алеша, голубчикъ, гляжу я на тебя и не вѣрю; Господи, какъ это ты у меня появился! По правдѣ тебѣ сказать, не ждала, не гадала, да и прежде никогда тому не вѣрила, чтобы ты могъ придти. Хоть и не та минутка теперь, а страхъ я тебѣ рада! Садись на диванъ, вотъ сюда, вотъ такъ, мѣсяцъ ты мой молодой. Право, я еще какъ будто и не соображусь . . . Эхъ ты, Ракитка, если бы ты его вчера, али третьяго дня привелъ! . . Ну,

да рада и такъ. Можетъ, и лучше, что теперь, подъ такую минуту, а не третьяго дня...

Она рѣзво подсѣла къ Алешѣ на диванъ, съ нимъ рядомъ, и глядѣла на него рѣшительно съ восхищеніемъ. И дѣйствительно была рада, не лгала, говоря это. Глаза ея горѣли, губы смѣялись, но добродушно, весело смѣялись. Алеша даже и не ожидалъ отъ нея такого добраго выраженія въ лицѣ... Онъ встрѣчалъ ее до вчерашняго дня, мало, составилъ объ ней устрашающее понятіе, а вчера такъ страшно былъ потрясенъ ея злобой и коварною выходкой противъ Катерины Ивановны и былъ очень удивленъ, что теперь вдругъ увидалъ въ ней совсѣмъ какъ бы иное и неожиданное существо. И какъ ни былъ онъ придавленъ своимъ собственнымъ горемъ, но глаза его невольно остановились на ней со вниманіемъ. Всѣ манеры ея какъ бы измѣнились тоже со вчерашняго дня совсѣмъ къ лучшему: не было этой вчерашней слащавости въ выговорѣ почти вовсе, этихъ изнѣженныхъ движеній... все было просто, простодушно, движенія ея были скорыя, прямыя, довѣрчивыя, но была она очень возбуждена.

— Господи, экія все вещи сегодня сбываются, право, — залепетала она опять. — И чего я тебѣ такъ рада, Алеша, сама не знаю. Вотъ спроси, а я не знаю.

— Ну, ужъ и не знаешь, чему рада? — усмѣхнулся Ракитинъ. — Прежде-то зачѣмъ-нибудь приставала же ко мнѣ: приведи да приведи его, имѣла же цѣль.

— Прежде-то я другую цѣль имѣла, а теперь то прошло, не такая минута. Подчевать я васъ стану, вотъ что. Я теперь подобрѣла, Ракитка.

Да садись и ты, Ракитка, чего стоишь? Аль ты ужъ сѣлъ? Небось, Ракитушка, себя не забудетъ. Вотъ онъ теперь, Алеша, сидитъ тамъ противъ насъ, да и обижается: зачѣмъ это я его прежде тебя не пригласила садиться. Ухъ, обидчивъ у меня Ракитка, обидчивъ! — засмѣялась Грушенька. — Не злись, Ракитка, нынѣ я добрая. Да чего ты грустенъ сидишь, Алешечка, аль меня боишься? — съ веселою насмѣшкой заглянула она ему въ глаза.

— У него горе. Чину не дали, — пробасилъ Ракитинъ.

— Какого чину?

— Старецъ его пропахъ.

— Какъ пропахъ? Вздоръ ты какой-нибудь мелешь, скверность какую-нибудь хочешь сказать. Молчи, дуракъ. Пустишь меня, Алеша, на колѣни къ себѣ посидѣть, вотъ такъ! — И вдругъ она мигомъ привскочила и прыгнула, смѣясь, ему на колѣни, какъ ласкающаяся кошечка, нѣжно правою рукой охвативъ ему шею: — развеселю я тебя, мальчикъ ты мой богомольный! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, неужто позволишь мнѣ на колѣняхъ у тебя посидѣть, не осердишься? Прикажешь — я соскочу.

Алеша молчалъ. Онъ сидѣлъ, боясь шевельнуться, онъ слышалъ ея слова: «прикажешь — я соскочу», но не отвѣтилъ, какъ будто замеръ. Но не то въ немъ было, чего могъ бы ждать и что могъ бы вообразить въ немъ теперь, напримѣръ, хоть Ракитинъ, плотоядно наблюдавшій со своего мѣста. Великое горе души его поглощало всѣ ощущенія, какія только могли зародиться въ сердцѣ его, и если только могъ бы онъ въ сію минуту дать себѣ полный отчетъ, то и самъ бы догадался, что

онъ теперь въ крѣпчайшей бронѣ противъ всякаго соблазна и искушенія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю смутную безотчетность его душевнаго состоянія и на все угнетавшее его горе, онъ все же дивился невольно одному новому и странному ощущенію, рождавшемуся въ его сердцѣ: эта женщина эта «страшная» женщина не только не пугала его теперь прежнимъ страхомъ, страхомъ, зарождавшимся въ немъ прежде при всякой мечтѣ о женщинѣ, если мелькала таковая въ его душѣ, но, напротивъ, эта женщина, которую онъ боялся болѣе всѣхъ, сидѣвшая у него на колѣняхъ и его обнимавшая, возбуждала въ немъ вдругъ теперь совсѣмъ иное, неожиданное и особливое чувство, чувство какого-то необыкновеннаго, величайшаго и чистосердечнѣйшаго къ ней любопытства, и все это уже безо всякой боязни, безъ малѣйшаго прежняго ужаса, — вотъ что̀ было главное и что̀ невольно удивляло его.

— Да полно вздоръ-то вамъ болтать, — закричалъ Ракитинъ, — а лучше шампанскаго подавай, долгъ на тебѣ, сама знаешь!

— Вправду долгъ. Вѣдь я, Алеша, ему за тебя шампанскаго, сверхъ всего, обѣщала, коль тебя приведетъ. Катай шампанскаго, и я стану пить! Ѳеня, Ѳеня, неси намъ шампанскаго, ту бутылку, которую Митя оставилъ, бѣги скорѣе. Я хоть и скупая, а бутылку подамъ, не тебѣ, Ракитка, ты грибъ, а онъ князь! И хоть не тѣмъ душа моя теперь полна, а такъ и быть, выпью и я съ вами, дебоширить хочется!

— Да что̀ это у тебя за минута, и какая такая тамъ «вѣсть», можно спросить, аль секретъ? — съ любопытствомъ ввернулъ опять Ракитинъ, изо всей

силы дѣлая видъ, что и вниманія не обращаетъ на щелчки, которые въ него летѣли безпрерывно.

— Эхъ, не секретъ, да и самъ ты знаешь, — озабоченно проговорила вдругъ Грушенька, повернувъ голову къ Ракитину и отклонясь немного отъ Алеши, хотя все еще продолжала сидѣть у него на колѣняхъ, рукой обнявъ его шею, — офицеръ ѣдетъ, Ракитинъ, офицеръ мой ѣдетъ!

— Слышалъ я, что ѣдетъ, да развѣ ужъ такъ близко?

— Въ Мокромъ теперь, оттуда сюда эстафетъ пришлетъ, такъ самъ написалъ, давеча письмо получила. Сижу и жду эстафета.

— Вона! Почему въ Мокромъ?

— Долго разсказывать, да и довольно съ тебя.

— То-то Митенька-то теперь, — уй, уй! Онъ-то знаетъ, аль не знаетъ?

— Чего знаетъ! Совсѣмъ не знаетъ! Кабы узналъ, такъ убилъ бы. Да я этого теперь совсѣмъ не боюсь, не боюсь я теперь его ножа. Молчи, Ракитка, не поминай мнѣ о Дмитріи Ѳедоровичѣ: сердце онъ мнѣ все размозжилъ. Да не хочу я ни о чемъ объ этомъ въ эту минуту и думать. Вотъ объ Алешечкѣ могу думать, я на Алешечку гляжу... Да усмѣхнись ты на меня, голубчикъ, развеселись, на глупость-то мою, на радость-то мою усмѣхнись... А вѣдь улыбнулся, улыбнулся! Ишь ласково какъ смотритъ. Я, знаешь, Алеша, все думала, что ты на меня сердишься за третьеводнишнее, за барышню-то. Собака я была, вотъ что... Только, все-таки, хорошо оно, что такъ произошло. И дурно оно было, и хорошо оно было, — вдумчиво усмѣхнулась вдругъ Грушенька, и какая-то жестокая черточка мелькнула вдругъ

въ ея усмѣшкѣ. — Митя сказывалъ, что кричала: «плетьми ее надо!» Разобидѣла я тогда ее ужъ очень. Зазвала меня, побѣдить хотѣла, шоколадомъ своимъ обольстить... Нѣтъ, оно хорошо, что такъ произошло, — усмѣхнулась она опять. — Да вотъ боюсь все, что ты осердился...

— А вѣдь и впрямь, — съ серьезнымъ удивленіемъ ввернулъ вдругъ Ракитинъ. — Вѣдь она тебя, Алеша, въ самомъ дѣлѣ боится, цыпленка этакого.

— Это для тебя, Ракитка, онъ цыпленокъ, вотъ что... потому что у тебя совѣсти нѣтъ, вотъ что! Я, видишь, я люблю его душой, вотъ что! Вѣришь, Алеша, что я люблю тебя всею душой?

— Ахъ ты, безстыдница! Это она въ любви тебѣ, Алексѣй, объясняется!

— А что жъ, и люблю.

— А офицеръ? А вѣсточка золотая изъ Мокраго?

— То одно, а это другое.

— Вотъ какъ по-бабьему выходитъ!

— Не зли меня, Ракитка, — горячо подхватила Грушенька, — то одно, а это другое. Я Алешу по-иному люблю. Правда, Алеша, была у меня на тебя мысль хитрая прежде. Да вѣдь я низкая, я вѣдь неистовая, ну, а въ другую минуту я, бывало, Алеша, на тебя, какъ на совѣсть мою, смотрю. Все думаю: «вѣдь ужъ какъ такой меня скверную презирать теперь долженъ». И третьяго дня это думала, какъ отъ барышни сюда бѣжала. Давно я тебя замѣтила такъ, Алеша, и Митя знаетъ, ему говорила. Вотъ Митя такъ понимаетъ. Вѣришь ли, иной разъ, право, Алеша, смотрю на тебя и стыжусь, все себя стыжусь... И какъ это

я объ тебѣ думать стала и съ которыхъ поръ, не знаю и не помню...

Вошла Ѳеня и поставила на столъ подносъ, на немъ откупоренную бутылку и три налитые бокала.

— Шампанское принесли! — прокричалъ Ракитинъ, — возбуждена ты, Аграфена Александровна, и внѣ себя. Бокалъ выпьешь, танцовать пойдешь. Э-эхъ, и того не сумѣли сдѣлать, — прибавилъ онъ, разглядывая шампанское. — Въ кухнѣ старуха разлила, и бутылку безъ пробки принесли, и теплое. Ну, давай хоть такъ...

Онъ подошелъ къ столу, взялъ бокалъ, выпилъ залпомъ и налилъ себѣ другой.

— На шампанское-то не часто нарвешься, — проговорилъ онъ, облизываясь, — нутка, Алеша, бери бокалъ, покажи себя. За что же намъ пить? За райскія двери? Бери, Груша, бокалъ, пей и ты за райскія двери.

— За какія это райскія двери?

Она взяла бокалъ, Алеша взялъ свой, отпилъ глотокъ и поставилъ бокалъ назадъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше не надо! — улыбнулся онъ тихо.

— А хвалился! — крикнулъ Ракитинъ.

— Ну и я, коли такъ, не буду, — подхватила Грушенька, — да и не хочется. Пей, Ракитка, одинъ всю бутылку. Выпьешь, Алеша, и я тогда выпью.

— Телячьи нѣжности пошли! — поддразнилъ Ракитинъ. — А сама на колѣнкахъ у него сидитъ! У него, положимъ, горе, а у тебя что? Онъ противъ Бога своего взбунтовался, колбасу собирался жрать...

— Что̀ такъ?

— Старецъ его померъ сегодня, старецъ Зосима, святой.

— Такъ умеръ старецъ Зосима! — воскликнула Грушенька, — Господи, а я того и не знала! — Она набожно перекрестилась. — Господи, да что же я, а я-то у него на колѣнкахъ теперь сижу! — вскинулась она вдругъ какъ въ испугѣ, мигомъ соскочила съ колѣнъ и пересѣла на диванъ. Алеша длинно съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее, и на лицѣ его какъ будто что засвѣтилось.

— Ракитинъ, — проговорилъ онъ вдругъ громко и твердо, — не дразни ты меня, что я противъ Бога моего взбунтовался. Не хочу я злобы противъ тебя имѣть, а потому будь и ты добрѣе. Я потерялъ такое сокровище, какого ты никогда не имѣлъ, и ты теперь не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на нее: видѣлъ, какъ она меня пощадила? Я шелъ сюда злую душу найти — такъ влекло меня самого къ тому, потому что я былъ подлъ и золъ, а нашелъ сестру искреннюю, нашелъ сокровище — душу любящую . . . Она сейчасъ пощадила меня . . . Аграфена Александровна, я про тебя говорю. Ты мою душу сейчасъ возстановила.

У Алеши затряслись губы и стѣснилось дыханіе. Онъ остановился.

— Будто ужъ такъ и спасла тебя! — засмѣялся Ракитинъ злобно. — А она тебя проглотить хотѣла, знаешь ты это?

— Стой, Ракитка! — вскочила вдругъ Грушенька, — молчите вы оба. Теперь я все скажу: ты, Алеша, молчи, потому что отъ твоихъ такихъ словъ меня стыдъ беретъ, потому что я злая, а не

добрая, — вотъ я какая. А ты, Ракитка, молчи потому, что ты лжешь. Была такая подлая мысль, что хотѣла его проглотить, а теперь ты лжешь, теперь все не то... и чтобъ я тебя больше совсѣмъ не слыхала, Ракитка! — Все это Грушенька проговорила съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Ишь вѣдь оба бѣсятся! — прошипѣлъ Ракитинъ, съ удивленіемъ разсматривая ихъ обоихъ, — какъ помѣшанные, точно я въ сумасшедшій домъ попалъ. Разслабѣли обоюдно, плакать сейчасъ начнутъ!

— И начну плакать, и начну плакать! — приговаривала Грушенька, — онъ меня сестрой своей назвалъ, и я никогда того впредь не забуду! Только вотъ что, Ракитка, я хоть и злая, а все-таки я луковку подала.

— Каку таку луковку? Фу, чертъ, да и впрямь помѣшались!

Ракитинъ удивлялся на ихъ восторженность и обидчиво злился, хотя и могъ бы сообразить, что у обоихъ какъ разъ сошлось все, что могло потрясти ихъ души такъ, какъ случается это не часто въ жизни. Но Ракитинъ, умѣвшій весьма чувствительно понимать все, что касалось его самого, былъ очень грубъ въ пониманіи чувствъ и ощущеній ближнихъ своихъ, — отчасти по молодой неопытности своей, а отчасти и по великому своему эгоизму.

— Видишь, Алешечка, — нервно разсмѣялась вдругъ Грушенька, обращаясь къ нему, — это я Ракиткѣ похвалилась, что луковку подала, а тебѣ не похвалюсь, я тебѣ съ иной цѣлью это скажу. Это только басня, но она хорошая басня, я ее, еще дитей была, отъ моей Матрены, что теперь у меня

въ кухаркахъ служитъ, слышала. Видишь, какъ это: «жила-была одна баба, злющая-презлющая, и померла. И не осталось послѣ нея ни одной добродѣтели. Схватили ее черти и кинули въ огненное озеро. А Ангелъ-хранитель ея стоитъ да и думаетъ: какую бы мнѣ такую добродѣтель ея припомнить, чтобы Богу сказать. Вспомнилъ, и говоритъ Богу: она, говоритъ, въ огородѣ луковку выдернула и нищенкѣ подала. И отвѣчаетъ ему Богъ: возьми жъ ты, говоритъ, эту самую луковку, протяни ей въ озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вонъ изъ озера, то пусть въ рай идетъ, а оборвется луковка, то тамъ и оставаться бабѣ, гдѣ теперь. Побѣжалъ Ангелъ къ бабѣ, протянулъ ей луковку: на, говоритъ, баба, схватись и тянись. И сталъ онъ ее осторожно тянуть, и ужъ всю было вытянулъ, да грѣшники прочіе въ озерѣ, какъ увидали, что ее тянутъ вонъ, и стали всѣ за нее хвататься, чтобъ и ихъ вмѣстѣ съ нею вытянули. А баба-то была злющая-презлющая, и почала ихъ ногами брыкать: «меня тянутъ, а не васъ, моя луковка, а не ваша». Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба въ озеро и горитъ по сей день. А Ангелъ заплакалъ и отошелъ». Вотъ она эта басня, Алеша, наизусть запомнила, потому что сама я и есть эта самая баба злющая. Ракиткѣ я похвалилась, что луковку подала, а тебѣ иначе скажу: *всего-то* я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мнѣ и есть добродѣтели. И не хвали ты меня послѣ того, Алеша, не почитай меня доброю, злая я, злющая-презлющая, а будешь хвалить, въ стыдъ введешь. Эхъ, да ужъ покаюсь совсѣмъ. Слушай, Алеша: я тебя столь желала

къ себѣ залучить и столь приставала къ Ракиткѣ, что ему двадцать пять рублей пообѣщала, если тебя ко мнѣ приведетъ! Стой, Ракитка, жди! — Она быстрыми шагами подошла къ столу, отворила ящикъ, вынула портмоне, а изъ него двадцатипятирублевую кредитку.

— Экой вздоръ! Экой вздоръ! — восклицалъ озадаченный Ракитинъ.

— Принимай, Ракитка, долгъ, небось не откажешься, самъ просилъ. — И швырнула ему кредитку.

— Еще бъ отказаться, — пробасилъ Ракитинъ, видимо сконфузившись, но молодцовато прикрывая стыдъ, — это намъ вельми на руку будетъ, дураки и существуютъ въ профитъ умному человѣку.

— А теперь молчи, Ракитка, теперь все, что буду говорить, не для твоихъ ушей будетъ. Садись сюда въ уголъ и молчи, не любишь ты насъ, и молчи.

— Да за что мнѣ любить-то васъ? — не скрывая уже злобы, огрызнулся Ракитинъ. Двадцатипятирублевую кредитку онъ сунулъ въ карманъ и предъ Алешей ему было рѣшительно стыдно. Онъ разсчитывалъ получить плату послѣ, такъ чтобы тотъ и не узналъ, а теперь отъ стыда озлился. До сей минуты онъ находилъ весьма политичнымъ не очень противорѣчить Грушенькѣ, несмотря на всѣ ея щелчки, ибо видно было, что она имѣла надъ нимъ какую-то власть. Но теперь и онъ разсердился:

— Любятъ за что-нибудь, а вы что мнѣ сдѣлали оба?

— А ты ни за что люби, вотъ какъ Алеша любитъ.

— А чѣмъ онъ тебя любитъ, и что онъ тебѣ такого показалъ, что ты носишься?

Грушенька стояла среди комнаты, говорила съ жаромъ, и въ голосѣ ея послышались истерическія нотки.

— Молчи, Ракитка, не понимаешь ты ничего у насъ! И не смѣй ты мнѣ впредь *ты* говорить, не хочу тебѣ позволять, и съ чего ты такую смѣлость взялъ, вотъ что! Садись въ уголъ и молчи, какъ мой лакей! А теперь, Алеша, всю правду чистую тебѣ одному скажу, чтобы ты видѣлъ, какая я тварь! Не Ракиткѣ, а тебѣ говорю. Хотѣла я тебя погубить, Алеша, правда это великая, совсѣмъ положила; до того хотѣла, что Ракитку деньгами подкупила, чтобы тебя привелъ. И изъ чего такого я такъ захотѣла? Ты, Алеша, и не зналъ ничего, отъ меня отворачивался, пройдешь — глаза опустишь, а я на тебя сто разъ до сего глядѣла, всѣхъ спрашивать объ тебѣ начала. Лицо твое у меня въ сердцѣ осталось: «презираетъ онъ меня, думаю, посмотрѣть даже на меня не захочетъ». И такое меня чувство взяло подъ конецъ, что сама себѣ удивляюсь: чего я такого мальчика боюсь? Проглочу его всего и смѣяться буду. Обозлилась совсѣмъ. Вѣришь ли тому: никто-то здѣсь не смѣетъ сказать и подумать, чтобъ къ Аграфенѣ Александровнѣ за худымъ этимъ дѣломъ придти; старикъ одинъ только тутъ у меня, связана я ему и продана, сатана насъ вѣнчалъ, зато изъ другихъ— никто. Но на тебя глядя, положила: его проглочу. Проглочу и смѣяться буду. Видишь, какая я злая собака, которую ты сестрой своею назвалъ! Вотъ теперь пріѣхалъ этотъ обидчикъ мой, сижу теперь и жду вѣсти. А знаешь, чѣмъ былъ мнѣ этотъ

обидчикъ? Пять лѣтъ тому какъ завезъ меня сюда Кузьма, — такъ я сижу, бывало, отъ людей хоронюсь, чтобъ меня не видали и не слыхали, тоненькая, глупенькая сижу да рыдаю, ночей напролетъ не сплю — думаю: «и ужъ гдѣ жъ онъ теперь, мой обидчикъ? Смѣется, должно быть, съ другой надо мной, и ужъ я жъ его, думаю, только бы увидѣть его, встрѣтить когда: то ужъ я жъ ему отплачу, ужъ я жъ ему отплачу». Ночью въ темнотѣ рыдаю въ подушку и все это передумаю, сердце мое раздираю нарочно, злобой его утоляю: «ужъ я жъ ему, ужъ я жъ ему отплачу!» Такъ, бывало, и закричу въ темнотѣ. Да какъ вспомню вдругъ, что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо мною смѣется теперь, а, можетъ, и совсѣмъ забылъ и не помнитъ, такъ кинусь съ постели на полъ, залюсь безсильною слезою и трясусь-трясусь до разсвѣта. Поутру встану злѣе собаки, рада весь свѣтъ проглотить. Потомъ, что жъ ты думаешь: стала я капиталъ копить, безъ жалости сдѣлалась, растолстѣла, — поумнѣла ты думаешь, а? Такъ вотъ нѣтъ же, никто того не видитъ и не знаетъ во всей вселенной, а какъ сойдетъ мракъ ночной, все такъ же, какъ и дѣвченкой, пять лѣтъ тому, лежу иной разъ, скрежещу зубами и всю ночь плачу: «ужъ я жъ ему, да ужъ я жъ ему», думаю! Слышалъ ты это все? Ну такъ какъ же ты теперь понимаешь меня: мѣсяцъ тому приходитъ ко мнѣ вдругъ это самое письмо: ѣдетъ онъ, овдовѣлъ, со мной повидаться хочетъ. Духъ у меня тогда весь захватило, Господи, да вдругъ и подумала: а пріѣдетъ да свистнетъ мнѣ, позоветъ меня, такъ я, какъ собаченка къ нему поползу битая, виноватая! Думаю это я и сама себѣ не вѣрю: «подлая

я, аль не подлая, побѣгу я къ нему, аль не побѣгу?» И такая меня злость взяла теперь на самое себя во весь этотъ мѣсяцъ, что хуже еще, чѣмъ пять лѣтъ тому. Видишь ли теперь, Алеша, какая я неистовая, какая яростная, всю тебѣ правду выразила! Митей забавлялась, чтобы къ тому не бѣжать. Молчи, Ракитка, не тебѣ меня судить, не тебѣ говорила. Я теперь до вашего прихода лежала здѣсь, ждала, думала, судьбу мою всю разрѣшала, и никогда вамъ не узнать, что у меня въ сердцѣ было. Нѣтъ, Алеша, скажи своей барышнѣ, чтобъ она за третьеводнишнее не сердилась!.. И не знаетъ никто во всемъ свѣтѣ, каково мнѣ теперь, да и не можетъ знать... Потому я, можетъ быть, сегодня туда съ собой ножъ возьму, я еще того не рѣшила...

И вымолвивъ это «жалкое» слово, Грушенька вдругъ не выдержала, не докончила, закрыла лицо руками, бросилась на диванъ въ подушки и зарыдала, какъ малое дитя. Алеша всталъ съ мѣста и подошелъ къ Ракитину.

— Миша, — проговорилъ онъ, — не сердись.— Ты обиженъ ею, но не сердись. Слышалъ ты ее сейчасъ? Нельзя съ души человѣка столько спрашивать, надо быть милосерднѣе...

Алеша проговорилъ это въ неудержимомъ порывѣ сердца. Ему надо было высказаться, и онъ обратился къ Ракитину. Если бъ не было Ракитина, онъ сталъ бы восклицать одинъ. Но Ракитинъ поглядѣлъ насмѣшливо, и Алеша вдругъ остановился.

— Это тебя твоимъ старцемъ давеча зарядили, и теперь ты своимъ старцемъ въ меня и выпалилъ, Алешенька, Божій человѣчекъ, — съ ненавистною улыбкой проговорилъ Ракитинъ.

— Не смѣйся, Ракитинъ, не усмѣхайся, не говори про покойника: онъ выше всѣхъ, кто былъ на землѣ! — съ плачемъ въ голосѣ прокричалъ Алеша. — Я не какъ судья тебѣ всталъ говорить, а самъ, какъ послѣдній изъ подсудимыхъ. Кто я предъ нею? Я шелъ сюда, чтобы погибнуть и говорилъ: «пусть, пусть!» и это изъ-за моего малодушія, а она, черезъ пять лѣтъ муки, только что кто-то первый пришелъ и ей искреннее слово сказалъ — все простила, все забыла и плачетъ! Обидчикъ ея воротился, зоветъ ее, и она все прощаетъ ему и спѣшитъ къ нему въ радости, и не возьметъ ножа, не возьметъ! Нѣтъ, я не таковъ. Я не знаю, таковъ ли ты, Миша, но я не таковъ. Я сегодня, сейчасъ этотъ урокъ получилъ... Она выше любовью, чѣмъ мы... Слышалъ ли ты отъ нея прежде то, что она разсказала теперь? Нѣтъ, не слышалъ; если бы слышалъ, то давно бы все понялъ... и другая обиженная третьяго дня, и та пусть проститъ ее! И проститъ, коль узнаетъ... и узнаетъ... Эта душа еще не примиренная, надо щадить ее... въ душѣ этой, можетъ быть, сокровище...

Алеша замолкъ, потому что ему пересѣкло дыханіе. Ракитинъ, несмотря на всю свою злость, глядѣлъ съ удивленіемъ. Никогда не ожидалъ онъ отъ тихаго Алеши такой тирады.

— Вотъ адвокатъ проявился! Да ты влюбился въ нее, что ли? Аграфена Александровна, вѣдь постникъ-то нашъ и впрямь въ тебя влюбился, побѣдила! — прокричалъ онъ съ наглымъ смѣхомъ.

Грушенька подняла съ подушки голову и поглядѣла на Алешу съ умиленною улыбкой, засіявшею на ея какъ-то вдругъ распухшемъ отъ сейчашнихъ слезъ лицѣ.

— Оставь ты его, Алеша, херувимъ ты мой, видишь онъ какой, нашелъ кому говорить. Я, Михаилъ Осиповичъ, — обратилась она къ Ракитину, — хотѣла было у тебя прощенія попросить за то, что обругала тебя, да теперь опять не хочу. Алеша, поди ко мнѣ, сядь сюда, — манила она его съ радостною улыбкой, — вотъ такъ, вотъ садись сюда, скажи ты мнѣ (она взяла его за руку и заглядывала ему, улыбаясь, въ лицо), — скажи ты мнѣ: люблю я того или нѣтъ? Обидчика-то моего, люблю или нѣтъ? Лежала я до васъ здѣсь въ темнотѣ, все допрашивала сердце: люблю я того или нѣтъ? Разрѣши ты меня, Алеша, время пришло, что положишь, такъ и будетъ. Простить мнѣ его, или нѣтъ?

— Да вѣдь ужъ простила, — улыбаясь, проговорилъ Алеша.

— А и впрямь простила, — вдумчиво произнесла Грушенька. — Экое вѣдь подлое сердце! За подлое сердце мое! — схватила она вдругъ со стола бокалъ, разомъ выпила, подняла его и съ размаха бросила на полъ. Бокалъ разбился и зазвенѣлъ. Какая-то жестокая черточка мелькнула въ ея улыбкѣ.

— А вѣдь, можетъ, еще и не простила, — какъ-то грозно проговорила она, опустивъ глаза въ землю, какъ будто одна сама съ собой говорила. — Можетъ, еще только собирается сердце простить. Поборюсь еще съ сердцемъ-то. Я, видишь, Алеша, слезы мои пятилѣтнія страхъ полюбила... Я, можетъ, только обиду мою и полюбила, а не его вовсе!

— Ну, не хотѣлъ бы я быть въ его кожѣ! — прошипѣлъ Ракитинъ.

— И не будешь, Ракитка, никогда въ его кожѣ не будешь. Ты мнѣ башмаки будешь шить, Ракитка, вотъ я тебя на какое дѣло употреблю, а такой, какъ я, тебѣ никогда не видать... Да и ему, можетъ, не увидать...

— Ему-то? А нарядилась-то зачѣмъ? — эхидно поддразнилъ Ракитинъ.

— Не кори меня нарядомъ, Ракитка, не знаешь еще ты всего моего сердца! Захочу и сорву нарядъ, сейчасъ сорву, сію минуту, — звонко прокричала она. — Не знаешь ты, для чего этотъ нарядъ, Ракитка! Можетъ, выйду къ нему и скажу: «видалъ ты меня такую, аль нѣтъ еще? — Вѣдь онъ меня семнадцатилѣтнюю, тоненькую, чахоточную плаксу оставилъ. Да подсяду къ нему, да обольщу, да разожгу его: «видалъ ты, какова я теперь, скажу, ну такъ и оставайся при томъ, милостивый государь, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!» — вотъ вѣдь къ чему, можетъ, этотъ нарядъ, Ракитка, — закончила Грушенька со злобнымъ смѣшкомъ. — Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я мой нарядъ, изувѣчу я себя, мою красоту, обожгу себѣ лицо и разрѣжу ножомъ, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я теперь никуда и ни къ кому, захочу — завтра же отошлю Кузьмѣ все, что онъ мнѣ подарилъ, и всѣ деньги его, а сама на всю жизнь работницей поденной пойду!.. Думаешь, не сдѣлаю я того, Ракитка, не посмѣю сдѣлать? Сдѣлаю, сдѣлаю, сейчасъ могу сдѣлать, не раздражайте только меня... а того прогоню, тому шишъ покажу, тому меня не видать!

Послѣднія слова она истерически прокричала, но не выдержала опять, закрыла руками лицо, бро-

силась въ подушку и опять затряслась отъ рыданій Ракитинъ всталъ съ мѣста:

— Пора, — сказалъ онъ, — поздно, въ монастырь не пропустятъ.

Грушенька такъ и вскочила съ мѣста.

— Да неужто жъ ты уходить, Алеша, хочешь! — воскликнула она въ горестномъ изумленіи; — да что жъ ты надо мной теперь дѣлаешь: всю воззвалъ, истерзалъ и опять теперь эта ночь, опять мнѣ одной оставаться!

— Не ночевать же ему у тебя? А коли хочетъ — пусть! Я и одинъ уйду! — язвительно подшутилъ Ракитинъ.

— Молчи, злая душа, — яростно крикнула ему Грушенька, — никогда ты мнѣ такихъ словъ не говорилъ, какія онъ мнѣ пришелъ сказать.

— Что онъ такое тебѣ сказалъ? — раздражительно проворчалъ Ракитинъ.

— Не знаю я, не вѣдаю, ничего не вѣдаю, что онъ мнѣ такое сказалъ, сердцу сказалось, сердце онъ мнѣ перевернулъ . . . Пожалѣлъ онъ меня первый, единый, вотъ что! Зачѣмъ ты, херувимъ, не приходилъ прежде, — упала вдругъ она предъ нимъ на колѣни какъ бы въ изступленіи. — Я всю жизнь такого, какъ ты ждала, знала, что кто-то такой придетъ и меня проститъ. Вѣрила, что и меня кто-то полюбитъ, гадкую, не за одинъ только срамъ! . .

— Что я тебѣ такого сдѣлалъ? — умиленно улыбаясь, отвѣчалъ Алеша, нагнувшись къ ней и нѣжно взявъ ее за руки, — луковку я тебѣ подалъ, одну самую малую луковку, только, только!..

И, проговоривъ, самъ заплакалъ. Въ эту минуту въ сѣняхъ вдругъ раздался шумъ, кто-то во-

шелъ въ переднюю; Грушенька вскочила какъ бы въ страшномъ испугѣ. Въ комнату съ шумомъ и крикомъ вбѣжала Ѳеня.

— Барыня, голубушка, барыня, эстафетъ прискакалъ! — восклицала она весело и запыхавшись. — Тарантасъ изъ Мокраго за вами. Тимоѳей ямщикъ на тройкѣ, сейчасъ новыхъ лошадей переложатъ... Письмо, письмо, барыня, вотъ письмо!

Письмо было въ ея рукѣ, и она все время, пока кричала, махала имъ по воздуху. Грушенька выхватила отъ нея письмо и поднесла къ свѣчкѣ. Это была только записочка, нѣсколько строкъ, въ одинъ мигъ она прочла ее.

— Кликнулъ! — прокричала она, вся блѣдная съ перекосившимся отъ болѣзненной улыбки лицомъ, — свистнулъ! Ползи, собаченка!

Но только мигъ одинъ простояла какъ бы въ нерѣшимости; вдругъ кровь бросилась въ ея голову и залила ея щеки огнемъ.

— Ѣду! — воскликнула она вдругъ. — Пять моихъ лѣтъ! Прощайте! Прощай, Алеша, рѣшена судьба... Ступайте, ступайте, ступайте отъ меня теперь всѣ, чтобъ я уже васъ не видала!.. Полетѣла Грушенька въ новую жизнь... Не поминай меня лихомъ и ты, Ракитка. Можетъ, на смерть иду! Ухъ! Словно пьяная!

Она вдругъ бросила ихъ и побѣжала въ свою спальню.

— Ну, ей теперь не до насъ! — проворчалъ Ракитинъ. — Идемъ, а то, пожалуй, опять этотъ бабій крикъ пойдетъ, надоѣли ужъ мнѣ эти слезные крики...

Алеша далъ себя машинально вывести. На

дворѣ стоялъ тарантасъ, выпрягали лошадей, ходили съ фонаремъ, суетились. Въ отворенныя ворота вводили свѣжую тройку. Но только что сошли Алеша и Ракитинъ съ крыльца, какъ вдругъ отворилось окно изъ спальни Грушеньки, и она звонкимъ голосомъ прокричала вслѣдъ Алешѣ:

— Алешечка, поклонись своему братцу Митенькѣ, да скажи ему, чтобы не поминалъ меня, злодѣйку свою, лихомъ. Да передай ему тоже моими словами: «подлецу досталась Грушенька, а не тебѣ, благородному!» Да прибавь ему тоже, что любила его Грушенька одинъ часокъ времени, только одинъ часокъ всего и любила, — такъ чтобъ онъ этотъ часокъ всю жизнь свою отселева помнилъ, такъ, дескать, Грушенька на всю жизнь тебѣ заказала!..

Она закончила голосомъ, полнымъ рыданій. Окно захлопнулось.

— Гм! Гм! — промычалъ Ракитинъ, смѣясь,— зарѣзала братца Митеньку, да еще велитъ на всю жизнь свою помнить. Экое плотоядіе!

Алеша ничего не отвѣтилъ, точно и не слыхалъ; онъ шелъ подлѣ Ракитина скоро, какъ бы ужасно спѣша; онъ былъ какъ бы въ забытьи, шелъ машинально. Ракитина вдругъ чего-то укололо, точно ранку его свѣжую тронули пальцемъ. Совсѣмъ не того ждалъ онъ давеча, когда сводилъ Грушеньку съ Алешей; совсѣмъ иное случилось, а не то, чего бы ему очень хотѣлось.

— Полякъ онъ, ея офицеръ этотъ, — заговорилъ онъ опять, сдерживаясь, — да и не офицеръ онъ вовсе теперь, онъ въ таможнѣ чиновникомъ въ Сибири служилъ, гдѣ-то тамъ на Китайской границѣ, должно быть, какой поляченочекъ мозгля-

венькій. Мѣсто, говорятъ, потерялъ. Прослышалъ теперь, что у Грушеньки капиталъ завелся, вотъ и вернулся, — въ томъ и всѣ чудеса.

Алеша опять точно не слыхалъ. Ракитинъ не выдержалъ:

— Что жъ, обратилъ грѣшницу? — злобно засмѣялся онъ Алешѣ. — Блудницу на путь истины обратилъ? Семь бѣсовъ изгналъ, а? Вотъ они гдѣ наши чудеса-то давешнія, ожидаемыя, совершились!

— Перестань, Ракитинъ, — съ страданіемъ въ душѣ отозвался Алеша.

— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешнихъ «презираешь»? Продалъ, дескать, истиннаго друга. Да вѣдь ты не Христосъ, а я не Іуда.

— Ахъ, Ракитинъ, увѣряю тебя, я и забылъ объ этомъ, — воскликнулъ Алеша, — самъ ты сейчасъ напомнилъ . . .

Но Ракитинъ озлился уже окончательно.

— Да чертъ васъ дери всѣхъ и каждаго! — завопилъ онъ вдругъ, — и зачѣмъ я, чертъ, съ тобою связался! Знать я тебя не хочу больше отселева. Пошелъ одинъ, вонъ твоя дорога!

И онъ круто повернулъ въ другую улицу, оставивъ Алешу одного во мракѣ. Алеша вышелъ изъ города и пошелъ полемъ къ монастырю.

IV.

Кана Галилейская.

Было уже очень поздно по-монастырскому, когда Алеша пришелъ въ скитъ; его пропустилъ привратникъ особымъ путемъ. Пробило уже девять

часовъ, — часъ общаго отдыха и покоя послѣ столь тревожнаго для всѣхъ дня. Алеша робко отворилъ дверь и вступилъ въ келью старца, въ которой теперь стоялъ гробъ его. Кромѣ отца Паисія, уединенно читавшаго надъ гробомъ Евангеліе, и юноши послушника Порфирія, утомленаго вчерашнею ночною бесѣдой и сегодняшнею суетой, и спавшаго въ другой комнатѣ на полу своимъ крѣпкимъ молодымъ сномъ, въ кельѣ никого не было. Отецъ Паисій, хоть и слышалъ, что вошелъ Алеша, но даже и не посмотрѣлъ въ его сторону. Алеша повернулъ вправо отъ двери въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться. Душа его была переполнена, но какъ-то смутно, и ни одно ощущеніе не выдѣлялось слишкомъ сказываясь, напротивъ, одно вытѣсняло другое въ какомъ-то тихомъ, ровномъ коловращеніи. Но сердцу было сладко, и, странно, Алеша не удивлялся тому. Опять видѣлъ онъ предъ собою этотъ гробъ, этого закрытаго кругомъ драгоцѣннаго ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было въ душѣ его, какъ давеча утромъ. Предъ гробомъ, сейчасъ войдя, онъ палъ, какъ предъ святыней, но радость, радость сіяла въ умѣ его и сердцѣ его. Одно окно кельи было отперто, воздухъ стоялъ свѣжій и холодноватый, — «значитъ, духъ сталъ еще сильнѣе, коли рѣшились отворить окно», — подумалъ Алеша. Но и эта мысль о тлетворномъ духѣ, казавшаяся ему еще только давеча столь ужасною и безславною, не подняла теперь въ немъ давешней тоски и давешняго негодованія. Онъ тихо началъ молиться, но вскорѣ самъ почувствовалъ, что молится почти машинально. Обрывки мыслей мелькали въ душѣ его, загорались, какъ звѣздочки, и

тутъ же гасли, смѣняясь другими, но зато царило въ душѣ что-то цѣлое, твердое, утоляющее, и онъ сознавалъ это самъ. Иногда онъ пламенно начиналъ молитву, ему такъ захотѣлось благодарить и любить . . . Но, начавъ молитву, переходилъ вдругъ на что-нибудь другое, задумывался, забывалъ и молитву, и то, чѣмъ прервалъ ее. Сталъ было слушать, что читалъ отецъ Паисій, но утомленный очень, мало-по-малу началъ дремать . . .

«*И въ третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейстѣй,* читалъ отецъ Паисій, *и бѣ Мати Іисусовѣ ту. Званъ же бысть Іисусъ и ученицы его на бракъ*».

— Бракъ? Что это . . . бракъ . . . — неслось, какъ вихрь, въ умѣ Алеши, — у ней тоже счастье . . . поѣхала на пиръ . . . Нѣтъ, она не взяла ножа, не взяла ножа . . . Это было только «жалкое» слово . . . Ну . . жалкія слова надо прощать, непремѣнно. Жалкія слова тѣшатъ душу . . . безъ нихъ горе бы было слишкомъ тяжело у людей. Ракитинъ ушелъ въ переулокъ. Пока Ракитинъ будетъ думать о своихъ обидахъ, онъ будетъ всегда уходить въ переулокъ . . . А дорога . . . дорога-то большая, прямая, свѣтлая, хрустальная и солнце въ концѣ ея . . . А? . . что читаютъ?

« . . . *И не доставшу віну, глагола Мати Іисусова къ Нему: віна не имутъ*» . . . слышалось Алешѣ.

— Ахъ да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропускать, я это мѣсто люблю: это Кана Галилейская, первое чудо . . . Ахъ, это чудо, ахъ, это милое чудо! Не горе, а радость людскую посѣтилъ Христосъ, въ первый разъ сотворяя чудо, радости людской помогъ . . . «Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любитъ» . . . Это повторятъ

покойникъ поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ мыслей его была... Безъ радости жить нельзя, говоритъ Митя... Да, Митя... Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощенія, — это опять-таки онъ говорилъ...

«...*Глагола ей Іисусъ: что есть Мнѣ и тебѣ жено; не у пріиде часъ Мой. Глагола Мати Его слугамъ: еже аще глаголетъ вамъ, сотворите*»...

— Сотворите... Радость, радость какихъ-нибудь бѣдныхъ, очень бѣдныхъ людей... Ужъ, конечно, бѣдныхъ, коли даже на свадьбу вина не доставало... Вонъ пишутъ историки, что около озера Генисаретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселено было тогда самое бѣднѣйшее населеніе, какое только можно вообразить... И знало же другое великое сердце другого великаго существа, бывшаго тутъ же, Матери Его, что не для одного лишь великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное немудрое веселіе какихъ-нибудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, ласково позвавшихъ Его на убогій бракъ ихъ. «Не пришелъ еще часъ Мой», Онъ говоритъ съ тихою улыбкой (непремѣнно улыбнулся ей кротко)... Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того, чтобъ умножать вино на бѣдныхъ свадьбахъ, сошелъ Онъ на землю? А вотъ пошелъ же и сдѣлалъ же по Ея просьбѣ... Ахъ, онъ опять читаетъ:

«...*Глагола имъ Іисусъ: наполните водоносы воды, и наполниша ихъ до верха.*

«*И глагола имъ: почерпите нынѣ и принесите архітріклінови, и принесоша.*

«*Якоже вкуси архітріклінъ віна бывшаго отъ воды, и не вѣдяще откуда есть: слуги же вѣ-*

дяху почерпшіи воду: пригласи жениха архітріклінъ.

«И глагола ему: всякъ человѣкъ прежде доброе віно полагаетъ, и егда упіются, тогда хуждшее: ты же соблюлъ еси доброе віно доселѣ».

— Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ахъ, да... вѣдь это бракъ, свадьба... да, конечно. Вотъ и гости, вотъ и молодые сидятъ и веселая толпа и... гдѣ же премудрый Архитриклинъ? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встаетъ тамъ изъ-за большого стола? Какъ... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидалъ меня, идетъ сюда... Господи!..

Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющійся. Гроба ужъ нѣтъ, и онъ въ той же одеждѣ, какъ и вчера сидѣлъ съ ними, когда собрались къ нему гости. Лицо все открытое, глаза сіяютъ. Какъ же это, онъ, стало быть, тоже на пирѣ, тоже званый на бракъ въ Канѣ Галилейской...

— Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ, — раздается надъ нимъ тихій голосъ. — Зачѣмъ сюда схоронился, что не видать тебя... пойдемъ и ты къ намъ.

Голосъ его, голосъ старца Зосимы... Да и какъ же не онъ, коль зоветъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся съ колѣнъ.

— Веселимся, — продолжаетъ сухенькій старичокъ, — пьемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей? Вотъ и женихъ и невѣста, вотъ и премудрый Архитриклинъ, вино новое пробуетъ. Чего дивишься на меня? Я лу-

ковку подалъ, вотъ и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, по одной только маленькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты, тихій, и ты, кроткій мой мальчикъ, и ты сегодня луковку сумѣлъ подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткій, дѣло свое!.. А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?

— Боюсь... не смѣю глядѣть... — прошепталъ Алеша.

— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ высотою Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы не пресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ безпрерывно зоветъ и уже навѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ новое, видишь, сосуды несутъ...

Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило его вдругъ до боли, слезы восторга рвались изъ души его... Онъ простеръ руки, вскрикнулъ и проснулся...

Опять гробъ, отворенное окно и тихое, важное, раздѣльное чтеніе Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ, что читаютъ. Странно, онъ заснулъ на колѣняхъ, а теперь стоялъ на ногахъ, и вдругъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми шагами подошелъ вплоть ко гробу. Даже задѣлъ плечомъ отца Паисія и не замѣтилъ того. Тотъ на мгновеніе поднялъ было на него глаза отъ книги, но тотчасъ же отвелъ ихъ опять, понявъ, что съ юношей что-то случилось странное. Алеша глядѣлъ съ полминуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ гробу мертвеца, съ иконой на груди и съ куколемъ съ восьмиконечнымъ

крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ голосъ его, и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ еще прислушивался, онъ ждалъ еще звуковъ . . . но вдругъ, круто повернувшись, вышелъ изъ кельи.

Онъ не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною . . . Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю.

Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить вовѣки вѣковъ. «Облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои» . . . прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны, и «не стыдился изступленія сего». Какъ будто нити отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мірамъ инымъ». Простить хотѣлось всѣмъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а «за меня

и другіе просятъ», прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ бы осязательно, какъ что-то твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его — и уже на всю жизнь и навѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты. «Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ!» говорилъ онъ потомъ съ твердою вѣрой въ слова свои...

Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что согласовалось и со словомъ покойнаго старца его, повелѣвшаго ему «пребывать въ міру».

Книга восьмая.

Митя.

I.

Кузьма Самсоновъ.

А Дмитрій Ѳедоровичъ, которому Грушенька, улетая въ новую жизнь, «велѣла» передать свой послѣдній привѣтъ и заказала помнить навѣки часокъ ея любви, былъ въ эту минуту, ничего не вѣдая о происшедшемъ съ нею, тоже въ страшномъ смятеніи и хлопотахъ. Въ послѣдніе два дня онъ былъ въ такомъ невообразимомъ состояніи, что дѣйствительно могъ заболѣть воспаленіемъ въ мозгу, какъ самъ потомъ говорилъ. Алеша наканунѣ не могъ разыскать его утромъ, а братъ Иванъ въ тотъ же день не могъ устроить съ нимъ свиданія въ трактирѣ. Хозяева квартирки, въ которой онъ квартировалъ, скрыли по его приказу слѣды его. Онъ же въ эти два дня буквально метался во всѣ стороны, «борясь съ своею судьбой и спасая себя», какъ онъ самъ потомъ выразился, и даже на нѣсколько часовъ слеталъ по одному горячему дѣлу вонъ изъ города, несмотря на то, что страшно было ему уѣзжать, оставляя Грушеньку хоть на

минутку безъ глаза надъ нею. Все это впослѣдствіи выяснилось въ самомъ подробномъ и документальномъ видѣ, но теперь мы намѣтимъ фактически лишь самое необходимое изъ исторіи этихъ ужасныхъ двухъ дней въ его жизни, предшествовавшихъ страшной катастрофѣ, такъ внезапно разразившейся надъ судьбой его.

Грушенька хоть и любила его часочекъ истинно и искренно, это правда, но и мучила же его въ то же время иной разъ дѣйствительно жестоко и безпощадно. Главное въ томъ, что ничего-то онъ не могъ разгадать изъ ея намѣреній; выманить же лаской или силой не было тоже возможности: не далась бы ни за что, а только бы разсердилась и отвернулась отъ него вовсе, это онъ ясно тогда понималъ. Онъ подозрѣвалъ тогда весьма вѣрно, что она и сама находится въ какой-то борьбѣ, въ какой-то необычайной нерѣшительности, на что-то рѣшается и все рѣшиться не можетъ, а потому и не безъ основанія предполагалъ, замирая сердцемъ, что минутами она должна была просто ненавидѣть его съ его страстью. Такъ, можетъ быть, и было, но о чемъ именно тосковала Грушенька, того онъ все-таки не понималъ. Собственно для него весь вопросъ, его мучившій, складывался лишь въ два опредѣленія: «или онъ, Митя, или Ѳедоръ Павловичъ». Тутъ, кстати, нужно обозначить одинъ твердый фактъ: онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что Ѳедоръ Павловичъ непремѣнно предложитъ (если ужъ не предложилъ) Грушенькѣ законный бракъ, и не вѣрилъ ни минуты, что старый сластолюбецъ надѣется отдѣлаться лишь тремя тысячами. Это вывелъ Митя, зная Грушеньку и ея характеръ. Вотъ почему ему и могло казаться временами, что

вся мука Грушеньки и вся нерѣшимость происходитъ тоже лишь отъ того, что она не знаетъ, кого изъ нихъ выбрать и кто изъ нихъ будетъ ей выгоднѣе. О близкомъ же возвращеніи «офицера», то есть того рокового человѣка въ жизни Грушеньки, прибытія котораго она ждала съ такимъ волненіемъ и страхомъ, онъ — странно это — въ тѣ дни даже и не думалъ думать. Правда, что Грушенька съ нимъ объ этомъ въ самые послѣдніе дни очень молчала. Однако, ему было вполнѣ извѣстно отъ нея же самой о письмѣ, полученномъ тою мѣсяцъ назадъ отъ этого бывшаго ея обольстителя, было извѣстно отчасти и содержаніе письма. Тогда, въ одну злую минутку, Грушенька ему это письмо показала, но, къ ея удивленію, письму этому онъ не придалъ почти никакой цѣны. И очень было бы трудно объяснить почему: можетъ быть, просто потому, что самъ, угнетенный всѣмъ безобразіемъ и ужасомъ своей борьбы съ роднымъ отцомъ за эту женщину, онъ уже и предположить не могъ для себя ничего страшнѣе и опаснѣе, по крайней мѣрѣ, въ то время. Жениху же, вдругъ выскочившему откуда-то послѣ пятилѣтняго исчезновенія, онъ просто даже не вѣрилъ, и особенно тому, что тотъ скоро пріѣдетъ. Да и въ самомъ въ этомъ первомъ письмѣ «офицера», которое показали Митенькѣ, говорилось о пріѣздѣ этого новаго соперника весьма неопредѣленно: письмо было очень туманное, очень высокопарное и наполнено лишь чувствительностью. Надо замѣтить, что Грушенька въ тотъ разъ скрыла отъ него послѣднія строчки письма, въ которыхъ говорилось нѣсколько опредѣленнѣе о возвращеніи. Къ тому же Митенька вспоминалъ потомъ, что въ ту минуту

уловилъ какъ бы нѣкоторое невольное и гордое презрѣніе къ этому посланію изъ Сибири въ лицѣ самой Грушеньки. Затѣмъ Грушенька о всѣхъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ этимъ новымъ соперникомъ Митенькѣ уже ничего не сообщала. Такимъ образомъ и мало-по-малу онъ совсѣмъ даже забылъ объ офицерѣ. Онъ думалъ только о томъ, что что бы тамъ ни вышло и какъ бы дѣло ни обернулось, а надвигавшаяся окончательная сшибка его съ Ѳедоромъ Павловичемъ слишкомъ близка и должна разрѣшиться раньше всего другого. Замирая душой, онъ ежеминутно ждалъ рѣшенія Грушеньки и все вѣрилъ, что оно произойдетъ какъ бы внезапно, по вдохновенію. Вдругъ она скажетъ ему: «возьми меня, я навѣки твоя» — и все кончится: онъ схватитъ ее и увезетъ на край свѣта тотчасъ же. О, тотчасъ же увезетъ, какъ можно, какъ можно дальше, если не на край свѣта, то куда-нибудь на край Россіи, женится тамъ на ней и поселится съ ней incognito, такъ чтобъ ужъ никто не зналъ о нихъ вовсе, ни здѣсь, ни тамъ и нигдѣ. Тогда, о, тогда начнется тотчасъ же совсѣмъ иная жизнь! Объ этой другой, обновленной и уже «добродѣтельной» жизни («непремѣнно, непремѣнно добродѣтельной») онъ мечталъ поминутно и изступленно. Онъ жаждалъ этого воскресенья и обновленія. Гнусный омутъ, въ которомъ онъ завязъ самъ своею волей, слишкомъ тяготилъ его, и онъ, какъ и очень многіе въ такихъ случаяхъ, всего болѣе вѣрилъ въ перемѣну мѣста: только бы не эти люди, только бы не эти обстоятельства, только бы улетѣть изъ этого проклятаго мѣста и — все возродится, пойдетъ по-новому! Вотъ во что онъ вѣрилъ и по чемъ томился.

Но это было лишь въ случаѣ перваго, *счастливаго* рѣшенія вопроса. Было и другое рѣшеніе, представлялся и другой, но ужасный уже исходъ. Вдругъ она скажетъ ему: «ступай, я порѣшила сейчасъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ, и выхожу за него замужъ, а тебя не надо» — и тогда... но тогда... Митя, впрочемъ, не зналъ, что будетъ тогда, до самаго послѣдняго часу не зналъ, въ этомъ надо его оправдать. Намѣреній опредѣленныхъ у него не было. Онъ только слѣдилъ, шпіонилъ и мучился, но готовился все-таки лишь къ первому счастливому исходу судьбы своей. Даже отгонялъ всякую другую мысль. Но здѣсь уже начиналась совсѣмъ другая мука, вставало одно совсѣмъ новое и постороннее, но тоже роковое и неразрѣшимое обстоятельство.

Именно, въ случаѣ, если она скажетъ ему: «я твоя, увези меня», то какъ онъ ее увезетъ? Гдѣ у него на то средства, деньги? У него какъ разъ къ этому сроку изсякли всѣ, до сихъ поръ не прерывавшіеся въ продолженіе столькихъ лѣтъ, его доходы отъ подачекъ Ѳедора Павловича. Конечно, у Грушеньки были деньги, но въ Митѣ на этотъ счетъ вдругъ оказалась страшная гордость: онъ хотѣлъ увезти ее самъ и начать съ ней новую жизнь на свои средства, а не на ея; онъ вообразить даже не могъ, что возьметъ у нея ея деньги, и страдалъ отъ этой мысли до мучительнаго отвращенія. Не распространяюсь здѣсь объ этомъ фактѣ, не анализирую его, а лишь отмѣчаю: таковъ былъ складъ души его въ ту минуту. Могло все это происходить косвенно и какъ бы безсознательно даже отъ тайныхъ мукъ его совѣсти за воровски присвоенныя имъ деньги Катерины Ивановны: «предъ одной

подлецъ и предъ другой тотчасъ выйду опять подлецъ», думалъ онъ тогда, какъ самъ потомъ признавался: «да Грушенька, коли узнаетъ, такъ и сама не захочетъ такого подлеца». Итакъ, гдѣ же взять средства, гдѣ взять эти роковыя деньги? Иначе все пропадетъ и ничего не состоится, «и единственно потому, что не хватило денегъ, о, позоръ!»

Забѣгаю впередъ: то-то и есть, что онъ, можетъ быть, и зналъ, гдѣ достать эти деньги, зналъ, можетъ быть, гдѣ и лежатъ онѣ. Подробнѣе на этотъ разъ ничего не скажу, ибо потомъ все объяснится; но вотъ въ чемъ состояла главная для него бѣда, и хотя неясно, но я это выскажу; чтобы взять эти лежащія гдѣ-то средства, чтобы *имѣть право* взять ихъ, надо было предварительно возвратить три тысячи Катеринѣ Ивановнѣ — иначе «я карманный воръ, подлецъ, а новую жизнь я не хочу начинать подлецомъ», рѣшилъ Митя, а потому рѣшилъ перевернуть весь міръ, если надо, но непремѣнно эти три тысячи отдать Катеринѣ Ивановнѣ во что бы то ни стало и *прежде всего*. Окончательный процессъ этого рѣшенія произошелъ съ нимъ, такъ сказать, въ самые послѣдніе часы его жизни, именно съ послѣдняго свиданія съ Алешей, два дня тому назадъ вечеромъ, на дорогѣ, послѣ того, какъ Грушенька оскорбила Катерину Ивановну, а Митя, выслушавъ разсказъ о томъ отъ Алеши, сознался, что онъ подлецъ, и велѣлъ передать это Катеринѣ Ивановнѣ, «если это можетъ сколько-нибудь ее облегчить». Тогда же, въ ту же ночь, разставшись съ братомъ, почувствовалъ онъ въ изступленіи своемъ, что лучше ему даже «убить и ограбить кого-нибудь, но долгъ Катѣ возвра-

тить». «Пусть ужъ лучше я предъ тѣмъ, убитымъ и ограбленнымъ — убійцей и воромъ выйду и предъ всѣми людьми, и въ Сибирь пойду, чѣмъ если Катя въ правѣ будетъ сказать, что я ей измѣнилъ и у нея же деньги укралъ, и на ея же деньги съ Грушенькой убѣжалъ добродѣтельную жизнь начинать! Этого я не могу!» Такъ со скрежетомъ зубовъ изрекъ Митя и, дѣйствительно, могъ представлять себѣ временами, что кончитъ воспаленіемъ въ мозгу. Но пока боролся . . .

Странное дѣло: казалось бы, что тутъ при такомъ рѣшеніи, кромѣ отчаянія, ничего уже болѣе для него не оставалось; ибо гдѣ взять вдругъ такія деньги, да еще такому голышу, какъ онъ? А между тѣмъ онъ до конца все то время надѣялся, что достанетъ эти три тысячи, что онѣ придутъ, слетятъ къ нему какъ-нибудь сами, даже хоть съ неба. Но такъ именно бываетъ съ тѣми, которые, какъ и Дмитрій Ѳедоровичъ, всю жизнь свою умѣютъ лишь тратить и мотать доставшіяся по наслѣдству деньги даромъ, а о томъ, какъ добываются деньги, не имѣютъ никакого понятія. Самый фантастическій вихрь поднялся въ головѣ его сейчасъ послѣ того, какъ онъ третьяго дня разстался съ Алешей, и спуталъ всѣ его мысли. Такимъ образомъ вышло, что началъ онъ съ самаго дикаго предпріятія. Да, можетъ быть, именно въ этакихъ положеніяхъ у этакихъ людей самыя невозможныя и фантастическія предпріятія представляются первыми возможнѣйшими. Онъ вдругъ порѣшилъ пойти къ купцу Самсонову, покровителю Грушеньки, и предложить ему одинъ «планъ», достать отъ него подъ этотъ «планъ» разомъ всю искомую сумму; въ планѣ своемъ съ коммерческой стороны онъ не со-

мнѣвался нисколько, а сомнѣвался лишь въ томъ, какъ посмотритъ на его выходку самъ Самсоновъ, если захочетъ взглянуть не съ одной только коммерческой стороны. Митя хоть и зналъ этого купца въ лицо, но знакомъ съ нимъ не былъ и даже ни разу не говорилъ съ нимъ. Но почему-то въ немъ, и даже уже давно, основалось убѣжденіе, что этотъ старый развратитель, дышащій теперь на ладонъ, можетъ быть, вовсе не будетъ въ настоящую минуту противиться, если Грушенька устроитъ какъ-нибудь свою жизнь честно и выйдетъ за «благонадежнаго человѣка» замужъ. И что не только не будетъ противиться, но что и самъ желаетъ этого и, навернись только случай, самъ будетъ способствовать. По слухамъ ли какимъ, или изъ какихъ-нибудь словъ Грушеньки, но онъ заключилъ тоже, что старикъ, можетъ быть, предпочелъ бы его для Грушеньки Ѳедору Павловичу. Можетъ быть, многимъ изъ читателей нашей повѣсти покажется этотъ расчетъ на подобную помощь и намѣреніе взять свою невѣсту, такъ сказать, изъ рукъ ея покровителя слишкомъ ужъ грубымъ и небрезгливымъ со стороны Дмитрія Ѳедоровича. Могу замѣтить лишь то, что прошлое Грушеньки представлялось Митѣ уже окончательно прошедшимъ. Онъ глядѣлъ на это прошлое съ безконечнымъ состраданіемъ и рѣшилъ со всѣмъ пламенемъ своей страсти, что разъ Грушенька выговоритъ ему, что его любитъ и за него идетъ, то тотчасъ же и начнется совсѣмъ новая Грушенька, а вмѣстѣ съ нею и совсѣмъ новый Дмитрій Ѳедоровичъ, безо всякихъ уже пороковъ, а лишь съ однѣми добродѣтелями: оба они другъ другу простятъ и начнутъ свою жизнь уже совсѣмъ по-новому. Что же до

Кузьмы Самсонова, то считалъ онъ его, въ этомъ прежнемъ провалившемся прошломъ Грушеньки, за человѣка въ жизни ея рокового, котораго она, однако, никогда не любила и который, это главное, уже тоже «прошелъ», кончился, такъ что и его уже нѣтъ теперь вовсе. Да къ тому же Митя его даже и за человѣка теперь считать не могъ, ибо извѣстно было всѣмъ и каждому въ городѣ, что это лишь больная развалина, сохранившая отношенія съ Грушенькой, такъ сказать, лишь отеческія, а совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, какъ прежде, и что это уже давно такъ. Во всякомъ случаѣ тутъ было много и простодушія со стороны Мити, ибо при всѣхъ порокахъ своихъ это былъ очень простодушный человѣкъ. Вслѣдствіе этого-то простодушія своего онъ, между прочимъ, былъ серьезно убѣжденъ, что старый Кузьма, собираясь отходить въ другой міръ, чувствуетъ искреннее раскаяніе за свое прошлое съ Грушенькой, и что нѣтъ теперь у нея покровителя и друга болѣе преданнаго, какъ этотъ безвредный уже старикъ.

На другой же день послѣ разговора съ Алешей въ полѣ, послѣ котораго Митя почти не спалъ всю ночь, онъ явился въ домъ Самсонова около десяти часовъ утра и велѣлъ о себѣ доложить. Домъ этотъ былъ старый, мрачный, очень обширный, двухъэтажный, съ надворными строеніями и съ флигелемъ. Въ нижнемъ этажѣ проживали два женатые сына Самсонова со своими семействами, престарѣлая сестра его и одна незамужняя дочь. Во флигелѣ же помѣщались два его приказчика, изъ которыхъ одинъ былъ тоже многосемейный. И дѣти, и приказчики тѣснились въ своихъ помѣщеніяхъ, но верхъ дома занималъ старикъ одинъ и не пу-

скалъ къ себѣ жить даже дочь, ухаживавшую за нимъ, и которая въ опредѣленные часы и въ неопредѣленные зовы его должна была каждый разъ взбѣгать къ нему наверхъ снизу, несмотря на давнишнюю одышку свою. Этотъ «верхъ» состоялъ изъ множества большихъ парадныхъ комнатъ, меблированныхъ по купеческой старинѣ, съ длинными скучными рядами неуклюжихъ креселъ и стульевъ краснаго дерева по стѣнамъ, съ хрустальными люстрами въ чехлахъ, съ угрюмыми зеркалами въ простѣнкахъ. Всѣ эти комнаты стояли совсѣмъ пустыми и необитаемыми, потому что больной старикъ жался лишь въ одной комнаткѣ, въ отдаленной маленькой своей спаленкѣ, гдѣ прислуживала ему старуха-служанка, съ волосами въ платочкѣ, да «малый», пребывавшій на залавкѣ въ передней. Ходить старикъ изъ-за распухшихъ ногъ своихъ почти совсѣмъ уже не могъ и только изрѣдка поднимался со своихъ кожаныхъ креселъ, и старуха, придерживая его подъ руки, проводила его разъ-другой по комнатѣ. Былъ онъ строгъ и неразговорчивъ даже съ этою старухой. Когда доложили ему о приходѣ «капитана», онъ тотчасъ же велѣлъ отказать. Но Митя настаивалъ и доложился еще разъ. Кузьма Кузьмичъ опросилъ подробно малаго: что, дескать, каковъ съ виду, не пьянъ ли? Не буянитъ ли? И получилъ въ отвѣтъ, что «тверезъ, но уходить не хочетъ». Старикъ опять велѣлъ отказать. Тогда Митя, все это предвидѣвшій и нарочно на сей случай захватившій съ собой бумагу и карандашъ, четко написалъ на клочкѣ бумаги одну строчку: «По самонужнѣйшему дѣлу, близко касающемуся Аграфены Александровны», и послалъ это старику. Подумавъ нѣ-

сколько, старикъ велѣлъ малому ввести посѣтителя въ залу, а старуху послалъ внизъ съ приказаніемъ къ младшему сыну сейчасъ же явиться къ нему наверхъ. Этотъ младшій сынъ, мужчина вершковъ двѣнадцати и силы непомѣрной, брившій лицо и одѣвавшійся по-нѣмецки (самъ Самсоновъ ходилъ въ кафтанѣ и съ бородой), явился немедленно и безмолвно. Всѣ они предъ отцомъ трепетали. Пригласилъ отецъ этого молодца не то чтобъ изъ страху предъ капитаномъ, характера онъ былъ весьма не робкаго, а такъ лишь на всякій случай, болѣе, чтобъ имѣть свидѣтеля. Въ сопровожденіи сына, взявшаго его подъ руку, и малаго, онъ выплылъ, наконецъ, въ залу. Надо думать, что ощущалъ онъ и нѣкоторое довольно сильное любопытство. Зала эта, въ которой ждалъ Митя, была огромная, угрюмая, убивавшая тоской душу комната, въ два свѣта, съ хорами, со стѣнами «подъ мраморъ» и съ тремя огромными хрустальными люстрами въ чехлахъ. Митя сидѣлъ на стульчикѣ у входной двери и въ нервномъ нетерпѣніи ждалъ своей участи. Когда старикъ появился у противоположнаго входа, сажень за десять отъ стула Мити, то тотъ вдругъ вскочилъ и своими твердыми, фронтовыми, аршинными шагами пошелъ къ нему навстрѣчу. Одѣтъ былъ Митя прилично, въ застегнутомъ сюртукѣ, съ круглой шляпой въ рукахъ и въ черныхъ перчаткахъ, точь-въ-точь какъ былъ три дня тому назадъ въ монастырѣ, у старца, на семейномъ свиданіи съ Ѳедоромъ Павловичемъ и съ братьями. Старикъ важно и строго ожидалъ его стоя, и Митя разомъ почувствовалъ, что, пока онъ подходилъ, тотъ его всего разсмотрѣлъ. Поразило тоже Митю чрезвычайно опухшее за по-

слѣднее время лицо Кузьмы Кузьмича: нижняя и безъ того толстая губа его казалась теперь какою-то отвисшею лепешкой. Важно и молча поклонился онъ гостю, указалъ ему на кресло подлѣ дивана, а самъ медленно, опираясь на руку сына и болѣзненно кряхтя, сталъ усаживаться напротивъ Мити на диванъ, такъ что тотъ, видя болѣзненныя усилія его, немедленно почувствовалъ въ сердцѣ своемъ раскаяніе и деликатный стыдъ за свое теперешнее ничтожество предъ столь важнымъ имъ обезпокоеннымъ лицомъ.

— Что вамъ, сударь, отъ меня угодно? — проговорилъ, усѣвшись, наконецъ, старикъ, медленно, раздѣльно, но вѣжливо.

Митя вздрогнулъ, вскочилъ было, но сѣлъ опять. Затѣмъ тотчасъ же сталъ говорить громко, быстро, нервно, съ жестами, и въ рѣшительномъ изступленіи. Видно было, что человѣкъ дошелъ до черты, погибъ и ищетъ послѣдняго выхода, а не удастся, то хоть сейчасъ и въ воду. Все это въ одинъ мигъ, вѣроятно, понялъ старикъ Самсоновъ, хотя лицо его оставалось неизмѣннымъ и холоднымъ, какъ у истукана.

«Благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ вѣроятно слыхалъ уже не разъ о моихъ контрахъ съ отцомъ моимъ, Ѳедоромъ Павловичемъ, ограбившимъ меня по наслѣдству послѣ родной моей матери... такъ какъ весь городъ уже трещитъ объ этомъ... потому что здѣсь всѣ трещатъ о томъ, чего не надо... А кромѣ того, могло дойти и отъ Грушеньки... виноватъ: отъ Аграфены Александровны... отъ многоуважаемой и многочтимой мною Аграфены Александровны»... такъ началъ и оборвался съ перваго слова Митя. Но мы не будемъ приво-

дить дословно всю его рѣчь, а представимъ лишь изложеніе. Дѣло, дескать, заключается въ томъ, что онъ, Митя, еще три мѣсяца назадъ, нарочито совѣтовался (онъ именно проговорилъ «нарочито», а не нарочно) съ адвокатомъ въ губернскомъ городѣ, «со знаменитымъ адвокатомъ, Кузьма Кузьмичъ, Павломъ Павловичемъ Корнеплодовымъ, изволили, вѣроятно, слышать? Лобъ обширный, почти государственный умъ . . . васъ тоже знаетъ . . . отзывался въ лучшемъ видѣ» . . . оборвался въ другой разъ Митя. Но обрывы его не останавливали, онъ тотчасъ же чрезъ нихъ перескакивалъ и устремлялся все далѣе и далѣе. Этотъ-де самый Корнеплодовъ, опросивъ подробно и разсмотрѣвъ документы, какіе Митя могъ представить ему (о документахъ Митя выразился неясно и особенно спѣша въ этомъ мѣстѣ), отнесся, что насчетъ деревни Чермашни, которая должна бы, дескать, была принадлежать ему, Митѣ, по матери, дѣйствительно, можно бы было начать искъ и тѣмъ старика-безобразника огорошить . . . «потому что не всѣ же двери заперты, а юстиція ужъ знаетъ, куда пролѣзть». Однимъ словомъ, можно бы было надѣяться даже-де тысячъ на шесть додачи отъ Ѳедора Павловича, на семь даже, такъ какъ Чермашня все же стòитъ не менѣе двадцати пяти тысячъ, то есть навѣрно двадцати восьми, — «тридцати, тридцати, Кузьма Кузьмичъ, а я, представьте себѣ, и семнадцати отъ этого жестокаго человѣка не выбралъ! . .» Такъ вотъ я, дескать, Митя, тогда это дѣло бросилъ, ибо не умѣю съ юстиціей, а, пріѣхавъ сюда, поставленъ былъ въ столбнякъ встрѣчнымъ искомъ (здѣсь Митя опять запутался и опять круто перескочилъ): такъ вотъ, дескать,

не пожелаете ли вы, благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ, взять всѣ права мои на этого изверга, а сами мнѣ дайте только три тысячи... Вы ни въ какомъ случаѣ проиграть вѣдь не можете, въ этомъ честью, честью клянусь, а совсѣмъ напротивъ, можете нажить тысячъ шесть или семь, вмѣсто трехъ... А главное дѣло, чтобъ это кончить «даже сегодня же». «Я тамъ вамъ у нотаріуса, что ли, или какъ тамъ... Однимъ словомъ, я готовъ на все, выдамъ всѣ документы, какіе потребуете, все подпишу... и мы эту бумагу сейчасъ же и совершили бы, и если бы можно, если бы только можно, то сегодня же бы утромъ... Вы бы мнѣ эти три тысячи выдали... такъ какъ кто же противъ васъ капиталистъ въ этомъ городишкѣ... и тѣмъ спасли бы меня отъ... однимъ словомъ, спасли бы мою бѣдную голову для благороднѣйшаго дѣла, для возвышеннѣйшаго дѣла, можно сказать... ибо питаю благороднѣйшія чувства къ извѣстной особѣ, которую слишкомъ знаете и о которой печетесь отечески. Иначе бы и не пришелъ, если бы не отечески. И, если хотите, тутъ трое состукнулись лбами, ибо судьба — это страшилище, Кузьма Кузьмичъ! Реализмъ, Кузьма Кузьмичъ, реализмъ! А такъ какъ васъ давно уже надо исключить, то останутся два лба, какъ я выразился, можетъ быть, не ловко, но я не литераторъ. То есть одинъ лобъ мой, а другой — этого изверга. Итакъ, выбирайте: или я, или извергъ? Все теперь въ вашихъ рукахъ — три судьбы и два жребія... Извините, я сбился, но вы понимаете... я вижу по вашимъ почтеннымъ глазамъ, что вы поняли... А если не поняли, то сегодня же въ воду, вотъ!»

Митя оборвалъ свою нелѣпую рѣчь этимъ «вотъ» и, вскочивъ съ мѣста, ждалъ отвѣта на свое глупое предложеніе. Съ послѣднею фразою онъ вдругъ и безнадежно почувствовалъ, что все лопнуло, а, главное, что онъ нагородилъ страшной ахинеи. «Странное дѣло, пока шелъ сюда, все казалось хорошо, а теперь вотъ и ахинея!» вдругъ пронеслось въ его безнадежной головѣ. Все время, пока онъ говорилъ, старикъ сидѣлъ неподвижно и съ ледянымъ выраженіемъ во взорѣ слѣдилъ за нимъ. Выдержавъ его, однако, съ минутку въ ожиданіи, Кузьма Кузьмичъ изрекъ, наконецъ, самымъ рѣшительнымъ и безотраднымъ тономъ:

— Извините-съ, мы этакими дѣлами не занимаемся.

Митя вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ слабѣютъ ноги.

— Какъ же я теперь, Кузьма Кузьмичъ, — пробормоталъ онъ, блѣдно улыбаясь. — Вѣдь я теперь пропалъ, какъ вы думаете?

— Извините-съ . . .

Митя все стоялъ и все смотрѣлъ неподвижно въ упоръ, и вдругъ замѣтилъ, что что-то двинулось въ лицѣ старика. Онъ вздрогнулъ.

— Видите, сударь, намъ такія дѣла несподручны, — медленно промолвилъ старикъ, — суды пойдутъ, адвокаты, сущая бѣда! А если хотите, тутъ есть одинъ человѣкъ, вотъ къ нему обратитесь . . .

— Боже мой, кто же это! . . Вы воскрешаете меня, Кузьма Кузьмичъ, — залепеталъ вдругъ Митя.

— Не здѣшній онъ, этотъ человѣкъ, да и здѣсь его теперь не находится. Онъ по крестьянству,

лѣсомъ торгуетъ, прозвищемъ Лягавый. У Ѳедора Павловича вотъ уже годъ, какъ торгуетъ въ Чермашнѣ этой вашей рощу, да за цѣной расходятся, можетъ, слышали. Теперь онъ какъ разъ пріѣхалъ опять и стоитъ теперь у батюшки Ильинскаго, отъ Воловьей станціи верстъ двѣнадцать что ли будетъ, въ селѣ Ильинскомъ. Писалъ онъ сюда и ко мнѣ по этому дѣлу, то есть насчетъ этой рощи, совѣта просилъ. Ѳедоръ Павловичъ къ нему самъ хочетъ ѣхать. Такъ если бы вы Ѳедора Павловича предупредили, да Лягавому предложили вотъ то самое, что мнѣ говорили, то онъ, можетъ статься...

— Геніальная мысль! — восторженно перебилъ Митя. — Именно онъ, именно ему въ руку! Онъ торгуетъ, съ него дорого просятъ, а тутъ ему именно документъ на самое владѣніе, ха-ха-ха! И Митя вдругъ захохоталъ своимъ короткимъ, деревяннымъ смѣхомъ, совсѣмъ неожиданнымъ, такъ что даже Самсоновъ вздрогнулъ головой.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, Кузьма Кузьмичъ, — кипѣлъ Митя.

— Ничего-съ, — склонилъ голову Самсоновъ.

— Но вы не знаете, вы спасли меня, о, меня влекло къ вамъ предчувствіе... Итакъ, къ этому попу!

— Не стòитъ благодарности-съ.

— Спѣшу и лечу. Злоупотребилъ вашимъ здоровьемъ. Вѣкъ не забуду, русскій человѣкъ говоритъ вамъ это, Кузьма Кузьмичъ, р-русскій человѣкъ!

— Тэ-эксъ.

Митя схватилъ было старика за руку, чтобъ потрясть ее, но что-то злобное промелькнуло въ глазахъ того. Митя отнялъ руку, но тотчасъ же

упрекнулъ себя во мнительности. «Это онъ усталъ»... мелькнуло въ умѣ его.

— Для нея! Для нея, Кузьма Кузьмичъ! Вы понимаете, что это для нея! — рявкнулъ онъ вдругъ на всю залу, поклонился, круто повернулся и тѣми же скорыми, аршинными шагами, не оборачиваясь, устремился къ выходу. Онъ трепеталъ отъ восторга. «Все вѣдь ужъ погибало, и вотъ Ангелъ Хранитель спасъ», неслось въ умѣ его. «И ужъ если такой дѣлецъ, какъ этотъ старикъ (благороднѣйшій старикъ, и какая осанка!), указалъ этотъ путь, то... то ужъ, конечно, выигранъ путь. Сейчасъ и летѣть. До ночи вернусь, ночью вернусь, но дѣло побѣждено. Неужели же старикъ могъ надо мной насмѣяться?» — Такъ восклицалъ Митя, шагая въ свою квартиру, и ужъ, конечно, иначе и не могло представляться уму его, то есть: или дѣльный совѣтъ (отъ такого-то дѣльца) — со знаніемъ дѣла, со знаніемъ этого Лягаваго (странная фамилія!) или — или старикъ надъ нимъ посмѣялся! Увы! послѣдняя-то мысль и была единственно вѣрною. Потомъ, уже долго спустя, когда уже совершилась вся катастрофа, старикъ Самсоновъ самъ сознавался, смѣясь, что тогда осмѣялъ «капитана». Это былъ злобный, холодный и насмѣшливый человѣкъ, къ тому же съ болѣзненными антипатіями. Восторженный ли видъ капитана, глупое ли убѣжденіе этого «мота и расточителя», что онъ, Самсоновъ, можетъ поддаться на такую дичь, какъ его «планъ», ревнивое ли чувство насчетъ Грушеньки, во имя которой «этотъ сорванецъ» пришелъ къ нему съ какою-то дичью за деньгами, — не знаю, что именно побудило тогда старика, но въ ту минуту, когда Митя стоялъ предъ

нимъ, чувствуя, что слабѣютъ его ноги и безсмысленно восклицалъ, что онъ пропалъ, — въ ту минуту старикъ посмотрѣлъ на него съ безконечною злобою и придумалъ надъ нимъ посмѣяться. Когда Митя вышелъ, Кузьма Кузьмичъ, блѣдный отъ злобы, обратился къ сыну и велѣлъ распорядиться, чтобы впредь этого оборванца и духу не было, и на дворъ не впускать, не то...

Онъ не договорилъ того, чѣмъ угрожалъ, но даже сынъ, часто видавшій его во гнѣвѣ, вздрогнулъ отъ страху. Цѣлый часъ спустя старикъ даже весь трясся отъ злобы, а къ вечеру заболѣлъ и послалъ за «лѣкаремъ».

II.

Лягавый.

Итакъ, надо было «скакать», а денегъ на лошадей все-таки не было ни копейки, то есть были два двугривенныхъ, и это все, все, что оставалось отъ столькихъ лѣтъ прежняго благосостоянія! Но у него лежали дома старые серебряные часы, давно уже переставшіе ходить. Онъ схватилъ ихъ и снесъ къ еврею-часовщику, помѣщавшемуся въ своей лавчонкѣ на базарѣ. Тотъ далъ за нихъ шесть рублей. «И того не ожидалъ!» вскричалъ восхищенный Митя (онъ все продолжалъ быть въ восхищеніи), схватилъ свои шесть рублей и побѣжалъ домой. Дома онъ дополнилъ сумму, взявъ взаймы три рубля отъ хозяевъ, которые дали ему съ удовольствіемъ, несмотря на то, что отдавали послѣднія свои деньги, до того любили его. Митя въ восторженномъ состояніи своемъ открылъ имъ

тутъ же, что рѣшается судьба его, и разсказалъ имъ, ужасно спѣша, разумѣется, почти весь свой «планъ», который только что представилъ Самсонову, затѣмъ рѣшеніе Самсонова, будущія надежды свои и проч., и проч. Хозяева и допрежь сего были посвящены во многія его тайны, потому-то и смотрѣли на него, какъ на *своего* человѣка, совсѣмъ не гордаго барина. Совокупивъ такимъ образомъ девять рублей, Митя послалъ за почтовыми лошадьми до Воловьей станціи. Но такимъ образомъ запомнился и обозначился фактъ, что «наканунѣ нѣкотораго событія, въ полдень, у Мити не было ни копейки и что онъ, чтобы достать денегъ, продалъ часы и занялъ три рубля у хозяевъ, и все при свидѣтеляхъ».

Отмѣчаю этотъ фактъ заранѣе, потомъ разъяснится, для чего такъ дѣлаю.

Поскакавъ на Воловью станцію, Митя хоть и сіялъ отъ радостнаго предчувствія, что, наконецъ-то, кончитъ и развяжетъ «всѣ эти дѣла», тѣмъ не менѣе трепеталъ и отъ страху: что̀ станется теперь съ Грушенькой въ его отсутствіе? Ну, какъ разъ сегодня-то и рѣшится, наконецъ, пойти къ Ѳедору Павловичу? Вотъ почему онъ и уѣхалъ ей не сказавшись и заказавъ хозяевамъ отнюдь не открывать, куда онъ дѣлся, если откуда-нибудь придутъ его спрашивать. «Непремѣнно, непремѣнно сегодня къ вечеру надо вернуться», повторялъ онъ, трясясь въ телѣгѣ, «а этого Лягаваго, пожалуй, и сюда притащить . . . для совершенія этого акта» . . . такъ, замирая душою, мечталъ Митя, но увы, мечтаніямъ его слишкомъ не суждено было совершиться по его «плану».

Во-первыхъ, онъ опоздалъ, отправившись съ

Воловьей станціи проселкомъ. Проселокъ оказался не въ двѣнадцать, а въ восемнадцать верстъ. Во-вторыхъ, Ильинскаго «батюшки» онъ не засталъ дома, тотъ отлучился въ сосѣднюю деревню. Пока разыскалъ тамъ его Митя, отправившись въ эту сосѣднюю деревню все на тѣхъ же, уже измученныхъ лошадяхъ, наступила почти уже ночь. «Батюшка», робкій и ласковый на видъ человѣчекъ, разъяснилъ ему немедленно, что этотъ Лягавый, хоть и остановился было у него съ первоначалу, но теперь находится въ Сухомъ Поселкѣ, тамъ у лѣсного сторожа въ избѣ сегодня ночуетъ, потому что и тамъ тоже лѣсъ торгуетъ. На усиленныя просьбы Мити сводить его къ Лягавому сейчасъ же и «тѣмъ, такъ сказать, спасти» его, батюшка хоть и заколебался вначалѣ, но согласился, однако, проводить его въ Сухой Поселокъ, видимо почувствовавъ любопытство; но на грѣхъ посовѣтовалъ дойти «пѣшечкомъ», такъ какъ тутъ всего какая-нибудь верста «съ небольшимъ излишкомъ будетъ». Митя, разумѣется, согласился и зашагалъ своими аршинными шагами, такъ что бѣдный батюшка почти бѣжалъ за нимъ. Это былъ еще не старый и очень осторожный человѣчекъ. Митя и съ нимъ тотчасъ заговорилъ о своихъ планахъ, горячо, нервно требовалъ совѣтовъ насчетъ Лягаваго и проговорилъ всю дорогу. Батюшка слушалъ внимательно, но посовѣтовалъ мало. На вопросы Мити отвѣчалъ уклончиво: «не знаю, охъ, не знаю, гдѣ же мнѣ это знать» и т. д. Когда Митя заговорилъ о своихъ контрахъ съ отцомъ насчетъ наслѣдства, то батюшка даже испугался, потому что состоялъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ въ какихъ-то зависимыхъ къ нему отношеніяхъ. Съ удивленіемъ, впро-

чемъ, освѣдомился, почему онъ называетъ этого торгующаго крестьянина Горсткина Лягавымъ, и разъяснилъ обязательно Митѣ, что тотъ хоть и впрямь Лягавый, но что онъ и не Лягавый, потому что именемъ этимъ жестоко обижается, и что называть его надо непремѣнно Горсткинымъ, «иначе ничего съ нимъ не совершите, да и слушать не станетъ», заключилъ батюшка. Митя нѣсколько и наскоро удивился и объяснилъ, что такъ называлъ его самъ Самсоновъ. Услышавъ про это обстоятельство, батюшка тотчасъ же этотъ разговоръ замялъ, хотя и хорошо бы сдѣлалъ, если бы разъяснилъ тогда же Дмитрію Ѳедоровичу догадку свою: что̀ если самъ Самсоновъ послалъ его къ этому мужичку, какъ къ Лягавому, то не сдѣлалъ ли сего почему-либо на смѣхъ, и что нѣтъ ли чего тутъ неладнаго? Но Митѣ некогда было останавливаться «на такихъ мелочахъ». Онъ спѣшилъ, шагалъ, и только придя въ Сухой Поселокъ догадался, что прошли они не версту и не полторы, а навѣрное три; это его раздосадовало, но онъ стерпѣлъ. Вошли въ избу. Лѣсникъ, знакомый батюшки, помѣщался въ одной половинѣ избы, а въ другой, чистой половинѣ, черезъ сѣни, расположился Горсткинъ. Вошли въ эту чистую избу и засвѣтили сальную свѣчку. Изба была сильно натоплена. На сосновомъ столѣ стоялъ потухшій самоваръ, тутъ же подносъ съ чашками, допитая бутылка рому, не совсѣмъ допитый штофъ водки и объѣдки пшеничнаго хлѣба. Самъ же пріѣзжій лежалъ протянувшись на скамьѣ, со скомканною верхнею одеженкой подъ головами вмѣсто подушки, и грузно храпѣлъ. Митя сталъ въ недоумѣніи. «Конечно, надо будить: мое дѣло слишкомъ важное, я такъ

спѣшилъ, я спѣшу сегодня же воротиться», затревожился Митя; но батюшка и сторожъ стояли молча, не высказывая своего мнѣнія. Митя подошелъ и принялся будить самъ, принялся энергически, но спящій не пробуждался. «Онъ пьянъ, рѣшилъ Митя, но что̀ же мнѣ дѣлать, Господи, что̀ же мнѣ дѣлать!» И вдругъ въ страшномъ нетерпѣніи принялся дергать спящаго за руки, за ноги, раскачивать его за голову, приподымать и садить на лавку, и все-таки послѣ весьма долгихъ усилій добился лишь того, что тотъ началъ нелѣпо мычать и крѣпко, хотя и неясно выговаривая, ругаться.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше повремените, — изрекъ, наконецъ, батюшка, — потому, онъ, видимо, не въ состояніи.

— Весь день пилъ, — отозвался сторожъ.

— Боже! — вскрикивалъ Митя, — если бы вы только знали, какъ мнѣ необходимо и въ какомъ я теперь отчаяніи!

— Нѣтъ, ужъ лучше бы вамъ повременить до утра, — повторилъ батюшка.

— До утра? Помилосердуйте, это невозможно! — И въ отчаяніи онъ чуть было опять не бросился будить пьяницу, но тотчасъ оставилъ, понявъ всю безполезность усилій. Батюшка молчалъ, заспанный сторожъ былъ мраченъ.

— Какія страшныя трагедіи устраиваетъ съ людьми реализмъ! — проговорилъ Митя въ совершенномъ отчаяніи. Потъ лился съ его лица. Воспользовавшись минутой, батюшка весьма резонно изложилъ, что хотя бы и удалось разбудить спящаго, но, будучи пьянымъ, онъ все же не способенъ ни къ какому разговору, «а у васъ дѣло важ-

ное, такъ ужъ вѣрнѣе бы оставить до утреца» . . . Митя развелъ руками и согласился.

— Я, батюшка, останусь здѣсь со свѣчей и буду ловить мгновеніе. Пробудится, и тогда я начну... За свѣчку я тебѣ заплачу, — обратился онъ къ сторожу, — за постой тоже, будешь помнить Дмитрія Карамазова. Вотъ только съ вами, батюшка, не знаю теперь какъ быть: гдѣ же вы ляжете?

— Нѣтъ, я ужъ къ себѣ-съ. Я вотъ на его кобылкѣ и доѣду, — показалъ онъ на сторожа. — За симъ прощайте-съ, желаю вамъ полное удовольствіе получить.

Такъ и порѣшили. Батюшка отправился на кобылкѣ, обрадованный, что, наконецъ, отвязался, но все же смятенно покачивая головой и раздумывая: не надо ли будетъ завтра заблаговременно увѣдомить о семъ любопытномъ случаѣ благодѣтеля Ѳедора Павловича, «а то, неровенъ часъ, узнаетъ, осердится и милости прекратитъ». Сторожъ, почесавшись, молча отправился въ свою избу, а Митя сѣлъ на лавку ловить, какъ онъ выразился, мгновеніе. Глубокая тоска облегла, какъ тяжелый туманъ, его душу. Глубокая, страшная тоска! Онъ сидѣлъ, думалъ, но обдумать ничего не могъ. Свѣча нагорала, затрещалъ сверчокъ, въ натопленной комнатѣ становилось нестерпимо душно. Ему вдругъ представился садъ, ходъ за садомъ, у отца въ домѣ таинственно отворяется дверь, а въ дверь пробѣгаетъ Грушенька . . . Онъ вскочилъ съ лавки.

— Трагедія! — проговорилъ онъ, скрежеща зубами, машинально подошелъ къ спящему и сталъ смотрѣть на его лицо. Это былъ сухопарый, еще не старый мужикъ, съ весьма продолговатымъ лицомъ, въ русыхъ кудряхъ и съ длинною тоненькою

рыжеватою бородкой, въ ситцевой рубахѣ и въ черномъ жилетѣ, изъ кармана котораго выглядывала цѣпочка отъ серебряныхъ часовъ. Митя разсматривалъ эту физіономію со страшною ненавистью, и ему почему-то особенно ненавистно было, что онъ въ кудряхъ. Главное, то было нестерпимо обидно, что вотъ онъ, Митя, стоитъ надъ нимъ со своимъ неотложнымъ дѣломъ, столько пожертвовавъ, столько бросивъ, весь измученный, а этотъ тунеядецъ, «отъ котораго зависитъ теперь вся судьба моя, храпитъ какъ ни въ чемъ не бывало, точно съ другой планеты». «О, иронія судьбы!» воскликнулъ Митя и вдругъ, совсѣмъ потерявъ голову, бросился опять будить пьянаго мужика. Онъ будилъ его съ какимъ-то остервенѣніемъ, рвалъ его, толкалъ, даже билъ, но, провозившись минутъ пять и опять ничего не добившись, въ безсильномъ отчаяніи воротился на свою лавку и сѣлъ.

— Глупо, глупо! — восклицалъ Митя, — и... какъ это все безчестно! — прибавилъ онъ вдругъ почему-то. У него страшно начала болѣть голова: «бросить развѣ? Уѣхать совсѣмъ», мелькнуло въ умѣ его. «Нѣтъ ужъ, до утра. Вотъ нарочно же останусь, нарочно! Зачѣмъ же я и пріѣхалъ послѣ того? Да и уѣхать не на чемъ, какъ теперь отсюда уѣдешь, о, безсмыслица!»

Голова его, однако, разбаливалась все больше и больше. Неподвижно сидѣлъ онъ и уже не понималъ какъ задремалъ и вдругъ, сидя, заснулъ. Повидимому, онъ спалъ часа два или больше. Очнулся же отъ нестерпимой головной боли, нестерпимой до крику. Въ вискахъ его стучало, темя болѣло; очнувшись, онъ долго еще не могъ войти въ себя совершенно и осмыслить, что̀ съ нимъ такое про-

изошло. Наконецъ-то, догадался, что въ натопленной комнатѣ страшный угаръ и что онъ, можетъ быть, могъ умереть. А пьяный мужикъ все лежалъ и храпѣлъ; свѣча оплыла и готова была погаснуть. Митя закричалъ и бросился, шатаясь, черезъ сѣни въ избу сторожа. Тотъ скоро проснулся, но, услыхавъ, что въ другой избѣ угаръ, хотя и пошелъ распорядиться, но принялъ фактъ до странности равнодушно, что обидно удивило Митю.

— Но онъ умеръ, онъ умеръ, и тогда... что̀ тогда? — восклицалъ предъ нимъ въ изступленіи Митя.

Двери растворили, отворили окно, открыли трубу, Митя притащилъ изъ сѣней ведро съ водой, сперва намочилъ голову себѣ, а затѣмъ, найдя какую-то тряпку, окунулъ ее въ воду и приложилъ къ головѣ Лягаваго. Сторожъ же продолжалъ относиться ко всему событію какъ-то даже презрительно и, отворивъ окно, произнесъ угрюмо: «ладно и такъ», и пошелъ опять спать, оставивъ Митѣ зажженный желѣзный фонарь. Митя провозился съ угорѣвшимъ пьяницей съ полчаса, все намачивая ему голову, и серьезно уже намѣревался не спать всю ночь, но, измучившись, присѣлъ какъ-то на одну минутку, чтобы перевести духъ, и мгновенно закрылъ глаза, затѣмъ тотчасъ же безсознательно протянулся на лавкѣ и заснулъ, какъ убитый.

Проснулся онъ ужасно поздно. Было, примѣрно, уже часовъ девять утра. Солнце ярко сіяло въ два оконца избушки. Вчерашній кудрявый мужикъ сидѣлъ на лавкѣ, уже одѣтый въ поддевку. Предъ нимъ стоялъ новый самоваръ и новый штофъ. Старый, вчерашній, былъ уже допитъ, а новый опорожненъ болѣе, чѣмъ на половину. Митя вскочилъ и

мигомъ догадался, что проклятый мужикъ пьянъ опять, пьянъ глубоко и невозвратно. Онъ глядѣлъ на него съ минуту, выпучивъ глаза. Мужикъ же поглядывалъ на него молча и лукаво, съ какимъ-то обиднымъ спокойствіемъ, даже съ презрительнымъ какимъ-то высокомѣріемъ, какъ показалось Митѣ. Онъ бросился къ нему.

— Позвольте, видите... я... вы, вѣроятно, слышали отъ здѣшняго сторожа въ той избѣ: я поручикъ Дмитрій Карамазовъ, сынъ старика Карамазова, у котораго вы изволите рощу торговать...

— Это ты врешь! — вдругъ твердо и спокойно отчеканилъ мужикъ.

— Какъ вру? Ѳедора Павловича изволите знать?

— Никакого твоего Ѳедора Павловича не изволю знать, — какъ-то грузно ворочая языкомъ, проговорилъ мужикъ.

— Рощу, рощу вы у него торгуете; да проснитесь, опомнитесь. Отецъ Павелъ Ильинскій меня проводилъ сюда... Вы къ Самсонову писали и онъ меня къ вамъ прислалъ... — задыхался Митя.

— В-врешь! — отчеканилъ опять Лягавый. У Мити похолодѣли ноги.

— Помилосердуйте, вѣдь это не шутка! Вы, можетъ быть, хмѣльны. Вы можете же, наконецъ, говорить, понимать... иначе... иначе я ничего не понимаю!

— Ты красильщикъ!

— Помилосердуйте, я Карамазовъ, Дмитрій Карамазовъ, имѣю къ вамъ предложеніе... выгодное предложеніе... весьма выгодное... именно по поводу рощи.

Мужикъ важно поглаживалъ бороду.

— Нѣтъ, ты подрядъ снималъ и подлецъ вышелъ. Ты подлецъ!

— Увѣряю же васъ, что вы ошибаетесь! — въ отчаяніи ломалъ руки Митя. Мужикъ все гладилъ бороду и вдругъ лукаво прищурилъ глаза.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что̀ укажи: укажи ты мнѣ такой законъ, чтобы позволено было пакости строить, слышишь ты! Ты подлецъ, понимаешь ты это?

Митя мрачно отступилъ и вдругъ его какъ бы «что-то ударило по лбу», какъ онъ самъ потомъ выразился. Въ одинъ мигъ произошло какое-то озареніе въ умѣ его, «загорѣлся свѣточъ, и я все постигъ». Въ остолбенѣніи стоялъ онъ, недоумѣвая, какъ могъ онъ, человѣкъ все же умный, поддаться на такую глупость, втюриться въ этакое приключеніе и продолжать все это почти цѣлыя сутки, возиться съ этимъ Лягавымъ, мочить ему голову . . . «Ну, пьянъ человѣкъ, пьянъ до чертиковъ и будетъ пить запоемъ еще недѣлю, — чего же тутъ ждать? А что̀ если Самсоновъ меня нарочно прислалъ сюда? А что̀ если она . . . О, Боже, что̀ я надѣлалъ! . .»

Мужикъ сидѣлъ, глядѣлъ на него и посмѣивался. Будь другой случай, и Митя, можетъ быть, убилъ бы этого дурака со злости, но теперь онъ весь самъ ослабѣлъ, какъ ребенокъ. Тихо подошелъ онъ къ лавкѣ, взялъ свое пальто, молча надѣлъ его и вышелъ изъ избы. Въ другой избѣ сторожа онъ не нашелъ, никого не было. Онъ вынулъ изъ кармана мелочью пятьдесятъ копеекъ и положилъ на столъ, за ночлегъ, за свѣчку и за безпокойство. Выйдя изъ избы, онъ увидалъ, что кругомъ только лѣсъ и ничего больше. Онъ пошелъ наугадъ, даже

не помня куда поворотить изъ избы — направо или налѣво: вчера ночью, спѣша сюда съ батюшкой, онъ дороги не замѣтилъ. Никакой мести ни къ кому не было въ душѣ его, даже къ Самсонову. Онъ шагалъ по узенькой лѣсной дорожкѣ безсмысленно, потеряно, съ «потерянною идеей» и совсѣмъ не заботясь о томъ, куда идетъ. Его могъ побороть встрѣчный ребенокъ, до того онъ вдругъ обезсилѣлъ душой и тѣломъ. Кое-какъ онъ, однако, изъ лѣсу выбрался: предстали вдругъ сжатыя обнаженныя поля на необозримомъ пространствѣ: «какое отчаяніе, какая смерть кругомъ!» повторялъ онъ, все шагая впередъ и впередъ.

Его спасли проѣзжіе: извозчикъ везъ по проселку какого-то старичка-купца. Когда поровнялись, Митя спросилъ про дорогу, и оказалось, что тѣ тоже ѣдутъ на Воловью. Вступили въ переговоры и посадили Митю попутчикомъ. Часа черезъ три доѣхали. На Воловьей станціи Митя тотчасъ же заказалъ почтовыхъ въ городъ, а самъ вдругъ догадался, что до невозможности голоденъ. Пока впрягали лошадей, ему смастерили яичницу. Онъ мигомъ съѣлъ ее всю, съѣлъ весь большой ломоть хлѣба, съѣлъ нашедшуюся колбасу и выпилъ три рюмки водки. Подкрѣпившись, онъ ободрился, и на душѣ его опять прояснѣло. Онъ летѣлъ по дорогѣ, погонялъ ямщика и вдругъ составилъ новый и уже «непреложный» планъ, какъ достать еще сегодня же до вечера «эти проклятыя деньги». «И подумать, только подумать, что изъ-за этихъ ничтожныхъ трехъ тысячъ пропадетъ судьба человѣческая!» воскликнулъ онъ презрительно. «Сегодня же порѣшу!» И если бы только не безпрерывная мысль о Грушенькѣ и о томъ, не случилось ли

съ ней чего, то онъ сталъ бы, можетъ быть, опять совсѣмъ веселъ. Но мысль о ней вонзалась въ его душу поминутно, какъ острый ножъ. Наконецъ, пріѣхали, Митя тотчасъ же побѣжалъ къ Грушенькѣ.

III.

Золотые пріиски.

Это было именно то посѣщеніе Мити, про которое Грушенька съ такимъ страхомъ разсказывала Ракитину. Она тогда ожидала своей «эстафеты» и очень рада была, что Митя ни вчера, ни сегодня не приходилъ, надѣялась, что, авось Богъ дастъ, не придетъ до ея отъѣзда, а онъ вдругъ и нагрянулъ. Дальнѣйшее намъ извѣстно: чтобы сбыть его съ рукъ, она мигомъ уговорила его проводить ее къ Кузьмѣ Самсонову, куда будто бы ей ужасно надо было идти «деньги считать», и когда Митя ее тотчасъ же проводилъ, то, прощаясь съ нимъ у воротъ Кузьмы, взяла съ него обѣщаніе придти за нею въ двѣнадцатомъ часу, чтобы проводить ее обратно домой. Митя этому распоряженію тоже былъ радъ: «просидитъ у Кузьмы, значитъ, не пойдетъ къ Ѳедору Павловичу . . . если только не лжетъ», прибавилъ онъ тотчасъ же. Но на его глазъ, кажется, не лгала. Онъ былъ именно такого свойства ревнивецъ, что въ разлукѣ съ любимою женщиной тотчасъ же навыдумывалъ Богъ знаетъ какихъ ужасовъ о томъ, что̀ съ нею дѣлается и какъ она ему тамъ «измѣняетъ», но, прибѣжавъ къ ней опять, потрясенный, убитый, увѣренный уже безвозвратно, что она успѣла-таки ему измѣнить, съ перваго же взгляда на ея лицо, на смѣющееся, ве-

селое и ласковое лицо этой женщины — тотчасъ же возрождался духомъ, тотчасъ же терялъ всякое подозрѣніе и съ радостнымъ стыдомъ бранилъ себя самъ за ревность. Проводивъ Грушеньку, онъ бросился къ себѣ домой. О, ему столько еще надо было успѣть сегодня сдѣлать! Но, по крайней мѣрѣ, отъ сердца отлегло. «Вотъ только надо бы скорѣе узнать отъ Смердякова, не было ли чего тамъ вчера вечеромъ, не приходила ли она, чего добраго, къ Ѳедору Павловичу, ухъ!» пронеслось въ его головѣ. Такъ что не успѣлъ онъ еще добѣжать къ себѣ на квартиру, какъ ревность уже опять закопошилась въ неугомонномъ сердцѣ его.

Ревность! «Отелло не ревнивъ, онъ довѣрчивъ», замѣтилъ Пушкинъ, и уже одно это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о необычайной глубинѣ ума нашего великаго поэта. У Отелло просто размозжена душа и помутилось все міровоззрѣніе его, потому что *погибъ его идеалъ*. Но Отелло не станетъ прятаться, шпіонить, подглядывать: онъ довѣрчивъ. Напротивъ, его надо было наводить, наталкивать, разжигать съ чрезвычайными усиліями, чтобъ онъ только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истинный ревнивецъ. Невозможно даже представить себѣ всего позора и нравственнаго паденія, съ которыми способенъ ужиться ревнивецъ безо всякихъ угрызеній совѣсти. И вѣдь не то, чтобъ это были все пошлыя и грязныя души. Напротивъ, съ сердцемъ высокимъ, съ любовью чистою, полною самопожертвованія, можно въ то же время прятаться подъ столы, подкупать подлѣйшихъ людей и уживаться съ самою скверною грязью шпіонства и подслушиванія. Отелло не могъ бы ни за что примириться съ измѣной, — не простить не могъ бы, а

примириться, — хотя душа его незлобива и невинна, какъ душа младенца. Не то съ настоящимъ ревнивцемъ: трудно представить себѣ, съ чѣмъ можетъ ужиться и примириться и что̀ можетъ простить иной ревнивецъ! Ревнивцы-то скорѣе всѣхъ и прощаютъ, и это знаютъ всѣ женщины. Ревнивецъ чрезвычайно скоро (разумѣется, послѣ страшной сцены вначалѣ) можетъ и способенъ простить, напримѣръ, уже доказанную почти измѣну, уже видѣнные имъ самимъ объятія и поцѣлуи, если бы, напримѣръ, онъ въ то же время могъ какъ-нибудь увѣриться, что это было «въ послѣдній разъ» и что соперникъ его съ этого часа уже исчезнетъ, уѣдетъ на край земли, или что самъ онъ увезетъ ее куда-нибудь въ такое мѣсто, куда ужъ больше не придетъ этотъ страшный соперникъ. Разумѣется, примиреніе произойдетъ лишь на часъ, потому что если бы даже и въ самомъ дѣлѣ исчезъ соперникъ, то завтра же онъ изобрѣтетъ другого, новаго и приревнуетъ къ новому. И казалось бы, что̀ въ той любви, за которою надо такъ подсматривать, и чего сто̀итъ любовь, которую надобно столь усиленно сторожить? Но вотъ этого-то никогда и не пойметъ настоящій ревнивецъ, а между тѣмъ между ними, право, случаются люди даже съ сердцами высокими. Замѣчательно еще то, что эти самые люди съ высокими сердцами, стоя въ какой-нибудь каморкѣ, подслушивая и шпіоня, хоть и понимаютъ ясно «высокими сердцами своими» весь срамъ, въ который они сами добровольно залѣзли, но, однако, въ ту минуту, по крайней мѣрѣ, пока стоятъ въ этой каморкѣ, никогда не чувствуютъ угрызеній совѣсти. У Мити, при видѣ Грушеньки, пропадала ревность, и на мгновеніе онъ становился до-

вѣрчивъ и благороденъ, даже самъ презиралъ себя за дурныя чувства. Но это значило только, что въ любви его къ этой женщинѣ заключалось нѣчто гораздо высшее, чѣмъ онъ самъ предполагалъ, а не одна лишь страстность, не одинъ лишь «изгибъ тѣла», о которомъ онъ толковалъ Алешѣ. Но зато, когда исчезала Грушенька, Митя тотчасъ же начиналъ опять подозрѣвать въ ней всѣ низости и коварства измѣны. Угрызеній же совѣсти никакихъ при этомъ не чувствовалъ.

Итакъ, ревность закипѣла въ немъ снова. Во всякомъ случаѣ надо было спѣшить. Первымъ дѣломъ надо было достать хоть капельку денегъ на перехватку. Вчерашніе девять рублей почти всѣ ушли на проѣздъ, а совсѣмъ безъ денегъ, извѣстно, никуда шагу ступить нельзя. Но онъ, вмѣстѣ съ новымъ планомъ своимъ, обдумалъ, гдѣ достать и на перехватку еще давеча на телѣгѣ. У него была пара хорошихъ дуэльныхъ пистолетовъ съ патронами, и если до сихъ поръ онъ ея не заложилъ, то потому, что любилъ эту вещь больше всего, что̀ имѣлъ. Въ трактирѣ «Столичный городъ» онъ уже давно слегка познакомился съ однимъ молодымъ чиновникомъ и какъ-то узналъ въ трактирѣ же, что этотъ холостой и весьма достаточный чиновникъ до страсти любитъ оружіе, покупаетъ пистолеты, револьверы, кинжалы, развѣшиваетъ у себя по стѣнамъ, показываетъ знакомымъ, хвалится, мастеръ растолковать систему револьвера, какъ его зарядить, какъ выстрѣлить и проч. Долго не думая, Митя тотчасъ къ нему отправился и предложилъ ему взять въ закладъ пистолеты за десять рублей. Чиновникъ съ радостью сталъ уговаривать его совсѣмъ продать, но Митя не согласился, и

тотъ выдалъ ему десять рублей, заявивъ, что процентовъ не возьметъ ни за что. Разстались пріятелями. Митя спѣшилъ, онъ устремился къ Ѳедору Павловичу на зады, въ свою бесѣдку, чтобы вызвать поскорѣе Смердякова. Но такимъ образомъ опять получился фактъ, что всего за три, за четыре часа до нѣкотораго приключенія, о которомъ будетъ много говорено ниже, у Мити не было ни копейки денегъ, и онъ за десять рублей заложилъ любимую вещь, тогда, какъ вдругъ, черезъ три часа, оказались въ рукахъ его тысячи . . . Но я забѣгаю впередъ.

У Марьи Кондратьевны (сосѣдки Ѳедора Павловича) его ожидало чрезвычайно поразившее и смутившее его извѣстіе о болѣзни Смердякова. Онъ выслушалъ исторію о паденіи въ погребъ, затѣмъ о падучей, пріѣздѣ доктора, заботахъ Ѳедора Павловича; съ любопытствомъ узналъ и о томъ, что братъ Иванъ Ѳедоровичъ уже укатилъ давеча утромъ въ Москву. «Должно быть, раньше меня проѣхалъ черезъ Воловью», подумалъ Дмитрій Ѳедоровикъ, но Смердяковъ его безпокоилъ ужасно: «какъ же теперь, кто сторожить будетъ, кто мнѣ передастъ?» Съ жадностью началъ онъ разспрашивать этихъ женщинъ, не замѣтили ль чего вчера вечеромъ? Тѣ очень хорошо понимали, о чемъ онъ разузнаетъ, и разувѣрили его вполнѣ: никого не было, ночевалъ Иванъ Ѳедоровичъ, «все было въ совершенномъ порядкѣ». Митя задумался. Безъ сомнѣнія, надо и сегодня караулить, но гдѣ: здѣсь или у воротъ Самсонова? Онъ рѣшилъ, что и здѣсь и тамъ, все по усмотрѣнію, а пока, пока . . . Дѣло въ томъ, что теперь стоялъ предъ нимъ этотъ «планъ», давешній, новый и уже вѣрный планъ, вы-

думанный имъ на телѣгѣ, и откладывать исполненіе котораго было уже невозможно. Митя рѣшилъ пожертвовать на это часъ: «въ часъ все порѣшу, все узнаю, и тогда, тогда, во-первыхъ, въ домъ къ Самсонову, справлюсь, тамъ ли Грушенька, и мигомъ обратно сюда, и до одиннадцати часовъ здѣсь, а потомъ опять за ней къ Самсонову, чтобы проводить ее обратно домой». Вотъ какъ онъ рѣшилъ.

Онъ полетѣлъ домой, умылся, причесался, вычистилъ платье, одѣлся и отправился къ госпожѣ Хохлаковой. Увы, «планъ» его былъ тутъ. Онъ рѣшился занять три тысячи у этой дамы. И главное, у него вдругъ, какъ-то внезапно, явилась необыкновенная увѣренность, что она ему не откажетъ. Можетъ быть, подивятся тому, что если была такая увѣренность, то почему же онъ заранѣе не пошелъ сюда, такъ сказать, въ свое общество, а направился къ Самсонову, человѣку склада чужого, съ которымъ онъ даже и не зналъ, какъ говорить. Но дѣло въ томъ, что съ Хохлаковой онъ въ послѣдній мѣсяцъ совсѣмъ почти раззнакомился, да и прежде знакомъ былъ мало, и сверхъ того очень зналъ, что и сама она его терпѣть не можетъ. Эта дама возненавидѣла его съ самаго начала просто за то, что онъ женихъ Катерины Ивановны, тогда какъ ей почему-то вдругъ захотѣлось, чтобы Катерина Ивановна его бросила и вышла замужъ за «милаго, рыцарски образованнаго Ивана Ѳедоровича, у котораго такія прекрасныя манеры». Манеры же Мити она ненавидѣла. Митя даже смѣялся надъ ней и разъ какъ-то выразился про нее, что эта дама «настолько жива и развязна, насколько необразована». И вотъ, давеча утромъ, на телѣгѣ, его озарила самая яркая мысль: «да если ужъ она

такъ не хочетъ, чтобъ я женился на Катеринѣ Ивановнѣ, и не хочетъ до такой степени (онъ зналъ, что почти до истерики), то почему бы ей отказать мнѣ теперь въ этихъ трехъ тысячахъ, именно для того, чтобъ я на эти деньги могъ, оставивъ Катю, укатить навѣки отсюдова? Эти избалованныя высшія дамы, если ужъ захотятъ чего до капризу, то ужъ ничего не щадятъ, чтобы вышло по-ихнему. Она же къ тому такъ богата», разсуждалъ Митя. Что̀ же касается собственно до «плана», то было все то же самое, что̀ и прежде, то есть предложеніе правъ своихъ на Чермашню, — но уже не съ коммерческою цѣлью, какъ вчера Самсонову, не прельщая эту даму, какъ вчера Самсонова, возможностью стяпать вмѣсто трехъ тысячъ кушъ вдвое, тысячъ въ шесть или семь, а просто какъ благородную гарантію за долгъ. Развивая эту новую свою мысль, Митя доходилъ до восторга, но такъ съ нимъ и всегда случалось при всѣхъ его начинаніяхъ, при всѣхъ его внезапныхъ рѣшеніяхъ. Всякой новой мысли своей онъ отдавался до страсти. Тѣмъ не менѣе, когда ступилъ на крыльцо дома госпожи Хохлаковой, вдругъ почувствовалъ на спинѣ своей ознобъ ужаса: въ эту только секунду онъ созналъ вполнѣ и уже математически ясно, что тутъ вѣдь послѣдняя уже надежда его, что дальше уже ничего не остается въ мірѣ, если тутъ оборвется, «развѣ зарѣзать и ограбить кого-нибудь изъ-за трехъ тысячъ, а болѣе ничего» . . . Было часовъ семь съ половиною, когда онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

Сначала дѣло какъ бы улыбнулось: только что онъ доложился, его тотчасъ же приняли съ необыкновенною быстротой. «Точно вѣдь ждала меня»,

мелькнуло въ умѣ Мити, а затѣмъ вдругъ, только что ввели его въ гостиную, почти вбѣжала хозяйка и прямо объявила ему, что ждала его...

— Ждала, ждала! Вѣдь я не могла даже и думать, что вы ко мнѣ придете, согласитесь сами, и, однако, я васъ ждала, подивитесь моему инстинкту, Дмитрій Ѳедоровичъ, я все утро была увѣрена, что вы сегодня придете.

— Это дѣйствительно, сударыня, удивительно, — произнесъ Митя, мѣшковато усаживаясь, — но... я пришелъ по чрезвычайно важному дѣлу... наиважнѣйшему изъ важнѣйшихъ, для меня, то есть, сударыня, для меня одного и спѣшу...

— Знаю, что по наиважнѣйшему дѣлу, Дмитрій Ѳедоровичъ, тутъ не предчувствія какія-нибудь, не ретроградныя поползновенія на чудеса (слышали про старца Зосиму?), тутъ, тутъ математика: вы не могли не придти, послѣ того, какъ произошло все это съ Катериной Ивановной, вы не могли, не могли; это математика.

— Реализмъ дѣйствительной жизни, сударыня, вотъ что̀ это такое! Но позвольте, однакожъ, изложить...

— Именно реализмъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я теперь вся за реализмъ, я слишкомъ проучена насчетъ чудесъ. Вы слышали, что померъ старецъ Зосима?

— Нѣтъ, сударыня, въ первый разъ слышу, — удивился немного Митя. Въ умѣ его мелькнулъ образъ Алеши.

— Сегодня въ ночь, и представьте себѣ...

— Сударыня, — прервалъ Митя, — я представляю себѣ только то, что я въ отчаяннѣйшемъ положеніи и что если вы не поможете, то все прова-

лится, и я провалюсь первый. Простите за тривіальность выраженія, но я въ жару, я въ горячкѣ...

— Знаю, знаю, что вы въ горячкѣ, все знаю, вы и не можете быть въ другомъ состояніи духа, и что бы вы ни сказали, я все знаю напередъ. Я давно взяла вашу судьбу въ соображеніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, я слѣжу за нею и изучаю ее... О, повѣрьте, что я опытный душевный докторъ, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Сударыня, если вы опытный докторъ, то я зато опытный больной, — слюбезничалъ черезъ силу Митя, — и предчувствую, что если вы ужъ такъ слѣдите за судьбой моею, то и поможете ей въ ея гибели, но для этого позвольте мнѣ, наконецъ, изложить предъ вами тотъ планъ, съ которымъ я рискнулъ явиться... и то, чего отъ васъ ожидаю... Я пришелъ, сударыня...

— Не излагайте, это второстепенность. А насчетъ помощи, я не первому вамъ помогаю, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы, вѣроятно, слышали о моей кузинѣ Бельмесовой, ея мужъ погибъ, провалился, какъ вы характерно выразились, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— Ни малѣйшаго, сударыня, — охъ, сударыня, ни малѣйшаго! — вскричалъ въ нервномъ нетерпѣніи Митя и даже поднялся было съ мѣста. — Я только умоляю васъ, сударыня, меня выслушать, дайте мнѣ только двѣ минуты свободнаго разговора, чтобъ я могъ сперва изложить вамъ все, весь проектъ, съ которымъ пришелъ. Къ тому же мнѣ нужно время, я ужасно спѣшу!..—прокричалъ истерически Митя, почувствовавъ, что она сейчасъ опять начнетъ говорить и въ надеждѣ перекричать ее: — Я пришелъ въ отчаяніи... въ послѣдней степени от-

чаянія, чтобы просить у васъ взаймы денегъ три тысячи, взаймы, но подъ вѣрный, подъ вѣрнѣйшій залогъ, сударыня, подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе! Позвольте только изложить...

— Это вы все потомъ, потомъ, — замахала на него рукой въ свою очередь госпожа Хохлакова, — да и все, что бы вы ни сказали, я знаю все напередъ, я уже говорила вамъ это. Вы просите какой-то суммы, вамъ нужны три тысячи, но я вамъ дамъ больше, безмѣрно больше, я васъ спасу, Дмитрій Ѳедоровичъ, но надо, чтобы вы меня послушались!

Митя такъ и прянулъ опять съ мѣста.

— Сударыня, неужто вы такъ добры! — вскричалъ онъ съ чрезвычайнымъ чувствомъ. — Господи, вы спасли меня. Вы спасаете человѣка, сударыня, отъ насильственной смерти, отъ пистолета... Вѣчная благодарность моя...

— Я вамъ дамъ безконечно, безконечно больше, чѣмъ три тысячи! — прокричала госпожа Хохлакова, съ сіяющей улыбкой смотря на восторгъ Мити.

— Безконечно? Но столько и не надо. Необходимы только эти роковыя для меня три тысячи, а я, съ своей стороны, пришелъ гарантировать вамъ эту сумму съ безконечною благодарностью и предлагаю вамъ планъ, который...

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, сказано и сдѣлано, — отрѣзала госпожа Хохлакова съ цѣломудреннымъ торжествомъ благодѣтельницы. — Я обѣщала васъ спасти и спасу. Я васъ спасу, какъ и Бельмесова. Что̀ думаете вы о золотыхъ пріискахъ, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— О золотыхъ пріискахъ, сударыня! Я никогда ничего о нихъ не думалъ.

— А зато я за васъ думала! Думала и передумала! Я уже цѣлый мѣсяцъ слѣжу за вами съ этою цѣлью. Я сто разъ смотрѣла на васъ, когда вы проходили, и повторяла себѣ: вотъ энергическій человѣкъ, которому надо на пріиски. Я изучила даже походку вашу и рѣшила: этотъ человѣкъ найдетъ много пріисковъ.

— По походкѣ, сударыня? — улыбнулся Митя.

— А что̀ жъ и по походкѣ. Что же, неужели вы отрицаете, что можно по походкѣ узнавать характеръ, Дмитрій Ѳедоровичъ? Естественныя науки подтверждаютъ то же самое. О, я теперь реалистка, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я съ сегодняшняго дня, послѣ всей этой исторіи въ монастырѣ, которая меня такъ разстроила, совершенная реалистка и хочу броситься въ практическую дѣятельность. Я излѣчена. Довольно! какъ сказалъ Тургеневъ.

— Но, сударыня, эти три тысячи, которыми вы такъ великодушно меня обѣщали ссудить . . .

— Васъ не минуютъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, — тотчасъ же перерѣзала госпожа Хохлакова, — эти три тысячи все равно, что у васъ въ карманѣ, и не три тысячи, а три милліона, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ самое короткое время! Я вамъ скажу вашу идею: вы отыщете пріиски, наживете милліоны, воротитесь и станете дѣятелемъ, будете и насъ двигать, направляя къ добру. Неужели же все предоставить жидамъ? Вы будете строить зданія и разныя предпріятія. Вы будете помогать бѣднымъ, а тѣ васъ благословлять. Нынче вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы станете извѣстны и необходимы министерству финансовъ, которое теперь такъ нуждается. Паденіе нашего кредит-

наго рубля не даетъ мнѣ спать, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ этой стороны меня мало знаютъ...

— Сударыня, сударыня! — въ какомъ-то безпокойномъ предчувствіи прервалъ опять Дмитрій Ѳедоровичъ, — я весьма и весьма, можетъ быть, послѣдую вашему совѣту, — умному совѣту вашему, сударыня, — и отправлюсь, можеть быть, туда... на эти пріиски... и еще разъ приду къ вамъ говорить объ этомъ... даже много разъ... но теперь эти три тысячи, которыя вы такъ великодушно... О, онѣ бы развязали меня, и если можно сегодня... То есть, видите ли, у меня теперь ни часу, ни часу времени...

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, довольно! — настойчиво прервала госпожа Хохлакова; — вопросъ: ѣдете вы на пріиски или нѣтъ, рѣшились ли вы вполнѣ, отвѣчайте математически?

— Ѣду, сударыня, потомъ... Я поѣду, куда хотите, сударыня... но теперь...

— Подождите же! — крикнула госпожа Хохлакова, вскочила и бросилась къ своему великолѣпному бюро съ безчисленными ящичками и начала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, что-то отыскивая и ужасно торопясь.

«Три тысячи!» подумалъ, замирая, Митя, — «и это сейчасъ, безо всякихъ бумагъ, безъ акта... о, это по-джентльменски! Великолѣпная женщина, и если бы только не такъ разговорчива»...

— Вотъ! — вскрикнула въ радости госпожа Хохлакова, возвращаясь къ Митѣ, — вотъ что̀ я искала!

Это былъ крошечный серебряный образокъ на шнуркѣ, изъ тѣхъ, какіе носятъ иногда вмѣстѣ съ натѣльнымъ крестомъ.

— Это изъ Кіева, Дмитрій Ѳедоровичъ, — съ благоговѣніемъ продолжала она, — отъ мощей Варвары Великомученицы. Позвольте мнѣ самой вамъ надѣть на шею и тѣмъ благословить васъ на новую жизнь и на новые подвиги.

И она, дѣйствительно, накинула ему образокъ на шею и стала было вправлять его. Митя въ большомъ смущеніи принагнулся и сталъ ей помогать и, наконецъ, вправилъ себѣ образокъ чрезъ галстукъ и воротъ рубашки на грудь.

— Вотъ теперь вы можете ѣхать! — произнесла госпожа Хохлакова, торжественно садясь опять на мѣсто.

— Сударыня, я такъ тронутъ... и не знаю, какъ даже благодарить... за такія чувства, но... если бы вы знали, какъ мнѣ дорого теперь время!.. Эта сумма, которую я столь жду отъ вашего великодушія... О, сударыня, если вы ужъ такъ добры, такъ трогательно великодушны ко мнѣ (воскликнулъ вдругъ во вдохновеніи Митя), — то позвольте мнѣ вамъ открыть... что, впрочемъ, вы давно уже знаете... что я люблю здѣсь одно существо... Я измѣнилъ Катѣ... Катеринѣ Ивановнѣ, я хочу сказать... О, я былъ безчеловѣченъ и безчестенъ предъ нею, но я здѣсь полюбилъ другую... одну женщину, сударыня, можетъ быть, презираемую вами, потому что вы все уже знаете, но которую я никакъ не могу оставить, никакъ, а потому теперь, эти три тысячи...

— Оставьте все, Дмитрій Ѳедоровичъ! — самымъ рѣшительнымъ тономъ перебила госпожа Хохлакова. — Оставьте, и особенно женщинъ. Ваша цѣль — пріиски, а женщинъ туда незачѣмъ везти. Потомъ, когда вы возвратитесь въ богат-

ствѣ и славѣ, вы найдете себѣ подругу сердца въ самомъ высшемъ обществѣ. Это будетъ дѣвушка современная, съ познаніями и безъ предразсудковъ. Къ тому времени какъ разъ созрѣетъ теперь начавшійся женскій вопросъ, и явится новая женщина...

— Сударыня, это не то, не то... — сложилъ было, умоляя, руки Дмитрій Ѳедоровичъ.

— То самое, Дмитрій Ѳедоровичъ, именно то, что вамъ надо, чего вы жаждете, сами не зная того. Я вовсе не прочь отъ теперешняго женскаго вопроса, Дмитрій Ѳедоровичъ. Женское развитіе и даже политическая роль женщины въ самомъ ближайшемъ будущемъ — вотъ мой идеалъ. У меня у самой дочь, Дмитрій Ѳедоровичъ, и съ этой стороны меня мало знаютъ. Я написала по этому поводу писателю Щедрину. Этотъ писатель мнѣ столько указалъ, столько указалъ въ назначеніи женщины, что я отправила ему прошлаго года анонимное письмо въ двѣ строки: «Обнимаю и цѣлую васъ, мой писатель, за современную женщину, продолжайте». И подписалась: «мать». Я хотѣла было подписаться «современная мать», и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрій Ѳедоровичъ, да и слово «современная» напомнила бы имъ «*Современникъ*», — воспоминаніе для нихъ горькое въ виду нынѣшней цензуры... Ахъ, Боже мой, что съ вами?

— Сударыня, — вскочилъ, наконецъ, Митя, складывая предъ ней руки ладонями въ безсильной мольбѣ, — вы меня заставите заплакать, сударыня, если будете откладывать то, что такъ великодушно...

— И поплачьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, поплачь-

те! Это прекрасныя чувства... вамъ предстоитъ такой путь! Слезы облегчатъ васъ, потомъ возвратитесь и будете радоваться. Нарочно прискачете ко мнѣ изъ Сибири, чтобы со мной порадоваться...

— Но позвольте же и мнѣ, — завопилъ вдругъ Митя, — въ послѣдній разъ умоляю васъ, скажите, могу я получить отъ васъ сегодня эту обѣщанную сумму? Если же нѣтъ, то когда именно мнѣ явиться за ней?

— Какую сумму, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— Обѣщанныя вами три тысячи... которыя вы такъ великодушно...

— Три тысячи? Это рублей? Охъ, нѣтъ, у меня нѣтъ трехъ тысячъ, — съ какимъ-то спокойнымъ удивленіемъ произнесла госпожа Хохлакова. Митя обомлѣлъ...

— Какъ же вы... сейчасъ... вы сказали... вы выразились даже, что онѣ все равно какъ у меня въ карманѣ...

— Охъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли, Дмитрій Ѳедоровичъ. Если такъ, то вы не поняли меня. Я говорила про пріиски... Правда, я вамъ обѣщала больше, безконечно больше, чѣмъ три тысячи, я теперь все припоминаю, но я имѣла въ виду одни пріиски.

— А деньги? А три тысячи? — нелѣпо воскликнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— О, если вы разумѣли деньги, то у меня ихъ нѣтъ. У меня теперь совсѣмъ нѣтъ денегъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я какъ разъ воюю теперь съ моимъ управляющимъ и сама на-дняхъ заняла пятьсотъ рублей у Міусова. Нѣтъ, нѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. И знаете, Дмитрій Ѳедоровичъ, если бъ у меня даже и были, я бы вамъ не дала. Во-первыхъ,

я никому не даю взаймы. Дать взаймы, значитъ поссориться. Но вамъ, вамъ я особенно бы не дала, любя васъ не дала бы, чтобы спасти васъ не дала бы, потому что вамъ нужно только одно: пріиски, пріиски и пріиски!..

— О, чтобы чертъ!.. — взревѣлъ вдругъ Митя и изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу.

— А-ай! — закричала Хохлакова въ испугѣ и отлетѣла въ другой конецъ гостиной.

Митя плюнулъ и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты, изъ дому, на улицу, въ темноту! Онъ шелъ, какъ помѣшанный, ударяя себя по груди, по тому самому мѣсту груди, по которому ударялъ себя два дня тому назадъ предъ Алешей, когда видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ вечеромъ, въ темнотѣ, на дорогѣ. Что означало это битье себя по груди *по этому мѣсту* и на что онъ тѣмъ хотѣлъ указать, — это была пока еще тайна, которую не зналъ никто въ мірѣ, которую онъ не открылъ тогда даже Алешѣ, но въ тайнѣ этой заключался для него болѣе чѣмъ позоръ, заключались гибель и самоубійство, онъ такъ ужъ рѣшилъ, если не достанетъ тѣхъ трехъ тысячъ, чтобъ уплатить Екатеринѣ Ивановнѣ и тѣмъ снять съ своей груди, «*съ того мѣста груди*» позоръ, который онъ носилъ на ней, и который такъ давилъ его совѣсть. Все это вполнѣ объяснится читателю впослѣдствіи, но теперь, послѣ того, какъ исчезла послѣдняя надежда его, этотъ, столь сильный физически человѣкъ, только что прошелъ нѣсколько шаговъ отъ дому Хохлаковой, вдругъ залился слезами, какъ малый ребенокъ. Онъ шелъ и, въ забытьи, утиралъ кулакомъ слезы. Такъ вышелъ онъ на площадь и вдругъ почувствовалъ, что наткнулся на что-то

всѣмъ тѣломъ. Раздался пискливый вой какой-то старушенки, которую онъ чуть не опрокинулъ.

— Господи, чуть не убилъ! Чего зря шагаешь, сорванецъ!

— Какъ, это вы? — вскричалъ Митя, разглядѣвъ въ темнотѣ старушенку. Это была ты самая старая служанка, которая прислуживала Кузьмѣ Самсонову, и которую слишкомъ замѣтилъ вчера Митя.

— А вы сами кто таковы, батюшка? — совсѣмъ другимъ голосомъ проговорила старушка, — не признать мнѣ васъ въ темнотѣ-то.

— Вы у Кузьмы Кузьмича живете, ему прислуживаете?

— Точно такъ, батюшка, сейчасъ только къ Прохорычу сбѣгала . . . Да чтой-то я васъ все признать не могу?

— Скажите, матушка, Аграфена Александровна у васъ теперь? — внѣ себя отъ ожиданія произнесъ Митя. — Давеча я ее самъ проводилъ.

— Была, батюшка, приходила, посидѣла время и ушла.

— Какъ? Ушла? — вскричалъ Митя. — Когда ушла?

— Да въ ту пору и ушла же, минутку только и побыла у насъ. Кузьмѣ Кузьмичу сказку одну разсказала, разсмѣшила его, да и убѣжала.

— Врешь, проклятая! — завопилъ Митя.

— А-ай! — закричала старушенка, но Мити и слѣдъ простылъ; онъ побѣжалъ, что было силы, въ домъ Морозовой. Это именно было то время, когда Грушенька укатила въ Мокрое, прошло не бо-

лѣе четверти часа послѣ ея отъѣзда. Ѳеня сидѣла со своею бабушкой, кухаркой Матреной, въ кухнѣ, когда вдругъ вбѣжалъ «капитанъ». Увидавъ его, Ѳеня закричала благимъ матомъ.

— Кричишь? — завопилъ Митя, — гдѣ она? — Но не давъ отвѣтить еще слова обомлѣвшей отъ страху Ѳенѣ, онъ вдругъ повалился ей въ ноги:

— Ѳеня, ради Господа Христа нашего, скажи, гдѣ она?

— Батюшка, ничего не знаю, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, ничего не знаю, хоть убейте, ничего не знаю,—заклялась-забожилась Ѳеня,—сами вы давеча съ ней пошли...

— Она назадъ пришла!..

— Голубчикъ, не приходила, Богомъ клянусь, не приходила!

— Врешь,—вскричалъ Митя,—ужъ по одному твоему испугу знаю, гдѣ она!..

Онъ бросился вонъ. Испуганная Ѳеня рада была, что дешево отдѣлалась, но очень хорошо поняла, что ему было только некогда, а то бы ей, можетъ, не сдобровать. Но, убѣгая, онъ все же удивилъ и Ѳеню, и старуху Матрену одною самою неожиданною выходкой: на столѣ стояла мѣдная ступка, а въ ней пестикъ, небольшой мѣдный пестикъ въ четверть аршина всего длиною. Митя, выбѣгая и уже отворивъ одною рукой дверь, другою вдругъ налету выхватилъ пестикъ изъ ступки и сунулъ себѣ въ боковой карманъ, съ нимъ и былъ таковъ.

— Ахъ, Господи, онъ убить кого хочетъ! — всплеснула руками Ѳеня.

IV.

Въ темнотѣ.

Куда побѣжалъ онъ? Извѣстно: «гдѣ же она могла быть, какъ не у Ѳедора Павловича? Отъ Самсонова прямо и побѣжала къ нему, теперь-то ужъ это ясно. Вся интрига, весь обманъ теперь очевидны» . . . Все это летѣло, какъ вихрь, въ головѣ его. На дворъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ онъ не забѣжалъ: «туда не надо, отнюдь не надо . . . чтобы ни малѣйшей тревоги . . . тотчасъ передадутъ и предадутъ . . . Марья Кондратьевна, очевидно, въ заговорѣ, Смердяковъ тоже, тоже, всѣ подкуплены!» У него создалось другое намѣреніе: онъ обѣжалъ большимъ крюкомъ, чрезъ переулокъ, домъ Ѳедора Павловича, пробѣжалъ Дмитровскую улицу, перебѣжалъ потомъ мостикъ и прямо попалъ въ уединенный переулокъ на задахъ, пустой и необитаемый, огороженный съ одной стороны плетнемъ сосѣдскаго огорода, а съ другой крѣпкимъ высокимъ заборомъ, обходившимъ кругомъ сада Ѳедора Павловича. Тутъ онъ выбралъ мѣсто и, кажется, то самое, гдѣ, по преданію, ему извѣстному, Лизавета Смердящая перелѣзла когда-то заборъ. «Если ужъ та смогла перелѣзть», Богъ знаетъ почему мелькнуло въ его головѣ, — «то какъ же бы я-то не перелѣзъ?» И, дѣйствительно, онъ подскочилъ и мигомъ снаровилъ схватиться рукой за верхъ забора, затѣмъ энергически приподнялся, разомъ влѣзъ и сѣлъ на заборѣ верхомъ. Тутъ вблизи въ саду стояка банька, но съ забора видны были и освѣщенныя окна дома. «Такъ и есть, у старика въ спальнѣ освѣщено, она тамъ!» и онъ спрыгнулъ съ забора въ садъ. Хоть онъ и

зналъ, что Григорій боленъ, а, можетъ быть, и Смердяковъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, и что услышать его некому, но инстинктивно притаился, замеръ на мѣстѣ и сталъ прислушиваться. Но всюду было мертвое молчаніе и, какъ нарочно, полное затишье, ни малѣйшаго вѣтерка.

«И только шепчетъ тишина», мелькнулъ почему-то этотъ стишокъ въ головѣ его, — «вотъ только не услышалъ бы кто, какъ я перескочилъ; кажется, нѣтъ». Постоявъ минутку, онъ тихонько пошелъ по саду, по травѣ; обходя деревья и кусты, шелъ долго, скрадывая каждый шагъ, къ каждому шагу своему самъ прислушиваясь. Минутъ съ пять добирался онъ до освѣщеннаго окна. Онъ помнилъ, что тамъ подъ самыми окнами есть нѣсколько большихъ, высокихъ, густыхъ кустовъ бузины и калины. Выходная дверь изъ дома въ садъ въ лѣвой сторонѣ фасада была заперта, и онъ это нарочно и тщательно высмотрѣлъ, проходя. Наконецъ, достигъ и кустовъ и притаился за ними. Онъ не дышалъ. «Переждать теперь надо», подумалъ онъ, «если они слышали мои шаги и теперь прислушиваются, то чтобы разувѣрились... какъ бы только не кашлянуть, не чихнуть»...

Онъ переждалъ минуты двѣ, но сердце его билось ужасно, и мгновеніями онъ почти задыхался. «Нѣтъ, не пройдетъ сердцебіеніе», — подумалъ онъ, — «не могу дольше ждать». Онъ стоялъ за кустомъ въ тѣни; передняя половина куста была освѣщена изъ окна. «Калина, ягоды, какія красныя!» — прошепталъ онъ, не зная зачѣмъ. Тихо, раздѣльными, неслышными шагами подошелъ онъ къ окну и поднялся на цыпочки. Вся спаленка Ѳедора Павловича предстала предъ нимъ, какъ на

ладони. Это была небольшая комнатка, вся раздѣленная поперекъ красными ширмочками, «китайскими», какъ называлъ ихъ Ѳедоръ Павловичъ. «Китайскія», пронеслось въ умѣ Мити, «а за ширмами Грушенька». Онъ сталъ разглядывать Ѳедора Павловича. Тотъ былъ въ своемъ новомъ полосатомъ шелковомъ халатикѣ, котораго никогда еще не видалъ у него Митя, подпоясанномъ шелковымъ же шнуркомъ съ кистями. Изъ-подъ ворота халата выглядывало чистое щегольское бѣлье, тонкая голландская рубашка съ золотыми запонками. На головѣ у Ѳедора Павловича была та же красная повязка, которую видѣлъ на немъ Алеша. «Разодѣлся», — подумалъ Митя. Ѳедоръ Павловичъ стоялъ близъ окна, повидимому, въ задумчивости, вдругъ онъ вздернулъ голову, чуть-чуть прислушался и, ничего не услыхавъ, подошелъ къ столу, налилъ изъ графина полрюмочки коньячку и выпилъ. Затѣмъ вздохнулъ всею грудью, опять постоялъ, разсѣянно подошелъ къ зеркалу въ простѣнкѣ, правою рукой приподнялъ немного красную повязку со лба и сталъ разглядывать свои синяки и болячки, которые еще не прошли. «Онъ одинъ», — подумалъ Митя, — «по всѣмъ вѣроятностямъ одинъ». Ѳедоръ Павловичъ отошелъ отъ зеркала, вдругъ повернулся къ окну и глянулъ въ него. Митя мигомъ отскочилъ въ тѣнь.

«Она, можетъ быть, у него за ширмами, можетъ быть, уже спитъ», кольнуло его въ сердце. Ѳедоръ Павловичъ отъ окна отошелъ. «Это онъ въ окошко ее высматривалъ, стало быть, ея нѣтъ: чего ему въ темноту смотрѣть? . . нетерпѣніе, значитъ, пожираетъ» . . . Митя тотчасъ подскочилъ и опять сталъ глядѣть въ окно. Старикъ уже си-

дѣлъ предъ столикомъ, видимо пригорюнившись. Наконецъ, облокотился и приложилъ правую ладонь къ щекѣ. Митя жадно вглядывался.

«Одинъ, одинъ!» твердилъ онъ опять. «Если бъ она была тутъ, у него было бы другое лицо». Странное дѣло: въ его сердцѣ вдругъ закипѣла какая-то безсмысленная и чудная досада на то, что ея тутъ нѣтъ. «Не на то, что ея тутъ нѣтъ», осмыслилъ и самъ отвѣтилъ Митя себѣ тотчасъ же, — «а на то, что никакъ навѣрно узнать не могу, тутъ она или нѣтъ». Митя припоминалъ потомъ самъ, что умъ его былъ въ ту минуту ясенъ необыкновенно и соображалъ все до послѣдней подробности, схватывалъ каждую черточку. Но тоска, тоска невѣдѣнія и нерѣшимости наростала въ сердцѣ его съ быстротой непомѣрною. «Здѣсь она, наконецъ, или не здѣсь?» злобно закипѣло у него въ сердцѣ. И онъ вдругъ рѣшился, протянулъ руку и потихоньку постучалъ въ раму окна. Онъ простучалъ условный знакъ старика со Смердяковымъ: два первые раза потише, а потомъ три раза поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ, — знакъ, обозначившій, что «Грушенька пришла». Старикъ вздрогнулъ, вздернулъ голову, быстро вскочилъ и бросился къ окну. Митя отскочилъ въ тѣнь. Ѳедоръ Павловичъ отперъ окно и высунулъ всю свою голову.

— Грушенька, ты? Ты что ли? — проговорилъ онъ какимъ-то дрожащимъ полушепотомъ. — Гдѣ ты маточка, ангелочекъ, гдѣ ты? — Онъ былъ въ страшномъ волненіи, онъ задыхался.

«Одинъ!» рѣшилъ Митя.

— Гдѣ же ты? — крикнулъ опять старикъ и высунулъ еще больше голову, высунулъ ее съ плеча, озираясь на всѣ стороны, направо и налѣво; —

иди сюда; я гостинчику приготовилъ, иди, покажу!..

«Это онъ про пакетъ съ тремя тысячами», — мелькнуло у Мити.

— Да гдѣ же?.. Али у дверей? Сейчасъ отворю...

И старикъ чуть не вылѣзъ изъ окна, заглядывая направо, въ сторону, гдѣ была дверь въ садъ, и стараясь разглядѣть въ темнотѣ. Черезъ секунду онъ непремѣнно побѣжалъ бы отпирать двери, не дождавшись отвѣта Грушеньки. Митя смотрѣлъ сбоку и не шевелился. Весь столь противный ему профиль старика, весь отвисшій кадыкъ его, носъ крючкомъ, улыбающійся въ сладостномъ ожиданіи, губы его, все это ярко было освѣщено косымъ свѣтомъ лампы слѣва изъ комнаты. Страшная, неистовая злоба закипѣла вдругъ въ сердцѣ Мити: «вотъ онъ, его соперникъ, его мучитель, мучитель его жизни!» Это былъ приливъ той самой внезапной, мстительной и неистовой злобы, про которую, какъ бы предчувствуя ее, возвѣстилъ онъ Алешѣ, въ разговорѣ съ нимъ въ бесѣдкѣ четыре дня назадъ. когда отвѣтилъ на вопросъ Алеши: «какъ можешь ты говорить, что убьешь отца?»

«Я вѣдь не знаю, не знаю», сказалъ онъ тогда; «можетъ, не убью, а, можетъ, убью. Боюсь, что ненавистенъ онъ вдругъ мнѣ станетъ «*своимъ лицомъ въ ту самую минуту*». Ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую усмѣшку. Личное омерзеніе чувствую. Вотъ этого боюсь, вотъ и не удержусь»...

Личное омерзеніе наростало нестерпимо. Митя уже не помнилъ себя и вдругъ выхватилъ мѣдный пестикъ изъ кармана...

. . . . . .

«Богъ», какъ самъ Митя говорилъ потомъ, «сторожилъ меня тогда»: какъ разъ въ то самое время проснулся на одрѣ своемъ больной Григорій Васильевичъ. Къ вечеру того же дня онъ совершилъ надъ собою извѣстное лѣченіе, о которомъ Смердяковъ разсказывалъ Ивану Ѳедоровичу, то есть вытерся весь съ помощью супруги водкой съ какимъ-то секретнымъ крѣпчайшимъ настоемъ, а остальное выпилъ съ «нѣкоторою молитвой», прошептанною надъ нимъ супругой, и залегъ спать. Марѳа Игнатьевна вкусила тоже и, какъ не пьющая, заснула подлѣ супруга мертвымъ сномъ. Но вотъ совсѣмъ неожиданно Григорій вдругъ проснулся въ ночи, сообразилъ минутку и хоть тотчасъ же опять почувствовалъ жгучую боль въ поясницѣ, но поднялся на постели. Затѣмъ опять что-то обдумалъ, всталъ и наскоро одѣлся. Можетъ быть, угрызеніе совѣсти кольнуло его за то, что онъ спитъ, а домъ безъ сторожа «въ такое опасное время». Разбитый падучею Смердяковъ лежалъ въ другой каморкѣ безъ движенія. Марѳа Игнатьевна не шевелилась: «ослабѣла баба», подумалъ, глянувъ на нее, Григорій Васильевичъ и кряхтя вышелъ на крылечко. Конечно, онъ хотѣлъ только глянуть съ крылечка, потому что ходить былъ не въ силахъ, боль въ поясницѣ и въ правой ногѣ была нестерпимая. Но какъ разъ вдругъ припомнилъ, что калитку въ садъ онъ съ вечера на замокъ не заперъ. Это былъ человѣкъ аккуратнѣйшій и точнѣйшій, человѣкъ разъ установившагося порядка и многолѣтнихъ привычекъ. Хромая и корчась отъ боли, сошелъ онъ съ крылечка и направился къ саду. Такъ и есть, калитка

совсѣмъ настежь. Машинально ступилъ онъ въ садъ: можетъ быть, ему что померещилось, можетъ, услыхалъ какой-нибудь звукъ, но, глянувъ налѣво, увидалъ отворенное окно у барина, пустое уже окошко, никто уже изъ него не выглядывалъ. «Почему отворено, теперь не лѣто!» подумалъ Григорій и вдругъ, какъ разъ въ то самое мгновеніе прямо предъ нимъ въ саду замелькало что-то необычайное. Шагахъ въ сорока предъ нимъ какъ бы пробѣгалъ въ темнотѣ человѣкъ, очень быстро двигалась какая-то тѣнь. «Господи», проговорилъ Григорій и, не помня себя, забывъ про свою боль въ поясницѣ, пустился на перерѣзъ бѣгущему. Онъ взялъ короче, садъ былъ ему видимо знакомѣе, чѣмъ бѣгущему; тотъ же направлялся къ банѣ, пробѣжалъ за баню, бросился къ стѣнѣ . . . Григорій слѣдилъ его, не теряя изъ виду, и бѣжалъ не помня себя. Онъ добѣжалъ до забора какъ разъ въ ту минуту, когда бѣглецъ уже перелѣзалъ заборъ. Внѣ себя завопилъ Григорій, кинулся и вцѣпился обѣими руками въ его ногу.

Такъ и есть, предчувствіе не обмануло его: онъ узналъ его, это былъ онъ, «извергъ-отцеубивецъ!»

— Отцеубивецъ! — прокричалъ старикъ на всю окрестность, но только это и успѣлъ прокричать; онъ вдругъ упалъ, какъ пораженный громомъ. Митя соскочилъ опять въ садъ и нагнулся надъ поверженнымъ. Въ рукахъ Мити былъ мѣдный пестикъ, и онъ машинально отбросилъ его въ траву. Пестикъ упалъ въ двухъ шагахъ отъ Григорія, но не на траву, а на тропинку, на самое видное мѣсто. Нѣсколько секундъ разсматривалъ онъ лежащаго предъ нимъ. Голова старика была вся въ крови; Митя протянулъ руку и сталъ ее

ощупывать. Онъ припомнилъ потомъ ясно, что ему ужасно захотѣлось въ ту минуту «вполнѣ убѣдиться», проломилъ онъ черепъ старику или только «огорошилъ» его пестикомъ по темени? Но кровь лилась, лилась ужасно и мигомъ облила горячею струей дрожащіе пальцы Мити. Онъ помнилъ, что выхватилъ свой бѣлый новый платокъ, которымъ запасся, идя къ Хохлаковой, и приложилъ къ головѣ старика, безсмысленно стараясь оттереть кровь со лба и съ лица. Но и платокъ мигомъ весь намокъ кровью. «Господи, да для чего это я?» очнулся вдругъ Митя, «коли ужъ проломилъ, то какъ теперь узнать... Да и не все ли теперь равно!» прибавилъ онъ вдругъ безнадежно, — «убилъ, такъ убилъ... Попался старикъ и лежи!» громко проговорилъ онъ, и вдругъ кинулся на заборъ, перепрыгнулъ въ переулокъ и пустился бѣжать. Намокшій кровью платокъ былъ скомкакъ у него въ правомъ кулакѣ, и онъ на бѣгу сунулъ его въ задній карманъ сюртука. Онъ бѣжалъ сломя голову, и нѣсколько рѣдкихъ прохожихъ, повстрѣчавшихся ему въ темнотѣ, на улицахъ города, запомнили потомъ, какъ встрѣтили они въ ту ночь неистово бѣгущаго человѣка. Летѣлъ онъ опять въ домъ Морозовой. Давеча Ѳеня, тотчасъ по уходѣ его, бросилась къ старшему дворнику, Назару Ивановичу и «Христомъ-Богомъ» начала молить его, чтобъ онъ «не впускалъ ужъ больше капитана ни сегодня, ни завтра». Назаръ Ивановичъ, выслушавъ, согласился, но на грѣхъ отлучился наверхъ къ барынѣ, куда его внезапно позвали, и на ходу, встрѣтивъ своего племянника, парня лѣтъ двадцати, недавно только прибывшаго изъ деревни, приказалъ ему побыть на дворѣ, но

забылъ приказать о капитанѣ. Добѣжавъ до воротъ, Митя постучался. Парень мигомъ узналъ его: Митя не разъ уже давалъ ему на чай. Тотчасъ же отворилъ ему калитку, впустилъ и, весело улыбаясь, предупредительно поспѣшилъ увѣдомить, что «вѣдь Аграфены Александровны теперь дома-то и нѣтъ-съ».

— Гдѣ же она, Прохоръ? — вдругъ остановился Митя.

— Давеча уѣхала, часа съ два тому, съ Тимофеемъ, въ Мокрое.

— Зачѣмъ? — крикнулъ Митя.

— Этого знать не могу-съ, къ офицеру какому-то, кто-то ихъ позвалъ, оттудова и лошадей прислали . . .

Митя бросилъ его и, какъ полоумный, вбѣжалъ къ Ѳенѣ.

V.

Внезапное рѣшеніе.

Та сидѣла въ кухнѣ съ бабушкой, обѣ собирались ложиться спать. Надѣясь на Назара Ивановича, онѣ изнутри опять-таки не заперлись. Митя вбѣжалъ, кинулся на Ѳеню и крѣпко схватилъ ее за горло.

— Говори сейчасъ, гдѣ она, съ кѣмъ теперь въ Мокромъ? — завопилъ онъ въ изступленіи.

Обѣ женщины взвизгнули.

— Ай скажу, ай, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, сейчасъ все скажу, ничего не потаю, — прокричала скороговоркой на смерть испуганная Ѳеня: — она въ Мокрое къ офицеру поѣхала.

— Къ какому офицеру? — вопилъ Митя.

— Къ прежнему офицеру, къ тому самому, къ прежнему своему, пять лѣтъ тому который былъ, бросилъ и уѣхалъ, — тою же скороговоркой протрещала Ѳеня.

Дмитрій Ѳедоровичъ отнялъ руки, которыми сжималъ ей горло. Онъ стоялъ предъ нею блѣдный, какъ мертвецъ, и безгласный, но по глазамъ его было видно, что онъ все разомъ понялъ, все, все разомъ съ полслова понялъ до послѣдней черточки и обо всемъ догадался. Не бѣдной Ѳенѣ, конечно, было наблюдать въ ту секунду, понялъ онъ или нѣтъ. Она какъ была, сидя на сундукѣ, когда онъ вбѣжалъ, такъ и осталась теперь, вся трепещущая и, выставивъ предъ собою руки, какъ бы желая защититься, такъ и замерла въ этомъ положеніи. Испуганными, расширенными отъ страха, зрачками глазъ впилась она въ него неподвижно. А у того какъ разъ къ тому обѣ руки были запачканы въ крови. Дорогой, когда бѣжалъ, онъ, должно быть, дотрогивался ими до своего лба, вытирая съ лица потъ, такъ что на лбу, и на правой щекѣ остались красныя пятна размазанной крови. Съ Ѳеней могла сейчасъ начаться истерика, старуха же кухарка вскочила и глядѣла, какъ сумасшедшая, почти потерявъ сознаніе. Дмитрій Ѳедоровичъ простоялъ съ минуту и вдругъ машинально опустился возлѣ Ѳени на стулъ.

Онъ сидѣлъ и не то чтобы соображалъ, а былъ какъ бы въ испугѣ, точно въ какомъ-то столбнякѣ. Но все было ясно, какъ день: этотъ офицеръ — онъ зналъ про него, зналъ вѣдь отлично все, зналъ отъ самой же Грушеньки, зналъ, что мѣсяцъ назадъ онъ письмо прислалъ. Значитъ, мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ это дѣло велось въ глубокой отъ него

тайнѣ до самаго теперешняго пріѣзда этого новаго человѣка, а онъ-то и не думалъ о немъ! Но какъ могъ, какъ могъ онъ не думать о немъ? Почему онъ такъ-таки и забылъ тогда про этого офицера, забылъ тотчасъ же, какъ узналъ про него? Вотъ вопросъ, который стоялъ предъ нимъ, какъ какое-то чудище. И онъ созерцалъ это чудище, дѣйствительно, въ испугѣ, похолодѣвъ отъ испуга.

Но вдругъ онъ тихо и кротко, какъ тихій и ласковый ребенокъ, заговорилъ съ Ѳеней, совсѣмъ точно и забывъ, что сейчасъ ее такъ перепугалъ, обидѣлъ и измучилъ. Онъ вдругъ, съ чрезвычайною и даже удивительною въ его положеніи точностью, принялся разспрашивать Ѳеню. А Ѳеня хоть и дико смотрѣла на окровавленныя руки его, но тоже съ удивительною готовностью и поспѣшностью принялась отвѣчать ему на каждый вопросъ, даже какъ бы спѣша выложить ему всю «правду правдинскую». Мало-по-малу, даже съ какою-то радостью начала излагать всѣ подробности, и вовсе не желая мучить, а какъ бы спѣша изо всѣхъ силъ, отъ сердца услужить ему. До послѣдней подробности разсказала она ему и весь сегодняшній день, посѣщеніе Ракитина и Алеши, какъ она, Ѳеня, стояла на сторожахъ, какъ барыня поѣхала и что она прокричала въ окошко Алешѣ поклонъ ему, Митенькѣ, и чтобы «вѣчно помнилъ, какъ любила она его часочекъ». Выслушавъ о поклонѣ, Митя вдругъ усмѣхнулся и на блѣдныхъ щекахъ его вспыхнулъ румянецъ. Ѳеня въ ту же минуту сказала ему, уже ни крошечки не боясь за свое любопытство:

— Руки-то какія у васъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, всѣ-то въ крови!

— Да, — отвѣтилъ машинально Митя, разсѣянно посмотрѣлъ на свои руки и тотчасъ забылъ про нихъ и про вопросъ Ѳени. Онъ опять погрузился въ молчаніе. Съ тѣхъ поръ, какъ вбѣжалъ онъ, прошло уже минутъ двадцать. Давешній испугъ его прошелъ, но видимо имъ уже овладѣвала вполнѣ какая-то новая непреклонная рѣшимость. Онъ вдругъ всталъ съ мѣста и задумчиво улыбнулся.

— Баринъ, что съ вами это такое было? — проговорила Ѳеня, опять показывая ему на руки,— проговорила съ сожалѣніемъ, точно самое близкое теперь къ нему въ горѣ его существо.

Митя опять посмотрѣлъ себѣ на руки.

— Это кровь, Ѳеня, — проговорилъ онъ, со страннымъ выраженіемъ смотря на нее,—это кровь человѣческая и, Боже, зачѣмъ она пролилась! Но... Ѳеня... тутъ одинъ заборъ (онъ глядѣлъ на нее какъ бы загадывая ей загадку), одинъ высокій заборъ и страшный на видъ, но... завтра на разсвѣтѣ, когда «взлетитъ солнце», Митенька черезъ этотъ заборъ перескочитъ... Не понимаешь, Ѳеня, какой заборъ, ну да ничего... все равно, завтра услышишь и все поймешь... а теперь прощай! Не помѣшаю и устранюсь, сумѣю устраниться. Живи, моя радость... любила меня часокъ, такъ и помни навѣки Митеньку Карамазова... Вѣдь она меня все называла Митенькой, помнишь?

И съ этими словами вдругъ вышелъ изъ кухни. А Ѳеня выхода этого испугалась чуть не больше еще, чѣмъ когда онъ давеча вбѣжалъ и бросился на нее.

Ровно десять минутъ спустя Дмитрій Ѳедоро-

вичъ вошелъ къ тому молодому чиновнику, Петру Ильичу Перхотину, которому давеча заложилъ пистолеты. Было уже половина девятаго, и Петръ Ильичъ, напившись дома чаю, только что облекся снова въ сюртукъ, чтобъ отправиться въ трактиръ «Столичный Городъ» поиграть на билліардѣ. Митя захватилъ его на выходѣ. Тотъ, увидѣвъ его и его запачканное кровью лицо, такъ и вскрикнулъ:

— Господи! Да что это съ вами?

— А вотъ, — быстро проговорилъ Митя, — за пистолетами моими пришелъ и вамъ деньги принесъ. Съ благодарностью. Тороплюсь, Петръ Ильичъ, пожалуйста, поскорѣе.

Петръ Ильичъ все больше и больше удивлялся: въ рукахъ Мити онъ вдругъ разсмотрѣлъ кучу денегъ, а, главное, онъ держалъ эту кучу, и вошелъ съ нею, какъ никто деньги не держитъ и никто съ ними не входитъ: всѣ кредитки несъ въ правой рукѣ, точно напоказъ, прямо держа руку передъ собой. Мальчикъ, слуга чиновника, встрѣтившій Митю въ передней, сказывалъ потомъ, что онъ такъ и въ переднюю вошелъ съ деньгами въ рукахъ, стало быть, и по улицѣ все такъ же несъ ихъ передъ собою въ правой рукѣ. Бумажки были все сторублевыя, радужныя, придерживалъ онъ ихъ окровавленными пальцами. Петръ Ильичъ, потомъ, на позднѣйшіе вопросы интересовавшихся лицъ: сколько было денегъ? заявилъ, что тогда сосчитать на глазъ трудно было, можетъ быть, двѣ тысячи, можетъ быть, три, но пачка была большая, «плотненькая». Самъ же Дмитрій Ѳедоровичъ, какъ показывалъ онъ тоже потомъ, «былъ какъ бы тоже совсѣмъ не въ себѣ, но не пьянъ, а

точно въ какомъ-то восторгѣ, очень разсѣянъ, а въ то же время какъ будто и сосредоточенъ, точно о чемъ-то думалъ и добивался, и рѣшить не могъ. Очень торопился, отвѣчалъ рѣзко, очень странно, мгновеніями же былъ какъ будто не въ горѣ, а даже веселъ».

— Да съ вами-то что, съ вами-то что теперь? — прокричалъ опять Петръ Ильичъ, дико разсматривая гостя. — Какъ это вы такъ раскровенились, упали что ли, посмотрите!

Онъ схватилъ его за локоть и поставилъ къ зеркалу. Митя, увидавъ свое запачканное кровью лицо, вздрогнулъ и гнѣвно нахмурился.

— Э, чертъ! Этого недоставало, — пробормоталъ онъ со злобой, быстро переложилъ изъ правой руки кредитки въ лѣвую и судорожно выдернулъ изъ кармана платокъ. Но и платокъ оказался весь въ крови (этимъ самымъ платкомъ онъ вытиралъ голову и лицо Григорію): ни одного почти мѣстечка не было бѣлаго, и не то что началъ засыхать, а какъ-то заскорузъ въ комкѣ и не хотѣлъ развернуться. Митя злобно шваркнулъ его объ полъ.

— Э, чертъ! Нѣтъ ли у васъ какой тряпки... обтереться бы...

— Такъ вы только запачкались, а не ранены? Такъ ужъ лучше вымойтесь, — отвѣтилъ Петръ Ильичъ. — Вотъ рукомойникъ, я вамъ подамъ.

— Рукомойникъ? Это хорошо... только куда же я это дѣну? — въ какомъ-то совсѣмъ ужъ странномъ недоумѣніи указалъ онъ Петру Ильичу на свою пачку сторублевыхъ, вопросительно глядя на него, точно тотъ долженъ былъ рѣшить, куда ему дѣвать свои собственныя деньги.

— Въ карманъ суньте, али на столъ вотъ здѣсь положите, не пропадутъ.

— Въ карманъ? Да, въ карманъ. Это хорошо... Нѣтъ, видите ли, это все вздоръ! — прокричалъ онъ, какъ бы вдругъ выходя изъ разсѣянности. — Видите: мы сперва это дѣло кончимъ, пистолеты-то, вы мнѣ ихъ отдайте, а вотъ ваши деньги... потому что мнѣ очень, очень нужно... и времени, времени ни капли...

И, снявъ съ пачки верхнюю сторублевую, онъ протянулъ ее чиновнику.

— Да у меня и сдачи не будетъ, — замѣтилъ тотъ: — у васъ мельче нѣтъ?

— Нѣтъ, — сказалъ Митя, поглядѣвъ опять на пачку, и какъ бы неувѣренный въ словахъ своихъ, попробовалъ двѣ-три бумажки сверху, — нѣтъ, все такія же, — прибавилъ онъ и опять вопросительно поглядѣлъ на Петра Ильича.

— Да откуда вы такъ разбогатѣли? — спросилъ тотъ. — Постойте, я мальчишку своего пошлю сбѣгать къ Плотниковымъ. Они запираютъ поздно, — вотъ не размѣняютъ ли. Эй, Миша! — крикнулъ онъ въ переднюю.

— Въ лавку къ Плотниковымъ — великолѣпнѣйшее дѣло! — крикнулъ и Митя, какъ бы осѣненный какою-то мыслью. — Миша, — обернулся онъ къ вошедшему мальчику, — видишь, бѣги къ Плотниковымъ и скажи, что Дмитрій Ѳедоровичъ велѣлъ кланяться и сейчасъ самъ будетъ... Да слушай: чтобы къ его приходу приготовили шампанскаго, такъ дюжинки три, да уложили какъ тогда, когда въ Мокрое ѣздилъ... Я тогда четыре дюжины у нихъ взялъ (вдругъ обратился онъ къ Петру Ильичу), — они ужъ знаютъ, не безпокойся.

Миша, — повернулся онъ опять къ мальчику. — Да слушай: чтобы сыру тамъ, пироговъ страсбургскихъ, сиговъ копченыхъ, ветчины, икры, ну и всего, всего, что только есть у нихъ, рублей этакъ на сто или на сто двадцать, какъ прежде было... Да слушай: гостинцевъ чтобы не забыли, конфетъ, грушъ, арбуза два или три, аль четыре, — ну нѣтъ, арбуза-то одного довольно, а шоколаду, леденцовъ, монпасье, тягушекъ — ну всего, что тогда со мной въ Мокрое уложили, съ шампанскимъ рублей на триста чтобы было... Ну, вотъ и теперь чтобы такъ же точно. Да вспомни, Миша, если ты, Миша... Вѣдь его Мишей зовутъ? — опять обратился онъ къ Петру Ильичу.

— Да постойте, — перебилъ Петръ Ильичъ, съ безпокойствомъ его слушая и разсматривая, — вы лучше сами пойдите, тогда и скажете, а онъ перевретъ.

— Перевретъ, вижу, что перевретъ! Эхъ, Миша, а я было тебя поцѣловать хотѣлъ за комиссію... Коли не перевретъ, десять рублей тебѣ, скачи скорѣй... Шампанское, главное, шампанское чтобы выкатили, да и коньячку, да и краснаго, и бѣлаго, и всего этого, какъ тогда. Они ужъ знаютъ, какъ тогда было.

— Да слушайте вы! — съ нетерпѣніемъ уже перебилъ Петръ Ильичъ. — Я говорю: пусть онъ только сбѣгаетъ размѣнять, да прикажетъ, чтобы не запирали, а вы пойдете и сами скажете... Давайте вашу кредитку, маршъ, Миша, одна нога тамъ, другая тутъ! — Петръ Ильичъ, кажется, нарочно поскорѣй прогналъ Мишу, потому что тотъ какъ сталъ передъ гостемъ, выпуча глаза на его кровавое лицо и окровавленныя руки съ пучкомъ

денегъ въ дрожавшихъ пальцахъ, такъ и стоялъ, разиня ротъ отъ удивленія и страха и, вѣроятно, мало понялъ изо всего того, что ему наказывалъ Митя.

— Ну, теперь пойдемте мыться, — сурово сказалъ Петръ Ильичъ. — Положите деньги на столъ, али суньте въ карманъ... Вотъ такъ, идемъ. Да снимите сюртукъ.

И онъ сталъ ему помогать снять сюртукъ и вдругъ опять вскрикнулъ:

— Смотрите, у васъ и сюртукъ въ крови!

— Это... это не сюртукъ. Только немного тутъ у рукава... А это вотъ только здѣсь, гдѣ платокъ лежалъ. Изъ кармана просочилось. Я на платокъ-то у Ѳени сѣлъ, кровь-то и просочилась, съ какою-то удивительною довѣрчивостью тотчасъ же объяснилъ Митя. Петръ Ильичъ выслушалъ, нахмурившись.

— Угораздило же васъ; подрались, должно быть, съ кѣмъ, — пробормоталъ онъ.

Начали мыться. Петръ Ильичъ держалъ кувшинъ и подливалъ воду. Митя торопился и плохо было намылилъ руки. (Руки у него дрожали, какъ припомнилъ потомъ Петръ Ильичъ.) Петръ Ильичъ тотчасъ же велѣлъ намылить больше и тереть больше. Онъ какъ будто бралъ какой-то верхъ надъ Митей въ эту минуту, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Замѣтимъ кстати: молодой человѣкъ былъ характера неробкаго.

— Смотрите, не отмыли подъ ногтями; ну, теперь трите лицо, вотъ тутъ: на вискахъ, у уха... Вы въ этой рубашкѣ и поѣдете? Куда это вы ѣдете? Смотрите, весь обшлагъ праваго рукава въ крови.

— Да, въ крови, — замѣтилъ Митя, разсматривая обшлагъ рубашки.

— Такъ перемѣните бѣлье.

— Некогда. А я вотъ, вотъ видите... — продолжалъ съ тою же довѣрчивостью Митя, уже вытирая полотенцемъ лицо и руки и надѣвая сюртукъ, — я вотъ здѣсь край рукава загну, его и не видно будетъ подъ сюртукомъ... Видите!

— Говорите теперь, гдѣ это васъ угораздило? Подрались, что ли, съ кѣмъ? Не въ трактирѣ ли опять, какъ тогда? Не опять ли съ капитаномъ, какъ тогда, били его и таскали? — какъ бы съ укоризною припомнилъ Петръ Ильичъ. — Кого еще прибили... али убили, пожалуй?

— Вздоръ! — проговорилъ Митя.

— Какъ вздоръ?

— Не надо, — сказалъ Митя и вдругъ усмѣхнулся: — это я старушенку одну на площади сейчасъ раздавилъ.

— Раздавили? Старушенку?

— Старика! — крикнулъ Митя, смотря Петру Ильичу прямо въ лицо, смѣясь и крича ему какъ глухому.

— Э, чертъ возьми, старика, старушенку... Убили, что ли, кого?

— Помирились. Сцѣпились — и помирились. Въ одномъ мѣстѣ. Разошлись пріятельски. Одинъ дуракъ... онъ мнѣ простилъ... теперь ужъ навѣрно простилъ... Если бы всталъ, такъ не простилъ бы, — подмигнулъ вдругъ Митя, — только знаете, къ черту его, слышите, Петръ Ильичъ, къ черту, не надо! Въ сію минуту не хочу! — рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Я вѣдь къ тому, что охота же вамъ со вся-

кимъ связываться... какъ тогда изъ пустяковъ съ этимъ штабсъ-капитаномъ... Подрались и кутить теперь мчитесь — весь вашъ характеръ. Три дюжины шампанскаго, — это куда же столько?

— Браво! Давайте теперь пистолеты. Ей Богу, нѣтъ времени. И хотѣлъ бы съ тобой поговорить, голубчикъ, да времени нѣтъ. Да и не надо вовсе, поздно говорить. А! гдѣ же деньги, куда я ихъ дѣлъ? — вскрикнулъ онъ и принялся совать по карманамъ руки.

— На столъ положили... сами... вонъ онѣ лежатъ. Забыли? Подлинно деньги у васъ точно соръ аль вода. Вотъ ваши пистолеты. Странно, въ шестомъ часу, давеча, заложилъ ихъ за десять рублей, а теперь эвона у васъ, тысячъ- то. Двѣ или три небось?

— Три небось, — засмѣялся Митя, суя деньги въ боковой карманъ панталонъ.

— Потеряете этакъ-то. Золотые пріиски у васъ, что ли?

— Пріиски? Золотые пріиски! — изо всей силы закричалъ Митя и закатился смѣхомъ. — Хотите, Перхотинъ, на пріиски? Тотчасъ вамъ одна дама здѣсь три тысячи отсыплетъ, чтобъ только ѣхали. Мнѣ отсыпала, ужъ такъ она пріиски любитъ! Хохлакову знаете?

— Незнакомъ, а слыхалъ и видалъ. Неужто это она вамъ три тысячи дала? Такъ и отсыпала? — недовѣрчиво глядѣлъ Петръ Ильичъ.

— А вы завтра, какъ солнце взлетитъ, вѣчно юный-то Фебъ какъ взлетитъ, хваля и славя Бога, вы завтра пойдите къ ней, къ Хохлаковой-то, и спросите у ней сами: отсыпала она мнѣ три тысячи али нѣтъ? Справьтесь-ка.

— Я не знаю вашихъ отношеній... коли вы такъ утвердительно говорите, значитъ, дала... А вы денежки-то въ лапки, да вмѣсто Сибири-то, по всѣмъ по тремъ... Да куда вы въ самомъ дѣлѣ теперь, а?

— Въ Мокрое.

— Въ Мокрое? Да вѣдь ночь!

— Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ! — проговорилъ вдругъ Митя.

— Какъ ни въ чемъ? Это съ такими-то тысячами, да ни въ чемъ?

— Я не про тысячи. Къ черту тысячи! Я про женскій нравъ говорю...

„Легковѣренъ женскій нравъ
И измѣнчивъ и пороченъ".

Я съ Уллисомъ согласенъ, что онъ говоритъ.

— Не понимаю я васъ!

— Пьянъ, что ли?

— Не пьянъ, а хуже того.

— Я духомъ пьянъ, Петръ Ильичъ, духомъ пьянъ, и довольно, довольно...

— Что это вы, пистолетъ заряжаете?

— Пистолетъ заряжаю.

Митя, дѣйствительно, раскрывъ ящикъ съ пистолетами, отомкнулъ рожокъ съ порохомъ и тщательно всыпалъ и забилъ зарядъ. Затѣмъ взялъ пулю и, предъ тѣмъ, какъ вкатить ее, поднялъ ее въ двухъ пальцахъ предъ собой надъ свѣчкой.

— Чего это вы на пулю смотрите? — съ безпокойнымъ любопытствомъ слѣдилъ Петръ Ильичъ.

— Такъ. Воображеніе. Вотъ если бы ты вздумалъ эту пулю всадить себѣ въ мозгъ, то, заряжая пистолетъ, посмотрѣлъ бы на нее или нѣтъ?

— Зачѣмъ на нее смотрѣть?

— Въ мой мозгъ войдетъ, такъ интересно на нее взглянуть, какова она есть... А, впрочемъ, вздоръ, минутный вздоръ. Вотъ и кончено, — прибавилъ онъ, вкативъ пулю и заколотивъ ее паклей. — Петръ Ильичъ, милый, вздоръ, все вздоръ, и если бы ты зналъ, до какой степени вздоръ! Дай-ка мнѣ теперь бумажки кусочекъ.

— Вотъ бумажка.

— Нѣтъ, гладкой, чистой, на которой пишутъ. Вотъ такъ. И Митя, схвативъ со стола перо, быстро написалъ на бумажкѣ двѣ строки, сложилъ вчетверо бумажку и сунулъ въ жилетный карманъ. Пистолеты вложилъ въ ящикъ, заперъ ключикомъ и взялъ ящикъ въ руки. Затѣмъ посмотрѣлъ на Петра Ильича и длинно, вдумчиво улыбнулся.

— Теперь идемъ, — сказалъ онъ.

— Куда идемъ? Нѣтъ, постойте... Это вы, пожалуй, себѣ въ мозгъ ее хотите послать, пулю-то... — съ безпокойствомъ произнесъ Петръ Ильичъ.

— Пуля вздоръ! Я жить хочу, я жизнь люблю! Знай ты это. Я златокудраго Ѳеба и свѣтъ его горячій люблю... Милый Петръ Ильичъ, умѣешь ты устраниться?

— Какъ это устраниться?

— Дорогу дать. Милому существу и ненавистному и дать дорогу. И чтобъ и ненавистное милымъ стало, — вотъ какъ дать дорогу! И сказать имъ: Богъ съ вами, идите, проходите мимо, а я...

— А вы?

— Довольно, идемъ.

— Ей-Богу, скажу кому-нибудь (глядѣлъ на него

Петръ Ильичъ), чтобы васъ не пустить туда. Зачѣмъ вамъ теперь въ Мокрое?

— Женщина тамъ, женщина, и довольно съ тебя, Петръ Ильичъ, и шабашъ!

— Послушайте, вы хоть и дики, но вы мнѣ всегда какъ-то нравились . . . я вотъ и безпокоюсь.

— Спасибо тебѣ, братъ. Я дикій, говоришь ты. Дикари, дикари! Я одно только и твержу: дикари! А, да вотъ Миша, а я-то его и забылъ.

Вошелъ впопыхахъ Миша съ пачкой размѣненныхъ денегъ и отрапортовалъ, что у Плотниковыхъ «всѣ заходили» и бутылки волокутъ, и рыбу, и чай — сейчасъ все готово будетъ. Митя схватилъ десятирублевую и подалъ Петру Ильичу, а другую десятирублевую кинулъ Мишѣ.

— Не смѣть! — вскричалъ Петръ Ильичъ. — У меня дома нельзя, да и дурное баловство это. Спрячьте ваши деньги, вотъ сюда положите, чего ихъ сорить-то? Завтра же пригодятся, ко мнѣ же вѣдь и придете десять рублей просить. Что это въ боковой карманъ все суете? Эй, потеряете!

— Слушай, милый человѣкъ, поѣдемъ въ Мокрое вмѣстѣ?

— Мнѣ-то зачѣмъ туда?

— Слушай, хочешь сейчасъ бутылку откупорю, выпьемъ за жизнь! Мнѣ хочется выпить, а пуще всего съ тобою выпить. Никогда я съ тобою не пилъ, а?

— Пожалуй, въ трактирѣ, можно, пойдемъ, я туда самъ сейчасъ отправляюсь.

— Некогда въ трактирѣ, а у Плотниковыхъ въ лавкѣ, въ задней комнатѣ. Хочешь, я тебѣ одну загадку загадаю сейчасъ.

— Загадай.

Митя вынулъ изъ жилета свою бумажку, развернулъ ее и показалъ. Четкимъ и крупнымъ почеркомъ было на ней написано:

«Казню себя за всю жизнь, всю жизнь мою наказую!»

— Право, скажу кому-нибудь, пойду сейчасъ и скажу, — проговорилъ, прочитавъ бумажку, Петръ Ильичъ.

— Не успѣешь, голубчикъ, идемъ и выпьемъ, маршъ!

Лавка Плотниковыхъ приходилась почти черезъ одинъ только домъ отъ Петра Ильича, на углу улицы. Это былъ самый главный бакалейный магазинъ въ нашемъ городѣ, богатыхъ торговцевъ, и самъ по себѣ весьма не дурной. Было все, что и въ любомъ магазинѣ въ столицѣ, всякая бакалея: вина «разлива братьевъ Елисѣевыхъ», фрукты, сигары, чай, сахаръ, кофе и проч. Всегда сидѣли три приказчика и бѣгали два разсыльныхъ мальчика. Хотя край нашъ и обѣднѣлъ, помѣщики разъѣхались, торговля затихла, а бакалея процвѣтала попрежнему и даже все лучше и лучше съ каждымъ годомъ: на эти предметы не переводились покупатели. Митю ждали въ лавкѣ съ нетерпѣніемъ. Слишкомъ помнили, какъ онъ недѣли три — четыре назадъ забралъ точно такъ же разомъ всякаго товару и винъ на нѣсколько сотъ рублей чистыми деньгами (въ кредитъ-то ему ничего, конечно, не повѣрили), помнили, что такъ же, какъ и теперь, въ рукахъ его торчала цѣлая пачка радужныхъ и онъ разбрасывалъ ихъ зря, не торгуясь, не соображая и не желая соображать, на что ему столько товару, вина и проч.? Во всемъ городѣ потомъ говорили, что онъ тогда, укативъ съ Грушенькой въ

Мокрое, «просадилъ въ одну ночь и слѣдующій затѣмъ день три тысячи разомъ и воротился съ кутежа безъ гроша, въ чемъ мать родила». Поднялъ тогда цыганъ цѣлый таборъ (въ то время у насъ закочевавшій), которые въ два дня вытащили-де у него, у пьянаго, безъ счету денегъ и выпили безъ счету дорогого вина. Разсказывали, смѣясь надъ Митей, что въ Мокромъ онъ запоилъ шампанскимъ сиволапыхъ мужиковъ, деревенскихъ дѣвокъ и бабъ закормилъ конфектами и страсбургскими пирогами. Смѣялись тоже у насъ, въ трактирѣ особенно, надъ собственнымъ откровеннымъ и публичнымъ тогдашнимъ признаніемъ Мити (не въ глаза ему, конечно, смѣялись, въ глаза ему смѣяться было нѣсколько опасно), что отъ Грушеньки онъ за всю ту «эскападу» только и получилъ, что позволила ему свою ножку поцѣловать, а болѣе ничего не позволила».

Когда Митя съ Петромъ Ильичемъ подошли къ лавкѣ, то у входа нашли уже готовую тройку, въ телѣгѣ, покрытой ковромъ, съ колокольчиками и бубенчиками и съ ямщикомъ Андреемъ, ожидавшимъ Митю. Въ лавкѣ почти совсѣмъ успѣли «сладить» одинъ ящикъ съ товаромъ и ждали только появленія Мити, чтобы заколотить и уложить его на телѣгу. Петръ Ильичъ удивился.

— Да откуда поспѣла у тебя тройка? — спросилъ онъ Митю.

— Къ тебѣ бѣжалъ, вотъ его, Андрея, встрѣтилъ и велѣлъ ему прямо сюда къ лавкѣ и подъѣзжать. Времени терять нечего! Въ прошлый разъ съ Тимоѳеемъ ѣздилъ, да Тимоѳей теперь тю-тю-тю, впередъ меня съ волшебницей одной укатилъ. Андрей, опоздаемъ очень?

— Часомъ только развѣ прежде нашего прибудутъ, да и того не будетъ, часомъ раньше всего упредятъ! — поспѣшно отозвался Андрей. — Я Тимоѳея и снарядилъ, знаю, какъ поѣдутъ. Ихъ ѣзда не наша ѣзда, Дмитрій Ѳедоровичъ, гдѣ имъ до нашего. Часомъ не потрафятъ раньше! — съ жаромъ перебилъ Андрей, еще не старый ямщикъ, рыжеватый, сухощавый парень въ поддевкѣ и съ армякомъ на лѣвой рукѣ.

— Пятьдесятъ рублей на водку, коли только часомъ отстанешь.

— За часъ времени ручаемся, Дмитрій Ѳедоровичъ, эхъ, получасомъ не упредятъ, не то что часомъ!

Митя хоть и засуетился распоряжаясь, но говорилъ и приказывалъ какъ-то странно, въ разбивку, а не по порядку. Начиналъ одно и забывалъ окончаніе. Петръ Ильичъ нашелъ необходимымъ ввязаться и помочь дѣлу.

— На четыреста рублей, не менѣе, какъ на четыреста, чтобы точь-въ-точь по-тогдашнему, — командовалъ Митя. — Четыре дюжины шампанскаго, ни одной бутылки меньше.

— Зачѣмъ тебѣ столько, къ чему это? Стой! — завопилъ Петръ Ильичъ. — Это что за ящикъ? Съ чѣмъ? Неужели тутъ на четыреста рублей?

Ему тотчасъ же объяснили суетившіеся приказчики со слащавою рѣчью, что въ этомъ первомъ ящикѣ всего лишь полдюжины шампанскаго и «всякіе необходимые на первый случай предметы» изъ закусокъ, конфетъ, монпансье и проч. Но что главное «потребленіе» уложится и отправится сей же часъ особо, какъ и въ тогдашній разъ, въ осо-

бой телѣгѣ и тоже тройкой и потрафитъ къ сроку, «развѣ всего только часомъ позже Дмитрія Ѳедоровича къ мѣсту прибудетъ».

— Не болѣе часу, чтобъ не болѣе часу, и какъ можно больше монпасье и тягушекъ положите; это тамъ дѣвки любятъ, — съ жаромъ настаивалъ Митя.

— Тягушекъ — Пусть. Да четыре-то дюжины къ чему тебѣ? Одной довольно, — почти осердился уже Петръ Ильичъ. Онъ сталъ торговаться, онъ потребовалъ счетъ, онъ не хотѣлъ успокоиться. Спасъ, однако, всего одну сотню рублей. Остановились на томъ, чтобы всего товару доставлено было не болѣе, какъ на триста рублей.

— А, чертъ васъ подери! — вскричалъ Петръ Ильичъ, какъ бы вдругъ одумавшись, — да мнѣ-то тутъ что? Бросай свои деньги, коли даромъ нажилъ!

— Сюда, экономъ, сюда, не сердись, — потащилъ его Митя въ заднюю комнату лавки, — вотъ здѣсь намъ бутылку сейчасъ подадутъ, мы и хлебнемъ. Эхъ, Петръ Ильичъ, поѣдемъ вмѣстѣ, потому что ты человѣкъ милый, такихъ люблю.

Митя усѣлся на плетеный стульчикъ передъ крошечнымъ столикомъ, накрытымъ грязнѣйшею салфеткой. Петръ Ильичъ примостился напротивъ него, и мигомъ явилось шампанское. Предложили, не пожелаютъ ли господа устрицъ, «первѣйшихъ устрицъ, самаго послѣдняго полученія».

— Къ черту устрицъ, я не ѣмъ, да и ничего не надо, — почти злобно огрызнулся Петръ Ильичъ.

— Некогда устрицъ, — замѣтилъ Митя, — да и аппетита нѣтъ. Знаешь, другъ, — проговорилъ онъ вдругъ съ чувствомъ, — не любилъ я никогда всего этого безпорядка.

— Да кто жъ его любитъ! Три дюжины, помилуй, на мужиковъ, это хоть кого взорветъ.

— Я не про это. Я про высшій порядокъ. Порядку во мнѣ нѣтъ, и къ черту! Вся жизнь моя была безпорядокъ, и надо положить порядокъ. Каламбурю, а?

— Бредишь, а не каламбуришь.

— Слава Высшему на свѣтѣ,
Слава Высшему во мнѣ!

Этотъ стишокъ у меня изъ души вырвался когда-то, не стихъ, а слеза... самъ сочинилъ... не тогда, однако, когда штабсъ-капитана за бороденку тащилъ...

— Что это ты вдругъ о немъ?

— Чего я вдругъ о немъ? Вздоръ! Все кончается, все равняется, черта — и итогъ.

— Право, мнѣ все твои пистолеты мерещатся.

— И пистолеты вздоръ! Пей и не фантазируй. Жизнь люблю, слишкомъ ужъ жизнь полюбилъ, что и мерзко. Довольно! За жизнь, голубчикъ, за жизнь выпьемъ, за жизнь предлагаю тостъ! Почему я доволенъ собой? Я подлъ, но доволенъ собой. И, однакожъ, я мучусь тѣмъ, что я подлъ, но доволенъ собой. Благословляю твореніе, сейчасъ готовъ Бога благословить и Его твореніе, но... надо истребить одно смрадное насѣкомое, чтобы не ползало, другимъ жизни не портило... Выпьемъ за жизнь, милый братъ! Что можетъ быть дороже жизни! Ничего, ничего! За жизнь и за одну царицу изъ царицъ.

— Выпьемъ за жизнь, а, пожалуй, и за твою царицу.

Выпили по стакану. Митя былъ хотя и восторженъ, и раскидчивъ, но какъ-то грустенъ. Точно

какая-то непреодолимая и тяжелая забота стояла за нимъ.

— Миша... это твой Миша вошелъ? Миша, голубчикъ, Миша, поди сюда, выпей ты мнѣ этотъ стаканъ, за Феба златокудраго, завтрашняго...

— Да зачѣмъ ты ему! — крикнулъ Петръ Ильичъ раздражительно.

— Ну, позволь, ну такъ, ну я хочу.

— Э-эхъ!

Миша выпилъ стаканъ, поклонился и убѣжалъ.

— Запомнитъ дольше, — замѣтилъ Митя. — Женщину я люблю, женщину! Что есть женщина? Царица земли! Грустно мнѣ, грустно, Петръ Ильичъ. Помнишь Гамлета: «Мнѣ такъ грустно, такъ грустно, Гораціо... Ахъ, бѣдный Іорикъ!» Это я, можетъ быть, Іорикъ и есть. Именно теперь я Іорикъ, а черепъ потомъ.

Петръ Ильичъ слушалъ и молчалъ, помолчалъ и Митя.

— Это какая у васъ собачка? — спросилъ онъ вдругъ разсѣянно приказчика, замѣтивъ въ углу маленькую хорошенькую болоночку съ черными глазками.

— Это Варвары Алексѣевны, хозяйки нашей болоночка, — отвѣтилъ приказчикъ, — сами занесли давеча, да и забыли у насъ. Отнести надо будетъ обратно.

— Я одну такую же видѣлъ... въ полку... — вдумчиво произнесъ Митя, — только у той задняя ножка была сломана... Петръ Ильичъ, хотѣлъ я спросить тебя кстати: кралъ ты когда что въ своей жизни, аль нѣтъ?

— Это что за вопросъ?

— Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого-

нибудь, чужое? Я не про казну говорю, казну всѣ дерутъ и ты, конечно, тоже...

— Убирайся къ черту.

— Я про чужое: прямо изъ кармана, изъ кошелька, а?

— Укралъ одинъ разъ у матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, со стола. Взялъ тихонько и зажалъ въ руку.

— Ну, что же?

— Ну, и ничего. Три дня хранилъ, стыдно стало, признался и отдалъ.

— Ну, и что же?

— Натурально, высѣкли. Да ты чего ужъ, ты самъ не укралъ ли?

— Укралъ, — хитро подмигнулъ Митя.

— Что укралъ? — залюбопытствовалъ Петръ Ильичъ.

— У матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, черезъ три дня отдалъ. — Сказавъ это, Митя вдругъ всталъ съ мѣста.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, не поспѣшить ли? — крикнулъ вдругъ у двери лавки Андрей.

— Готово? Идемъ! — всполохнулся Митя. — Еще послѣднее сказанье и... Андрею стаканъ водки на дорогу, сейчасъ! Да коньяку ему кромѣ водки рюмку! Этотъ ящикъ (съ пистолетами) мнѣ подъ сидѣнье. Прощай, Петръ Ильичъ, не поминай лихомъ.

— Да вѣдь завтра воротишься?

— Непремѣнно.

— Разсчетецъ теперь изволите покончить? — подскочилъ приказчикъ.

— А, да, разсчетъ! Непремѣнно!

Онъ опять выхватилъ изъ кармана свою пачку

кредитокъ, снялъ три радужныхъ, бросилъ на прилавокъ и спѣша вышелъ изъ лавки. Всѣ за нимъ послѣдовали и, кланяясь, провожали съ привѣтствіями и пожеланіями. Андрей крякнулъ отъ только что выпитаго коньяку и вскочилъ на сидѣнье. Но едва только Митя началъ садиться, какъ вдругъ предъ нимъ совсѣмъ неожиданно очутилась Ѳеня. Она прибѣжала вся запыхавшись, съ крикомъ сложила предъ нимъ руки и бухнулась ему въ ноги:

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, голубчикъ, не погубите барыню! А я-то вамъ все разсказала!.. И его не погубите, прежній вѣдь онъ, ихній! Замужъ теперь Аграфену Александровну возьметъ, съ тѣмъ и изъ Сибири вернулся... Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, не загубите чужой жизни!

— Те-те-те, вотъ оно что! Ну, надѣлаешь ты теперь тамъ дѣлъ! — пробормоталъ про себя Петръ Ильичъ. — Теперь все понятно, теперь какъ не понять. Дмитрій Ѳедоровичъ, отдай-ка мнѣ пистолеты, если хочешь быть человѣкомъ, — воскликнулъ онъ громко Митѣ, — слышишь, Дмитрій?

— Пистолеты? Подожди, голубчикъ, я ихъ дорогой въ лужу выброшу, — отвѣтилъ Митя. — Ѳеня, встань, не лежи ты предо мной. Не погубитъ Митя, впредь никого ужъ не погубитъ этотъ глупый человѣкъ. Да вотъ что, Ѳеня, — крикнулъ онъ ей, уже усѣвшись, — обидѣлъ я тебя давеча, такъ прости меня и помилуй, прости подлеца... А не простишь, все равно! Потому что теперь уже все равно! Трогай, Андрей, живо улетай!

Андрей тронулъ; колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Прощай, Петръ Ильичъ! Тебѣ послѣдняя слеза!..

«Не пьянъ вѣдь, а какую ахинею поретъ!» подумалъ вслѣдъ ему Петръ Ильичъ. Онъ расположился было остаться присмотрѣть за тѣмъ, какъ будутъ снаряжать возъ (на тройкѣ же) съ остальными припасами и винами, предчувствуя, что надуютъ и обсчитаютъ Митю, но вдругъ, самъ на себя разсердившись, плюнулъ и пошелъ въ свой трактиръ играть на билліардѣ.

— Дуракъ, хоть и хорошій малый... — бормоталъ онъ про себя дорогой. — Про этого какого-то офицера «прежняго» Грушенькинова я слыхалъ. Ну, если прибылъ, то... Эхъ, пистолеты эти! А, чертъ, что я его дядька, что ли? Пусть ихъ! Да и ничего не будетъ. Горланы и больше ничего. Напьются и подерутся, подерутся и помирятся. Развѣ это люди дѣла? Что это за «устранюсь», «казню себя» — ничего не будетъ! Тысячу разъ кричалъ этимъ слогомъ пьяный въ трактирѣ. Теперь-то не пьянъ. «Пьянъ духомъ» — слогъ любятъ подлецы. Дядька я ему, что ли? И не могъ не подраться, вся харя въ крови. Съ кѣмъ бы это? Въ трактирѣ узнаю. И платокъ въ крови... Фу, чертъ, у меня на полу остался... наплевать!

Пришелъ въ трактиръ онъ въ сквернѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ же началъ партію. Партія развеселила его. Сыгралъ другую и вдругъ заговорилъ съ однимъ изъ партнеровъ о томъ, что у Дмитрія Карамазова опять деньги появились, тысячъ до трехъ, самъ видѣлъ, и что онъ опять укатилъ кутить въ Мокрое съ Грушенькой. Это было принято почти съ неожиданнымъ любопытствомъ слушателями. И всѣ они заговорили, не смѣясь, а какъ-то странно серьезно. Даже игру перервали.

— Три тысячи? Да откуда у него быть тремъ тысячамъ?

Стали разспрашивать дальше. Извѣстіе о Хохлаковой приняли сомнительно.

— А не ограбилъ ли старика, вотъ что?

— Три тысячи! Что-то не ладно.

— Похвалялся же убить отца вслухъ, всѣ здѣсь слышали. Именно про три тысячи говорилъ . . .

Петръ Ильичъ слушалъ и вдругъ сталъ отвѣчать на разспросы сухо и скупо. Про кровь, которая была на улицѣ и на рукахъ Мити, не упомянулъ ни слова, а когда шелъ сюда, хотѣлъ было разсказать. Начали третью партію, мало-по-малу разговоръ о Митѣ затихъ; но докончивъ третью партію, Петръ Ильичъ больше играть не пожелалъ, положилъ кій и, не поужинавъ, какъ собирался, вышелъ изъ трактира. Выйдя на площадь, онъ сталъ въ недоумѣніи и даже дивясь на себя. Онъ вдругъ сообразилъ, что вѣдь онъ хотѣлъ сейчасъ идти въ домъ Ѳедора Павловича, узнать, не произошло ли чего. «Изъ-за вздора, который окажется, разбужу чужой домъ и надѣлаю скандала. Фу, чертъ, дядька я имъ, что ли?»

Въ сквернѣйшемъ расположеніи духа направился онъ прямо къ себѣ домой и вдругъ вспомнилъ про Ѳеню: «э, чертъ, вотъ бы давеча разспросить ее, подумалъ онъ въ досадѣ, все бы и зналъ». И до того вдругъ загорѣлось въ немъ самое нетерпѣливое и упрямое желаніе поговорить съ нею и разузнать, что съ полдороги онъ круто повернулъ къ дому Морозовой, въ которомъ квартировала Грушенька. Подойдя къ воротамъ, онъ постучался, и раздавшійся въ тишинѣ ночи стукъ опять какъ бы

вдругъ отрезвилъ и обозлилъ его. Къ тому же никто не откликнулся, всѣ въ домѣ спали. «И тутъ скандалу надѣлаю!» подумалъ онъ съ какимъ-то уже страданіемъ въ душѣ, но вмѣсто того, чтобъ уйти окончательно, принялся вдругъ стучать снова изо всей силы. Поднялся гамъ на всю улицу: «такъ вотъ нѣтъ же, достучусь, достучусь!» бормоталъ онъ, съ каждымъ звукомъ злясь на себя до остервенѣнія, но съ тѣмъ вмѣстѣ и усугубляя удары въ ворота.

VI.

Самъ ѣду!

А Дмитрій Ѳедоровичъ летѣлъ по дорогѣ. До Мокраго было двадцать верстъ съ небольшимъ, но тройка Андреева скакала такъ, что могла поспѣть въ часъ съ четвертью. Быстрая ѣзда какъ бы вдругъ освѣжила Митю. Воздухъ былъ свѣжій и холодноватый, на чистомъ небѣ сіяли крупныя звѣзды. Это была та самая ночь, а, можетъ, и тотъ самый часъ, когда Алеша, упавъ на землю, «изступленно клялся любить ее вовѣки вѣковъ». Но смутно, очень смутно было въ душѣ Мити, и хоть многое терзало теперь его душу, но въ этотъ моментъ все существо его неотразимо устремилось лишь къ ней, къ его царицѣ, къ которой летѣлъ онъ, чтобы взглянуть на нее въ послѣдній разъ. Скажу лишь одно: даже и не спорило сердце его ни минуты. Не повѣрятъ мнѣ, можетъ быть, если скажу, что этотъ ревнивецъ не ощущалъ къ этому новому человѣку, новому сопернику, выскочившему изъ-подъ земли, къ этому «офицеру» ни малѣйшей ревности. Ко всякому другому, явись такой,

приревновалъ бы тотчасъ же и, можетъ быть, вновь бы намочилъ свои страшныя руки кровью, — а къ этому, къ этому «ея первому», не ощущалъ онъ теперь, летя на своей тройкѣ, не только ревнивой ненависти, но даже враждебнаго чувства, — правда, еще не видалъ его. «Тутъ ужъ безспорно, тутъ право ея и его; тутъ ея первая любовь, которую она въ пять лѣтъ не забыла: значитъ, только его и любила въ эти пять лѣтъ, а я-то, я зачѣмъ тутъ подвернулся? Что я-то тутъ и при чемъ? Отстранись, Митя, и дай дорогу! Да и что я теперь? Теперь ужъ и безъ офицера все кончено, хотя бы и не явился онъ вовсе, то все равно все было бы кончено» . . .

Вотъ въ какихъ словахъ онъ бы могъ приблизительно изложить свои ощущенія, если бы только могъ разсуждать. Но онъ уже не могъ тогда разсуждать. Вся теперешняя рѣшимость его родилась безъ разсужденій, въ одинъ мигъ, была сразу почувствована и принята цѣликомъ со всѣми послѣдствіями еще давеча, у Ѳени, съ первыхъ словъ ея. И все-таки, несмотря на всю принятую рѣшимость, было смутно въ душѣ его, смутно до страданія: не дала и рѣшимость спокойствія. Слишкомъ многое стояло сзади его и мучило. И странно было ему это мгновеніями: вѣдь ужъ написанъ былъ имъ самимъ себѣ приговоръ перомъ на бумагѣ: «казню себя и наказую»; и бумажка эта лежала тутъ, въ карманѣ его, приготовленная; вѣдь ужъ заряженъ пистолетъ, вѣдь ужъ рѣшилъ же онъ, какъ встрѣтитъ онъ завтра первый горячій лучъ «Феба златокудраго», а между тѣмъ съ прежнимъ, со всѣмъ стоявшимъ сзади и мучившимъ его, все-таки нельзя было разсчитаться, чувствовалъ онъ это до

мученія, и мысль о томъ впивалась въ его душу отчаяніемъ. Было одно мгновеніе въ пути, что ему вдругъ захотѣлось остановить Андрея, выскочить изъ телѣги, достать свой заряженный пистолетъ и покончить все, не дождавшись и разсвѣта. Но мгновеніе это пролетѣло, какъ искорка. Да и тройка летѣла, «пожирая пространство», и, по мѣрѣ приближенія къ цѣли, опять-таки мысль о ней, о ней одной, все сильнѣе и сильнѣе захватывала ему духъ и отгоняла всѣ остальные страшные призраки отъ его сердца. О, ему такъ хотѣлось поглядѣть на нее, хоть мелькомъ, хоть издали! «Она теперь съ *нимъ,* ну вотъ и погляжу, какъ она теперь съ нимъ, со своимъ прежнимъ милымъ, и только этого мнѣ и надо». И никогда еще не подымалось изъ груди его столько любви къ этой роковой въ судьбѣ его женщинѣ, столько новаго, неиспытаннаго еще имъ никогда чувства, чувства неожиданнаго даже для него самого, чувства нѣжнаго до моленія, до исчезновенія предъ ней. «И исчезну!» проговорилъ онъ вдругъ въ припадкѣ какого-то истерическаго восторга.

Скакали уже почти часъ. Митя молчалъ, а Андрей, хотя и словоохотливый былъ мужикъ, тоже не вымолвилъ еще ни слова, точно опасался заговорить и только живо погонялъ своихъ «одровъ», свою гнѣдую, сухопарую, но рѣзвую тройку. Какъ вдругъ Митя въ страшномъ безпокойствѣ воскликнулъ:

— Андрей! А что если спятъ?

Ему это вдругъ вспало на умъ, а до сихъ поръ онъ о томъ и не подумалъ.

— Надо думать, что ужъ легли, Дмитрій Ѳедоровичъ.

Митя болѣзненно нахмурился: что въ самомъ дѣлѣ, онъ прилетитъ... съ такими чувствами... а они спятъ... спитъ и она, можетъ быть, тутъ же... Злое чувство закипѣло въ его сердцѣ.

— Погоняй, Андрей, катай, Андрей, живо! — закричалъ онъ въ изступленіи.

— А, можетъ, еще и не полегли, — разсудилъ, помолчавъ, Андрей. — Даве Тимоѳей сказывалъ, что тамъ много ихъ собралось...

— На станціи?

— Не въ станціи, а у Пластуновыхъ, на постояломъ дворѣ, вольная, значитъ, станція.

— Знаю; такъ какъ же ты говоришь, что много? Гдѣ же много? Кто такіе? — вскинулся Митя въ страшной тревогѣ при неожиданномъ извѣстіи.

— Да сказывалъ Тимоѳей, все господа: изъ города двое, кто таковы — не знаю, только, сказывалъ Тимоѳей, двое изъ здѣшнихъ господъ, да тѣхъ двое, будто бы пріѣзжихъ, а, можетъ, и еще кто есть, не спросилъ я толково. Въ карты, говорилъ, стали играть.

— Въ карты?

— Такъ вотъ, можетъ, и не спятъ, коли въ карты зачали. Думать надо, теперь всего одиннадцатый часъ въ исходѣ, не болѣе того.

— Погоняй, Андрей, погоняй! — нервно вскричалъ опять Митя.

— Что это, я васъ спрошу, сударь, — помолчавъ, началъ снова Андрей, — вотъ только бы не осердить мнѣ васъ, боюсь, баринъ.

— Чего тебѣ?

— Давеча Ѳедосья Марковна легла вамъ въ ноги, молила, барыню чтобы вамъ не сгубить и еще кого... такъ вотъ, сударь, что везу-то я васъ

туда... Простите, сударь, меня, такъ, отъ совѣсти, можетъ, глупо что сказалъ.

Митя вдругъ схватилъ его сзади за плечи.

— Ты ямщикъ? Ямщикъ? — началъ онъ изступленно.

— Ямщикъ...

— Знаешь ты, что надо дорогу давать. Что ямщикъ, такъ ужъ никому и дороги не дать, дави, дескать, я ѣду! Нѣтъ, ямщикъ, не дави! Нельзя давить человѣка, нельзя людямъ жизнь портить; а коли испортилъ жизнь — наказуй себя... если только испортилъ, если только загубилъ кому жизнь — казни себя и уйди.

Все это вырвалось у Мити какъ бы въ совершенной истерикѣ. Андрей хоть и подивился на барина, но разговоръ поддержалъ.

— Правда это, батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, это вы правы, что не надо человѣка давить, тоже и мучить, равно какъ и всякую тварь, потому, всякая тварь — она тварь созданная, вотъ хоть бы лошадь, потому, другой ломитъ зря, хоша бы и нашъ ямщикъ... И удержу ему нѣтъ, такъ онъ и претъ, прямо тебѣ такъ и претъ.

— Во адъ? — перебилъ вдругъ Митя и захохоталъ своимъ неожиданнымъ короткимъ смѣхомъ. — Андрей, простая душа, — схватилъ онъ опять его крѣпко за плечи, — говори: попадетъ Дмитрій Ѳедоровичъ Карамазовъ во адъ, али нѣтъ, какъ по-твоему?

— Не знаю, голубчикъ, отъ васъ зависитъ, потому вы у насъ... Видишь, сударь, когда Сынъ Божій на крестѣ былъ распятъ и померъ, то сошелъ Онъ со креста прямо во адъ и освободилъ всѣхъ грѣшниковъ, которые мучились. И засто-

налъ адъ о томъ, что ужъ больше, думалъ, къ нему никто теперь не придетъ, грѣшниковъ-то. И сказалъ тогда аду Господь: «не стони, аде, ибо пріидутъ къ тебе отселева всякіе вельможи, управители, главные судьи и богачи, и будешь восполненъ такъ же точно, какъ былъ вовѣки вѣковъ, до того времени, пока снова приду». Это точно, это было такое слово...

— Народная легенда, великолѣпно! Стегни лѣвую, Андрей!

— Такъ вотъ, сударь, для кого адъ назначенъ, — стегнулъ Андрей лѣвую, — а вы у насъ, сударь, все одно, какъ малый ребенокъ... такъ мы васъ почитаемъ... И хоть гнѣвливы вы, сударь, это есть, но за простодушіе ваше проститъ Господь.

— А ты, ты простишь меня, Андрей?

— Мнѣ что же васъ прощать, вы мнѣ ничего не сдѣлали.

— Нѣтъ, за всѣхъ, за всѣхъ ты одинъ, вотъ теперь, сейчасъ, здѣсь, на дорогѣ, простишь меня за всѣхъ? Говори, душа простолюдина!

— Охъ, сударь! Боязно васъ и везти-то, странный какой-то вашъ разговоръ...

Но Митя не разслышалъ. Онъ изступленно молился и дико шепталъ про себя:

— Господи, прими меня во всемъ моемъ беззаконіи, но не суди меня. Пропусти мимо безъ суда Твоего... Не суди, потому что я самъ осудилъ себя; не суди, потому что я люблю Тебя, Господи! Мерзокъ самъ, а люблю Тебя: во адъ пошлешь, и тамъ любить буду, и оттуда буду кричать, что люблю Тебя вовѣки вѣковъ... Но дай и мнѣ долюбить... Здѣсь, теперь долюбить, все-

го пять часовъ до горячаго луча Твоего... Ибо люблю царицу души моей. Люблю и не могу не любить. Самъ видишь меня всего. Прискачу, паду предъ нею: права ты, что мимо меня прошла... Прощай и забудь твою жертву, не тревожь себя никогда!

— Мокрое! — крикнулъ Андрей, указывая впередъ кнутомъ.

Сквозь блѣдный мракъ ночи зачернѣлась вдругъ твердая масса строеній, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ. Село Мокрое было въ двѣ тысячи душъ, но въ этотъ часъ все оно уже спало, и лишь кое-гдѣ изъ мрака мелькали еще рѣдкіе огоньки.

— Гони, гони, Андрей, ѣду! — воскликнулъ какъ бы въ горячкѣ Митя.

— Не спятъ! — проговорилъ опять Андрей, указывая кнутомъ на постоялый дворъ Пластуновыхъ, стоявшій сейчасъ же на въѣздѣ, и въ которомъ всѣ шесть оконъ на улицу были ярко освѣщены.

— Не спятъ! — радостно подхватилъ Митя, — греми, Андрей, гони вскачь, звени, подкати съ трескомъ. Чтобы знали всѣ, кто пріѣхалъ! Я ѣду! Самъ ѣду! — изступленно восклицалъ Митя.

Андрей пустилъ измученную тройку вскачь и, дѣйствительно, съ трескомъ подкатилъ къ высокому крылечку и осадилъ своихъ запаренныхъ, полузадохшихся коней. Митя соскочилъ съ телѣги, и какъ разъ хозяинъ двора, правда, уходившій уже спать, полюбопытствовалъ заглянуть съ крылечка, кто это таковъ такъ подкатилъ.

— Трифонъ Борисычъ, ты?

Хозяинъ нагнулся, взглядѣлся, стремглавъ сбѣжалъ съ крылечка и въ подобострастномъ восторгѣ кинулся къ гостю.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедорычъ! Васъ ли вновь видимъ?

Этотъ Трифонъ Борисычъ былъ плотный и здоровый мужикъ, средняго роста, съ нѣсколько толстоватымъ лицомъ, виду строгаго и непримиримаго, съ Мокринскими мужиками особенно, но имѣвшій даръ быстро измѣнять лицо свое на самое подобострастное выраженіе, когда чуялъ взять выгоду. Ходилъ по-русски, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и въ поддевкѣ, имѣлъ деньжонки значительныя, но мечталъ и о высшей роли неустанно. Половина слишкомъ мужиковъ была у него въ когтяхъ, всѣ были ему должны кругомъ. Онъ арендовалъ у помѣщиковъ землю и самъ покупалъ, а обрабатывали ему мужики эту землю за долгъ, изъ котораго никогда не могли выйти. Былъ онъ вдовъ и имѣлъ четырехъ взрослыхъ дочерей; одна была уже вдовой, жила у него съ двумя малолѣтками, ему внучками, и работала на него, какъ поденщица. Другая дочка-мужичка была замужемъ за чиновникомъ, какимъ-то выслужившимся писаречкомъ, и въ одной изъ комнатъ постоялаго двора на стѣнкѣ можно было видѣть въ числѣ семейныхъ фотографій, миніатюрнѣйшаго размѣра, фотографію и этого чиновничка въ мундирѣ и въ чиновныхъ погонахъ. Двѣ младшія дочери, въ храмовой праздникъ, али отправляясь куда въ гости, надѣвали голубыя или зеленыя платья, сшитыя помодному, съ обтяжкою сзади и съ аршиннымъ хвостомъ, но на другой же день утромъ, какъ и во всякій день, подымались чѣмъ свѣтъ и съ березовыми вѣниками въ рукахъ выметали горницы, выносили помои и убирали соръ послѣ постояльцевъ. Несмотря на пріобрѣтенныя уже тысячки, Трифонъ Борисычъ

очень любилъ сорвать съ постояльца кутящаго и, помня, что еще мѣсяца не прошло, какъ онъ въ одни сутки поживился отъ Дмитрія Ѳедоровича, во время кутежа его съ Грушенькой, двумя сотнями рубликовъ слишкомъ, если не всѣми тремя, встрѣтилъ его теперь радостно и стремительно, уже по тому одному, какъ подкатилъ ко крыльцу его Митя, почуявъ снова добычу.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, васъ ли вновь обрѣтаемъ?

— Стой, Трифонъ Борисычъ, — началъ Митя, — прежде всего, самое главное: гдѣ она?

— Аграфена Александровна? — тотчасъ понялъ хозяинъ, зорко вглядываясь въ лицо Мити, — да здѣсь и она . . . пребываетъ . . .

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ?

— Гости пріѣзжіе-съ . . . Одинъ-то чиновникъ, надоть быть, изъ поляковъ, по разговору судя, онъ-то за ней и послалъ лошадей отсюдова; а другой съ нимъ товарищъ его, али попутчикъ, кто разберетъ; по-штатски одѣты . . .

— Что же, кутятъ? Богачи?

— Какое кутятъ? Небольшая величина, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Небольшая? Ну, а другіе?

— Изъ города эти, двое господъ . . . Изъ Черней возвращались, да и остались. Одинъ-то, молодой, надоть быть, родственникъ господину Міусову, вотъ только какъ звать забылъ . . . а другого, надо полагать, вы тоже знаете: помѣщикъ Максимовъ, на богомолье, говоритъ, заѣхалъ въ монастырь вашъ тамъ, да вотъ съ родственникомъ этимъ молодымъ господина Міусова и ѣздитъ . . .

— Только и всѣхъ?

— Только.

— Стой, молчи, Трифонъ Борисычъ, говори теперь самое главное: что она, какъ она?

— Да вотъ давеча прибыла и сидитъ съ ними.

— Весела? Смѣется?

— Нѣтъ, кажись, не очень смѣется... Даже скучная совсѣмъ сидитъ, молодому человѣку волосы расчесывала.

— Это поляку, офицеру?

— Да какой же онъ молодой, да и не офицеръ онъ вовсе; нѣтъ, сударь, не ему, а Міусову племяннику этому, молодому-то... вотъ только имя забылъ.

— Калгановъ?

— Именно Калгановъ.

— Хорошо, самъ рѣшу. Въ карты играютъ?

— Играли, да перестали, чай отпили, наливки чиновникъ потребовалъ.

— Стой, Трифонъ Борисычъ, стой, душа, самъ рѣшу. Теперь отвѣчай самое главное: нѣтъ цыганъ?

— Цыганъ теперь вовсе не слышно, Дмитрій Ѳедоровичъ, согнало начальство, а вотъ жиды здѣсь есть, на цымбалахъ играютъ и на скрипкахъ, въ Рождественской, такъ это можно бы за ними хоша и теперь послать. Прибудутъ.

— Послать, непремѣнно послать! — вскричалъ Митя. — А дѣвокъ можно поднять, какъ тогда, Марью особенно, Степаниду тоже, Арину. Двѣсти рублей за хоръ!

— Да за этакія деньги я все село тебѣ подыму, хоть и полегли теперь дрыхнуть. Да и стоятъ ли, батюшка Дмитрій Ѳедоровичъ, здѣшніе мужики такой ласки, али вотъ дѣвки? Этакой подлости да

грубости такую сумму опредѣлять! Ему ли, нашему мужику, цыгарки курить, а ты имъ давалъ. Вѣдь отъ него смердитъ, отъ разбойника. А дѣвки всѣ, сколько ихъ ни есть, вшивыя. Да я своихъ дочерей тебѣ даромъ подыму, не то что за такую сумму, полегли только спать теперь, такъ я ихъ ногой въ спину напинаю да для тебя пѣть заставлю. Мужиковъ намедни шампанскимъ поили, э-эхъ!

Трифонъ Борисычъ напрасно сожалѣлъ Митю: онъ тогда у него самъ съ полдюжины бутылокъ шампанскаго утаилъ, а подъ столомъ сторублевую бумажку поднялъ и зажалъ себѣ въ кулакъ. Такъ и осталась у него въ кулакѣ.

— Трифонъ Борисычъ, растрясъ я тогда не одну здѣсь тысячку. Помнишь?

— Растрясли, голубчикъ, какъ васъ не вспомнить, три тысячки у насъ, небось, оставили.

— Ну, такъ и теперь съ тѣмъ пріѣхалъ, видишь.

И онъ вынулъ и поднесъ къ самому носу хозяина свою пачку кредитокъ.

— Теперь слушай и понимай: черезъ часъ вино придетъ, закуски, пироги и конфеты, — все тотчасъ же туда наверхъ. Этотъ ящикъ, что у Андрея, туда тоже сейчасъ наверхъ, раскрыть и тотчасъ же шампанское подавать... А, главное, — дѣвокъ, дѣвокъ, и Марью чтобы непремѣнно...

— Онъ повернулся къ телѣгѣ и вытащилъ изъ-подъ сидѣнья свой ящикъ съ пистолетами.

— Разсчетъ, Андрей, принимай! Вотъ тебѣ пятнадцать рублей за тройку, а вотъ пятьдесятъ на водку... за готовность, за любовь твою... Помни барина Карамазова.

— Боюсь я, баринъ... — заколебался Андрей, — пять рублей на чай пожалуйте, а больше не приму. Трифонъ Борисычъ свидѣтелемъ. Ужъ простите глупое слово мое...

— Чего боишься, — обмѣрилъ его взглядомъ Митя, — ну и чертъ съ тобой коли такъ! — крикнулъ онъ, бросая ему пять рублей. — Теперь, Трифонъ Борисычъ, проводи меня тихо и дай мнѣ на нихъ на всѣхъ перво-на-перво глазкомъ глянуть, такъ, чтобъ они меня не замѣтили. Гдѣ они тамъ, въ голубой комнатѣ?

Трифонъ Борисычъ опасливо поглядѣлъ на Митю, но тотчасъ же послушно исполнилъ требуемое: осторожно провелъ его въ сѣни, самъ вошелъ въ большую первую комнату, сосѣднюю съ той, въ которой сидѣли гости, и вынесъ изъ нея свѣчу. Затѣмъ потихоньку ввелъ Митю и поставилъ его въ уголъ, въ темнотѣ, откуда бы онъ могъ свободно разглядѣть собесѣдниковъ, ими невидимый. Но Митя недолго глядѣлъ, да и не могъ разглядывать: онъ увидѣлъ ее и сердце его застучало, въ глазахъ помутилось. Она сидѣла за столомъ сбоку, въ креслахъ, а рядомъ съ нею, на диванѣ, хорошенькій собою и еще очень молодой Калгановъ; она держала его за руку и, кажется, смѣялась, а тотъ, не глядя на нее, что-то громко говорилъ, какъ будто съ досадой, сидѣвшему черезъ столъ напротивъ Грушеньки, Максимову. Максимовъ же чему-то очень смѣялся. На диванѣ сидѣлъ *онъ,* а подлѣ дивана, на стулѣ, у стѣны, какой-то другой незнакомецъ. Тотъ, который сидѣлъ на диванѣ развалясь, курилъ трубку, и у Мити лишь промелькнуло, что это какой-то толстоватый и широколицый человѣчекъ, ростомъ, должно быть, невысокій и какъ

будто на что-то сердитый. Товарищъ же его, другой незнакомецъ, показался Митѣ что-то ужъ чрезвычайно высокаго роста; но болѣе онъ ничего не могъ разглядѣть. Духъ у него захватило. И минуты онъ не смогъ выстоять, поставилъ ящикъ на комодъ и прямо, холодѣя и замирая, направился въ голубую комнату къ собесѣдникамъ.

— Ай! — взвизгнула въ испугѣ Грушенька, замѣтивъ его первая.

VII.

Прежній и безспорный.

Митя скорыми и длинными своими шагами подступилъ вплоть къ столу.

— Господа, — началъ онъ громко, почти крича, но заикаясь на каждомъ словѣ, — я... я ничего! Не бойтесь, — воскликнулъ онъ, — я вѣдь ничего, ничего, — повернулся онъ вдругъ къ Грушенькѣ, которая отклонилась на креслѣ въ сторону Калганова и крѣпко уцѣпилась за его руку. — Я... Я тоже ѣду. Я до утра. Господа, проѣзжему путешественнику... можно съ вами до утра? Только до утра, въ послѣдній разъ, въ этой самой комнатѣ?

Это уже онъ докончилъ, обращаясь къ толстенькому человѣчку, сидѣвшему на диванѣ съ трубкой. Тотъ важно отнялъ отъ губъ своихъ трубку и строго произнесъ:

— Пане, мы здѣсь приватно. Имѣются иные покои.

— Да это вы, Дмитрій Ѳедоровичъ, да чего это вы? — отозвался вдругъ Калгановъ, — да садитесь съ нами, здравствуйте?

— Здравствуйте, дорогой человѣкъ... и безцѣнный! Я всегда уважалъ васъ... — радостно и стремительно отозвался Митя, тотчасъ же протянувъ ему черезъ столъ свою руку.

— Ай, какъ вы крѣпко пожали! Совсѣмъ сломали пальцы, — засмѣялся Калгановъ.

— Вотъ онъ такъ всегда жметъ, всегда такъ!— весело отозвалась, еще робко улыбаясь, Грушенька, кажется, вдругъ убѣдившаяся по виду Мити, что тотъ не будетъ буянить, съ ужаснымъ любопытствомъ и все еще съ безпокойствомъ въ него вглядываясь. Было что-то въ немъ чрезвычайно ее поразившее, да и вовсе не ожидала она отъ него, что въ такую минуту онъ такъ войдетъ и такъ заговоритъ.

— Здравствуйте-съ, — сладко отозвался слѣва и помѣщикъ Максимовъ. Митя бросился и къ нему.

— Здравствуйте, и вы тутъ, какъ я радъ, что и вы тутъ! Господа, господа, я... (Онъ снова обратился къ пану съ трубкой, видимо принимая его за главнаго здѣсь человѣка). Я летѣлъ... Я хотѣлъ послѣдній день и послѣдній часъ мой провести въ этой комнатѣ, въ этой самой комнатѣ... гдѣ и я обожалъ... мою царицу!.. Прости, пане! — крикнулъ онъ изступленно, — я летѣлъ и далъ клятву... О, не бойтесь, послѣдняя ночь моя! Выпьемъ, пане, мировую! Сейчасъ подадутъ вино... Я привезъ вотъ это. (Онъ вдругъ для чего-то вытащилъ свою пачку кредитокъ.) — Позволь, пане! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что̀ прежде... Но червь, ненужный червь проползетъ по землѣ, и его не будетъ! День моей радости помяну въ послѣднюю ночь мою!..

Онъ почти задохся; онъ многое, многое хотѣлъ сказать, но выскочили одни странныя восклицанія. Панъ неподвижно смотрѣлъ на него, на пачку его кредитокъ, смотрѣлъ на Грушеньку и былъ въ видимомъ недоумѣніи.

— Ежели повелитъ моя крулева . . . — началъ было онъ.

— Да что̀ крулева, эта королева, что ли? — перебила вдругъ Грушенька. — И смѣшно мнѣ на васъ, какъ вы всѣ говорите. Садись, Митя, и что̀ это ты говоришь? Не пугай, пожалуйста. Не будешь пугать, не будешь? Коли не будешь, такъ я тебѣ рада . . .

—Мнѣ, мнѣ пугать? — вскричалъ вдругъ Митя, вскинувъ вверхъ свои руки. — О, идите мимо, проходите, не помѣшаю! . . — И вдругъ онъ совсѣмъ неожиданно для всѣхъ и, ужъ, конечно, для себя самого, бросился на стулъ и залился слезами, отвернувъ къ противоположной стѣнѣ свою голову, а руками крѣпко обхватилъ спинку стула, точно обнимая ее.

— Ну, вотъ, ну вотъ, экой ты! — укоризненно воскликнула Грушенька. — Вотъ онъ такой точно ходилъ ко мнѣ, — вдругъ заговоритъ, а я ничего не понимаю. А одинъ разъ также заплакалъ, а теперь вотъ въ другой — экой стыдъ! Съ чего ты плачешь-то? *Было бы еще съ чего?* — прибавила она вдругъ загадочно и съ какимъ-то раздраженіемъ напирая на свое словечко.

— Я . . . я не плачу . . . Ну, здравствуйте! — повернулся онъ въ одинъ мигъ на стулѣ, и вдругъ засмѣялся, но не деревяннымъ своимъ отрывистымъ смѣхомъ, а какимъ-то неслышнымъ длиннымъ, нервознымъ и сотрясающимъ смѣхомъ.

— Ну, вотъ опять . . . Ну, развеселись, развеселись! — уговаривала его Грушенька. — Я очень рада, что ты пріѣхалъ, очень рада, Митя, слышишь ты, что я очень рада? Я хочу, чтобъ онъ сидѣлъ здѣсь съ нами,—повелительно обратилась она какъ бы ко всѣмъ, хотя слова ея видимо относились къ сидѣвшему на диванѣ. — Хочу, хочу! А коли онъ уйдетъ, такъ и я уйду, вотъ что̀! — прибавила она съ загорѣвшимися вдругъ глазами.

— Что̀ изволитъ моя царица — то законъ! — произнесъ панъ, галантно поцѣловавъ ручку Грушеньки.—Прошу пана до нашей компаньи!—обратился онъ любезно къ Митѣ. Митя опять привскочилъ было съ видимымъ намѣреніемъ снова разразиться тирадой, но вышло другое:

— Выпьемъ, пане! — оборвалъ онъ вдругъ вмѣсто рѣчи. Всѣ разсмѣялись.

— Господи! А я думалъ, онъ опять говорить хочетъ, — нервозно воскликнула Грушенька. — Слышишь, Митя, — настойчиво прибавила она, — больше не вскакивай, а что шампанскаго привезъ, такъ это славно. Я сама пить буду, а наливки я терпѣть не могу. А лучше всего, что самъ прикатилъ, а то скучища . . . Да ты кутить, что ли, пріѣхалъ опять? Да спрячь деньги-то въ карманъ! Откуда столько досталъ?

Митя, у котораго въ рукѣ все еще скомканы были кредитки, сунулъ ихъ въ карманъ. Онъ покраснѣлъ. Въ эту самую минуту хозяинъ принесъ откупоренную бутылку шампанскаго на подносѣ и стаканы. Митя схватилъ было бутылку, но такъ растерялся, что забылъ, что съ ней надо дѣлать. Взялъ у него ее уже Калгановъ и разлилъ за него вино.

— Да, еще, еще бутылку! — закричалъ Митя хозяину, и, забывъ чокнуться съ паномъ, котораго такъ торжественно приглашалъ выпить съ нимъ мировую, вдругъ выпилъ весь стаканъ одинъ, никого не дождавшись. Все лицо его вдругъ измѣнилось. Вмѣсто торжественнаго и трагическаго выраженія, съ которымъ онъ вошелъ, въ немъ явилось какъ бы что-то младенческое. Онъ вдругъ какъ бы весь смирился и принизился. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ робко и радостно, часто и нервно хихикалъ, съ благодарнымъ видомъ виноватой собаченки, которую опять приласкали и опять впустили. Онъ какъ будто все забылъ и оглядывалъ всѣхъ съ восхищеніемъ, съ дѣтскою улыбкой. На Грушеньку смотрѣлъ безпрерывно смѣясь и придвинулъ свой стулъ вплоть къ самому ея креслу. Помаленьку разглядѣлъ и обоихъ пановъ, хотя еще мало осмысливъ ихъ. Панъ на диванѣ поражалъ его своею осанкой, польскимъ акцентомъ, а главное—трубкой. «Ну, что̀ же такое, ну и хорошо, что онъ куритъ трубку», созерцалъ Митя. Нѣсколько обрюзглое, почти уже сорокалѣтнее лицо пана, съ очень маленькимъ носикомъ, подъ которымъ виднѣлись два претоненькіе усика, нафабренные и нахальные, не возбудило въ Митѣ тоже ни малѣйшихъ пока вопросовъ. Даже очень дрянненькій парикъ пана, сдѣланный въ Сибири, съ преглупо зачесанными впередъ височками, не поразилъ особенно Митю: «значитъ, такъ и надо, коли парикъ», блаженно продолжалъ онъ созерцать. Другой же панъ, сидѣвшій у стѣны, болѣе молодой, чѣмъ панъ на диванѣ, смотрѣвшій на всю компанію дезко и задорно и съ молчаливымъ презрѣніемъ слушавшій общій разговоръ, опять-таки поразилъ

Митю только очень высокимъ своимъ ростомъ, ужасно непропорціональнымъ съ паномъ, сидѣвшимъ на диванѣ. «Коли встанетъ на ноги, будетъ вершковъ одиннадцати», мелькнуло въ головѣ Мити. Мелькнуло у него тоже, что этотъ высокій панъ, вѣроятно, другъ и приспѣшникъ пану на диванѣ, какъ бы «тѣлохранитель его», и что маленькій панъ съ трубкой, конечно, командуетъ паномъ высокимъ. Но и это все казалось Митѣ ужасно какъ хорошо и безспорно. Въ маленькой собачкѣ замерло всякое соперничество. Въ Грушенькѣ и въ загадочномъ тонѣ нѣсколькихъ фразъ ея онъ еще ничего не понялъ, а понималъ лишь, сотрясаясь всѣмъ сердцемъ своимъ, что она къ нему ласкова, что она его «просила», и подлѣ себя посадила. Онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, увидѣвъ, какъ она хлебнула изъ стакана вино. Молчаніе компаніи какъ бы вдругъ, однако, поразило его, и онъ сталъ обводить всѣхъ ожидающими чего-то глазами: «что же мы, однако, сидимъ, что же вы ничего не начинаете, господа?» какъ бы говорилъ осклабленный взоръ его.

— Да вотъ онъ все вретъ, и мы тутъ все смѣялись, — началъ вдругъ Калгановъ, точно угадавъ его мысль и показывая на Максимова.

Митя стремительно уставился на Калганова и потомъ тотчасъ же на Максимова.

— Вретъ? — разсмѣялся онъ своимъ короткимъ деревяннымъ смѣхомъ, тотчасъ же чему-то обрадовавшись, — ха-ха!

— Да. Представьте, онъ утверждаетъ, что будто вся наша кавалерія въ двадцатыхъ годахъ переженилась на полькахъ; но это ужасный вздоръ, не правда ли?

— На полькахъ? — подхватилъ опять Митя и уже въ рѣшительномъ восхищеніи.

Калгановъ очень хорошо понималъ отношенія Мити къ Грушенькѣ, догадывался и о панѣ, но его все это не такъ занимало, даже, можетъ быть, вовсе не занимало, а занималъ его всего болѣе Максимовъ. Попалъ онъ сюда съ Максимовымъ случайно и пановъ встрѣтилъ здѣсь на постояломъ дворѣ въ первый разъ въ жизни. Грушеньку же зналъ прежде и разъ даже былъ у нея съ кѣмъ-то; тогда онъ ей не понравился. Но здѣсь она очень ласково на него поглядывала, до пріѣзда Мити даже ласкала его, но онъ какъ-то оставался безчувственнымъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ не болѣе двадцати, щегольски одѣтый, съ очень милымъ бѣленькимъ личикомъ и съ прекрасными густыми русыми волосами. Но на этомъ бѣленькомъ личикѣ были прелестные свѣтло-голубые глаза, съ умнымъ, а иногда и съ глубокимъ выраженіемъ, не по возрасту даже, несмотря на то, что молодой человѣкъ иногда говорилъ и смотрѣлъ совсѣмъ какъ дитя и нисколько этимъ не стѣснялся, даже самъ это сознавая. Вообще онъ былъ очень своеобразенъ, даже капризенъ, хотя всегда ласковъ. Иногда въ выраженіи лица его мелькало что-то неподвижное и упрямое: онъ глядѣлъ на васъ, слушалъ, а самъ какъ будто упорно мечталъ о чемъ-то своемъ. То становился вялъ и лѣнивъ, то вдругъ начиналъ волноваться иногда, повидимому, отъ самой пустой причины.

— Вообразите, я его уже четыре дня вожу съ собою, — продолжалъ онъ, немного какъ бы растягивая лѣниво слова, но безо всякаго фатовства, а совершенно натурально. — Помните, съ тѣхъ

поръ, какъ вашъ братъ его тогда изъ коляски вытолкнулъ и онъ полетѣлъ. Тогда онъ меня очень этимъ заинтересовалъ, и я взялъ его въ деревню, а онъ все теперь вретъ, такъ что съ нимъ стыдно. Я его назадъ везу...

— Панъ польской пани не видзѣлъ и муви что̀ быть не мо̀гло, — замѣтилъ панъ съ трубкой Максимову.

Панъ съ трубкой говорилъ по-руски порядочно, по крайней мѣрѣ, гораздо лучше, чѣмъ представлялся. Русскія слова, если и употреблялъ ихъ, коверкалъ на польскій ладъ.

— Да вѣдь я и самъ былъ женатъ на польской пани-съ, — отхихикнулся въ отвѣтъ Максимовъ.

— Ну, такъ вы развѣ служили въ кавалеріи? Вѣдь это вы про кавалерію говорили. Такъ развѣ вы кавалеристъ? — ввязался сейчасъ Калгановъ.

— Да, конечно, развѣ онъ кавалеристъ? Ха-ха! — крикнулъ Митя, жадно слушавшій и быстро переводившій свой вопросительный взглядъ на каждаго, кто заговоритъ, точно Богъ знаетъ что̀ ожидалъ отъ каждаго услышать.

— Нѣтъ-съ, видите-съ, — повернулся къ нему Максимовъ, — я про то-съ, что эти тамъ пане́нки... хорошенькія-съ... какъ оттанцуютъ съ нашимъ улановъ мазурку... какъ оттанцовала она съ нимъ мазурку, такъ тотчасъ и вскочитъ на колѣни, какъ кошечка-съ... бѣленькая-съ... а панъ ойтецъ и пани-матка видятъ и позволяютъ... и позволяютъ-съ... а уланъ-то завтра пойдетъ и руку предложитъ... вотъ-съ... и предложитъ руку, хи-хи! — хихикнулъ, закончивъ, Максимовъ.

— Панъ лайдакъ! — проворчалъ вдругъ высокій панъ на стулѣ и переложилъ ногу на ногу. Ми-

тѣ только бросился въ глаза огромный смазной сапогъ его съ толстою и грязною подошвой. Да и вообще оба пана были одѣты довольно засаленно.

— Ну, вотъ и лайдакъ! Чего онъ бранится? — разсердилась вдругъ Грушенька.

— Пани Агриппина, панъ видзѣлъ въ польскомъ краю хлопокъ, а не шляхетныхъ паней,—замѣтилъ панъ съ трубкой Грушенькѣ.

— Можешь нà то раховаць! — презрительно отрѣзалъ высокій панъ на стулѣ.

— Вотъ еще! Дайте ему говорить-то! Люди говорятъ, чего мѣшать? Съ ними весело, — огрызнулась Грушенька.

— Я не мѣшаю, пани, — значительно замѣтилъ панъ въ паричкѣ съ продолжительнымъ взглядомъ ко Грушенькѣ и, важно замолчавъ, снова началъ сосать свою трубку.

— Да нѣтъ, нѣтъ, это панъ теперь правду сказалъ, — загорячился опять Калгановъ, точно Богъ знаетъ о чемъ шло дѣло. — Вѣдь онъ въ Польшѣ не былъ, какъ же онъ говоритъ про Польшу? Вѣдь вы же не въ Польшѣ женились, вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, въ Смоленской губерніи-съ. А только ее уланъ еще прежде того вывезъ-съ, супругу-то мою-съ, будущую-съ, и съ пани-маткой, и съ тантой, и еще съ одной родственницей со взрослымъ сыномъ, это ужъ изъ самой Польши, изъ самой . . . и мнѣ уступилъ. Это одинъ нашъ поручикъ, очень хорошій молодой человѣкъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ жениться, да и не женился, потому что она оказалась хромая . . .

— Такъ вы на хромой женились? — воскликнулъ Калгановъ.

— На хромой-съ. Это ужъ они меня оба то-

гда немножко обманули и скрыли. Я думалъ, что она подпрыгиваетъ... она все подпрыгивала, я и думалъ, что она это отъ веселости...

— Отъ радости, что за васъ идетъ? — завопилъ какимъ-то дѣтски звонкимъ голосомъ Калгановъ.

— Да-съ, отъ радости-съ. А вышло, что совсѣмъ отъ иной причины-съ. Потомъ, когда мы обвѣнчались, она мнѣ послѣ вѣнца въ тотъ же вечеръ и призналась, и очень чувствительно извиненія просила, чрезъ лужу, говоритъ, въ молодыхъ годахъ однажды перескочила и ножку тѣмъ повредила, хи-хи!..

Калгановъ такъ и залился самымъ дѣтскимъ смѣхомъ и почти упалъ на диванъ. Разсмѣялась и Грушенька. Митя же былъ на верху счастья.

— Знаете, знаете, это онъ теперь уже вправду, это онъ теперь не лжетъ! — восклицалъ, обращаясь къ Митѣ, Калгановъ. — И знаете, онъ вѣдь два раза былъ женатъ, — это онъ про первую жену говоритъ, — а вторая жена его, знаете, сбѣжала и жива до сихъ поръ, знаете вы это?

— Неужто? — быстро повернулся къ Максимову Митя, выразивъ необыкновенное изумленіе въ лицѣ.

— Да-съ, сбѣжала-съ, я имѣлъ эту непріятность, — скромно подтвердилъ Максимовъ. — Съ однимъ мусью-съ. А главное, всю деревушку мою перво-на-перво на одну себя предварительно отписала. Ты, говоритъ, человѣкъ, образованный, ты и самъ найдешь себѣ кусокъ. Съ тѣмъ и посадила. Мнѣ разъ одинъ почтенный архіерей и замѣтилъ: «у тебя одна супруга была хромая, а другая ужъ черезчуръ легконогая», хи-хи!

— Послушайте, послушайте! — такъ и кипѣлъ Калгановъ, — если онъ и лжетъ, — а онъ часто лжетъ, — то онъ лжетъ единственно, чтобы доставить всѣмъ удовольствіе: это вѣдь не подло, не подло? Знаете, я люблю его иногда. Онъ очень подлъ, но онъ натурально подлъ, а? Какъ вы думаете? Другой подличаетъ изъ-за чего-нибудь, чтобы выгоду получить, а онъ просто, онъ отъ натуры... Вообразите, напримѣръ, онъ претендуетъ (вчера всю дорогу спорилъ), что Гоголь въ *Мертвыхъ Душахъ* это про него сочинилъ. Помните, тамъ есть помѣщикъ Максимовъ, котораго высѣкъ Ноздревъ и былъ преданъ суду: «за нанесеніе помѣщику Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ», — ну, помните? Такъ что жъ, представьте, онъ претендуетъ, что это онъ и былъ, и что это его высѣкли. Ну, можетъ ли это быть? Чичиковъ ѣздилъ, самое позднее, въ двадцатыхъ годахъ, въ началѣ, такъ, что совсѣмъ годы не сходятся. Не могли его тогда высѣчь. Вѣдь не могли, не могли?

Трудно было представить, изъ-за чего такъ горячился Калгановъ, но горячился онъ искренно. Митя беззавѣтно входилъ въ его интересы.

— Ну, да вѣдь коли высѣкли! — крикнулъ онъ хохоча.

— Не то, чтобы высѣкли-съ, а такъ, — вставилъ вдругъ Максимовъ.

— Какъ такъ? Или высѣкли, или нѣтъ?

— Ктура годзина, пане? (который часъ?)—обратился со скучающимъ видомъ панъ съ трубкой къ высокому пану на стулѣ. Тотъ вскинулъ въ отвѣтъ плечами: часовъ у нихъ у обоихъ не было.

— Отчего не поговорить? Дайте и другимъ го-

ворить. Коли вамъ скучно, такъ другіе и не говори, — вскинулась опять Грушенька, видимо нарочно привязываясь. У Мити какъ бы въ первый разъ что-то промелькнуло въ умѣ. На этотъ разъ панъ отвѣтилъ уже съ видимою раздражительностью:

— Пани, я ницъ не мувенъ противъ, ницъ не повѣдзялемъ. (Я не противорѣчу, я ничего сказалъ).

— Ну да хорошо, а ты разсказывай, — крикнула Грушенька Максимову. — Что жъ вы всѣ замолчали?

— Да тутъ и разсказывать-то нечего-съ, потому все это однѣ глупости, — подхватилъ тотчасъ Максимовъ съ видимымъ удовольствіемъ и капельку жеманясь, — да и у Гоголя все это только въ видѣ аллегорическомъ, потому что всѣ фамиліи поставилъ аллегорическія: Ноздревъ-то вѣдь былъ не Ноздревъ, а Носовъ, а Кувшинниковъ — это уже совсѣмъ даже и не похоже, потому что онъ былъ Шкворневъ. А Фенарди дѣйствительно былъ Фенарди, только не итальянецъ, а русскій, Петровъ-съ, и мамзель Фенарди была хорошенькая-съ, и ножки въ трико, хорошенькія-съ, юбочка коротенькая въ блесткахъ, и это она вертѣлась, да только не четыре часа, а всего только четыре минутки-съ . . . и всѣхъ обольстила . . .

— Да за что̀ высѣкли-то, высѣкли-то тебя за что̀? — вопилъ Калгановъ.

— За Пирона-съ, — отвѣтилъ Максимовъ.

— За какого Пирона? — крикнулъ Митя.

— За французскаго извѣстнаго писателя, Пирона-съ. Мы тогда всѣ вино пили въ большомъ обществѣ, въ трактирѣ, на этой самой ярмаркѣ.

Они меня и пригласили, а я, перво-на-перво, сталъ эпиграммы говорить: «ты ль это, Буало, какой смѣшной нарядъ». А Буало-то отвѣчаетъ, что онъ въ маскарадъ собирается, то есть въ баню-съ, хихи, они и приняли на свой счетъ. А я поскорѣе другую сказалъ, очень извѣстную всѣмъ образованнымъ людямъ, ѣдкую-съ:

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ я не спорю,
Но къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Они еще пуще обидѣлись и начали меня неприлично за это ругать, а я какъ разъ, на бѣду себѣ, чтобы поправить обстоятельства, тутъ и разсказалъ очень образованный анекдотъ про Пирона, какъ его не приняли во французскую академію, а онъ, чтобъ отмстить, написалъ свою эпитафію для надгробнаго камня:

Ci-gît Piron qui ne fut rien
Pas même académicien.

Они взяли да меня и высѣкли.

— Да за что̀ же, за что̀?

— За образованіе мое. Мало ли изъ-за чего люди могутъ человѣка высѣчь, — кротко и нравоучительно заключилъ Максимовъ.

— Э, полно, скверно все это, не хочу слушать, я думала, что веселое будетъ, — оборвала вдругъ Грушенька. Митя всполохнулся и тотчасъ же пересталъ смѣяться. Высокій панъ поднялся съ мѣста и съ высокомѣрнымъ видомъ скучающаго не въ своей компаніи человѣка, началъ шагать по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ за спину руки.

— Ишь зашагалъ! — презрительно поглядѣла на него Грушенька. Митя забезпокоился, къ тому

же замѣтилъ, что панъ на диванѣ съ раздражительнымъ видомъ поглядываетъ на него.

— Панъ, — крикнулъ Митя, — выпьемъ, пане! И съ другимъ паномъ тоже: выпьемъ, панове! — Онъ мигомъ сдвинулъ три стакана и разлилъ въ нихъ шампанское.

— За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польскій край! — воскликнулъ Митя.

— Бардзо ми то мило, пане, выпіемъ (это мнѣ очень пріятно, пане, выпьемъ), — важно и благосклонно проговорилъ панъ на диванѣ и взялъ свой стаканъ.

— И другой панъ, какъ его, эй, ясневельможный, бери стаканъ! — хлопоталъ Митя.

— Панъ Врублевскій, — подсказалъ панъ на диванѣ.

Панъ Врублевскій, раскачиваясь, подошелъ къ столу и, стоя, принялъ свой стаканъ.

— За Польшу, панове, *ура!* — прокричалъ Митя, поднявъ стаканъ.

Всѣ трое выпили. Митя схватилъ бутылку и тотчасъ же налилъ опять три стакана.

— Теперь за Россію, панове, и побратаемся!

— Налей и намъ, — сказала Грушенька, — за Россію и я хочу пить.

— И я, — сказалъ Калгановъ.

— Да и я бы тоже-съ . . . за Россеюшку, старую бабусеньку, — подхихикнулъ Максимовъ.

— Всѣ, всѣ! — восклицалъ Митя. — Хозяинъ еще бутылокъ!

Принесли всѣ три оставшіяся бутылки изъ привезенныхъ Митей. Митя разлилъ.

— За Россію, *ура!* — провозгласилъ онъ снова. Всѣ, кромѣ пановъ, выпили, а Грушенька выпила

разомъ весь свой стаканъ. Панове же и не дотронулись до своихъ.

— Какъ же вы, панове? — воскликнулъ Митя. — Такъ вы такъ-то?

Панъ Врублевскій взялъ стаканъ, поднялъ его и зычнымъ голосомъ проговорилъ:

— За Россію въ предѣлахъ до семьсотъ семьдесятъ второго года!

— Ото бардзо пѣнкне! (Вотъ такъ хорошо!), — крикнулъ другой панъ, и оба разомъ осушили свои стаканы.

— Дурачье же вы, панове! — сорвалось вдругъ у Мити.

— Па-не!! — прокричали оба пана съ угрозою, наставившись на Митю, какъ пѣтухи. Особенно вскипѣлъ панъ Врублевскій.

— Але не можно не мѣць слабосьци до своего краю? — возгласилъ онъ. (Развѣ можно не любить своей стороны?).

— Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссоръ! — крикнула повелительно Грушенька и стукнула ножкой объ полъ. Лицо ея загорѣлось, глаза засверкали. Только что выпитый стаканъ сказался. Митя страшно испугался.

— Панове, простите! Это я виноватъ, я не буду. Врублевскій, панъ Врублевскій, я не буду!..

— Да молчи хоть ты-то, садись, экой глупый! — со злобною досадой огрызнулась на него Грушенька.

Всѣ усѣлись, всѣ примолкли, всѣ смотрѣли другъ на друга.

— Господа, всему я причиной! — началъ опять Митя, ничего не понявшій въ возгласѣ Грушень-

ки; — ну, чего же мы сидимъ? Ну, чѣмъ же намъ заняться... чтобы было весело, опять весело?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ужасно не весело, лѣниво промямлилъ Калгановъ.

— Въ банчикъ бы-съ сыграть-съ, какъ давеча... — хихикнулъ вдругъ Максимовъ.

— Банкъ? Великолѣпно! — подхватилъ Митя, — если только панове...

— Пузьно, пане! — какъ бы нехотя отозвался панъ на диванѣ...

— Тò правда,—поддакнулъ и панъ Врублевскій.

— Пузьно? Это чтò такое пузьно? — спросила Грушенька.

— То значи поздно, пани, поздно, часъ поздній, — разъяснилъ панъ на диванѣ.

— И все-то имъ поздно, и все-то имъ нельзя!— почти взвизгнула въ досадѣ Грушенька. — Сами скучные сидятъ, такъ и другимъ, чтобы скучно было. Предъ тобой, Митя, они все вотъ этакъ молчали и надо мной фуфырились...

— Богиня моя! — крикнулъ панъ на диванѣ, — цо мувишь, то сень стане. Видзенъ неласкенъ, и естемъ смутны. (Вижу нерасположеніе, оттого я и печальный). Естемъ готувъ (я готовъ), пане, — докончилъ онъ, обращаясь къ Митѣ.

— Начинай, пане! — подхватилъ Митя, выхватывая изъ кармана свои кредитки и выкладывая изъ нихъ двѣ сторублевыхъ на столъ.

— Я тебѣ много, панъ, хочу проиграть. Бери карты, закладывай банкъ!

— Карты чтобъ отъ хозяина, пане, — настойчиво и серьезно произнесъ маленькій панъ.

— Тò найлѣпши спосубъ (самый лучшій способъ), — поддакнулъ панъ Врублевскій.

— Отъ хозяина? Хорошо, понимаю, пусть отъ хозяина, это вы хорошо, панове! Карты! — скомандовалъ Митя хозяину.

Хозяинъ принесъ нераспечатанную игру картъ и объявилъ Митѣ, что ужъ сбираются дѣвки, жидки съ цимбалами прибудутъ тоже, вѣроятно, скоро, а что тройка съ припасами еще не успѣла прибыть. Митя выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ въ сосѣднюю комнату сейчасъ же распорядиться. Но дѣвокъ всего пришло только три, да и Марьи не было. Да и самъ онъ не зналъ, какъ ему распорядиться и зачѣмъ онъ выбѣжалъ: велѣлъ только достать изъ ящика гостинцевъ, леденцовъ и тягушекъ и одѣлить дѣвокъ. — «Да Андрею водки, водки Андрею! — приказалъ онъ на-скоро, — я обидѣлъ Андрея!» Тутъ его вдругъ тронулъ за плечо, прибѣжавшій вслѣдъ за нимъ, Максимовъ.

— Дайте мнѣ пять рублей, — прошепталъ онъ Митѣ, — я бы тоже въ банкичъ рискнулъ, хи-хи!

— Прекрасно, великолѣпно! Берите десять, вотъ! — Онъ вытащилъ опять всѣ кредитки изъ кармана и отыскалъ десять рублей. — А проиграешь, еще приходи, еще приходи . . .

— Хорошо-съ, — радостно прошепталъ Максимовъ и побѣжалъ въ залу. Воротился тотчасъ и Митя и извинился, что заставилъ ждать себя. Паны уже усѣлись и распечатали игру. Смотрѣли же гораздо привѣтливѣе, почти ласково. Панъ на диванѣ закурилъ новую трубку и приготовился метать; въ лицѣ его изобразилась даже нѣкая торжественность.

— На мѣйсца, панове! — провозгласилъ панъ Врублевскій.

— Нѣтъ, я не стану больше играть, — ото-

звался Калгановъ, — я давеча ужъ имъ проигралъ пятьдесятъ рублей.

— Панъ былъ нещенсливый, панъ можетъ быть опять щенсливымъ, — замѣтилъ въ его сторону панъ на диванѣ.

— Сколько въ банкѣ? Отвѣтный? — горячился Митя.

— Слухамъ, пане, може сто, може двѣсьцѣ, сколько ставить будешь.

— Милліонъ! — захохоталъ Митя.

— Панъ капитанъ, можетъ, слышалъ про пана Подвысоцкаго?

— Какого Подвысоцкаго?

— Въ Варшавѣ банкъ отвѣтный ставитъ кто идетъ. Приходитъ Подвысоцкій, видитъ тысёнцъ злотыхъ, ставитъ: ва̀-банкъ. Ба̀нкеръ муви: «пане Подвысоцкій, ставишь злото, чи на го̀норъ?» — На го̀норъ, пане, муви Подвысоцкій. «Тѣмъ лѣпѣй, пане». Ба̀нкеръ мечетъ талью, Подвысоцкій беретъ тысёнцъ злотыхъ. — «Почекай, пане», муви ба̀нкеръ, вынулъ ящикъ и даетъ милліонъ: «бери, пане, ото есть твой рахунекъ» (вотъ твой счетъ!). Банкъ былъ милліоннымъ. — Я не зналъ того, муви Подвысоцкій. — «Пане Подвысоцки, — муви ба̀нкеръ, — ты ставилэсь на го̀норъ, и мы на го̀норъ». Подвысоцкій взялъ милліонъ.

— Это не правда, — сказалъ Калгановъ.

— Пане Калгановъ, въ шляхетной компаніи такъ мувиць не пржистои (въ порядочномъ обществѣ такъ не говорятъ).

— Такъ и отдастъ тебѣ польскій игрокъ милліонъ! — воскликнулъ Митя, но тотчасъ спохватился: — прости, пане, виновенъ, вновь виновенъ, отдастъ, отдастъ милліонъ, на го̀норъ, на польску

честь! Видишь, какъ я говорю по-польски, ха-ха! Вотъ ставлю десять рублей, идетъ — валетъ.

— А я рубликъ на дамочку, на червонную, на хорошенькую, на паненочку, хи-хи! — прохихикалъ Максимовъ, выдвинувъ свою даму, и какъ бы желая скрыть отъ всѣхъ, придвинулся вплоть къ столу и наскоро перекрестился подъ столомъ. Митя выигралъ. Выигралъ и рубликъ.

— Уголъ! — крикнулъ Митя.

— А я опять рубликъ, я семпелечкомъ, я маленькимъ, маленькимъ семпелечкомъ, — блаженно бормоталъ Максимовъ въ страшной радости, что выигралъ рубликъ.

— Бита! — крикнулъ Митя. — Семерку на *пе*. Убили и на *пе*.

— Перестаньте, — сказалъ вдругъ Калгановъ.

— На *пе*, на *пе*, — удваивалъ ставки Митя, и что̀ ни ставилъ на *пе* — все убивалось. А рублики выигрывали.

— На *пе!* — рявкнулъ въ ярости Митя.

— Двѣсьцѣ проигралъ, пане. Еще ставишь двѣсьцѣ? — освѣдомился панъ на диванѣ.

— Какъ, двѣсти ужъ проигралъ? Такъ еще двѣсти! Все двѣсти на *пе!* — И выхвативъ изъ кармана деньги, Митя бросилъ было двѣсти рублей на даму, какъ вдругъ Калгановъ накрылъ ее рукой:

— Довольно! — крикнулъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ.

— Что̀ вы это? — уставился на него Митя.

— Довольно, не хочу! Не будете больше играть.

— Почему?

— А потому. Плюньте и уйдите, вотъ почему. Не дамъ больше играть!

Митя глядѣлъ на него въ изумленіи.

— Брось, Митя, онъ, можетъ, правду говоритъ, и безъ того много проигралъ, со странною ноткой въ голосѣ произнесла и Грушенька. Оба пана вдругъ поднялись съ мѣста со страшно обиженнымъ видомъ.

— Жартуешь (шутишь), пане? — проговорилъ маленькій панъ, строго осматривая Калганова.

— Якъ сѣнъ поважашь то робиць, пане! (Какъ вы смѣете это дѣлать!) — рявкнулъ на Калганова и панъ Врублевскій.

— Не смѣть, не смѣть кричать! — крикнула Грушенька. — Ахъ, пѣтухи индѣйскіе!

Митя смотрѣлъ на нихъ на всѣхъ поочередно; но что-то вдругъ поразило его въ лицѣ Грушеньки и въ тотъ же мигъ что-то совсѣмъ новое промелькнуло и въ умѣ его, — странная новая мысль!

— Пани Агриппина! — началъ было маленькій панъ, весь красный отъ задора, какъ вдругъ Митя, подойдя къ нему, хлопнулъ его по плечу.

— Ясневельможный, на два слова.

— Чего хцешь, пане? (Что̀ угодно?)

— Въ ту комнату, въ тотъ покой, два словечка скажу тебѣ хорошихъ, самыхъ лучшихъ, останешься доволенъ.

Маленькій панъ удивился и опасливо поглядѣлъ на Митю. Тотчасъ же, однако, согласился, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы шелъ съ нимъ и панъ Врублевскій.

— Тѣлохранитель-то? Пусть и онъ, и его надо! Его даже непремѣнно! — воскликнулъ Митя. — Маршъ, панове!

— Куда это вы? — тревожно спросила Грушенька.

— Въ одинъ мигъ вернемся, — отвѣтилъ Митя. Какая-то смѣлость, какая-то неожиданная бодрость засверкала въ лицѣ его; совсѣмъ не съ тѣмъ лицомъ вошелъ онъ часъ назадъ въ эту комнату. Онъ провелъ пановъ въ комнату направо, не въ ту, въ большую, въ которой собирался хоръ дѣвокъ и накрывался столъ, а въ спальню, въ которой помѣщались сундуки, укладки и двѣ большія кровати съ ситцевыми подушками горой на каждой. Тутъ на маленькомъ тесовомъ столикѣ, въ самомъ углу, горѣла свѣчка. Панъ и Митя расположились у этого столика другъ противъ друга, а огромный панъ Врублевскій сбоку ихъ, заложивъ руки за спину. Паны смотрѣли строго, но съ видимымъ любопытствомъ.

— Чемъ могенъ служиць пану? — пролепеталъ маленькій панъ.

— А вотъ чѣмъ, пане, я много говорить не буду: вотъ тебѣ деньги, — онъ вытащилъ свои кредитки, — хочешь три тысячи, бери и уѣзжай куда знаешь.

Панъ смотрѣлъ пытливо, во всѣ глаза, такъ и впился взглядомъ въ лицо Мити.

— Три тысёнцы, пане? — Онъ переглянулся съ Врублевскимъ.

— Тржи, панове, тржи! Слушай, пане, вижу, что ты человѣкъ разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всѣмъ чертямъ, да и Врублевскаго съ собой захвати — слышишь это? Но сейчасъ же, сію минуту, и это навѣки, понимаешь, пане, навѣки вотъ въ эту самую дверь и выйдешь. У тебя что тамъ: пальто, шуба? Я тебѣ вынесу. Сію же секунду тройку тебѣ заложатъ и — до видзѣнья, пане! А!

Митя увѣренно ждалъ отвѣта. Онъ не сомнѣвался. Нѣчто чрезвычайно рѣшительное мелькнуло въ лицѣ пана.

— А рубли, пане?

— Рубли-то, вотъ какъ, пане: пятьсотъ рублей сію минуту тебѣ на извозчика и въ задатокъ, а двѣ тысячи пятьсотъ завтра въ городѣ — честью клянусь, будутъ, достану изъ-подъ земли! — крикнулъ Митя.

Поляки переглянулись опять. Лицо пана стало измѣняться къ худшему.

— Семьсотъ, семьсотъ, а не пятьсотъ, сейчасъ, сію минуту въ руки! — надбавилъ Митя, почувствовавъ нѣчто нехорошее. — Чего ты, панъ? Не вѣришь? Не всѣ же три тысячи дать тебѣ сразу. Я дамъ, а ты и воротишься къ ней завтра же... Да теперь и нѣтъ у меня всѣхъ трехъ тысячъ, у меня въ городѣ дома лежатъ, — лепеталъ Митя, труся и падая духомъ съ каждымъ своимъ словомъ, — ей Богу лежатъ, спрятаны...

Въ одинъ мигъ чувство необыкновеннаго собственнаго достоинства засіяло въ лицѣ маленькаго пана:

— Чи не потшебуешь еще чéго? — спросилъ онъ иронически. — Пфе! А пфе! (стыдъ, срамъ!).— И онъ плюнулъ. Плюнулъ и панъ Врублевскій.

— Это ты оттого плюешься, пане, — проговорилъ Митя, какъ отчаянный, понявъ, что все кончилось, — оттого что отъ Грушеньки думаешь больше тяпнуть. Каплуны вы оба, вотъ чтò!

— Естемъ до живего доткнентымъ! (Я оскорбленъ до послѣдней степени!) — раскраснѣлся вдругъ маленькій панъ, какъ ракъ, и живо, въ страшномъ негодованіи, какъ бы не желая больше

ничего слушать, вышелъ изъ комнаты. За нимъ, раскачиваясь, послѣдовалъ и Врублевскій, а за ними ужъ и Митя, сконфуженный и опѣшенный. Онъ боялся Грушеньки, онъ предчувствовалъ, что панъ сейчасъ раскричится. Такъ и случилось. Панъ вошелъ въ залу и театрально всталъ передъ Грушенькой.

— Пани Агрипина, естемъ до живего доткнентымъ! — воскликнулъ было онъ, но Грушенька какъ бы вдругъ потеряла всякое терпѣніе, точно тронули ее по самому больному мѣсту.

— По-русски, говори по-русски, чтобы ни одного слова польскаго не было! — закричала она на него. — Говорилъ же прежде по-русски, неужели забылъ въ пять лѣтъ! — Она вся покраснѣла отъ гнѣва.

— Пани Агриппина...

— Я — Аграфена, я — Грушенька, говори по-русски или слушать не хочу! — Панъ запыхтѣлъ отъ гонора и, ломая русскую рѣчь, быстро и напыщенно произнесъ:

— Пани Аграфена, я пшіѣхалъ забыть старое и простить его, забыть, что было допрежь сегодня...

— Какъ простить? Это меня-то ты пріѣхалъ простить? — перебила Грушенька и вскочила съ мѣста.

— Такъ есть, пани (точно такъ, пани), я не малодушны, я великодушны. Но я былемъ здзивёны (былъ удивленъ), когда видѣлъ твоихъ любовниковъ. Панъ Митя въ томъ покоѣ давалъ мнѣ тржи тысёнцы, чтобъ я отбылъ. Я плюнулъ пану въ физію.

— Какъ? Онъ тебѣ деньги за меня давалъ? —

истерически вскричала Грушенька. — Правда, Митя? Да какъ ты смѣлъ? Развѣ я продажная?

— Пане, пане, — возопилъ Митя, — она чиста и сіяетъ, и никогда я не былъ ея любовникомъ! Это ты совралъ...

— Какъ ты смѣешь меня предъ нимъ защищать? — вопила Грушенька, — не изъ добродѣтели я чиста была и не потому, что Кузьмы боялась, а чтобы предъ нимъ гордой быть и чтобы право имѣть ему подлеца сказать, когда встрѣчу. Да неужто жъ онъ съ тебя денегъ не взялъ?

— Да бралъ же, бралъ! — воскликнулъ Митя, — да только всѣ три тысячи разомъ захотѣлъ, а я всего семьсотъ задатку давалъ.

— Ну, и понятно: прослышалъ, что у меня деньги есть, а потому и пріѣхалъ вѣнчаться!

— Пани Агриппина, — закричалъ панъ, — я — рыцарь, я — шляхтичъ, а не лайдакъ! Я пшибылъ взять тебя въ супругу, а вижу нову пани, не ту, что прежде, а упарту и безъ встыду (своенравную и безстыдную).

— А и убирайся откуда пріѣхалъ! Велю тебя сейчасъ прогнать и прогонятъ! — крикнула въ изступленіи Грушенька. — Дура, дура была я, что пять лѣтъ себя мучила! Да и не за него себя мучила вовсе, я со злобы себя мучила! Да и не онъ это вовсе. Развѣ онъ былъ такой? Это отецъ его какой-то! Это гдѣ-ты парикъ-то себѣ заказалъ? Тотъ былъ соколъ, а это селезень. Тотъ смѣялся и мнѣ пѣсни пѣлъ... А я-то, а я-то пять лѣтъ слезами заливалась, проклятая я дура, низкая я, безстыжая!

Она упала на свое кресло и закрыла лицо ладонями. Въ эту минуту вдругъ раздался въ сосѣд-

ней комнатѣ слѣва хоръ собравшихся, наконецъ, Мокринскихъ дѣвокъ, — залихватская плясовая пѣсня.

— То есть сòдомъ! — взревѣлъ вдругъ панъ Врублевскій. — Хозяинъ, прогони безстыжихъ!

Хозяинъ, который давно уже съ любопытствомъ заглядывалъ въ дверь, слыша крикъ и чуя, что гости перессорились, тотчасъ явился въ комнату.

— Ты чего кричишь, глотку рвешь? — обратился онъ къ Врублевскому съ какою-то непонятною даже невѣжливостью.

— Скотина! — заоралъ было панъ Врублевскій.

— Скотина? А ты въ какія карты сейчасъ игралъ? Я подалъ тебѣ колоду, а ты мои спряталъ! Ты въ поддѣльныя карты игралъ! Я тебя за поддѣльныя карты въ Сибирь могу упрятать, знаешь ты это, потому, оно все одно что бумажки поддѣльныя . . . — И, подойдя къ дивану, онъ засунулъ пальцы между спинкой и подушкой дивана и вытащилъ оттуда нераспечатанную колоду картъ.

— Вотъ она моя колода, не распечатана!—Онъ поднялъ ее и показалъ всѣмъ кругомъ, — я вѣдь видѣлъ оттелева, какъ онъ мою колоду сунулъ въ щель, а своей подмѣнилъ, — шильникъ ты этакой, а не панъ!

— А я видѣлъ, какъ тотъ панъ два раза передернулъ, — крикнулъ Калгановъ.

— Ахъ, какъ стыдно, ахъ какъ стыдно! — воскликнула Грушенька, всплеснувъ руками и воистину покраснѣла отъ стыда. — Господи, экой, экой сталъ человѣкъ!

— И я это думалъ, — крикнулъ Митя. Но не успѣлъ онъ это выговорить, какъ панъ Врублев-

скій, сконфуженный и взбѣшенный, обратясь къ Грушенькѣ и грозя ей кулакомъ, закричалъ:

— Публична шельма! — Но не успѣлъ онъ и воскликнуть, какъ Митя бросился на него, обхватилъ его обѣими руками, поднялъ на воздухъ и въ одинъ мигъ вынесъ его изъ залы въ комнату направо, въ которую сейчасъ только водилъ ихъ обоихъ.

— Я его тамъ на полъ положилъ! — возвѣстилъ онъ, тотчасъ же возвратившись и задыхаясь отъ волненія, — дерется каналья, небось не придетъ оттуда!.. Онъ заперъ одну половинку двери и, держа настежь другую, — воскликнулъ маленькому пану:

— Ясневельможный, не угодно ли туда же? Пшепрошамъ!

— Батюшка, Митрій Ѳедоровичъ, — возгласилъ Трифонъ Борисычъ, — да отбери ты у нихъ деньги-то, то, что имъ проигралъ. Вѣдь все равно что воровствомъ съ тебя взяли.

— Я свои пятьдесятъ рублей не хочу отбирать, — отозвался вдругъ Калгановъ.

— И я свои двѣсти, и я не хочу! — воскликнулъ Митя, — ни за что не отберу, пусть ему въ утѣшеніе останутся.

— Славно, Митя! Молодецъ, Митя! — крикнула Грушенька, и страшно злобная нотка прозвенѣла въ ея восклицаніи. Маленькій панъ, багровый отъ ярости, но нисколько не потерявшій своей сановитости, направился было къ двери, но остановился и вдругъ проговорилъ, обращаясь къ Грушенькѣ:

— Пани, ежели хцешь исьцъ за мною, идзьмы, если не — бывай здрова! (Пани, если хочешь идти

за мной — пойдемъ, а если нѣтъ — то прощай!).

И важно, пыхтя отъ негодованія и амбиціи, прошелъ въ дверь. Человѣкъ былъ съ характеромъ: онъ еще послѣ всего происшедшаго не терялъ надежды, что пани пойдетъ за нимъ, — до того цѣнилъ себя. Митя прихлопнулъ за нимъ дверь.

— Заприте ихъ на ключъ, — сказалъ Калгановъ. Но замокъ щелкнулъ съ ихъ стороны, они заперлись сами.

— Славно! — злобно и безпощадно крикнула опять Грушенька. — Славно! Туда и дорога!

VIII.

Бредъ.

Началась почти оргія, пиръ на весь міръ. Грушенька закричала первая, чтобъ ей дали вина: «пить хочу, совсѣмъ пьяная хочу напиться, чтобы какъ прежде, помнишь, Митя, помнишь, какъ мы здѣсь тогда спознавались!» Самъ же Митя былъ какъ въ бреду и предчувствовалъ «свое счастье». Грушенька его, впрочемъ, отъ себя безпрерывно отгоняла: «ступай, веселись, скажи имъ, чтобы плясали, чтобы всѣ веселились, «ходи изба, ходи печь», какъ тогда, какъ тогда!» — продолжала она восклицать. Была она ужасно возбуждена. И Митя бросался распоряжаться. Хоръ собрался въ сосѣдней комнатѣ. Та же комната, въ которой до сихъ поръ сидѣли, была къ тому же и тѣсна, разгорожена надвое ситцевою занавѣской, за которою опять-таки помѣщалась огромная кровать съ пухлою периной и съ такими же ситцевыми подушками

горкой. Да и во всѣхъ четырехъ «чистыхъ» комнатахъ этого дома вездѣ были кровати. Грушенька расположилась въ самыхъ дверяхъ, Митя ей принесъ сюда кресло: такъ же точно сидѣла она и «тогда», въ день ихъ перваго здѣсь кутежа, и смотрѣла отсюда на ходъ и на пляску. Дѣвки собрались всѣ тогдашнія же. Жидки со скрипками и цитрами тоже прибыли, а, наконецъ-то, прибылъ и столь ожидаемый возъ на тройкѣ съ винами и припасами. Митя суетился. Въ комнату входили глядѣть и посторонніе, мужики и бабы, уже спавшіе, но пробудившіеся и почуявшіе небывалое угощеніе, какъ и мѣсяцъ назадъ. Митя здоровался и обнимался со знакомыми, припоминалъ лица, откупоривалъ бутылки и наливалъ всѣмъ кому попало. На шампанское зарились очень только дѣвки, мужикамъ же нравился больше ромъ и коньякъ и особенно горячій пуншъ. Митя распорядился, чтобы былъ сваренъ шоколадъ на всѣхъ дѣвокъ, и чтобы не переводились всю ночь и кипѣли три самовара для чаю и пунша на всякаго приходящаго: кто хочетъ, пусть и угощается. Однимъ словомъ, началось нѣчто безпорядочное и нелѣпое, но Митя былъ какъ бы въ своемъ родномъ элементѣ, и чѣмъ нелѣпѣе все становилось, тѣмъ больше онъ оживлялся духомъ. Попроси у него какой-нибудь мужикъ въ тѣ минуты денегъ, онъ тотчасъ же вытащилъ бы всю свою пачку и сталъ бы раздавать направо и налѣво безъ счету. Вотъ почему, вѣроятно, чтобъ уберечь Митю, сновалъ кругомъ его почти безотлучно хозяинъ, Трифонъ Борисычъ, совсѣмъ ужъ, кажется, раздумавшій ложиться спать въ эту ночь, пившій, однако, мало (всего только выкушалъ одинъ стаканчикъ пуншу) и зорко на-

блюдавшій по-своему за интересами Мити. Въ нужныя минуты онъ ласково и подобострастно останавливалъ его и уговаривалъ, не давалъ ему одѣлять, какъ «тогда», мужиковъ «цыгарками и ренскимъ виномъ» и, Боже сохрани, деньгами, и очень негодовалъ на то, что дѣвки пьютъ ликеръ и ѣдятъ конфеты: «вшивость лишь одна, Митрій Ѳедоровичъ, — говорилъ онъ; — я ихъ колѣнкомъ всякую напинаю, да еще за честь почитать прикажу, — вотъ онѣ какія!» Митя еще разъ вспомянулъ про Андрея и велѣлъ послать ему пуншу: — «Я его давеча обидѣлъ», — повторялъ онъ ослабѣвшимъ и умиленнымъ голосомъ. Калгановъ не хотѣлъ было пить, и хоръ дѣвокъ ему сначала не понравился очень, но, выпивъ еще бокала два шампанскаго, страшно развеселился, шагалъ по комнатамъ, смѣялся и все и всѣхъ хвалилъ, и пѣсни, и музыку. Максимовъ, блаженный и пьяненькій, не покидалъ его. Грушенька, тоже начинавшая хмѣлѣть, указывала на Калганова Митѣ: «какой онъ миленькій, какой чудесный мальчикъ!» И Митя съ восторгомъ бѣжалъ цѣловаться съ Калгановымъ и Максимовымъ. О, онъ многое предчувствовалъ; ничего еще она ему не сказала такого и даже, видимо, нарочно задерживала сказать, изрѣдка только поглядывая на него ласковымъ, но горячимъ глазкомъ. Наконецъ, она вдругъ схватила его крѣпко за руку и съ силой притянула къ себѣ. Сама она сидѣла тогда въ креслахъ у дверей.

— Какъ это ты давеча вошелъ-то, а? Какъ ты вошелъ-то! . . я такъ испугалась. Какъ же ты меня ему уступить-то хотѣлъ, а? Неужто хотѣлъ?

— Счастья твоего губить не хотѣлъ! — въ

блаженствѣ лепеталъ ей Митя. Но ей и не надо было отвѣта:

— Ну, ступай . . . веселись, — отгоняла она его опять, — да не плачь, опять позову.

И онъ убѣгалъ, а она принималась опять слушать пѣсни и глядѣть на пляску, слѣдя за нимъ взглядомъ, гдѣ бы онъ ни былъ, но черезъ четверть часа опять подзывала его, и онъ опять прибѣгалъ.

— Ну, садись теперь подлѣ, разсказыгай, какъ ты вчера обо мнѣ услышалъ, что я сюда пріѣхала; отъ кого отъ перваго узналъ?

И Митя начиналъ все разсказывать, безсвязно, безпорядочно, горячо, но странно однако же разсказывалъ, часто вдругъ хмурилъ брови и обрывался.

— Чего ты хмуришься-то? — спрашивала она.

— Ничего . . . одного больного тамъ оставилъ. Кабы выздоровѣлъ, кабы зналъ, что выздоровѣетъ, десять бы лѣтъ сейчасъ моихъ отдалъ!

— Ну, Богъ съ нимъ, коли больной. Такъ неужто ты хотѣлъ завтра застрѣлить себя, экой глупый, да изъ за чего? Я вотъ этакихъ какъ ты безразсудныхъ люблю, — лепетала она ему немного отяжелѣвшимъ языкомъ. — Такъ ты для меня на все пойдешь? А? И неужто жъ ты, дурачекъ, вправду хотѣлъ завтра застрѣлиться! Нѣтъ, погоди пока, завтра я тебѣ, можетъ, одно словечко скажу . . . не сегодня скажу, а завтра. А ты бы хотѣлъ сегодня? Нѣтъ, я сегодня не хочу . . . Ну, ступай, ступай теперь, веселись.

Разъ, однако, она подозвала его какъ бы въ недоумѣніи и озабоченно.

— Чего тебѣ грустно? Я вижу, тебѣ грустно...

Нѣтъ, ужъ я вижу, — прибавила она, зорко вглядываясь въ его глаза. — Хоть ты тамъ и цѣлуешься съ мужиками и кричишь, а я что-то вижу. Нѣтъ, ты веселись, я весела и ты веселись... Я кого-то здѣсь люблю, угадай кого?.. Ай, посмотри: мальчикъ-то мой заснулъ, охмѣлѣлъ сердечный.

Она говорила про Калганова: тотъ дѣйствительно охмѣлѣлъ и заснулъ на мгновеніе, сидя на диванѣ. И не отъ одного хмѣля заснулъ, ему стало вдругъ отчего-то грустно или, какъ онъ говорилъ, «скучно». Сильно обезкуражили его подъ конецъ и пѣсни дѣвокъ, начинавшія переходить, постепенно съ попойкой, въ нѣчто слишкомъ уже скоромное и разнузданное. Да и пляски ихъ тоже: двѣ дѣвки переодѣлись въ медвѣдей, а Степанида, бойкая дѣвка съ палкой въ рукѣ, представляла вожака, стала ихъ «показывать». «Веселѣй, Марья,— кричала она, — не то палкой!» Медвѣди, наконецъ, повалились на полъ какъ-то совсѣмъ ужъ неприлично, при громкомъ хохотѣ набравшейся, не въ прорѣзъ, всякой публики бабъ и мужиковъ. — «Ну и пусть ихъ, ну и пусть ихъ, — говорила сентенціозно Грушенька съ блаженнымъ видомъ на лицѣ, — кой-то денекъ выйдетъ имъ повеселиться, такъ и не радоваться людямъ?» Калгановъ же смотрѣлъ такъ, какъ будто чѣмъ запачкался: — «Свинство это все, эта вся народность», — замѣтилъ онъ, отходя, — «это у нихъ весеннія игры, когда они солнце берегутъ во всю лѣтнюю ночь». Но особенно не понравилась ему одна «новая» пѣсенка съ бойкимъ плясовымъ напѣвомъ, пропѣтая о томъ, какъ ѣхалъ баринъ и дѣвушекъ пыталъ:

Баринъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но дѣвкамъ показалось, что нельзя любить барина:

Баринъ будетъ больно бить,
А я его — не любить.

Ѣхалъ потомъ цыганъ (произносилось цы̀ганъ) и этотъ тоже

Цы́ганъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но и цыгана нельзя любить,

Цы́ганъ будетъ воровать,
А я буду горевать.

И много проѣхало такъ людей, которые пытали дѣвушекъ, даже солдатъ:

Солдатъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но солдата съ презрѣніемъ отвергли:

Солдатъ будетъ ранецъ несть,
А я за нимъ...

Тутъ слѣдовалъ самый нецензурный стишокъ, пропѣтый совершенно откровенно и произведшій фуроръ въ слушавшей публикѣ. Кончилось, наконецъ, дѣло на купцѣ:

Купчикъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

И оказалось, что очень любятъ, потому, дескать, что

Купчикъ будетъ торговать,
А я буду царевать.

Калгановъ даже озлился:

— Это совсѣмъ вчерашняя пѣсня, — замѣтилъ

онъ вслухъ, — и кто это имъ сочиняетъ! Не достаетъ, чтобы желѣзнодорожникъ аль жидъ проѣхали и дѣвушекъ пытали: эти всѣхъ бы побѣдили. И, почти обидѣвшись, онъ тутъ же и объявилъ, что ему скучно, сѣлъ на диванъ и вдругъ задремалъ. Хорошенькое личико его нѣсколько поблѣднѣло и откинулось на подушку дивана.

— Посмотри, какой онъ хорошенькій, — говорила Грушенька, подводя къ нему Митю, — я ему давеча головку расчесывала, волоски точно ленъ и густые . . .

И, нагнувшись надъ нимъ въ умиленіи, она поцѣловала его лобъ. Калгановъ въ одинъ мигъ открылъ глаза, взглянулъ на нее, привсталъ и съ самымъ озабоченнымъ видомъ спросилъ: гдѣ Максимовъ?

— Вотъ ему кого надо, — засмѣялась Грушенька; — да посиди со мной минутку. Митя, сбѣгай за его Максимовымъ.

Оказалось, что Максимовъ ужъ и не отходилъ отъ дѣвокъ, изрѣдка только отбѣгалъ налить себѣ ликерчику, шоколаду же выпилъ двѣ чашки. Личико его раскраснѣлось, а носъ побагровѣлъ, глаза стали влажные, сладостные. Онъ подбѣжалъ и объявилъ, что сейчасъ «подъ одинъ мотивчикъ» хочетъ протанцовать танецъ саботьеру.

— Меня вѣдь маленькаго всѣмъ этимъ благовоспитаннымъ свѣтскимъ танцамъ обучали-съ . . .

— Ну ступай, ступай съ нимъ, Митя, а я отсюда посмотрю, какъ онъ тамъ танцовать будетъ.

— Нѣтъ, и я пойду смотрѣть, — воскликнулъ Калгановъ, самымъ наивнымъ образомъ отвергая предложеніе Грушеньки посидѣть съ нимъ. И всѣ направились смотрѣть. Максимовъ, дѣйствительно,

свой танецъ протанцовалъ, но кромѣ Мити почти ни въ комъ не произвелъ особеннаго восхищенія. Весь танецъ состоялъ въ какихъ-то подпрыгиваніяхъ съ вывертываніемъ въ стороны ногъ, подошвами кверху, и съ каждымъ прыжкомъ Максимовъ ударялъ ладонью по подошвѣ. Калганову совсѣмъ не понравилось, а Митя даже облобызалъ танцора.

— Ну, спасибо, усталъ, можетъ, что глядишь сюда: конфетку хочешь, а? Цыгарочку, можетъ, хочешь?

— Папиросочку-съ.

— Выпить не хочешь ли?

— Я тутъ ликерцу-съ... А шоколадныхъ конфеточекъ у васъ нѣтъ-съ!

— Да вотъ на столѣ цѣлый возъ, выбирай любую, голубиная ты душа!

— Нѣтъ-съ, я такую-съ, чтобы съ ванилью... для старичковъ-съ... Хи-хи!

— Нѣтъ, братъ, такихъ особенныхъ нѣтъ.

— Послушайте! — нагнулся вдругъ старичекъ къ самому уху Мити, — эта вотъ дѣвочка-съ, Марьюшка-съ, хи-хи! Какъ бы мнѣ, если бы можно, съ нею познакомиться, по добротѣ вашей...

— Ишь ты чего захотѣлъ! Нѣтъ, братъ, врешь.

— Я никому вѣдь зла не дѣлаю-съ, — уныло прошепталъ Максимовъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Здѣсь, братъ, только поютъ и пляшутъ, а, впрочемъ, чертъ! Подожди... Кушай пока, ѣшь, пей, веселись. Денегъ не надо ли?

— Потомъ бы развѣ-съ, — улыбнулся Максимовъ.

— Хорошо, хорошо...

Голова горѣла у Мити. Онъ вышелъ въ сѣни на деревянную верхнюю галлерейку, обхватившую изнутри, со двора, часть всего строенія. Свѣжій воздухъ оживилъ его. Онъ стоялъ одинъ, въ темнотѣ, въ углу, и вдругъ схватилъ себя обѣими руками за голову. Разбросанныя мысли его вдругъ соединились, ощущенія слились воедино, и все дало свѣтъ. Страшный, ужасный свѣтъ! «Вотъ если застрѣлиться, такъ когда же какъ не теперь?» — пронеслось въ умѣ его. «Сходить за пистолетомъ, принести его сюда и вотъ въ этомъ самомъ, грязномъ и темномъ углу и покончить». Почти съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости. Давеча, какъ летѣлъ сюда, сзади него стоялъ позоръ, совершенное, содѣянное уже имъ воровство и эта кровь, кровь!.. Но тогда было легче, о, легче! Вѣдь ужъ все тогда было покончено: ее онъ потерялъ, уступилъ, она погибла для него, исчезла, — о, приговоръ тогда былъ легче ему, по крайней мѣрѣ, казался неминуемымъ, необходимымъ, ибо для чего же было оставаться на свѣтѣ? А теперь? Теперь развѣ то, что тогда? Теперь съ однимъ, по крайней мѣрѣ, привидѣніемъ, страшилищемъ, покончено: этотъ ея «прежній», ея безспорный, фатальный человѣкъ этотъ исчезъ, не оставивъ слѣда. Страшное привидѣніе обратилось вдругъ во что-то такое маленькое, такое комическое; его снесли руками въ спальню и заперли на ключъ. Оно никогда не воротится. Ей стыдно, и изъ глазъ ея онъ уже видитъ теперь ясно, кого она любитъ. Но, вотъ, теперь бы только и жить и... и нельзя жить, нельзя, о, проклятіе! «Боже, оживи поверженнаго у забора! Пронеси эту страшную чашу мимо меня! Вѣдь дѣлалъ же Ты чудеса, Господи, для такихъ же

грѣшниковъ, какъ и я! Ну что, ну что если старикъ живъ? О, тогда срамъ остального позора я уничтожу, я ворочу украденныя деньги, я отдамъ ихъ, достану изъ-подъ земли . . . Слѣдовъ позора не останется, кромѣ какъ въ сердцѣ моемъ навѣки! Но нѣтъ, нѣтъ, о, невозможныя, малодушныя мечты! О, проклятіе!»

Но все же какъ бы лучъ какой-то свѣтлой надежды блеснулъ ему во тьмѣ. Онъ сорвался съ мѣста и бросился въ комнаты — къ ней, къ ней опять, къ царицѣ его навѣки! «Да неужели одинъ часъ, одна минута ея любви не стоятъ всей остальной жизни, хотя бы и въ мукахъ позора?» Этотъ дикій вопросъ захватилъ его сердце. «Къ ней, къ ней одной, ее видѣть, слушать и ни о чемъ не думать, обо всемъ забыть, хотя бы только на эту ночь, на часъ, на мгновеніе!» Предъ самымъ входомъ въ сѣни, еще на галлерейкѣ, онъ столкнулся съ хозяиномъ Трифономъ Борисычемъ. Тотъ что-то показался ему мрачнымъ и озабоченнымъ и, кажется, шелъ его разыскивать.

— Что ты, Борисычъ, не меня ли искалъ?

— Нѣтъ-съ, не васъ, — какъ бы опѣшилъ вдругъ хозяинъ, — зачѣмъ мнѣ васъ разыскивать? А вы . . . гдѣ были-съ?

— Что ты такой скучный? Не сердишься ли? Погоди, скоро спать пойдешь . . . Который часъ-то?

— Да ужъ три часа будетъ. Надо быть, даже четвертый.

— Кончимъ, кончимъ.

— Помилуйте, ничего-съ. Даже сколько угодно-съ . . .

«Что съ нимъ?» мелькомъ подумалъ Митя и вбѣжалъ въ комнату, гдѣ плясали дѣвки. Но ея

тамъ не было. Въ голубой комнатѣ тоже не было; одинъ лишь Калгановъ дремалъ на диванѣ. Митя глянулъ за занавѣсы — она была тамъ. Она сидѣла въ углу, на сундукѣ, и, склонившись съ руками и съ головой на подлѣ стоявшую кровать, горько плакала, изо всѣхъ силъ крѣпясь и скрадывая голосъ, чтобы не услышали. Увидавъ Митю, она поманила его къ себѣ и, когда тотъ подбѣжалъ, крѣпко схватила его за руку.

— Митя, Митя, я вѣдь любила его! — начала она ему шепотомъ, — такъ любила его, всѣ пять лѣтъ, все, все это время! Его ли любила, али только злобу мою? Нѣтъ, его! Охъ, его! Я вѣдь лгу, что любила только злобу мою, а не его! Митя, вѣдь я была всего семнадцати лѣтъ тогда, онъ тогда былъ такой со мной ласковый, такой развеселый, мнѣ пѣсни пѣлъ... Иль ужъ показался тогда такимъ дурѣ мнѣ, дѣвченкѣ... А теперь, Господи, да это не тотъ, совсѣмъ и не онъ. Да и лицомъ не онъ, не онъ вовсе. Я и съ лица его не узнала. Ѣхала я сюда съ Тимоѳеемъ и все-то думала, всю дорогу думала: «какъ встрѣчу его, что-то скажу, какъ глядѣть-то мы другъ на друга будемъ?..» Вся душа замирала, и вотъ онъ меня тутъ точно изъ шайки помоями окатилъ. Точно учитель говоритъ: все такое ученое, важное, встрѣтилъ такъ важно, такъ я и стала втупикъ. Слова некуда ввернуть. Я сначала думала, что онъ этого своего длиннаго поляка-то стыдится. Сижу, смотрю на нихъ и думаю: почему это я такъ ничего съ нимъ говорить теперь не умѣю? Знаешь, это его жена испортила, вотъ на которой онъ, бросивъ меня, тогда женился... Это она его тамъ передѣлала. Митя, стыдъ-то ка-

кой! Охъ, стыдно мнѣ, Митя, стыдно, охъ, за всю жизнь мою стыдно! Прокляты, прокляты пусть будутъ эти пять лѣтъ, прокляты!—И она опять залилась слезами, но Митину руку не выпускала, крѣпко держалась за нее.

— Митя, голубчикъ, постой, не уходи, я тебѣ одно словечко хочу сказать, — прошептала она и вдругъ подняла къ нему лицо. — Слушай, скажи ты мнѣ, кого я люблю? Я здѣсь одного человѣка люблю. Который это человѣкъ? вотъ что скажи ты мнѣ. — На распухшемъ отъ слезъ лицѣ ея засвѣтилась улыбка, глаза сіяли въ полутьмѣ. — Вошелъ давеча одинъ соколъ, такъ сердце и упало во мнѣ: «дура ты, вотъ кого вѣдь ты любишь», — такъ сразу и шепнуло сердце. Вошелъ ты и все освѣтилъ. Да чего онъ боится? — думаю. А вѣдь ты забоялся, совсѣмъ забоялся, говорить не умѣлъ. Не ихъ же, думаю, онъ боится, — развѣ ты кого испугаться можешь? Это меня онъ боится, думаю, только меня. Такъ вѣдь разсказала же тебѣ, дурачку, Ѳеня, какъ я Алешѣ въ окно прокричала, что любила часочекъ Митеньку, а теперь ѣду любить . . . другого. Митя, Митя, какъ это я могла, дура, подумать, что люблю другого послѣ тебя! Прощаешь, Митя? Прощаешь меня или нѣтъ? Любишь? Любишь?

Она вскочила и схватила его обѣими руками за плечи. Митя, нѣмой отъ восторга, глядѣлъ ей въ глаза, въ лицо, на улыбку ея, и вдругъ, крѣпко обнявъ ее, бросился ее цѣловать.

— А простишь, что мучила? Я вѣдь со злобы всѣхъ васъ измучила. Я вѣдь старикашку того нарочно со злобы съ ума свела . . . Помнишь, какъ ты разъ у меня пилъ и бокалъ разбилъ? Запомни-

ла я это и сегодня тоже разбила бокалъ, за «подлое сердце мое» пила. Митя, соколъ, что жъ ты меня не цѣлуешь? Разъ поцѣловалъ и оторвался, глядитъ, слушаетъ... Что меня слушать! Цѣлуй меня, цѣлуй крѣпче, вотъ такъ. Любить, такъ ужъ любить! Раба твоя теперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!.. Цѣлуй! Прибей меня, мучай меня, сдѣлай что надо мной... Охъ, да и впрямь меня надо мучать... Стой! Подожди, потомъ, не хочу такъ... — оттолкнула она его вдругъ: — Ступай прочь, Митька, пойду теперь вина напьюсь, пьяна хочу быть, сейчасъ пьяная плясать пойду, хочу, хочу!

Она вырвалась отъ него изъ-за занавѣсокъ. Митя вышелъ за ней, какъ пьяный. «Да пусть же, пусть, что бы теперь ни случилось — за минуту одну весь міръ отдамъ», промелькнуло въ его головѣ. Грушенька въ самомъ дѣлѣ выпила залпомъ еще стаканъ шампанскаго и очень вдругъ охмѣлѣла. Она усѣлась въ креслѣ, на прежнемъ мѣстѣ, съ блаженною улыбкой. Щеки ея запылали, губы разгорѣлись, сверкавшіе глаза посоловѣли, страстный взглядъ манилъ. Даже Калганова какъ будто укусило что-то за сердце, и онъ подошелъ къ ней.

— А ты слышалъ, какъ я тебя давеча поцѣловала, когда ты спалъ? — пролепетала она ему. — Опьянѣла я теперь, вотъ что... А ты не опьянѣлъ? А Митя чего не пьетъ? Что жъ ты не пьешь, Митя, я выпила, а ты не пьешь...

— Пьянъ! И такъ пьянъ... отъ тебя пьянъ, а теперь и отъ вина хочу. — Онъ выпилъ еще стаканъ и — странно это ему показалось самому — только отъ этого послѣдняго стакана и охмѣлѣлъ, вдругъ охмѣлѣлъ, а до тѣхъ поръ все былъ трезвъ,

самъ помнилъ это. Съ этой минуты все завертѣлось кругомъ него, какъ въ бреду. Онъ ходилъ, смѣялся, заговаривалъ со всѣми и все это какъ бы ужъ не помня себя. Одно лишь неподвижное и жгучее чувство сказывалось въ немъ поминутно, «точно горячій уголь въ душѣ», вспоминалъ онъ потомъ. Онъ подходилъ къ ней, садился подлѣ нея, глядѣлъ на нее, слушалъ ее... Она же стала ужасно какъ словоохотлива, всѣхъ къ себѣ подзывала, манила вдругъ къ себѣ какую-нибудь дѣвку изъ хора, та подходила, а она или цѣловала ее и отпускала, или иногда крестила ее рукой. Еще минутку и она могла заплакать. Развеселилъ ее очень и «старикашка», какъ называла она Максимова. Онъ поминутно подбѣгалъ цѣловать у нея ручки «и всякій пальчикъ», а подъ конецъ проплясалъ еще одинъ танецъ подъ одну старую пѣсенку, которую самъ же и пропѣлъ. Въ особенности съ жаромъ подплясывалъ за припѣвомъ:

Свинушка хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка му-му, му-му,
Уточка ква-ква, ква-ква,
Гусынька га-га, га-га,
Курочка по сѣнюшкамъ похаживала,
Тюрю-рю, рю-рю, выговаривала,
Ай, ай, выговаривала!

— Дай ему что-нибудь, Митя, — говорила Грушенька, — подари ему, вѣдь онъ бѣдный. Ахъ, бѣдные, обиженные!... Знаешь, Митя, я въ монастырь пойду. Нѣтъ, вправду, когда-нибудь пойду. Мнѣ Алеша сегодня на всю жизнь слова сказалъ... Да... А сегодня ужъ пусть попляшемъ. Завтра въ монастырь, а сегодня попляшемъ. Я шалить хочу, добрые люди, ну и что жъ такое, Богъ про-

ститъ. Кабы Богомъ была, всѣхъ бы людей простила: «милые мои грѣшнички, съ этого дня прощаю всѣхъ». А я пойду прощенія просить: «Простите, добрые люди, бабу глупую, вотъ что». Звѣрь я, вотъ что. Я молиться хочу. Я луковку подала. Злодѣйкѣ такой, какъ я, молиться хочется. Митя, пусть пляшутъ, не мѣшай. Всѣ люди на свѣтѣ хороши, всѣ до единаго. Хорошо на свѣтѣ. Хоть и скверные мы, а хорошо на свѣтѣ, скверные мы и хорошіе, и скверные и хорошіе... Нѣтъ, скажите, я васъ спрошу, всѣ подойдите, и я спрошу: скажите мнѣ всѣ вотъ что: почему я такая хорошая? Я вѣдь хорошая, я очень хорошая... Ну, такъ вотъ: почему я такая хорошая?—Такъ лепетала Грушенька, хмѣлѣя все больше и больше, и, наконецъ, прямо объявила, что сейчасъ сама хочетъ плясать. Встала съ креселъ и пошатнулась: — Митя, не давай мнѣ больше вина, просить буду — не давай. Вино спокойствія не даетъ. И все кружится, и печка, и все кружится. Плясать хочу. Пусть всѣ смотрятъ, какъ я пляшу... какъ я хорошо и прекрасно пляшу...

Намѣреніе было серьезное: она вынула изъ кармана бѣленькій батистовый платочекъ и взяла его за кончикъ, въ правую ручку, чтобы махать имъ въ пляскѣ. Митя захлопоталъ, дѣвки затихли, приготовясь грянуть хоромъ плясовую по первому мановенію. Максимовъ, узнавъ, что Грушенька хочетъ сама плясать, завизжалъ отъ восторга и пошелъ было предъ ней подпрыгивать припѣвая:

Ножки тонки, бока звонки,
Хвостикъ закорючкой.

Но Грушенька махнула на него платочкомъ и отогнала его:

— Ш-шь! Митя, что жъ нейдутъ? Пусть всѣ придутъ... смотрѣть. Позови и тѣхъ, запертыхъ... За что ты ихъ заперъ? Скажи имъ, что я пляшу, пусть и они смотрятъ, какъ я пляшу...

Митя съ пьянымъ размахомъ подошелъ къ запертой двери и началъ стучать къ панамъ кулакомъ.

— Эй, вы... Подвысоцкіе! Выходите, она плясать хочетъ, васъ зоветъ.

— Лайдакъ! — прокричалъ въ отвѣтъ который-то изъ пановъ.

— А ты пòдлайдакъ! Мелкій ты подлеченочекъ; вотъ ты кто.

— Перестали бы вы надъ Польшей-то насмѣхаться, — сентенціозно замѣтилъ Калгановъ, тоже не подъ силу себѣ охмѣлѣвшій.

— Молчи, мальчикъ! Если я ему сказалъ подлеца, не значитъ, что я всей Польшѣ сказалъ подлеца. Не составляетъ одинъ лайдакъ Польши. Молчи, хорошенькій мальчикъ, конфетку кушай.

— Ахъ, какіе! Точно они не люди. Чего они не хотятъ мириться? — сказала Грушенька и вышла плясать. Хоръ грянулъ: «Ахъ вы, сѣни мои, сѣни». Грушенька закинула было головку, полуоткрыла губки, улыбнулась, махнула было платочкомъ и вдругъ, сильно покачнувшись на мѣстѣ, стала посреди комнаты въ недоумѣніи.

— Слаба... — проговорила она измученнымъ какимъ-то голосомъ, — простите, слабо, не могу.. Виновата...

Она поклонилась хору, затѣмъ принялась кланяться на всѣ четыре стороны поочередно:

— Виновата... Простите...

— Подпила, барынька, подпила, хорошенькая барынька, — раздавались голоса.

— Онѣ напились-съ, — разъяснялъ, хихикая, дѣвушкамъ Максимовъ.

— Митя, отведи меня... возьми меня, Митя, — въ безсиліи проговорила Грушенька. Митя кинулся къ ней, схватилъ ее на руки и побѣжалъ со своею драгоцѣнною добычей за занавѣски. «Ну, ужъ я теперь уйду», подумалъ Калгановъ, и, выйдя изъ голубой комнаты, притворилъ за собою обѣ половинки дверей. Но пиръ въ залѣ гремѣлъ и продолжался, загремѣлъ еще пуще. Митя положилъ Грушеньку на кровать и впился въ ея губы поцѣлуемъ.

— Не трогай меня... — молящимъ голосомъ пролепетала она ему, — не трогай, пока не твоя... Сказала, что твоя, а ты не трогай... пощади... При тѣхъ, подлѣ тѣхъ нельзя. Онъ тутъ. Гнусно здѣсь...

— Послушенъ! Не мыслю... благоговѣю! — бормоталъ Митя. — Да, гнусно здѣсь, о презрѣнно. — И, не выпуская ее изъ объятій, онъ опустился подлѣ кровати на полъ, на колѣни.

— Я знаю, ты хоть и звѣрь, а ты благородный, — тяжело выговаривала Грушенька, — надо, чтобъ это честно... впредь будетъ честно... и чтобъ и мы были честные, чтобъ и мы были добрые, не звѣри, а добрые... Увези меня, увези далеко, слышишь... Я здѣсь не хочу, а чтобы далеко, далеко...

— О, да, да, непремѣнно! — сжималъ ее въ объятіяхъ Митя, — увезу тебя, улетимъ... О, всю жизнь за одинъ годъ отдамъ сейчасъ, чтобы только не знать про эту кровь!

— Какая кровь? — въ недоумѣніи переговорила Грушенька.

— Ничего! — проскрежеталъ Митя. — Груша, ты хочешь, чтобы честно, а я воръ. Я у Катьки деньги укралъ... Позоръ, позоръ!

— У Катьки? Это у барышни? Нѣтъ, ты не укралъ. Отдай ей, у меня возьми... Что кричишь! Теперь все мое — твое. Что намъ деньги? Мы ихъ и безъ того прокутимъ... Таковскіе чтобы не прокутили. А мы пойдемъ съ тобою лучше землю пахать. Я землю вотъ этими руками скрести хочу. Трудиться надо, слышишь? Алеша приказалъ. Я не любовница тебѣ буду, я тебѣ вѣрная буду, раба твоя буду, работать на тебя буду. Мы къ барышнѣ сходимъ и поклонимся оба, чтобы простила, и уѣдемъ. А не проститъ, мы и такъ уѣдемъ. А ты деньги ей снеси, а меня люби.. А ея не люби. Больше ея не люби. А полюбишь, я ее задушу. Я ей оба глаза иголкой выколю.

— Тебя люблю, тебя одну, въ Сибири буду любить...

— Зачѣмъ въ Сибирь? А что жъ, и въ Сибирь, коли хочешь, все равно... работать будемъ... въ Сибири снѣгъ... Я по снѣгу люблю ѣхать... и чтобы колокольчикъ былъ... Слышишь, звенитъ колокольчикъ... Гдѣ это звенитъ колокольчикъ? Ѣдутъ какіе-то... вотъ и пересталъ звенѣть.

Она въ безсиліи закрыла глаза и вдругъ какъ бы заснула на одну минуту. Колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ звенѣлъ гдѣ-то въ отдаленіи и вдругъ пересталъ звенѣть. Митя склонился головою къ ней на грудь. Онъ не замѣтилъ, какъ пересталъ звенѣть колокольчикъ, но не замѣтилъ и того, какъ вдругъ перестали и пѣсни, и на мѣсто пѣсенъ

и пьянаго гама во всемъ домѣ воцарилась какъ бы внезапная мертвая тишина. Грушенька открыла глаза.

— Что это, я спала? Да... колокольчикъ... Я спала и сонъ видѣла: будто я ѣду, по снѣгу... колокольчикъ звенитъ, а я дремлю. Съ милымъ человѣкомъ, съ тобою ѣду будто. И далеко-далеко... Обнимала-цѣловала тебя, прижималась къ тебѣ, холодно будто мнѣ, а снѣгъ-то блеститъ... Знаешь, коли ночью снѣгъ блеститъ, а мѣсяцъ глядитъ, и точно я гдѣ не на землѣ... Проснулась, а милый-то подлѣ, какъ хорошо...

— Подлѣ, — бормоталъ Митя, цѣлуя ея платье, грудь, руки. И вдругъ ему показалось что-то странное: показалось ему, что она глядитъ прямо предъ собой, но не на него, не въ лицо ему, а поверхъ его головы, пристально и до странности неподвижно. Удивленіе вдругъ выразилось въ ея лицѣ, почти испугъ.

— Митя, кто это оттуда глядитъ сюда къ намъ? — прошептала она вдругъ. Митя обернулся и увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ кто-то раздвинулъ занавѣску и ихъ какъ бы высматриваетъ. Да и не одинъ какъ будто. Онъ вскочилъ и быстро ступилъ къ смотрѣвшему.

— Сюда, пожалуйте къ намъ сюда, — не громко, но твердо и настойчиво проговорилъ ему чей-то голосъ.

Митя выступилъ изъ-за занавѣски и сталъ неподвижно. Вся комната была полна людьми, но не давешними, а совсѣмъ новыми. Мгновенный ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его, и онъ вздрогнулъ. Всѣхъ этихъ людей онъ узналъ въ одинъ мигъ. Вотъ этотъ высокій и дебелый старикъ, въ пальто

и съ фуражкой съ кокардой — это исправникъ, Михаилъ Макарычъ. А этотъ «чахоточный» опрятный щеголь, «всегда въ такихъ вычищенныхъ сапогахъ» — это товарищъ прокурора. «У него хронометръ въ четыреста рублей есть, онъ показывалъ». А этотъ молоденькій, маленькій, въ очкахъ... Митя вотъ только фамилію его позабылъ, но онъ знаетъ и его, видѣлъ: это слѣдователь, судебный слѣдователь, «изъ правовѣдѣнія», недавно пріѣхалъ. А этотъ вотъ — становой, Маврикій Маврикичъ, этого-то ужъ онъ знаетъ, знакомый человѣкъ. Ну, а эти съ бляхами, эти зачѣмъ же? И еще двое какихъ-то, мужики... А вотъ тамъ въ дверяхъ Калгановъ и Трифонъ Борисычъ...

— Господа... Что это вы, господа? — проговорилъ было Митя, но вдругъ, какъ бы внѣ себя, какъ бы не самъ собой, воскликнулъ громко, во весь голосъ:

— По-ни-маю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ вдругъ выдвинулся впередъ и, подступивъ къ Митѣ, началъ, хоть и осанисто, но немного какъ бы торопясь:

— Мы имѣемъ къ вамъ... однимъ словомъ, я васъ прошу сюда, вотъ сюда, къ дивану... Существуетъ настоятельная необходимость съ вами объясниться.

— Старикъ! — вскричалъ Митя въ изступленіи, — старикъ и его кровь!.. По-ни-маю!

И, какъ подкошенный, сѣлъ, словно упалъ, на подлѣ стоявшій стулъ.

— Понимаешь? Понялъ! Отцеубійца и извергъ, кровь старика отца твоего вопіетъ за тобою! — заревѣлъ внезапно, подступая къ Митѣ,

старикъ исправникъ. Онъ былъ внѣ себя, побагровѣлъ и весь такъ и трясся.

— Но это невозможно! — вскричалъ маленькій молодой человѣчекъ. — Михаилъ Макарычъ, Михаилъ Макарычъ! Это не такъ, не такъ-съ!.. Прошу позволить мнѣ одному говорить... Я никакъ не могъ предположить отъ васъ подобнаго эпизода...

— Но вѣдь это же бредъ, господа, бредъ! — восклицалъ исправникъ, — посмотрите на него: ночью, пьяный, съ безпутной дѣвкой и въ крови отца своего... Бредъ! Бредъ!

— Я васъ изо всѣхъ силъ попрошу, голубчикъ, Михаилъ Макарычъ, на сей разъ удержать ваши чувства, — зашепталъ было скороговоркой старику товарищъ прокурора, — иначе я принужденъ буду принять...

Но маленькій слѣдователь не далъ докончить; онъ обратился къ Митѣ, и твердо, громко и важно произнесъ:

— Господинъ отставной поручикъ Карамазовъ, я долженъ вамъ объявить, что вы обвиняетесь въ убійствѣ отца вашего, Ѳедора Павловича Карамазова, происшедшемъ въ эту ночь...

Онъ что-то и еще сказалъ, тоже и прокуроръ какъ будто что-то ввернулъ, но Митя хоть и слушалъ, но уже не понималъ ихъ. Онъ дикимъ взглядомъ озиралъ ихъ всѣхъ...

Книга девятая.

Предварительное слѣдствіе.

I.

Начало карьеры чиновника Перхотина.

Петръ Ильичъ Перхотинъ, котораго мы оставили стучащимся изо всей силы въ крѣпкія запертыя ворота дома купчихи Морозовой, кончилъ, разумѣется, тѣмъ, что, наконецъ, достучался. Заслышавъ такой неистовый стукъ въ ворота, Ѳеня, столь напуганная часа два назадъ и все еще отъ волненія и «думы» не рѣшавшаяся лечь спать, была испугана теперь вновь почти до истерики: ей вообразилось, что стучится опять Дмитрій Ѳедоровичъ (несмотря на то, что сама же видѣла, какъ онъ уѣхалъ, потому что стучаться такъ «дерзко» никто не могъ, кромѣ него. Она бросилась къ проснувшемуся дворнику, уже шедшему на стукъ къ воротамъ, и стала было молить его, чтобы не впускалъ. Но дворникъ опросилъ стучавшагося и, узнавъ, кто онъ и что хочетъ онъ видѣть Ѳедосью Марковну по весьма важному дѣлу, отпереть ему, наконецъ, рѣшился. Войдя къ Ѳедосьѣ Марковнѣ все въ ту

же кухню, при чемъ «для сумлѣнія» она упросила Петра Ильича, чтобы позволилъ войти и дворнику, Петръ Ильичъ началъ ее разспрашивать и вмигъ попалъ на самое главное: то есть, что Дмитрій Ѳедоровичъ, убѣгая искать Грушеньку, захватилъ изъ ступки пестикъ, а воротился уже безъ пестика, но съ руками окровавленными: «и кровь еще капала, такъ и каплетъ съ нихъ, такъ и каплетъ!» восклицала Ѳеня, очевидно, сама создавшая этотъ ужасный фактъ въ своемъ разстроенномъ воображеніи. Но окровавленныя руки видѣлъ и самъ Петръ Ильичъ, хотя съ нихъ и не капало, и самъ ихъ помогалъ отмывать, да и не въ томъ былъ вопросъ, скоро ль онѣ высохли, а въ томъ, куда именно бѣгалъ съ пестикомъ Дмитрій Ѳедоровичъ, то есть навѣрно ли къ Ѳедору Павловичу, и изъ чего это можно столь рѣшительно заключить? На этомъ пунктѣ Петръ Ильичъ настаивалъ обстоятельно и хотя въ результатѣ твердо ничего не узналъ, но все же вынесъ почти убѣжденіе, что никуда Дмитрій Ѳедоровичъ и бѣгать не могъ, какъ въ домъ родителя, и что, стало быть, тамъ непремѣнно должно было *нѣчто* произойти. «А когда онъ воротился,—съ волненіемъ прибавила Ѳеня,—и я призналась ему во всемъ, то стала я его разспрашивать: отчего у васъ, голубчикъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ крови обѣ руки, то онъ будто бы такъ и отвѣтилъ: что это кровь человѣческая и что онъ только что сейчасъ человѣка убилъ, — такъ и признался, такъ мнѣ во всемъ тутъ и покаялся, да вдругъ и выбѣжалъ, какъ сумасшедшій. Я сѣла да и стала думать: куда это онъ, теперь, какъ сумасшедшій побѣжалъ? Поѣдетъ въ Мокрое, думаю и убьетъ тамъ барыню. Выбѣжала я этта его мо-

лить, чтобы барыню не убивалъ, къ нему на квартиру, да у Плотниковыхъ лавки смотрю и вижу, что онъ ужъ отъѣзжаетъ и что руки ужъ у него не въ крови» (Ѳеня это замѣтила и запомнила). Старуха, бабушка Ѳени, сколько могла, подтвердила всѣ показанія своей внучки. Разспросивъ еще кой о чемъ, Петръ Ильичъ вышелъ изъ дома еще въ большемъ волненіи и безпокойствѣ, чѣмъ какъ вошелъ въ него.

Казалось бы, что всего прямѣе и ближе было бы ему теперь отправиться въ домъ Ѳедора Павловича, узнать, не случилось ли тамъ чего, а если случилось, то что именно, и, уже убѣдившись неоспоримо, тогда только идти къ исправнику, какъ твердо уже положилъ Петръ Ильичъ. Но ночь была темная, ворота у Ѳедора Павловича крѣпкія, надо опять стучать, съ Ѳедоромъ же Павловичемъ знакомъ онъ былъ отдаленно — и вотъ онъ достучится, ему отворятъ, и вдругъ тамъ ничего не случилось, а насмѣшливый Ѳедоръ Павловичъ пойдетъ завтра разсказывать по городу анекдотъ, какъ въ полночь ломился къ нему незнакомый чиновникъ Перхотинъ, чтобъ узнать, не убилъ ли его кто-нибудь. Скандалъ! Скандала же Петръ Ильичъ боялся пуще всего на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе чувство, увлекавшее его, было столь сильно, что онъ, злобно топнувъ ногой въ землю и опять себя выбранивъ, немедленно бросился въ новый путь, но уже не къ Ѳедору Павловичу, а къ госпожѣ Хохлаковой. Если та, думалъ онъ, отвѣтитъ на вопросъ: она ли дала три тысячи давеча, въ такомъ-то часу, Дмитрію Ѳедоровичу, то въ случаѣ отрицательнаго отвѣта онъ тутъ же и пойдетъ къ исправнику, не заходя къ Ѳедору Павловичу; въ противномъ же слу-

чаѣ отложитъ все до завтра и воротится къ себѣ домой. Тутъ, конечно, прямо представляется, что въ рѣшеніи молодого человѣка идти ночью, почти въ одиннадцать часовъ въ домъ къ совершенно незнакомой ему свѣтской барынѣ, поднять ее, можетъ быть, съ постели съ тѣмъ, чтобы задать ей удивительный по своей обстановкѣ вопросъ заключалось, можетъ быть, гораздо еще больше шансовъ произвести скандалъ, чѣмъ идти къ Ѳедору Павловичу. Но такъ случается иногда, особенно въ подобныхъ настоящему случаяхъ, съ рѣшеніями самыхъ точнѣйшихъ и флегматическихъ людей. Петръ же Ильичъ, въ ту минуту, былъ уже совсѣмъ не флегматикомъ! Онъ всю жизнь потомъ вспоминалъ, какъ непреоборимое безпокойство, овладѣвшее имъ постепенно, дошло, наконецъ, въ немъ до муки и увлекало его даже противъ воли. Разумѣется, онъ все-таки ругалъ себя всю дорогу за то, что идетъ къ этой дамѣ, но «доведу, доведу до конца!» повторялъ онъ въ десятый разъ, скрежеща зубами, и исполнилъ свое намѣреніе — довелъ.

Было ровно одиннадцать часовъ, когда онъ вступилъ въ домъ госпожи Хохлаковой. Впустили его во дворъ довольно скоро, но на вопросъ: почиваетъ ли уже барыня, или еще не ложилась — дворникъ не могъ отвѣтить въ точности, кромѣ того, что въ эту пору обыкновенно ложатся. — «Тамъ, наверху, доложитесь; захотятъ васъ принять, то примутъ, а не захотятъ — не примутъ». Петръ Ильичъ поднялся наверхъ, но тутъ пошло потруднѣе. Лакей докладывать не захотѣлъ, вызвалъ, наконецъ, дѣвушку. Петръ Ильичъ вѣжливо, но настоятельно попросилъ ее доложить барынѣ, что вотъ, дескать, пришелъ здѣшній одинъ чиновникъ

Перхотинъ, по особому дѣлу, и если бъ не важное такое дѣло, то и не посмѣлъ бы придти — «именно, именно въ этихъ словахъ доложите», попросилъ онъ дѣвушку. Та ушла. Онъ остался ждать въ передней. Сама госпожа Хохлакова, хотя еще и не започивала, но была уже въ своей спальнѣ. Была она разстроена съ самаго давешняго посѣщенія Мити и уже предчувствовала, что въ ночь ей не миновать обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ съ нею мигреня. Выслушавъ докладъ дѣвушки и удивившись, она, однако, раздражительно велѣла отказать, несмотря на то, что неожиданное посѣщеніе въ такой часъ незнакомаго ей «здѣшняго чиновника» чрезвычайно заинтересовало ея дамское любопытство. Но Петръ Ильичъ на этотъ разъ уперся, какъ мулъ: выслушавъ отказъ, онъ чрезвычайно настойчиво попросилъ еще разъ доложить и передать именно «въ этихъ самыхъ словахъ», что онъ «по чрезвычайно важному дѣлу, и онѣ, можетъ быть, сами будутъ потомъ сожалѣть, если теперь не примутъ его». «Я точно съ горы тогда летѣлъ», разсказывалъ онъ потомъ самъ. Горничная, удивленно оглядѣвъ его, пошла другой разъ докладывать. Госпожа Хохлакова была поражена, подумала, разспросила каковъ онъ съ виду и узнала, что «очень прилично одѣты-съ, молодые и такіе вѣжливые». Замѣтимъ въ скобкахъ и мелькомъ, что Петръ Ильичъ былъ довольно-таки красивый молодой человѣкъ и самъ это зналъ о себѣ. Госпожа Хохлакова рѣшилась выйти. Была она уже въ своемъ домашнемъ шлафрокѣ и въ туфляхъ, но на плечи она накинула черную шаль. «Чиновника» попросили войти въ гостиную, въ ту самую, въ которой давеча принимали Митю. Хозяйка вышла къ

гостю со строго вопросительнымъ видомъ и, не пригласивъ сѣсть, прямо начала съ вопроса: «что угодно?»

— Я рѣшился обезпокоить васъ, сударыня, по поводу общаго знакомаго нашего, Дмитрія Ѳедоровича Карамазова, — началъ было Перхотинъ, но только что произнесъ это имя, какъ вдругъ въ лицѣ хозяйки изобразилось сильнѣйшее раздраженіе. Она чуть не взвизгнула и съ яростью прервала его.

— Долго ли, долго ли будутъ меня мучить этимъ ужаснымъ человѣкомъ? — вскричала она изступленно. — Какъ вы смѣли, милостивый государь, какъ рѣшились обезпокоить незнакомую вамъ даму въ ея домѣ и въ такой часъ . . . и явиться къ ней говорить о человѣкѣ, который здѣсь же, въ этой самой гостиной, всего три часа тому, приходилъ убить меня, стучалъ ногами и вышелъ, какъ никто не выходитъ изъ порядочнаго дома. Знайте, милостивый государь, что я на васъ буду жаловаться, что я не спущу вамъ, извольте сей же часъ оставить меня . . . Я мать, я сейчасъ же . . . я . . . я . . .

— Убить! Такъ онъ и васъ хотѣлъ убить?

— А развѣ онъ кого-нибудь уже убилъ? — стремительно спросила госпожа Хохлакова.

— Соблаговолите выслушать, сударыня, только полминуты, и я въ двухъ словахъ разъясню вамъ все, — съ твердостью отвѣтилъ Перхотинъ. — Сегодня, въ пять часовъ пополудни, господинъ Карамазовъ занялъ у меня, по-товарищески, десять рублей, и я положительно знаю, что у него денегъ не было, а сегодня же въ девять часовъ онъ вошелъ ко мнѣ, неся въ рукахъ на виду пачку сторублевыхъ бумажекъ, примѣрно въ двѣ или даже въ три тысячи рублей. Руки же у него и лицо были всѣ

окровавлены, самъ же казался какъ бы помѣшаннымъ. На вопросъ мой, откуда взялъ столько денегъ, онъ съ точностью отвѣтилъ, что взялъ ихъ сейчасъ предъ тѣмъ отъ васъ и что вы ссудили его суммою въ три тысячи, чтобъ ѣхать будто бы на золотые пріиски...

Въ лицѣ госпожи Хохлаковой вдругъ выразилось необычайное и болѣзненное волненіе.

— Боже! Это онъ старика-отца своего убилъ! — вскричала она, всплеснувъ руками. — Никакихъ я ему денегъ не давала, никакихъ! О, бѣгите, бѣгите!.. Не говорите больше ни слова! Спасайте старика, бѣгите къ отцу его, бѣгите!

— Позвольте, сударыня, итакъ вы не давали ему денегъ? Вы твердо помните, что не давали ему никакой суммы?

— Не давала, не давала! Я ему отказала, потому что онъ не умѣлъ оцѣнить. Онъ вышелъ въ бѣшенствѣ и затопалъ ногами. Онъ на меня бросился, а я отскочила... И я вамъ скажу еще, какъ человѣку, отъ котораго теперь ужъ ничего скрывать не намѣрена, что онъ даже въ меня плюнулъ, можете это себѣ представить? Но что же мы стоимъ? Ахъ, сядьте... Извините, я... Или лучше бѣгите, бѣгите, вамъ надо бѣжать и спасти несчастнаго старика отъ ужасной смерти!

— Но если ужъ онъ убилъ его?

— Ахъ, Боже мой, въ самомъ дѣлѣ! Такъ что же мы теперь будемъ дѣлать? Какъ вы думаете, что теперь надо дѣлать?

Между тѣмъ, она усадила Петра Ильича и сѣла сама противъ него. Петръ Ильичъ, вкратцѣ, но довольно ясно изложилъ ей исторію дѣла, по крайней мѣрѣ, ту часть исторіи, которой самъ сегодня былъ

свидѣтелемъ, разсказалъ и о сейчашнемъ своемъ посѣщеніи Ѳени, и сообщилъ извѣстіе о пестикѣ. Всѣ эти подробности до-нельзя потрясли возбужденную даму, которая вскрикивала и закрывала глаза руками...

— Представьте, я все это предчувствовала! Я одарена этимъ свойствомъ, все, что я себѣ ни представлю, то и случится. И сколько, сколько разъ я смотрѣла на этого ужаснаго человѣка и всегда думала: вотъ человѣкъ, который кончитъ тѣмъ, что убьетъ меня. И вотъ такъ и случилось... То есть, если онъ убилъ теперь не меня, а только отца своего, то навѣрное потому, что тутъ видимый перстъ Божій, меня охранявшій, да и сверхъ того, самъ онъ постыдился убить, потому что я ему сама, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, надѣла на шею образокъ съ мощей Варвары Великомученицы... И какъ же я была близка въ ту минуту отъ смерти, я вѣдь совсѣмъ подошла къ нему, вплоть, и онъ всю свою шею мнѣ вытянулъ! Знаете, Петръ Ильичъ... (извините, васъ, кажется, вы сказали, зовутъ Петромъ Ильичемъ), знаете, я не вѣрю въ чудеса, но этотъ образокъ и это явное чудо со мною теперь — это меня потрясаетъ, и я начинаю опять вѣрить во все, что угодно. Слыхали вы о старцѣ Зосимѣ?.. А, впрочемъ, я не знаю, что говорю... И представьте, вѣдь онъ и съ образкомъ на шеѣ въ меня плюнулъ... Конечно, только плюнулъ, а не убилъ, и... и вонъ куда поскакалъ! Но куда жъ мы-то, намъ-то теперь куда, какъ вы думаете?..

Петръ Ильичъ всталъ и объявилъ, что пойдетъ теперь прямо къ исправнику и все ему разскажетъ, а тамъ ужъ какъ тотъ самъ знаетъ.

— Ахъ, это прекрасный, прекрасный человѣкъ, я знакома съ Михаиломъ Макаровичемъ. Непремѣнно, именно къ нему. Какъ вы находчивы, Петръ Ильичъ, и какъ хорошо это вы все придумали; знаете, я бы никакъ на вашемъ мѣстѣ этого не придумала!

— Тѣмъ болѣе, что я и самъ хорошій знакомый исправнику, — замѣтилъ Петръ Ильичъ, все еще стоя и видимо желая какъ-нибудь поскорѣе вырваться отъ стремительной дамы, которая никакъ не давала ему проститься съ ней и отправиться.

— И знаете, знаете, — лепетала она, — придите сказать мнѣ, что тамъ увидите и узнаете... и что обнаружится... и какъ его рѣшатъ и куда осудятъ... Скажите, вѣдь у насъ нѣтъ смертной казни? Но непремѣнно придите, хоть въ три часа ночи, хоть въ четыре, даже въ половинѣ пятаго... Велите меня разбудить, растолкать, если вставать не буду... О, Боже, да я и не засну даже. Знаете, не поѣхать ли мнѣ самой съ вами?..

— Н-нѣтъ-съ, а вотъ если бы вы написали вашею рукой сейчасъ три строки, на всякій случай, о томъ, что денегъ Дмитрію Ѳедоровичу никакихъ не давали, то было бы, можетъ быть, не лишнее... на всякій случай...

— Непремѣнно! — восторженно прыгнула къ своему бюро госпожа Хохлакова. — И знаете, вы меня поражаете, вы меня просто потрясаете вашею находчивостью и вашимъ умѣньемъ въ этихъ дѣлахъ... Вы здѣсь служите? Какъ это пріятно услышать, что вы здѣсь служите...

И, еще говоря это, она быстро начертала на полулистѣ почтовой бумаги три крупныя слѣдующія строчки:

«Никогда въ жизни моей я не давала взаймы несчастному Дмитрію Ѳедоровичу Карамазову (такъ какъ онъ все же теперь несчастенъ) трехъ тысячъ рублей сегодня, да и никакихъ другихъ денегъ никогда, никогда! Въ томъ клянусь всѣмъ, что есть святого въ нашемъ мірѣ. Хохлакова».

— Вотъ эта записка! — быстро обернулась она къ Петру Ильичу. — Идите же, спасайте. Это великій подвигъ съ вашей стороны.

И она три раза его перекрестила. Она выбѣжала провожать его даже до передней.

— Какъ я вамъ благодарна! Вы не повѣрите, какъ я вамъ теперь благодарна за то, что вы зашли ко мнѣ къ первой. Какъ это мы съ вами не встрѣчались? Мнѣ очень лестно было бы васъ принимать и впредь въ моемъ домѣ. И какъ это пріятно слышать, что вы здѣсь служите... и съ такою точностью, съ такой находчивостью... Но васъ они должны цѣнить, васъ должны, наконецъ, понять, и все, что я бы могла для васъ сдѣлать, то повѣрьте... О, я такъ люблю молодежь! Я влюблена въ молодежь! Молодые люди — это основаніе всей теперешней страждущей Россіи, вся надежда ея... О, идите, идите!..

Но Петръ Ильичъ уже выбѣжалъ, а то бы она его такъ скоро не выпустила. Впрочемъ, госпожа Хохлакова произвела на него довольно пріятное впечатлѣніе, даже нѣсколько смягчившее тревогу его о томъ, что онъ втянулся въ такое скверное дѣло. Вкусы бываютъ чрезвычайно многоразличны, это извѣстно. «И вовсе она не такая пожилая», подумалъ онъ съ пріятностью, — «напротивъ, я бы принялъ ее за ея дочь».

Что же до самой госпожи Хохлаковой, то она

была просто очарована молодымъ человѣкомъ. «Столько умѣнья, столько аккуратности и въ такомъ молодомъ человѣкѣ въ наше время, и все это при такихъ манерахъ и наружности. Вотъ говорятъ про современныхъ молодыхъ людей, что они ничего не умѣютъ, вотъ вамъ примѣръ», и т. д. и т. д. Такъ что объ этомъ «ужасномъ происшествіи» она просто даже позабыла и только ужъ ложась въ постель и вдругъ вновь вспомнивъ о томъ, «какъ близка была отъ смерти», она проговорила: «ахъ, это ужасно, ужасно!» Но тотчасъ же заснула самымъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Я бы, впрочемъ, и не сталъ распространяться о такихъ мелочныхъ и эпизодныхъ подробностяхъ, если бъ эта сейчасъ лишь описанная мною эксцентрическая встрѣча молодого чиновника съ вовсе не старою еще вдовицей не послужила впослѣдствіи основаніемъ всей жизненной карьеры этого точнаго и аккуратнаго молодого человѣка, о чемъ съ изумленіемъ вспоминаютъ до сихъ поръ въ нашемъ городкѣ и о чемъ, можетъ быть, и мы скажемъ особое словечко, когда заключимъ нашъ длинный разсказъ о братьяхъ Карамазовыхъ.

II.

Тревога.

Исправникъ нашъ Михаилъ Макаровичъ Макаровъ, отставной подполковникъ, переименованный въ надворные совѣтники, былъ человѣкъ вдовый и хорошій. Пожаловалъ же къ намъ всего назадъ лишь три года, но уже заслужилъ общее сочувствіе тѣмъ, главное, что «умѣлъ соединить общество».

Гости у него не переводились, и, казалось, безъ нихъ онъ бы и самъ прожить не могъ. Непремѣнно кто-нибудь ежедневно у него обѣдалъ, хоть два, хоть одинъ только гость, но безъ гостей и за столъ не садились. Бывали и званые обѣды, подъ всякими, иногда даже неожиданными предлогами. Кушанье подавалось хоть и не изысканное, но обильное, кулебяки готовились превосходныя, а вина хоть и не блистали качествомъ, зато брали количествомъ. Во входной комнатѣ стоялъ билліардъ съ весьма приличною обстановкой, то есть даже съ изображеніями скаковыхъ англійскихъ лошадей въ черныхъ рамкахъ по стѣнамъ, что, какъ извѣстно, составляетъ необходимое украшеніе всякой билліардной у холостого человѣка. Каждый вечеръ играли въ карты, хотя бы на одномъ только столикѣ. Но весьма часто собиралось и все лучшее общество нашего города, съ маменьками и дѣвицами, потанцовать. Михаилъ Макаровичъ хотя и вдовствовалъ, но жилъ семейно, имѣя при себѣ свою давно уже овдовѣвшую дочь, въ свою очередь мать двухъ дѣвицъ, внучекъ Михаилу Макаровичу. Дѣвицы были уже взрослыя и окончившія свое воспитаніе, наружности не непріятной, веселаго нрава, и хотя всѣ знали, что за ними ничего не дадутъ, все-таки привлекавшія въ домъ дѣдушки нашу свѣтскую молодежь. Въ дѣлахъ Михаилъ Макаровичъ былъ не совсѣмъ далекъ, но должность свою исполнялъ не хуже многихъ другихъ. Если прямо сказать, то былъ онъ человѣкъ довольно-таки необразованный и даже безпечный въ ясномъ пониманіи предѣловъ своей административной власти. Иныхъ реформъ современнаго царствованія онъ не то что не могъ вполнѣ осмыслить, но понималъ ихъ съ нѣ-

которыми, иногда весьма замѣтными, ошибками, и вовсе не по особенной какой-нибудь своей неспособности, а просто по безпечности своего характера, потому что все некогда было вникнуть. «Души я, господа, болѣе военной, чѣмъ гражданской», выражался онъ самъ о себѣ. Даже о точныхъ основаніяхъ крестьянской реформы онъ все еще какъ бы не пріобрѣлъ окончательнаго и твердаго понятія, и узнавалъ о нихъ, такъ сказать, изъ года въ годъ, пріумножая свои знанія практически и невольно, а между тѣмъ самъ былъ помѣщикомъ. Петръ Ильичъ съ точностью зналъ, что въ этотъ вечеръ онъ непремѣнно у Михаила Макаровича встрѣтитъ кого-нибудь изъ гостей, но лишь не зналъ кого именно. А между тѣмъ какъ разъ у него сидѣли въ эту минуту за ералашемъ прокуроръ и нашъ земскій врачъ, Варваринскій, молодой человѣкъ, только что къ намъ прибывшій изъ Петербурга, одинъ изъ блистательно окончившихъ курсъ въ петербургской медицинской академіи. Прокуроръ же, то есть товарищъ прокурора, но котораго у насъ всѣ звали прокуроромъ, Ипполитъ Кирилловичъ, былъ у насъ человѣкъ особенный, нестарый, всего лишь лѣтъ тридцати пяти, но сильно наклонный къ чахоткѣ, при семъ женатый на весьма толстой и бездѣтной дамѣ, самолюбивый и раздражительный, при весьма солидномъ, однако, умѣ и даже доброй душѣ. Кажется, вся бѣда его характера заключалась въ томъ, что думалъ онъ о себѣ нѣсколько выше, чѣмъ позволяли его истинныя достоинства. И вотъ почему онъ постоянно казался безпокойнымъ. Были въ немъ къ тому же нѣкоторыя высшія и художественныя даже поползновенія, напримѣръ, на психологичность, на особенное

знаніе души человѣческой, на особенный даръ познаванія преступника и его преступленія. Въ этомъ смыслѣ онъ считалъ себя нѣсколько обиженнымъ и обойденнымъ по службѣ и всегда увѣренъ былъ, что тамъ, въ высшихъ сферахъ, его не сумѣли оцѣнить, и что у него есть враги. Въ мрачныя минуты грозился даже перебѣжать въ адвокаты по дѣламъ уголовнымъ. Неожиданное дѣло Карамазовыхъ объ отцеубійствѣ какъ бы встряхнуло его всего: «дѣло такое, что всей Россіи могло стать извѣстно». Но это ужъ я говорю забѣгая впередъ.

Въ сосѣдней комнатѣ съ барышнями сидѣлъ и нашъ молодой судебный слѣдователь, Николай Парѳеновичъ Нелюдовъ, всего два мѣсяца тому назадъ прибывшій къ намъ изъ Петербурга. Потомъ у насъ говорили и даже дивились тому, что всѣ эти лица какъ будто нарочно соединились въ вечеръ «преступленія» вмѣстѣ въ домѣ исполнительной власти. А между тѣмъ дѣло было гораздо проще и произошло крайне естественно: у супруги Ипполита Кирилловича другой день какъ болѣли зубы, и ему надо же было куда-нибудь убѣжать отъ ея стоновъ; врачъ же уже по существу своему не могъ быть вечеромъ нигдѣ иначе какъ за картами. Николай же Парѳеновичъ Нелюдовъ даже еще за три дня расчитывалъ прибыть въ этотъ вечеръ къ Михаилу Макаровичу, такъ сказать, нечаянно, чтобы вдругъ и коварно поразить его старшую дѣвицу, Ольгу Михайловну, тѣмъ, что ему извѣстенъ ея секретъ, что онъ знаетъ, что сегодня день ея рожденія и что она нарочно пожелала скрыть его отъ нашего общества, съ тѣмъ чтобы не созывать городъ на танцы. Предстояло много смѣху и намековъ на ея лѣта, что она будто бы боится ихъ обнаружить,

что теперь, такъ какъ онъ владѣтель ея секрета, то завтра же всѣмъ разскажетъ, и проч., и проч. Милый, молоденькій человѣчекъ былъ на этотъ счетъ большой шалунъ, его такъ и прозвали у насъ дамы шалуномъ, и ему, кажется, это очень нравилось. Впрочемъ, онъ былъ весьма хорошаго общества, хорошей фамиліи, хорошаго воспитанія и хорошихъ чувствъ и хотя жуиръ, но весьма невинный и всегда приличный. Съ виду онъ былъ маленькаго роста, слабаго и нѣжнаго сложенія. На тоненькихъ блѣдненькихъ пальчикахъ его всегда сверкали нѣсколько чрезвычайно крупныхъ перстней. Когда же исполнялъ свою должность, то становился необыкновенно важенъ, какъ бы до святыни понимая свое значеніе и свои обязанности. Особенно умѣлъ онъ озадачивать при допросахъ убійцъ и прочихъ злодѣевъ изъ простонародья и дѣйствительно возбуждалъ въ нихъ если не уваженіе къ себѣ, то все же нѣкоторое удивленіе.

Петръ Ильичъ, войдя къ исправнику, былъ просто ошеломленъ: онъ вдругъ увидалъ, что тамъ все уже знаютъ. Дѣйствительно, карты бросили, всѣ стояли и разсуждали и даже Николай Парѳеновичъ прибѣжалъ отъ барышенъ и имѣлъ самый боевой и стремительный видъ. Петра Ильича встрѣтило ошеломляющее извѣстіе, что старикъ Ѳедоръ Павловичъ, дѣйствительно, и въ самомъ дѣлѣ убитъ въ этотъ вечеръ, въ своемъ домѣ, убитъ и ограбленъ. Узналось же это только сейчасъ предъ тѣмъ слѣдующимъ образомъ.

Марѳа Игнатьевна, супруга поверженнаго у забора Григорія, хотя и спала крѣпкимъ сномъ на своей постели и могла бы такъ проспать еще до утра, вдругъ, однакоже, пробудилась. Способство-

валъ тому страшный эпилептическій вопль Смердякова, лежавшаго въ сосѣдней комнаткѣ безъ сознанія, — тотъ вопль, которымъ всегда начинались его припадки падучей и которые всегда, во всю жизнь, страшно пугали Марѳу Игнатьевну и дѣйствовали на нее болѣзненно. Не могла она къ нимъ никогда привыкнуть. Спросонья она вскочила и почти безъ памяти бросилась въ коморку къ Смердякову. Но тамъ было темно, слышно было только, что больной началъ страшно хрипѣть и биться. Тутъ Марѳа Игнатьевна закричала сама и начала было звать мужа, но вдругъ сообразила, что вѣдь Григорія-то на кровати, когда она встала, какъ бы и не было. Она подбѣжала къ кровати и ощупала ее вновь, но кровать была въ самомъ дѣлѣ пуста. Стало быть, онъ ушелъ, куда же? Она выбѣжала на крылечко и робко позвала его съ крыльца. Отвѣта, конечно, не получила, но зато услышала среди ночной тишины откуда-то какъ бы далеко изъ сада какіе-то стоны. Она прислушалась: стоны повторились опять, и ясно стало, что они въ самомъ дѣлѣ изъ саду, «Господи, словно какъ тогда Лизавета Смердящая!» пронеслось въ ея разстроенной головѣ. Робко сошла она со ступенекъ и разглядѣла, что калитка въ садъ отворена. «Вѣрно онъ, сердечный, тамъ», подумала она, подошла къ калиткѣ и вдругъ явственно услышала, что ее зоветъ Григорій, кличетъ: «Марѳа, Марѳа!» слабымъ, стонущимъ, страшнымъ голосомъ. «Господи, сохрани насъ отъ бѣды», прошептала Марѳа Игнатьевна и бросилась на зовъ и вотъ такимъ-то образомъ и нашла Григорія. Но нашла не у забора, не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ поверженъ, а шаговъ уже за двадцать отъ забора. Потомъ оказалось, что, оч-

нувшись, онъ поползъ и, вѣроятно, ползъ долго, теряя по нѣскольку разъ сознаніе и вновь впадая въ безпамятство. Она тотчасъ замѣтила, что онъ весь въ крови и тутъ ужъ закричала благимъ матомъ. Григорій же лепеталъ тихо и безсвязно: «убилъ... отца убилъ... чего кричишь, дура... бѣги, зови»... Но Марѳа Игнатьевна не унималась и все кричала и вдругъ, завидѣвъ, что у барина отворено окно и въ окнѣ свѣтъ, побѣжала къ нему и начала звать Ѳедора Павловича. Но, заглянувъ въ окно, увидала страшное зрѣлище: баринъ лежалъ навзничь на полу, безъ движенія. Свѣтлый халатъ и бѣлая рубашка на груди были залиты кровью. Свѣча на столѣ ярко освѣщала кровь и неподвижное мертвое лицо Ѳедора Павловича. Тутъ ужъ въ послѣдней степени ужаса Марѳа Игнатьевна бросилась отъ окна, выбѣжала изъ сада, отворила воротный запоръ и побѣжала, сломя голову, на зады къ сосѣдкѣ Марьѣ Кондратьевнѣ. Обѣ сосѣдки, мать и дочь, тогда уже започивали, но на усиленный и неистовый стукъ въ ставни и крики Марѳы Игнатьевны проснулись и подскочили къ окну. Марѳа Игнатьевна безсвязно, визжа и крича, передала, однако, главное и звала на помощь. Какъ разъ въ эту ночь заночевалъ у нихъ скитающійся Ѳома. Мигомъ подняли его, и всѣ трое побѣжали на мѣсто преступленія. Дорогою Марья Кондратьевна успѣла припомнить, что давеча, въ девятомъ часу, слышала страшный и пронзительный вопль на всю окрестность изъ ихъ сада — и это именно былъ, конечно, тотъ самый крикъ Григорія, когда онъ, вцѣпившись руками въ ногу сидѣвшаго уже на заборѣ Дмитрія Ѳедоровича, прокричалъ: «отцеубивецъ!» «Завопилъ кто-то одинъ и вдругъ пере-

сталъ», показывала, бѣжа, Марья Кондратьевна. Прибѣжавъ на мѣсто, гдѣ лежалъ Григорій, обѣ женщины съ помощью Ѳомы перенесли его во флигель. Зажгли огонь и увидѣла, что Смердяковъ все еще не унимается и бьется въ своей каморкѣ, скосивъ глаза, а съ губъ его текла пѣна. Голову Григорію обмыли водой съ уксусомъ, и отъ воды онъ совсѣмъ уже опамятовался и тотчасъ спросилъ: «убитъ аль нѣтъ баринъ?» Обѣ женщины и Ѳома пошли тогда къ барину и, войдя въ садъ, увидали на этотъ разъ, что не только окно, но и дверь изъ дома въ садъ стояла настежь отпертою, тогда какъ баринъ накрѣпко запирался самъ съ вечера каждую ночь вотъ уже всю недѣлю и даже Григорію ни подъ какимъ видомъ не позволялъ стучать къ себѣ. Увидавъ отворенную эту дверь, всѣ они тотчасъ же, обѣ женщины и Ѳома, забоялись идти къ барину, «чтобы не вышло чего потомъ». А Григорій, когда воротились онѣ, велѣлъ тотчасъ же бѣжать къ самому исправнику. Тутъ-то вотъ Марья Кондратьевна и побѣжала и всполошила всѣхъ у исправника. Прибытіе же Петра Ильича упредила всего только пятью минутами, такъ что тотъ явился уже не съ однѣми своими догадками и заключеніями, а какъ очевидный свидѣтель, еще болѣе разсказомъ своимъ подтвердившій общую догадку о томъ, кто преступникъ (чему, впрочемъ, онъ, въ глубинѣ души, до самой этой послѣдней минуты, все еще отказывался вѣрить).

Рѣшили дѣйствовать энергически. Помощнику городового пристава тотчасъ же поручили набрать штукъ до четырехъ понятыхъ и по всѣмъ правиламъ, которыхъ уже я здѣсь не описываю, проникли въ домъ Ѳедора Павловича, и слѣдствіе произ-

вели на мѣстѣ. Земскій врачъ, человѣкъ горячій и новый, самъ почти напросился сопровождать исправника, прокурора и слѣдователя. Намѣчу лишь вкратцѣ: Ѳедоръ Павловичъ оказался убитымъ вполнѣ, съ проломленною головой, но чѣмъ? вѣроятнѣе всего тѣмъ же самымъ орудіемъ, которымъ пораженъ былъ потомъ и Григорій. И вотъ какъ разъ отыскали и оружіе, выслушавъ отъ Григорія, которому подана была возможная медицинская помощь, довольно связный, хотя слабымъ и прерывавшимся голосомъ переданный разсказъ о томъ, какъ онъ былъ поверженъ. Стали искать съ фонаремъ у забора и нашли брошенный прямо на садовую дорожку, на самомъ виду, мѣдный пестикъ. Въ комнатѣ, въ которой лежалъ Ѳедоръ Павловичъ, никакого особеннаго безпорядка не замѣтили, но за ширмами, у кровати его, подняли съ полу большой, изъ толстой бумаги, канцелярскихъ размѣровъ конвертъ съ надписью: «гостинчикъ въ три тысячи рублей ангелу моему Грушенькѣ, если захочетъ придти», а внизу было приписано, вѣроятно уже потомъ, самимъ Ѳедоромъ Павловичемъ: «и цыпленочку». На конвертѣ были три большія печати краснаго сургуча, но конвертъ былъ уже разорванъ и пусть: деньги были унесены. Нашли на полу и тоненькую розовую ленточку, которою былъ обвязанъ конвертъ. Въ показаніяхъ Петра Ильича одно обстоятельство, между прочимъ, произвело чрезвычайное впечатлѣніе на прокурора и слѣдователя, а именно: догадка о томъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ непремѣнно къ разсвѣту застрѣлится, что онъ самъ порѣшилъ это, самъ говорилъ объ этомъ Петру Ильичу, пистолетъ зарядилъ при немъ, записочку написалъ, въ карманъ положилъ и проч., и

проч. Когда же де Петръ Ильичъ, все еще не хотѣвшій вѣрить ему, пригрозилъ, что онъ пойдетъ и кому-нибудь разскажетъ, чтобы пресѣчь самоубійство, то самъ де Митя, осклябляясь, отвѣтилъ ему: «не успѣешь». Стало быть, надо спѣшить на мѣсто, въ Мокрое, чтобы накрыть преступника прежде, чѣмъ онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вздумалъ бы застрѣлиться. «Это ясно, это ясно!» повторялъ прокуроръ въ чрезвычайномъ возбужденіи, «это точь-въ-точь у подобныхъ сорванцовъ такъ и дѣлается: завтра убью себя, а предъ смертью кутежъ». Исторія, какъ онъ забралъ въ лавкѣ вина и товару, только разгорячила еще больше прокурора. «Помните того парня, господа, что̀ убилъ купца Олсуфьева, ограбилъ на полторы тысячи и тотчасъ же пошелъ завился, а потомъ, не припрятавъ даже хорошенько денегъ, тоже почти въ рукахъ неся, отправился къ дѣвицамъ». Задерживало, однако, всѣхъ слѣдствіе, обыскъ въ домѣ Ѳедора Павловича, формы и проч. Все это требовало времени, а потому и отправили часа за два прежде себя въ Мокрое станового Маврикія Маврикіевича Шмерцова, какъ разъ наканунѣ поутру прибывшаго въ городъ за жалованьемъ. Маврикію Маврикіевичу дали инструкцію: прибывъ въ Мокрое и, не поднимая никакой тревоги, слѣдить за «преступникомъ» неустанно до прибытія надлежащихъ властей, равно какъ изготовить понятыхъ, сотскихъ и проч., и проч. Такъ Маврикій Маврикіевичъ и поступилъ, сохранилъ incognito и лишь одного только Трифона Борисовича, стараго своего знакомаго, отчасти лишь посвятилъ въ тайну дѣла. Время это именно совпало съ тѣмъ, когда Митя встрѣтилъ въ темнотѣ на галлерейкѣ разыскивавшаго его хозяи-

на, при чемъ тутъ же замѣтилъ, что у Трифона Борисовича какая-то въ лицѣ и въ рѣчахъ вдругъ перемѣна. Такимъ образомъ ни Митя и никто не знали, что за ними наблюдаютъ; ящикъ же его съ пистолетами былъ давно уже похищенъ Трифономъ Борисовичемъ и припрятанъ въ укромное мѣсто. И только уже въ пятомъ часу утра, почти на разсвѣтѣ, прибыло все начальство, исправникъ, прокуроръ и слѣдователь въ двухъ экипажахъ и на двухъ тройкахъ. Докторъ же остался въ домѣ Ѳедора Павловича, имѣя въ предметѣ сдѣлать на утро вскрытіе трупа убитаго, но, главное, заинтересовался именно состояніемъ больного слуги Смердякова: «такіе ожесточенные и такіе длинные припадки падучей, повторяющіеся безпрерывно въ теченіе двухъ сутокъ, рѣдко встрѣтишь, и это принадлежитъ наукѣ», проговорилъ онъ въ возбужденіи отъѣзжавшимъ своимъ партнерамъ, и тѣ его поздравили, смѣясь, съ находкой. При семъ прокуроръ и слѣдователь очень хорошо запомнили, что докторъ прибавилъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что Смердяковъ до утра не доживетъ.

Теперь, послѣ долгаго, но, кажется, необходимаго объясненія, мы возвратились именно къ тому моменту нашего разсказа, на которомъ остановили его въ предыдущей книгѣ.

III.

Хожденіе души по мытарствамъ. Мытарство первое.

Итакъ, Митя сидѣлъ и дикимъ взглядомъ озиралъ присутствующихъ, не понимая, что̀ ему гово-

рятъ. Вдругъ онъ поднялся, вскинулъ вверхъ руки и громко прокричалъ:

— Не повиненъ! Въ этой крови не повиненъ! Въ крови отца моего не повинонъ... Хотѣлъ убить, но не повиненъ! Не я!

Но только что онъ успѣлъ прокричать это, какъ изъ-за занавѣсокъ выскочила Грушенька и такъ и рухнулась исправнику прямо въ ноги.

— Это я, я, окаянная, я виновата! — прокричала она раздирающимъ душу воплемъ, вся въ слезахъ, простирая ко всѣмъ руки, — это изъ-за меня онъ убилъ!.. Это я его измучила и до того довела! Я и того старичка-покойничка бѣднаго измучила, со злобы моей, и до того довела! Я виноватая, я первая, я главная, я виноватая!

— Да, ты виноватая! Ты главная преступница! Ты неистовая, ты развратная, ты главная виноватая, — завопилъ, грозя ей рукой, исправникъ, но тутъ ужъ его быстро и рѣшительно уняли. Прокуроръ даже обхватилъ его руками.

— Это ужъ совсѣмъ безпорядокъ будетъ, Михаилъ Макаровичъ, — вскричалъ онъ, — вы положительно мѣшаете слѣдствію... дѣло портите...— почти задыхался онъ.

Мѣры принять, мѣры принять, мѣры принять! — страшно закипятился и Николай Парѳеновичъ, — иначе положительно невозможно!..

— Вмѣстѣ судите насъ! — продолжала изступленно восклицать Грушенька, все еще на колѣняхъ, — вмѣстѣ казните насъ, пойду съ нимъ теперь хоть на смертную казнь!

— Груша, жизнь моя, кровь моя, святыня моя! — бросился подлѣ нея на колѣни и Митя и

крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ. — Не вѣрьте ей, — кричалъ онъ, — не виновата она ни въ чемъ, ни въ какой крови и ни въ чемъ!

Онъ помнилъ потомъ, что его оттащили отъ нея силой нѣсколько человѣкъ, а что ее вдругъ увели, и что опамятовался онъ уже сидя за столомъ. Подлѣ и сзади него стояли люди съ бляхами. Напротивъ него черезъ столъ на диванѣ сидѣлъ Николай Парѳеновичъ, судебный слѣдователь, и все уговаривалъ его отпить изъ стоявшаго на столѣ стакана немного воды: «это освѣжитъ васъ, это васъ успокоитъ, не бойтесь, не безпокойтесь», прибавлялъ онъ чрезвычайно вѣжливо. Митѣ же вдругъ, онъ помнилъ это, ужасно любопытны стали его большіе перстни, одинъ аметистовый, а другой какой-то яркожелтый, прозрачный и такого прекраснаго блеска. И долго еще онъ потомъ съ удивленіемъ вспоминалъ, что эти перстни привлекали его взглядъ неотразимо, даже во все время этихъ страшныхъ часовъ допроса, такъ что онъ почему-то все не могъ отъ нихъ оторваться и ихъ забыть, какъ совершенно неподходящую къ его положенію вещь. Налѣво, сбоку отъ Мити, на мѣстѣ гдѣ сидѣлъ въ началѣ вечера Максимовъ, усѣлся теперь прокуроръ, а по правую руку Мити, на мѣстѣ гдѣ была тогда Грушенька, расположился одинъ румяный, молодой человѣкъ, въ какомъ-то охотничьемъ какъ бы пиджакѣ и весьма поношенномъ, предъ которымъ очутилась чернильница и бумага. Оказалось, что это былъ письмоводитель слѣдователя, котораго привезъ тотъ съ собою. Исправникъ же стоялъ теперь у окна, въ другомъ концѣ комнаты, подлѣ Калганова, который тоже усѣлся на стулѣ у того же окна.

— Выпейте воды! — мягко повторилъ въ десятый разъ слѣдователь.

— Выпилъ, господа, выпилъ . . . но . . . что жъ, господа, давите, казните, рѣшайте судьбу! — воскликнулъ Митя со страшно неподвижнымъ, выпучившимся взглядомъ на слѣдователя.

— Итакъ, вы положительно утверждаете, что въ смерти отца вашего, Ѳедора Павловича, вы невиновны?—мягко, но настойчиво спросилъ слѣдователь.

— Невиновенъ! Виновенъ въ другой крови, въ крови другого старика, но не отца моего. И оплакиваю! Убилъ, убилъ старика, убилъ и повергъ . . . Но тяжело отвѣчать за эту кровь другою кровью, страшною кровью, въ которой неповиненъ . . . Страшное обвиненіе, господа, точно по лбу огорошили! Но кто же убилъ отца, кто же убилъ? Кто же могъ убить, если не я? Чудо, нелѣпость, невозможность! . .

— Да, вотъ кто могъ убить . . . — началъ было слѣдователь, но прокуроръ Ипполитъ Кирилловичъ (товарищъ прокурора, но и мы будемъ его называть для краткости прокуроромъ), переглянувшись со слѣдователемъ, произнесъ, обращаясь къ Митѣ:

— Вы напрасно безпокоитесь за старика, слугу Григорія Васильева. Узнайте, что онъ живъ, очнулся и, несмотря на тяжкіе побои, причиненные ему вами, по его и вашему теперь показанію, кажется, останется живъ несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, по отзыву доктора.

— Живъ? Такъ онъ живъ! — завопилъ вдругъ Митя, всплеснувъ руками. Все лицо его просіяло: — Господи, благодарю Тебя за величайшее чудо, содѣянное Тобою мнѣ, грѣшному и злодѣю, по молитвѣ моей! . . Да, да, это по молитвѣ

моей, я молился всю ночь! . . — и онъ три раза перекрестился. Онъ почти задыхался.

— Такъ вотъ отъ этого-то самаго Григорія мы и получили столь значительныя показанія на вашъ счетъ, что . . . — сталъ было продолжать прокуроръ, но Митя вдругъ вскочилъ со стула.

— Одну минуту, господа, ради Бога, одну лишь минутку; я сбѣгаю къ ней . . .

— Позвольте! Въ эту минуту никакъ нельзя! — даже чуть не взвизгнулъ Николай Парѳеновичъ и тоже вскочилъ на ноги. Митю обхватили люди съ бляхами на груди, впрочемъ, онъ и самъ сѣлъ на стулъ . . .

— Господа, какъ жаль! Я хотѣлъ къ ней на одно лишь мгновеніе . . . хотѣлъ возвѣстить ей, что смыта, исчезла эта кровь, которая всю ночь сосала мнѣ сердце, и что я уже не убійца! Господа, вѣдь она невѣста моя! — восторженно и благоговѣйно проговорилъ онъ вдругъ, обводя всѣхъ глазами. — О, благодарю васъ, господа! О, какъ вы возродили, какъ вы воскресили меня въ одно мгновеніе! . . Этотъ старикъ — вѣдь онъ носилъ меня на рукахъ, господа, мылъ меня въ корытѣ, когда меня, трехлѣтняго ребенка, всѣ покинули, былъ отцомъ роднымъ! . .

— Итакъ, вы . . . — началъ было слѣдователь.

— Позвольте, господа, позвольте еще одну минутку, — прервалъ Митя, поставивъ оба локтя на столъ и закрывъ лицо ладонями, — дайте же чуточку сообразиться, дайте вздохнуть, господа. Все это ужасно потрясаетъ, ужасно, не барабанная же шкура человѣкъ, господа!

— Вы бы опять водицы . . . — пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

Митя отнялъ отъ лица руки и разсмѣялся. Взглядъ его былъ бодръ, онъ весь какъ бы измѣнился въ одно мгновеніе. Измѣнился и весь тонъ его: это сидѣлъ уже опять равный всѣмъ этимъ людямъ человѣкъ, всѣмъ этимъ прежнимъ знакомымъ его, вотъ точно такъ, какъ если бы всѣ они сошлись вчера, когда еще ничего не случилось, гдѣ-нибудь въ свѣтскомъ обществѣ. Замѣтимъ, однако, кстати, что у исправника Митя, въ началѣ его прибытія къ намъ, — былъ принятъ радушно, но потомъ, въ послѣдній мѣсяцъ особенно, Митя почти не посѣщалъ его, а исправникъ, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, напримѣръ, сильно хмурился и только лишь изъ вѣжливости отдавалъ поклонъ, что̀ очень хорошо замѣтилъ Митя. Съ прокуроромъ былъ знакомъ еще отдаленнѣе, но къ супругѣ прокурора, нервной и фантастичной дамѣ, иногда хаживалъ съ самыми почтительными, однако, визитами, и даже самъ не совсѣмъ понимая, зачѣмъ къ ней ходитъ, и она всегда ласково его принимала, почему-то интересуясь имъ до самаго послѣдняго времени. Со слѣдователемъ же познакомиться еще не успѣлъ, но, однако, встрѣчалъ и его и даже говорилъ съ нимъ разъ или два, оба раза о женскомъ полѣ.

— Вы, Николай Парѳенычъ, искуснѣйшій, какъ я вижу, слѣдователь, — весело разсмѣялся вдругъ Митя, — но я вамъ теперь самъ помогу. О, господа, я воскрешенъ... и не претендуйте на меня, что я такъ запросто и такъ прямо къ вамъ обращаюсь. Къ тому же я немного пьянъ, я это вамъ скажу откровенно. Я, кажется, имѣлъ честь... честь и удовольствіе встрѣчать васъ, Николай Парѳенычъ, у родственника моего Міусова... Госпо-

да, господа, я не претендую на равенство, я вѣдь понимаю же, кто я такой теперь передъ вами сижу. На мнѣ лежитъ... если только показанія на меня далъ Григорій... то лежитъ, — о, конечно, ужъ лежитъ — страшное подозрѣніе! Ужасъ, ужасъ — я вѣдь понимаю же это! Но къ дѣлу, господа, я готовъ, и мы это въ одинъ мигъ теперь и покончимъ, потому что, послушайте, послушайте, господа. Вѣдь если я знаю, что я не виновенъ, то ужъ, конечно, въ одинъ мигъ покончимъ! Такъ ли? Такъ ли?

Митя говорилъ скоро и много, нервно и экспансивно и какъ бы рѣшительно принимая своихъ слушателей за лучшихъ друзей своихъ.

— Итакъ, мы пока запишемъ, что вы отвергаете взводимое на васъ обвиненіе радикально, — внушительно проговорилъ Николай Парѳеновичъ и, повернувшись къ писарю, вполголоса продиктовалъ ему, что̀ надо записать.

— Записывать? Вы хотите это записывать? Что̀ жъ, записывайте, я согласенъ, даю полное мое согласіе, господа... Только видите... Стойте, стойте, запишите такъ: «въ буйствѣ онъ виновенъ, въ тяжкихъ побояхъ, нанесенныхъ бѣдному старику, виновенъ. Ну, тамъ еще про себя, внутри, въ глубинѣ сердца своего виновенъ, — но это ужъ не надо писать (повернулся вдругъ къ писарю), это уже моя частная жизнь, господа, это уже васъ не касается, эти глубины-то сердца, то есть... Но въ убійствѣ старика отца — не виновенъ! Это дикая мысль! Это совершенно дикая мысль!.. Я вамъ докажу и вы убѣдитесь мгновенно. Вы будете смѣяться, господа, сами будете хохотать надъ вашимъ подозрѣніемъ!..

— Успокойтесь, Дмитрій Ѳедоровичъ, — напомнилъ слѣдователь, какъ бы видимо желая побѣдить изступленнаго своимъ спокойствіемъ. — Прежде чѣмъ будемъ продолжать допросъ, я бы желалъ, если вы только согласитесь отвѣтить, слышать отъ васъ подтвержденіе того факта, что, кажется, вы не любили покойнаго Ѳедора Павловича, были съ нимъ въ какой-то постоянной ссорѣ... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, четверть часа назадъ, вы, кажется, изволили произнести, что даже хотѣли убить его: «не убилъ, воскликнули вы, но хотѣлъ убить!»

— Я это воскликнулъ? Охъ, это можетъ быть, господа! Да, къ несчастію, я хотѣлъ убить его, много разъ хотѣлъ... къ несчастію, къ несчастію!

— Хотѣли. Не согласитесь ли вы объяснить, какіе собственно принципы руководствовали васъ въ такой ненависти къ личности вашего родителя?

— Что жъ объяснять, господа! — угрюмо вскинулъ плечами Митя, потупясь. — Я вѣдь не скрывалъ моихъ чувствъ, весь городъ объ этомъ знаетъ, — знаютъ всѣ въ трактирѣ. Еще недавно въ монастырѣ заявилъ въ кельѣ старца Зосимы... Въ тотъ же день, вечеромъ, билъ и чуть не убилъ отца и поклялся, что опять приду и убью, при свидѣтеляхъ... О, тысяча свидѣтелей! Весь мѣсяцъ кричалъ, всѣ свидѣтели!.. Фактъ налицо, фактъ говоритъ, кричитъ, но — чувства, господа, чувства, это ужъ другое. Видите, господа (нахмурился Митя), мнѣ кажется, что про чувства вы не имѣете права меня спрашивать. Вы хоть и облечены, я понимаю это, но это дѣло мое, мое внутреннее дѣло, интимное, но... такъ какъ я ужъ не скрывалъ

моихъ чувствъ прежде . . . въ трактирѣ, напримѣръ, и говорилъ всѣмъ и каждому, то . . . то не сдѣлаю и теперь изъ этого тайны. Видите, господа, я вѣдь понимаю, что въ этомъ случаѣ на меня улики страшныя: всѣмъ говорилъ, что его убью, а вдругъ его и убили: какъ же не я въ такомъ случаѣ? Ха-ха! Я васъ извиняю, господа, вполнѣ извиняю. Я вѣдь и самъ пораженъ до эпидермы, потому что кто жъ его убилъ, наконецъ, въ такомъ случаѣ, если не я? Вѣдь не правда ли? Если не я, такъ кто же, кто же? Господа, — вдругъ воскликнулъ онъ, — я хочу знать, я даже требую отъ васъ, господа: гдѣ онъ убитъ? Какъ онъ убитъ, чѣмъ и какъ? Скажите мнѣ, — быстро спросилъ онъ, обводя прокурора и слѣдователя глазами.

— Мы нашли его лежащимъ на полу, навзничь, въ своемъ кабинетѣ, съ проломленною головой, — проговорилъ прокуроръ.

— Страшно это, господа! — вздронгулъ вдругъ Митя и, облокотившись на столъ, закрылъ лицо правой рукой.

— Мы будемъ продолжать, — прервалъ Николай Парѳенычъ. — Итакъ, что̀ же тогда руководило васъ въ вашихъ чувствахъ ненависти? Вы, кажется, заявляли публично, что чувство ревности?

— Ну да, ревность, и не одна только ревность.

— Споры изъ-за денегъ?

— Ну да, и изъ-за денегъ.

— Кажется, споръ былъ въ трехъ тысячахъ, будто бы не доданныхъ вамъ по наслѣдству.

— Какое трехъ! Больше, больше, — вскинулся Митя, — больше шести, больше десяти, можетъ быть. Я всѣмъ говорилъ, всѣмъ кричалъ! Но я рѣшился, ужъ такъ и быть, помириться на трехъ

тысячахъ. Мнѣ до зарѣзу нужны были эти три тысячи... такъ что тотъ пакетъ съ тремя тысячами, который, я зналъ, у него подъ подушкой, приготовленный для Грушеньки, я считалъ рѣшительно какъ бы у меня украденнымъ, вотъ что̀, господа, считалъ своимъ, все равно какъ моею собственностью...

Прокуроръ значительно переглянулся со слѣдователемъ и успѣлъ незамѣтно мигнуть ему.

— Мы къ этому предмету еще возвратимся, — проговорилъ тотчасъ слѣдователь, — вы же позволите намъ теперь отмѣтить и записать именно этотъ пунктикъ: что вы считали эти деньги, въ томъ конвертѣ, какъ бы за свою собственность.

— Пишите, господа, я вѣдь понимаю же, что это опять-таки на меня улика, но я не боюсь уликъ и самъ говорю на себя. Слышите, самъ! Видите, господа, вы, кажется, принимаете меня совсѣмъ за иного человѣка, чѣмъ я есть, — прибавилъ онъ вдругъ мрачно и грустно. — Съ вами говоритъ благородный человѣкъ, благороднѣйшее лицо, главное — этого не упускайте изъ виду — человѣкъ, надѣлавшій бездну подлостей, но всегда бывшій и остававшійся благороднѣйшимъ существомъ, какъ существо, внутри, въ глубинѣ, ну, однимъ словомъ, я не умѣю выразиться... Именно тѣмъ-то и мучился всю жизнь, что жаждалъ благородства, былъ, такъ сказать, страдальцемъ благородства и искателемъ его съ фонаремъ, съ Діогеновымъ фонаремъ, а между тѣмъ всю жизнь дѣлалъ однѣ только пакости, какъ и всѣ мы, господа... то есть, какъ я одинъ, господа, не всѣ, а я одинъ, я ошибся, одинъ, одинъ!.. Господа, у меня голова болитъ, — страдальчески поморщился онъ, — видите, господа, мнѣ

не нравилась его наружность, что-то безчестное, похвальба и попираніе всякой святыни, насмѣшка и безвѣріе, гадко, гадко! Но теперь, когда ужъ онъ умеръ, я думаю иначе.

— Какъ это иначе?

— Не иначе, но я жалѣю, что такъ его ненавидѣлъ.

— Чувствуете раскаяніе?

— Нѣтъ, не то чтобы раскаяніе, этого не записывайте. Самъ-то я нехорошъ, господа, вотъ что̀, самъ-то я не очень красивъ, а потому права не имѣлъ и его считать отвратительнымъ, вотъ что̀! Это, пожалуй, запишите.

Проговоривъ это, Митя сталъ вдругъ чрезвычайно грустенъ. Уже давно, постепенно съ отвѣтами на вопросы слѣдователя, онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. И вдругъ какъ разъ въ это мгновеніе разразилась опять неожиданная сцена. Дѣло въ томъ, что Грушеньку хоть давеча и удалили, но увели не очень далеко, всего только въ третью комнату отъ той голубой комнаты, въ которой происходилъ теперь допросъ. Это была маленькая комнатка въ одно окно, сейчасъ за тою большою комнатой, въ которой ночью танцовали и шелъ пиръ горой. Тамъ сидѣла она, а съ ней пока одинъ только Максимовъ, ужасно пораженный, ужасно струсившій и къ ней прилѣпившійся, какъ бы ища около нея спасенія. У ихней двери стоялъ какой-то мужикъ съ бляхой на груди. Грушенька плакала, и вотъ вдругъ, когда горе ужъ слишкомъ подступило къ душѣ ея, она вскочила, всплеснула руками и, прокричавъ громкимъ воплемъ: «горе мое, горе!» бросилась вонъ изъ комнаты къ нему, къ своему Митѣ, и такъ неожиданно, что ее никто

не успѣлъ остановить. Митя же, заслышавъ вопль ея, такъ и задрожалъ, вскочилъ, завопилъ и стремглавъ бросился къ ней навстрѣчу, какъ бы не помня себя. Но имъ опять сойтись не дали, хотя они уже увидѣли другъ друга. Его крѣпко схватили за руки: онъ бился, рвался, понадобилось троихъ или четвертыхъ, чтобы удержать его. Схватили и ее, и онъ видѣлъ, какъ она съ крикомъ простирала къ нему руки, когда ее увлекли. Когда кончилась сцена, онъ опомнился опять на прежнемъ мѣстѣ, за столомъ, противъ слѣдователя, и выкрикивалъ, обращаясь къ нимъ:

— Что̀ вамъ въ ней? Зачѣмъ вы ее мучаете? Она невинна, невинна!..

Его уговаривали прокуроръ и слѣдователь. Такъ прошло нѣкоторое время, минутъ десять; наконецъ, въ комнату поспѣшно вошелъ отлучившійся было Михаилъ Макаровичъ и громко, въ возбужденіи, проговорилъ прокурору:

— Она удалена, она внизу, не позволите ли мнѣ сказать, господа, всего одно слово этому несчастному человѣку? При васъ, господа, при васъ!

— Сдѣлайте милость, Михаилъ Макаровичъ, — отвѣтилъ слѣдователь, — въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ ничего сказать противъ.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, слушай, батюшка, — началъ, обращаясь къ Митѣ, Михаилъ Макаровичъ, и все взволнованное лицо его выражало горячее отеческое почти состраданіе къ несчастному, — я твою Аграфену Александровну отвелъ внизъ самъ и передалъ хозяйскимъ дочерямъ и съ ней тамъ теперь безотлучно этотъ старичокъ Максимовъ, и я ее уговорилъ, слышь ты? — уговорилъ и успокоилъ, внушилъ, что тебѣ надо же оправдаться такъ, что-

бы она не мѣшала, чтобъ не нагоняла на тебя тоски, не то ты можешь смутиться и на себя неправильно показать, понимаешь? Ну, однимъ словомъ, говорилъ, и она поняла. Она, братъ, умница, она добрая, она руки у меня, стараго, полѣзла было цѣловать, за тебя просила. Сама послала меня сюда сказать тебѣ, чтобъ ты за нее былъ спокоенъ, да и надо, голубчикъ, надо, чтобъ я пошелъ и сказалъ ей, что ты спокоенъ и за нее утѣшенъ. Итакъ, успокойся, пойми ты это. Я предъ ней виноватъ, она христіанская душа, да, господа, это кроткая душа и ни въ чемъ неповинная. Такъ какъ же ей сказать, Дмитрій Ѳедоровичъ, будешь сидѣть спокоенъ аль нѣтъ?

Добрякъ наговорилъ много лишняго, но горе Грушеньки, горе человѣческое, проникло въ его добрую душу, и даже слезы стояли въ глазахъ его. Митя вскочилъ и бросился къ нему.

— Простите, господа, позвольте, о, позвольте! — вскричалъ онъ, — ангельская вы душа, Михаилъ Макаровичъ, благодарю за нее! Буду, буду спокоенъ, веселъ буду, передайте ей по безмѣрной добротѣ души вашей, что я веселъ, смѣяться даже начну сейчасъ, зная, что съ ней такой ангелъ-хранитель, какъ вы. Сейчасъ все покончу и только что освобожусь, сейчасъ и къ ней, она увидитъ, пусть ждетъ! Господа, — оборотился онъ вдругъ къ прокурору и слѣдователю, — теперь всю вамъ душу мою открою, всю изолью, мы это мигомъ покончимъ — подъ конецъ вѣдь будемъ же смѣяться, будемъ? Но, господа, эта женщина — царица души моей! О, позвольте мнѣ это сказать, это-то я ужъ вамъ открою . . . Я вѣдь вижу же, что я съ благороднѣйшими людьми: это свѣтъ, это святыня

моя, и если бъ вы только знали! Слышали ея крики: «съ тобой хоть на казнь!»? А что̀ я ей далъ, я, нищій, голякъ, за что̀ такая любовь ко мнѣ, сто̀ю ли я, неуклюжая, позорная тварь и съ позорнымъ лицомъ, такой любви, чтобъ со мной ей въ каторгу идти? За меня въ ногахъ у васъ давеча валялась, она, гордая и ни въ чемъ неповинная! Какъ же мнѣ не обожать ея, не вопить, не стремиться къ ней, какъ сейчасъ? О, господа, простите! Но теперь, теперь я утѣшенъ!

И онъ упалъ на стулъ и, закрывъ обѣими ладонями лицо, навзрыдъ заплакалъ. Но это были уже счастливыя слезы. Онъ мигомъ опомнился. Старикъ исправникъ былъ очень доволенъ, да, кажется, и юристы тоже; они почувствовали, что допросъ вступилъ сейчасъ въ новый фазисъ. Проводивъ исправника, Митя просто повеселѣлъ.

— Ну, господа, теперь вашъ, вашъ вполнѣ. И... если бъ только не всѣ эти мелочи, то мы бы сейчасъ же и сговорились. Я опять про мелочи. Я вашъ, господа, но, клянусь, нужно взаимное довѣріе, — ваше ко мнѣ и мое къ вамъ, — иначе мы никогда не покончимъ. Для васъ же говорю. Къ дѣлу, господа, къ дѣлу, и, главное, не ройтесь вы такъ въ душѣ моей, не терзайте ее пустяками, а спрашивайте одно только дѣло и факты, и я васъ сейчасъ же удовлетворю. А мелочи къ черту!

Такъ восклицалъ Митя. Допросъ начался вновь.

IV.

Мытарство второе.

— Вы не повѣрите, какъ вы насъ самихъ ободряете, Дмитрій Ѳедоровичъ, вашею этою готовно-

стью . . . — заговорилъ Николай Парѳеновичъ съ оживленнымъ видомъ и съ видимымъ удовольствіемъ, засіявшимъ въ большихъ свѣтло-сѣрыхъ на выкатѣ, очень близорукихъ, впрочемъ, глазахъ его, съ которыхъ онъ, за минуту предъ тѣмъ, снялъ очки. — И вы справедливо сейчасъ замѣтили насчетъ этой взаимной нашей довѣренности, безъ которой иногда даже и невозможно въ подобной важности дѣлахъ, въ томъ случаѣ если подозрѣваемое лицо дѣйствительно желаетъ, надѣется и можетъ оправдать себя. Съ нашей стороны мы употребимъ все, что̀ отъ насъ зависитъ, и вы сами могли видѣть даже и теперь, какъ мы ведемъ это дѣло . . . Вы одобряете, Ипполитъ Кирилловичъ? — обратился онъ вдругъ къ прокурору.

— О, безъ сомнѣнія, — одобрилъ прокуроръ, хотя и нѣсколько суховато сравнительно съ порывомъ Николая Парѳеновича.

Замѣчу разъ навсегда: новоприбывшій къ намъ Николай Парѳеновичъ, съ самаго начала своего у насъ поприща, почувствовалъ къ нашему Ипполиту Кирилловичу, прокурору, необыкновенное уваженіе, и почти сердцемъ сошелся съ нимъ. Это былъ почти единственный человѣкъ, который безусловно повѣрилъ въ необычайный психологическій и ораторскій талантъ нашего «обиженнаго по службѣ» Ипполита Кирилловича и вполнѣ вѣрилъ и въ то, что тотъ обиженъ. О немъ слышалъ онъ еще въ Петербургѣ. Зато въ свою очередь, молоденькій Николай Парѳеновичъ оказался единственнымъ тоже человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, котораго искренно полюбилъ нашъ «обиженный» прокуроръ. Дорогой сюда они успѣли кое въ чемъ сговориться и условиться насчетъ предстоящаго дѣла и теперь,

за столомъ, востренькій умъ Николая Парѳеновича схватывалъ налету и понималъ всякое указаніе, всякое движеніе въ лицѣ своего старшаго сотоварища, съ полуслова, со взгляда, съ подмига глазкомъ.

— Господа, предоставьте мнѣ только самому разсказать и не перебивайте пустяками, и я вамъ мигомъ все изложу, — кипятился Митя.

— Прекрасно-съ. Благодарю васъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ выслушанію вашего сообщенія, вы бы позволили мнѣ только констатировать еще одинъ фактикъ, для насъ очень любопытный, именно о тѣхъ десяти рубляхъ, которые вы вчера, около пяти часовъ, взяли взаймы подъ закладъ пистолетовъ вашихъ у пріятеля вашего Петра Ильича Перхотина.

— Заложилъ, господа, заложилъ, за десять рублей, и что̀ жъ дальше? Вотъ и все, какъ только воротился въ городъ съ дороги, такъ и заложилъ.

— А вы воротились съ дороги? Вы ѣздили за городъ?

— Ѣздилъ, господа, за сорокъ верстъ ѣздилъ, а вы и не знали?

Прокуроръ и Николай Парѳеновичъ переглянулись.

— И вообще, если бы вы начали вашу повѣсть со систематическаго описанія всего вашего вчерашняго дня съ самаго утра? Позвольте, напримѣръ, узнать: зачѣмъ вы отлучались изъ города и когда именно поѣхали и пріѣхали . . . и всѣ эти факты . . .

— Такъ вы бы такъ и спросили съ самаго начала, — громко разсмѣялся Митя, — и если хотите, то дѣло надо начать не со вчерашняго, а съ третьегодняшняго дня, съ самаго утра, тогда и поймете куда, какъ и почему я пошелъ и поѣхалъ. По-

шелъ, я, господа, третьяго дня утромъ къ здѣшнему купчинѣ Самсонову занимать у него три тысячи денегъ подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе, — это вдругъ приспичило, господа, вдругъ приспичило . . .

— Позвольте прервать васъ, — вѣжливо перебилъ прокуроръ, — почему вамъ такъ вдругъ понадобилась, и именно такая сумма, то есть въ три тысячи рублей?

— Э, господа, не надо бы мелочи: какъ, когда и почему, и почему именно денегъ столько, а не столько, и вся эта гамазня . . . вѣдь этакъ въ трехъ томахъ не упишешь, да еще эпилогъ потребуется!

Все это проговорилъ Митя съ добродушною, но нетерпѣливою фамильярностью человѣка, желающаго сказать всю истину и исполненнаго самыми добрыми намѣреніями.

— Господа, — какъ бы спохватился онъ вдругъ, — вы на меня не ропщите за мою брыкливость, опять прошу: повѣрьте еще разъ, что я чувствую полную почтительность и понимаю настоящее положеніе дѣла. Не думайте, что и пьянъ. Я ужъ теперь отрезвился. Да и что пьянъ не мѣшало бы вовсе. У меня вѣдь какъ:

Отрезвѣлъ, поумнѣлъ — сталъ глупъ,
Напился, оглупѣлъ — сталъ уменъ.

Ха-ха! А, впрочемъ, я вижу, господа, что мнѣ пока еще неприлично острить предъ вами, пока то есть не объяснимся. Позвольте наблюсти и собственное достоинство. Понимаю же я теперешнюю разницу: вѣдь я все-таки предъ вами преступникъ сижу, вамъ, стало быть, въ высшей степени не ровня, а вамъ поручено меня наблюдать: не погладите же вы меня по головкѣ за Григорія, нельзя же въ са-

момъ дѣлѣ безнаказанно головы ломать старикамъ, вѣдь упрячете же вы меня за него по суду, ну, на полгода, ну, на годъ въ смирительный, не знаю, какъ тамъ у васъ присудятъ, хотя и безъ лишенія правъ, вѣдь безъ лишенія правъ, прокуроръ? Ну такъ вотъ, господа, понимаю же я это различіе... Но согласитесь и въ томъ, что вѣдь вы можете самого Бога сбить съ толку такими вопросами: гдѣ ступилъ, какъ ступилъ, когда ступилъ и во что ступилъ? Вѣдь я собьюсь если такъ, а вы сейчасъ лыко въ строку и запишите, и что жъ выйдетъ? Ничего не выйдетъ! Да, наконецъ, если ужъ я началъ теперь врать, то и докончу, а вы, господа, какъ высшаго образованія и благороднѣйшіе люди, меня простите. Именно закончу просьбой: разучитесь вы, господа, этой казенщинѣ допроса, то есть сперва-де, видите ли, начинай съ чего-нибудь мизернаго, съ ничтожнаго: какъ, дескать, всталъ, что съѣлъ, какъ плюнулъ, куда плюнулъ, и, «усыпивъ вниманіе преступника», вдругъ накрывай его ошеломляющимъ вопросомъ: «кого убилъ, кого обокралъ?» Ха-ха! Вѣдь вотъ ваша казенщина, это вѣдь у васъ правило, вотъ на чемъ вся ваша хитрость-то зиждется! Да вѣдь это вы мужиковъ усыпляйте подобными хитростями, а не меня. Я вѣдь понимаю дѣло, самъ служилъ, ха-ха-ха! Не сердитесь, господа, прощаете дерзость? — крикнулъ онъ, смотря на нихъ съ удивительнымъ почти добродушіемъ. — Вѣдь Митька Карамазовъ сказалъ, стало быть, можно и извинить, потому, умному человѣку не извинительно, а Митькѣ извинительно! Ха-ха!

Николай Парѳеновичъ слушалъ и тоже смѣялся. Прокуроръ хоть и не смѣялся, но зорко, не спуская

глазъ, разглядывалъ Митю, какъ бы не желая упустить ни малѣйшаго словечка, ни малѣйшаго движенія его, ни малѣйшаго сотрясенія малѣйшей черточки въ лицѣ его.

— Мы, однако, такъ и начали съ вами первоначально, — отозвался, все продолжая смѣяться, Николай Парѳеновичъ, — что не стали сбивать васъ вопросами: какъ вы встали поутру и что скушали, а начали даже со слишкомъ существеннаго.

— Понимаю, понялъ и оцѣнилъ, и еще болѣе цѣню настоящую вашу доброту со мной, безпримѣрную, достойную благороднѣйшихъ душъ. Мы тутъ трое сошлись люди благородные, и пусть все у насъ такъ и будетъ на взаимномъ довѣріи образованныхъ и свѣтскихъ людей, связанныхъ дворянствомъ и честью. Во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ считать васъ за лучшихъ друзей моихъ въ эту минуту жизни моей, въ эту минуту униженія чести моей! Вѣдь не обидно это вамъ, господа, не обидно?

— Напротивъ, вы все это такъ прекрасно выразили, Дмитрій Ѳедоровичъ, — важно и одобрительно согласился Николай Парѳеновичъ.

— А мелочи, господа, всѣ эти крючкотворныя мелочи прочь, — восторженно воскликнулъ Митя, — а то это просто выйдетъ чертъ знаетъ что, вѣдь не правда ли?

— Вполнѣ послѣдую вашимъ благоразумнымъ совѣтамъ, — ввязался вдругъ прокуроръ, обращаясь къ Митѣ, — но отъ вопроса моего, однако, не откажусь. Намъ слишкомъ существенно необходимо узнать, для чего именно вамъ понадобилась такая сумма, то есть именно въ три тысячи?

— Для чего понадобилась? Ну, для того, для сего . . . ну, долгъ отдать.

— Кому именно?

— Это положительно отказываюсь сказать, господа! Видите, не потому чтобъ не могъ сказать, али не смѣлъ, али опасался, потому что все это плевое дѣло и совершенные пустяки, а — потому не скажу, что тутъ принципъ: это моя частная жизнь, и я не позволю вторгаться въ мою частную жизнь. Вотъ мой принципъ. Вашъ вопросъ до дѣла не относится, а все, что до дѣла не относится, есть моя частная жизнь! Долгъ хотѣлъ отдать, долгъ чести хотѣлъ отдать, а кому — не скажу.

— Позвольте намъ записать это, — сказалъ прокуроръ.

— Сдѣлайте одолженіе. Такъ и записывайте: что не скажу и не скажу. Пишите, господа, что считаю даже безчестнымъ это сказать. Экъ у васъ времени-то много записывать!

— Позвольте васъ, милостивый государь, предупредить и еще разъ вамъ напомнить, если вы только не знали того, — съ особеннымъ и весьма строгимъ внушеніемъ проговорилъ прокуроръ, — что вы имѣете полное право не отвѣчать на предлагаемые вамъ теперь вопросы, а мы, обратно, никакого не имѣемъ права вымогать у васъ отвѣты, если вы сами уклоняетесь отвѣчать по той или другой причинѣ. Это дѣло личнаго соображенія вашего. Но наше дѣло состоитъ опять-таки въ томъ, чтобы вамъ въ подобномъ теперешнему случаѣ представить на видъ и разъяснить всю ту степень вреда, который вы сами же себѣ производите, отказываясь дать то или другое показаніе. Затѣмъ прошу продолжать.

— Господа, я вѣдь не сержусь . . . я . . . — забормоталъ было Митя, нѣсколько сконфуженный

внушеніемъ, — вотъ-съ, видите, господа, этотъ самый Самсоновъ, къ которому я тогда пошелъ...

Мы, конечно, не станемъ приводить разсказъ его въ подробности о томъ, что уже извѣстно читателю. Разсказчикъ нетерпѣливо хотѣлъ разсказать все до малѣйшей черточки и въ то же время чтобы вышло поскорѣй. Но по мѣрѣ показаній ихъ записывали, а, стало быть, необходимо его останавливали. Дмитрій Ѳедоровичъ осуждалъ это, но подчинялся, сердился, но пока еще добродушно. Правда, вскрикивалъ иногда: «господа, это Самого Господа Бога взбѣситъ» или: «господа, знаете ли вы, что вы только напрасно меня раздражаете?» но все еще, восклицая это, своего дружески экспансивнаго настроенія пока не измѣнялъ. Такимъ образомъ, онъ разсказалъ, какъ «надулъ» его третьяго дня Самсоновъ. (Онъ уже догадывался теперь вполнѣ, что его тогда надули.) Продажа часовъ за шесть рублей, чтобы добыть на дорогу денегъ, совсѣмъ еще неизвѣстная слѣдователю и прокурору, возбудила тотчасъ же все чрезвычайное ихъ вниманіе и уже, къ безмѣрному негодованію Мити, нашли нужнымъ фактъ этотъ въ подробности записать, въ виду вторичнаго подтвержденія того обстоятельства, что у него и наканунѣ не было уже ни гроша почти денегъ. Мало-по-малу Митя началъ становиться угрюмымъ. Затѣмъ, описавъ путешествіе къ Лягавому и проведенную въ угарной избѣ ночь и проч., довелъ свой разсказъ и до возвращенія въ городъ и тутъ началъ самъ, безъ особенной уже просьбы, подробно описывать ревнивыя муки свои съ Грушенькой. Его слушали молча и внимательно, особенно вникли въ то обстоятельство, что у него давно уже завелся наблю-

дательный пунктъ за Грушенькой у Ѳедора Павловича «на задахъ» въ домѣ Марьи Кондратьевны, и о томъ, что ему свѣдѣнія переносилъ Смердяковъ: это очень отмѣтили и записали. О ревности своей говорилъ онъ горячо и обширно и хоть и внутренно стыдясь того, что выставляетъ свои интимнѣйшія чувства, такъ сказать, на «всеобщій позоръ», но видимо пересиливалъ стыдъ, чтобы быть правдивымъ. Безучастная строгость устремленныхъ пристально на него, во время разсказа, взглядовъ слѣдователя и особенно прокурора, смутили его, наконецъ, довольно сильно: «этотъ мальчикъ, Николай Парѳеновичъ, съ которымъ я еще всего только нѣсколько дней тому говорилъ глупости про женщинъ, и этотъ больной прокуроръ не стоятъ того, чтобъ я имъ это разсказывалъ», грустно мелькнуло у него въ умѣ, «позоръ!» «Терпи, смиряйся и молчи», заключилъ онъ свою думу стихомъ, но опять-таки скрѣпился вновь, чтобы продолжать далѣе. Перейдя къ разсказу о Хохлаковой, даже вновь развеселился и даже хотѣлъ было разсказать объ этой барынькѣ особый анекдотикъ, не подходящій къ дѣлу, но слѣдователь остановилъ его и вѣжливо предложилъ перейти «къ болѣе существенному». Наконецъ, описавъ свое отчаяніе и разсказавъ о той минутѣ, когда, выйдя отъ Хохлаковой, онъ даже подумалъ «скорѣй зарѣзать кого-нибудь, а достать три тысячи», его вновь остановили и о томъ, что «зарѣзать хотѣлъ» записали. Митя безмолвно далъ записать. Наконецъ, дѣло дошло до той точки въ разсказѣ, когда онъ вдругъ узналъ, что Грушенька его обманула и ушла отъ Самсонова тотчасъ же, какъ онъ привелъ ее, тогда какъ сама сказала, что просидитъ у старика до

полуночи: «если я тогда не убилъ, господа, эту Ѳеню, то потому только, что мнѣ было некогда», вырвалось вдругъ у него въ этомъ мѣстѣ разсказа. И это тщательно записали. Митя мрачно подождалъ и сталъ было повѣствовать о томъ, какъ онъ побѣжалъ къ отцу въ садъ, какъ вдругъ его остановилъ слѣдователь и, раскрывъ свой большой портфель, лежавшій подлѣ него на диванѣ, вынулъ изъ него мѣдный пестикъ.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? — показалъ онъ его Митѣ.

— Ахъ, да!—мрачно усмѣхнулся онъ,—какъ не знакомъ! Дайте-ка посмотрѣть... А, чертъ, не надо!

— Вы о немъ упомянуть забыли, — замѣтилъ слѣдователь.

— А, чертъ! Не скрылъ бы отъ васъ, небось безъ него бы не обошлось, какъ вы думаете? Изъ памяти только вылетѣло.

— Благоволите же разсказать обстоятельно, какъ вы имъ вооружились.

— Извольте, благоволю, господа.

И Митя разсказалъ, какъ онъ взялъ пестикъ и побѣжалъ.

— Но какую же цѣль имѣли вы въ предметѣ, вооружаясь такимъ орудіемъ?

— Какую цѣль? Никакой цѣли! Захватилъ и побѣжалъ.

— Зачѣмъ же, если безъ цѣли?

Въ Митѣ кипѣла досада. Онъ пристально посмотрѣлъ на «мальчика» и мрачно и злобно усмѣхнулся. Дѣло въ томъ, что ему все стыднѣе и стыднѣе становилось за то, что онъ сейчасъ такъ искренно и съ такими изліяніями разсказалъ «такимъ людямъ» исторію своей ревности.

— Наплевать на пестикъ! — вырвалось вдругъ у него.

— Однакоже-съ.

— Ну, отъ собакъ схватилъ. Ну, темнота... Ну, на всякій случай.

— А прежде вы тоже брали, выходя ночью со двора, какое-нибудь оружіе, если боялись такъ темноты?

— Э, чертъ, тьфу! Господа, съ вами буквально нельзя говорить! — вскрикнулъ Митя въ послѣдней степени раздраженія и, обернувшись къ писарю, весь покраснѣвъ отъ злобы, съ какою-то изступленною ноткой въ голосѣ быстро проговорилъ ему:

— Запиши сейчасъ... сейчасъ... «что схватилъ съ собой пестикъ, чтобы бѣжать убить отца моего... Ѳедора Павловича... ударомъ по головѣ!» Ну, довольны ли вы теперь, господа? Отвели душу? — проговорилъ онъ, уставясь съ вызовомъ на слѣдователя и прокурора.

— Мы слишкомъ понимаемъ, что подобное показаніе вы дали сейчасъ въ раздраженіи на насъ и въ досадѣ на вопросы, которые мы вамъ представляемъ, которые вы считаете мелочными и которые въ сущности весьма существенны, — сухо проговорилъ ему въ отвѣтъ прокуроръ.

— Да помилуйте же, господа! Ну, взялъ пестикъ... Ну, для чего берутъ въ такихъ случаяхъ что-нибудь въ руку? Я не знаю для чего. Схватилъ и побѣжалъ. Вотъ и все. Стыдно, господа, passons, а то, клянусь, я перестану разсказывать!

Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову. Онъ сидѣлъ къ нимъ бокомъ и смотрѣлъ въ стѣну, пересиливая въ себѣ дурное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, ему ужасно какъ хотѣлось встать и

объявить, что болѣе не скажетъ ни слова, «хоть ведите на смертную казнь».

— Видите, господа, — проговорилъ онъ вдругъ, съ трудомъ пересиливая себя, — видите. Слушаю я васъ и мнѣ мерещится... я, видите, вижу иногда во снѣ одинъ сонъ... одинъ такой сонъ, и онъ мнѣ часто снится, повторяется, что кто-то за мной гонится, кто-то такой, котораго я ужасно боюсь, гонится въ темнотѣ, ночью, ищетъ меня, а я прячусь куда-нибудь отъ него за дверь, или за шкафъ, прячусь унизительно, а, главное, что ему отлично извѣстно, куда я отъ него спрятался, но что онъ будто бы нарочно притворяется, что не знаетъ, гдѣ я сижу, чтобы дольше промучить меня, чтобы страхомъ моимъ насладиться... Вотъ это и вы теперь дѣлаете! На то похоже!

— Это вы такіе видите сны? — освѣдомился прокуроръ.

— Да, такіе вижу сны... А вы ужъ не хотите ли записать? — криво усмѣхнулся Мития.

— Нѣтъ-съ, не записать, но все же любопытные у васъ сны.

— Теперь ужъ не сонъ! Реализмъ, господа, реализмъ дѣйствительной жизни! Я волкъ, а вы охотники, ну и травите волка.

— Вы напрасно взяли такое сравненіе... — началъ было чрезвычайно мягко Николай Парѳеновичъ.

— Не напрасно, господа, не напрасно! — вскипѣлъ опять Митя, хотя и видимо облегчивъ душу выходкой внезапнаго гнѣва, началъ уже опять добрѣть съ каждымъ словомъ, — вы можете не вѣрить преступнику или подсудимому, истязуемому вашими вопросами, но благороднѣйшему человѣку,

господа, благороднѣйшимъ порывамъ души (смѣло это кричу!) — нѣтъ! Этому вамъ нельзя не вѣрить... права даже не имѣете... — но —

молчи сердце,
Терпи, смиряйся и молчи!

Ну, что же, продолжать? — мрачно оборвалъ онъ.

— Какъ же, сдѣлайте одолженіе, — отвѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

V.

Третье мытарство.

Митя хоть и заговорилъ сурово, но видимо еще болѣе сталъ стараться не забыть и не упустить ни одной черточки изъ передаваемаго. Онъ разсказалъ, какъ онъ перескочилъ черезъ заборъ въ садъ отца, какъ шелъ до окна и обо всемъ, наконецъ, что было подъ окномъ. Ясно, точно, какъ бы отчеканивая, передалъ онъ о чувствахъ, волновавшихъ его въ тѣ мгновенія въ саду, когда ему такъ ужасно хотѣлось узнать: у отца ли Грушенька или нѣтъ. Но странно это: и прокуроръ, и слѣдователь слушали на этотъ разъ какъ-то ужасно сдержанно, смотрѣли сухо, вопросовъ дѣлали гораздо меньше. Митя ничего не могъ заключить по ихъ лицамъ. «Разсердились и обидѣлись, — подумалъ онъ,—ну и чертъ!» Когда же разсказалъ, какъ онъ рѣшился, наконецъ, дать отцу *знакъ,* что пришла Грушенька и чтобы тотъ отворилъ окно, то прокуроръ и слѣдователь совсѣмъ не обратили вниманія на слово «знакъ», какъ бы не понявъ вовсе, какое значеніе имѣетъ тутъ это слово, такъ что

Митя это даже замѣтилъ. Дойдя, наконецъ, до того мгновенія, когда, увидѣвъ высунувшагося изъ окна отца, онъ вскипѣлъ ненавистью и выхватилъ изъ кармана пестикъ, онъ вдругъ какъ бы нарочно остановился. Онъ сидѣлъ и глядѣлъ въ стѣнку и зналъ, что тѣ такъ и впились въ него глазами.

— Ну-съ, — сказалъ слѣдователь, — вы выхватили оружіе и . . . и что же произошло затѣмъ?

— Затѣмъ? А затѣмъ убилъ . . . хватилъ его въ темя и раскроилъ ему черепъ . . . Вѣдь, такъ, по-вашему, такъ! — засверкалъ онъ вдругъ глазами. Весь потухшій было гнѣвъ его вдругъ поднялся въ его душѣ съ необычайной силой.

— По-нашему, — переговорилъ Николай Парѳеновичъ, — ну, а по-вашему?

Митя опустилъ глаза и долго молчалъ.

— По-моему, господа, по-моему, вотъ какъ было, — тихо заговорилъ онъ, — слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, духъ ли свѣтлый облобызалъ меня въ то мгновеніе — не знаю, но чертъ былъ побѣжденъ. Я бросился отъ окна и побѣжалъ къ забору . . . Отецъ испугался, и въ первый разъ тутъ меня разсмотрѣлъ, вскрикнулъ и отскочилъ отъ окна, — я это очень помню. А я черезъ садъ къ забору . . . вотъ тутъ-то и настигъ меня Григорій, когда уже я сидѣлъ на заборѣ . . .

Тутъ онъ поднялъ, наконецъ, глаза на слушателей. Тѣ, казалось, съ совершенно безмятежнымъ вниманіемъ глядѣли на него. Какая-то судорога негодованія прошла въ душѣ Мити.

— А вѣдь вы, господа, въ эту минуту надо мной насмѣхаетесь! — прервалъ онъ вдругъ.

— Почему вы такъ заключаете? — замѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

— Ни одному слову не вѣрите, вотъ почему! Вѣдь понимаю же я, что до главной точки дошелъ: старикъ теперь тамъ лежитъ съ проломленною головою, а я — трагически описавъ, какъ хотѣлъ убить и какъ уже пестикъ выхватилъ, я вдругъ отъ окна убѣгаю... Поэма! Въ стихахъ! Можно повѣрить на слово молодцу! Ха-ха! Насмѣшники вы, господа!

И онъ всѣмъ корпусомъ повернулся на стулѣ, такъ что стулъ затрещалъ.

— А не замѣтили ли вы, — началъ вдругъ прокуроръ, какъ будто и вниманія не обративъ на волненіе Мити, — не замѣтили ли вы, когда отбѣгали отъ окна: была ли дверь въ садъ, находящаяся въ другомъ концѣ флигеля, отперта или нѣтъ?

— Нѣтъ, не была отперта.

— Не была?

— Была заперта, напротивъ, и кто жъ могъ ее отворить? Ба, дверь, постойте! какъ бы опомнился онъ вдругъ и чуть не вздрогнулъ, — а развѣ вы нашли ее отпертою?

— Отпертою.

— Такъ кто жъ ее могъ отворить, если не сами вы ее отворили? — страшно удивился вдругъ Митя.

— Дверь стояла отпертою, и убійца вашего родителя несомнѣнно вошелъ въ эту дверь и, совершивъ убійство, этою же дверью и вышелъ,—какъ бы отчеканивая, медленно и раздѣльно произнесъ прокуроръ. — Это намъ совершенно ясно. Убійство произошло, очевидно, въ комнатѣ, *а не черезъ окно,* что положительно ясно изъ произведеннаго акта осмотра, изъ положенія тѣла и по всему. Сомнѣній въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть никакихъ.

Митя былъ страшно пораженъ.

— Да это же невозможно, господа! — вскричалъ онъ совершенно потерявшись, — я... я не входилъ... я положительно, я съ точностью вамъ говорю, что дверь была заперта все время, пока я былъ въ саду и когда я убѣгалъ изъ сада. Я только подъ окномъ стоялъ и въ окно его видѣлъ, и только, только... До послѣдней минуты помню. Да хоть бы и не помнилъ, то все равно знаю, потому что *знаки* только и извѣстны были что мнѣ, да Смердякову, да ему, покойнику, а онъ, безъ знаковъ, никому бы въ мірѣ не отворилъ!

— Знаки? Какіе же это знаки? — съ жаднымъ, почти истерическимъ любопытствомъ проговорилъ прокуроръ, и вмигъ потерялъ всю сдержанную свою осанку. Онъ спросилъ какъ бы робко подползая. Онъ почуялъ важный фактъ, ему-еще неизвѣстный, и тотчасъ же почувствовалъ величайшій страхъ, что Митя, можетъ быть, не захочетъ открыть его въ полнотѣ.

— А вы и не знали! — подмигнулъ ему Митя, насмѣшливо и злобно улыбнувшись. — А что коль не скажу? Отъ кого тогда узнать? Знали вѣдь о знакахъ-то покойникъ, я да Смердяковъ, вотъ и всѣ, да еще небо знало, да оно вѣдь вамъ не скажетъ. А фактикъ-то любопытный, чертъ знаетъ, что на немъ можно соорудить, ха-ха! Утѣшьтесь, господа, открою, глупости у васъ на умѣ. Не знаете вы, съ кѣмъ имѣете дѣло! Вы имѣете дѣло съ такимъ подсудимымъ, который самъ на себя показываетъ, во вредъ себѣ показываетъ! Да-съ, ибо я рыцарь чести, а вы — нѣтъ!

Прокуроръ скушалъ всѣ пилюли, онъ лишь дрожалъ отъ нетерпѣнія узнать про новый фактъ.

Митя точно и пространно изложилъ имъ все, что касалось знаковъ, изобрѣтенныхъ Ѳедоромъ Павловичемъ для Смердякова, разсказалъ, что̀ именно означалъ каждый стукъ въ окно, простучалъ даже эти знаки по столу и на вопросъ Николая Парѳеновича: что, стало быть, и онъ, Митя, когда стучалъ старику въ окно, то простучалъ именно тотъ знакъ, который означалъ: «Грушенька пришла» — отвѣтилъ съ точностью, что именно точно такъ и простучалъ, что, дескать, «Грушенька пришла».

— Вотъ вамъ, теперь сооружайте башню! — оборвалъ Митя и съ презрѣніемъ опять отъ нихъ отвернулся.

— И знали про эти знаки только покойный родитель вашъ, вы и слуга Смердяковъ. И никто болѣе? — еще разъ освѣдомился Николай Парѳеновичъ.

— Да, слуга Смердяковъ и еще небо. Запишите и про небо; это будетъ не лишнимъ записать. Да и вамъ самимъ Богъ понадобится.

И ужъ, конечно, стали записывать, но когда записывали, то прокуроръ вдругъ, какъ бы совсѣмъ внезапно наткнувшись на новую мысль, проговорилъ:

— А вѣдь если зналъ про эти знаки и Смердяковъ, и вы радикально отвергаете всякое на себя обвиненіе въ смерти вашего родителя, то вотъ не онъ ли, простучавъ условленные знаки, заставилъ вашего отца отпереть себѣ, а затѣмъ и... совершилъ преступленіе?

Митя глубоко-насмѣшливымъ, но въ то же время и страшно ненавистнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него. Онъ смотрѣлъ долго и молча, такъ что у прокурора глаза замигали.

— Опять поймали лисицу! — проговорилъ, на-

конецъ, Митя, — прищемили мерзавку за хвостъ, хе-хе! Я вижу васъ насквозь, прокуроръ! Вы вѣдь такъ и думали, что я сейчасъ вскочу, уцѣплюсь за то, что вы мнѣ подсказываете и закричу во все горло: «ай, это Смердяковъ, вотъ убійца!» Признайтесь, что вы это думали, признайтесь, тогда буду продолжать.

Но прокуроръ не признался. Онъ молчалъ и ждалъ.

— Ошиблись, не закричу на Смердякова! — сказалъ Митя.

— И даже не подозрѣваете его вовсе?

— А вы подозрѣваете?

— Подозрѣвали и его.

Митя уткнулся глазами въ полъ.

— Шутки въ сторону, — проговорилъ онъ мрачно, — слушайте: съ самаго начала, вотъ почти еще тогда, когда я выбѣжалъ къ вамъ давеча изъ-за этой занавѣски, у меня мелькнула ужъ эта мысль: «Смердяковъ!» Здѣсь я сидѣлъ за столомъ и кричалъ, что неповиненъ въ крови, а самъ все думаю: «Смердяковъ!» И не отставалъ Смердяковъ отъ души. Наконецъ, теперь подумалъ вдругъ то же: «Смердяковъ», но лишь на секунду: тотчасъ же рядомъ подумалъ: «Нѣтъ, не Смердяковъ!» Не его это дѣло, господа!

— Не подозрѣваете ли вы въ такомъ случаѣ и еще какое другое лицо? — осторожно спросилъ было Николай Парѳеновичъ.

— Не знаю, кто или какое лицо, рука небесъ или сатана, но . . . не Смердяковъ! — рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Но почему же вы такъ твердо и съ такою настойчивостью утверждаете, что не онъ?

— По убѣжденію. По впечатлѣнію. Потому что Смердяковъ человѣкъ нижайшей натуры и трусъ. Это не трусъ, это совокупленіе всѣхъ трусостей въ мірѣ вмѣстѣ взятыхъ, ходящее на двухъ ногахъ. Онъ родился отъ курицы. Говоря со мной, онъ трепеталъ каждый разъ, чтобъ я не убилъ его, тогда какъ я и руки не подымалъ. Онъ падалъ мнѣ въ ноги и плакалъ, онъ цѣловалъ мнѣ вотъ эти самые сапоги, буквально, умоляя, чтобъ я его «не пугалъ». Слышите: «не пугалъ» — что это за слово такое? А я его даже дарилъ. Это болѣзненная курица въ падучей болѣзни, со слабымъ умомъ и которую прибьетъ восьмилѣтній мальчишка. Развѣ это натура? Не Смердяковъ, господа, да и денегъ не любитъ, подарковъ отъ меня вовсе не бралъ... Да и за что ему убивать старика? Вѣдь онъ, можетъ быть, сынъ его, побочный, знаете вы это?

— Мы слышали эту легенду. Но вѣдь вотъ и вы же сынъ отца вашего, а вѣдь говорили же всѣмъ сами же вы, что хотѣли убить его.

— Камень въ огородъ! И камень низкій, скверный! Не боюсь! О, господа, можетъ быть, вамъ слишкомъ подло мнѣ же въ глаза говорить это! Потому подло, что я это самъ говорилъ вамъ. Не только хотѣлъ, но и могъ убить, да еще на себя добровольно натащилъ, что чуть не убилъ! Но вѣдь не убилъ же его, вѣдь спасъ же меня ангелъ-хранитель мой, — вотъ этого-то вы не взяли въ соображеніе... А потому вамъ и подло, подло! Потому что я не убилъ, не убилъ, не убилъ! Слышите, прокуроръ: не убилъ!

Онъ чуть не задохся. Во все время допроса онъ еще ни разу не былъ въ такомъ волненіи.

— А что онъ вамъ сказалъ, господа, Смердяковъ-то? — заключилъ онъ вдругъ, помолчавъ. — Могу я про это спросить у васъ?

— Вы обо всемъ насъ можете спрашивать, — съ холоднымъ и строгимъ видомъ отвѣтилъ прокуроръ, — обо всемъ, что касается фактической стороны дѣла, а мы, повторяю это, даже обязаны удовлетворять васъ на каждый вопросъ. Мы нашли слугу Смердякова, о которомъ вы спрашиваете, лежащимъ безъ чувствъ на своей постели, въ чрезвычайно сильномъ, можетъ быть, въ десятый разъ сряду повторявшемся припадкѣ падучей болѣзни. Медикъ, бывшій съ нами, освидѣтельствовавъ больного, сказалъ даже намъ, что онъ не доживетъ, можетъ быть, и до утра.

— Ну, въ такомъ случаѣ отца чертъ убилъ! — сорвалось вдругъ у Мити, какъ будто онъ даже до сей минуты спрашивалъ все себя: «Смердяковъ или не Смердяковъ?»

— Мы еще къ этому факту воротимся, — порѣшилъ Николай Парѳеновичъ, — теперь же не пожелаете ли вы продолжать ваше показаніе далѣе.

Митя попросилъ отдохнуть. Ему вѣжливо позволили. Отдохнувъ, онъ сталъ продолжать. Но было ему видимо тяжело. Онъ былъ измученъ, оскорбленъ и потрясенъ нравственно. Къ тому же прокуроръ, теперь уже точно нарочно, сталъ поминутно раздражать его прицѣпкой къ «мелочамъ». Едва только Митя описалъ, какъ онъ, сидя верхомъ на заборѣ, ударилъ по головѣ пестикомъ вцѣпившагося въ его лѣвую ногу Григорія и затѣмъ тотчасъ же соскочилъ къ поверженному, какъ прокуроръ остановилъ его и попросилъ описать по-

дробнѣе, какъ онъ сидѣлъ на заборѣ. Митя удивился.

— Ну, вотъ такъ сидѣлъ, верхомъ сидѣлъ, одна нога тамъ, другая тутъ...

— А пестикъ?

— Пестикъ въ рукахъ.

— Не въ карманѣ? Вы это такъ подробно помните? Что жъ, вы сильно размахнулись рукой?

— Должно быть, что сильно, а вамъ это зачѣмъ?

— Если бъ вы сѣли на стулъ точно такъ, какъ тогда на заборѣ, и представили бы намъ наглядно, для уясненія, какъ и куда размахнулись, въ какую сторону?

— Да ужъ вы не насмѣхаетесь ли надо мной?— спросилъ Митя, высокомѣрно глянувъ на допрессчика, но тотъ не мигнулъ даже глазомъ. Митя судорожно повернулся, сѣлъ верхомъ на стулъ и размахнулся рукой:

— Вотъ какъ ударилъ! Вотъ какъ убилъ! Чего вамъ еще?

— Благодарю васъ. Не потрудитесь ли вы теперь объяснить: для чего собственно соскочили внизъ, съ какою цѣлью, и что собственно имѣя въ виду?

— Ну, чертъ... къ поверженному соскочилъ... Не знаю для чего!

— Бывши въ такомъ волненіи? И убѣгая?

— Да, въ волненіи и убѣгая.

— Помочь ему хотѣли?

— Какое помочь... Да, можетъ, и помочь, не помню.

— Не помнили себя? То есть были даже въ нѣкоторомъ безпамятствѣ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не въ безпамятствѣ, все помню. Все до нитки. Соскочилъ поглядѣть и платкомъ кровь ему обтиралъ.

— Мы видѣли вашъ платокъ. Надѣялись возвратить поверженнаго вами къ жизни?

— Не знаю, надѣялся ли? Просто убѣдиться хотѣлъ, живъ или нѣтъ.

— А, такъ хотѣли убѣдиться? Ну, и что жъ?

— Я не медикъ, рѣшить не могу. Убѣжалъ, думая, что убилъ, а вотъ онъ очнулся.

— Прекрасно-съ, — закончилъ прокуроръ. — Благодарю васъ. Мнѣ только и нужно было. Потрудитесь продолжать далѣе.

Увы, Митѣ и въ голову не пришло разсказать, хотя онъ и помнилъ это, что соскочилъ онъ изъ жалости, и, ставъ надъ убитымъ, произнесъ даже нѣсколько жалкихъ словъ: «попался старикъ, нечего дѣлать, ну и лежи». Прокуроръ же вывелъ лишь одно заключеніе, что соскакивалъ человѣкъ, «въ такой моментъ и въ такомъ волненіи», лишь для того только, чтобы навѣрное убѣдиться: живъ или нѣтъ *единственный* свидѣтель его преступленія. И что, стало быть, какова же была сила, рѣшимость, хладнокровіе и расчетливость человѣка даже въ такой моментъ . . . и проч., и проч. Прокуроръ былъ доволенъ: «раздражилъ-де болѣзненнаго человѣка «мелочами», онъ и проговорился».

Митя съ мученіемъ продолжалъ далѣе. Но тотчасъ же остановилъ его опять уже Николай Парѳеновичъ:

— Какимъ же образомъ могли вы вбѣжать къ служанкѣ Ѳедосьѣ Марковой, имѣя столь окровавленныя руки и, какъ оказалось потомъ, лицо?

— Да я вовсе тогда и не замѣтилъ, что я въ крови! — отвѣтилъ Митя.

— Это они правдоподобно, это такъ и бываетъ, — переглянулся прокуроръ съ Николаемъ Парѳеновичемъ.

— Именно не замѣтилъ, это вы прекрасно, прокуроръ, — одобрилъ вдругъ и Митя. Но далѣе пошла исторія внезапнаго рѣшенія Мити «устраниться» и «пропустить счастливыхъ мимо себя». И онъ уже никакъ не могъ, какъ давеча, рѣшиться вновь разоблачать свое сердце и разсказывать про «царицу души своей». Ему претило предъ этими холодными, «впивающимися въ него, какъ клопы» людьми. А потому, на повторенные вопросы, заявилъ кратко и рѣзко:

— Ну, и рѣшился убить себя. Зачѣмъ было оставаться жить: это само собой въ вопросъ вскакивало. Явился ея прежній, безспорный, ея обидчикъ, но прискакавшій съ любовью послѣ пяти лѣтъ завершить законнымъ бракомъ обиду. Ну, и понялъ, что все для меня пропало . . . А сзади позоръ, и вотъ эта кровь, кровь Григорія . . . Зачѣмъ же жить? Ну, и пошелъ выкупать заложенные пистолеты, чтобы зарядить и къ разсвѣту себѣ пулю въ башку всадить . . .

— А ночью пиръ горой?

— Ночью пиръ горой. Э, чертъ, господа, кончайте скорѣй. Застрѣлиться я хотѣлъ навѣрно, вотъ тутъ недалеко, за околицей, и распорядился бы съ собой часовъ въ пять утра, а въ карманѣ бумажку приготовилъ, у Перхотина написалъ, когда пистолетъ зарядилъ. Вотъ она бумажка, читайте. Не для васъ разсказываю! — прибавилъ онъ вдругъ презрительно. Онъ выбросилъ имъ на

столъ бумажку изъ жилетнаго своего кармана; слѣдователи прочли съ любопытствомъ и, какъ водится, пріобщили къ дѣлу.

— А руки все еще не подумали вымыть даже и входя къ господину Перхотину? Не опасались, стало быть, подозрѣній?

— Какихъ такихъ подозрѣній? Подозрѣвай — хоть нѣтъ, все равно, я бы сюда ускакалъ и въ пять часовъ застрѣлился, и ничего бы не успѣли сдѣлать. Вѣдь если бы не случай съ отцомъ, вѣдь вы бы ничего не узнали и сюда не прибыли. О, это чертъ сдѣлалъ, чертъ отца убилъ, черезъ черта и вы такъ скоро узнали! Какъ сюда-то такъ скоро поспѣли? Диво, фантазія!

— Господинъ Перхотинъ передалъ намъ, что вы, войдя къ нему, держали въ рукахъ . . . въ окровавленныхъ рукахъ . . . ваши деньги . . . большія деньги . . . пачку сторублевыхъ бумажекъ, и что видѣлъ это и служившій ему мальчикъ!

— Такъ, господа, помнится, что такъ.

— Теперь встрѣчается одинъ вопросикъ. Не можете ли вы сообщить, — чрезвычайно мягко началъ Николай Парѳеновичъ, — откуда вы взяли вдругъ столько денегъ, тогда какъ изъ дѣла оказывается, по расчету времени даже, что вы не заходили домой?

Прокуроръ немножко поморщился отъ вопроса, поставленнаго такъ ребромъ, но не прервалъ Николая Парѳеновича.

— Нѣтъ, не заходилъ домой, — отвѣтилъ Митя, повидимому, очень спокойно, но глядя въ землю.

— Позвольте же повторить вопросъ въ такомъ случаѣ, — какъ-то подползая, продолжалъ Николай Парѳеновичъ. — Откуда же вы могли ра-

зомъ достать такую сумму, когда, по собственному признанію вашему, еще въ пять часовъ того дня...

— Нуждался въ десяти рубляхъ и заложилъ пистолеты у Перхотина, потомъ ходилъ къ Хохлаковой за тремя тысячами, а та не дала, и проч., и всякая эта всячина, — рѣзко прервалъ Митя, — да, вотъ, господа, нуждался, а тутъ вдругъ тысячи появились, а? Знаете, господа, вѣдь вы оба теперь трусите: а что какъ не скажетъ откуда взялъ? Такъ и есть: не скажу, господа, угадали, не узнаете,— отчеканилъ вдругъ Митя съ чрезвычайною рѣшимостью. Слѣдователи капельку помолчали.

— Поймите, господинъ Карамазовъ, что намъ это знать существенно необходимо, — тихо и смиренно проговорилъ Николай Парѳеновичъ.

— Понимаю, а все-таки не скажу.

Ввязался и прокуроръ и опять напомнилъ, что допрашиваемый, конечно, можетъ не отвѣчать на вопросы, если считаетъ для себя это выгоднѣйшимъ и т. д., но въ видахъ того, какой ущербъ подозрѣваемый можетъ самъ нанести себѣ своимъ умолчаніемъ и особенно въ виду вопросовъ такой важности, которая...

— И такъ далѣе, господа, и такъ далѣе! Довольно, слышалъ эту рацею и прежде! — опять оборвалъ Митя, — самъ понимаю, какой важности дѣло, и что тутъ самый существенный пунктъ, а все-таки не скажу.

— Вѣдь намъ что-съ, это вѣдь не наше дѣло, а ваше, сами себѣ повредите, — нервно замѣтилъ Николай Парѳеновичъ.

— Видите, господа, шутки въ сторону, — вскинулся глазами Митя и твердо посмотрѣлъ на нихъ обоихъ. — Я съ самаго начала уже предчувство-

валъ, что мы на этомъ пунктѣ сшибемся лбами. Но вначалѣ, когда я давеча началъ показывать, все это было въ дальнѣйшемъ туманѣ, все плавало, и я даже былъ такъ простъ, что началъ съ предложенія «взаимнаго между нами довѣрія». Теперь самъ вижу, что довѣрія этого и быть не могло, потому что все же бы мы пришли къ этому проклятому забору! Ну, вотъ и пришли! Нельзя, и кончено! Впрочемъ, я вѣдь васъ не виню, нельзя же и вамъ мнѣ вѣрить на слово, я вѣдь это понимаю!

Онъ мрачно замолчалъ.

— А не могли ли бы вы, не нарушая нисколько вашей рѣшимости умолчать о главнѣйшемъ, не могли ли бы вы въ то же время дать намъ хоть малѣйшій намекъ на то: какіе именно столь сильные мотивы могли бы привести васъ къ умолчанію въ столь опасный для васъ моментъ настоящихъ показаній?

Митя грустно и какъ-то задумчиво усмѣхнулся.

— Я гораздо добрѣе, чѣмъ вы думаете, господа, я вамъ сообщу почему, и дамъ этотъ намекъ, хотя вы того и не стоите. Потому, господа, умалчиваю, что тутъ для меня позоръ. Въ отвѣтѣ на вопросъ: откуда взялъ эти деньги, заключенъ для меня такой позоръ, съ которымъ не могло бы сравняться даже и убійство, и ограбленіе отца, если бъ я его убилъ и ограбилъ. Вотъ почему не могу говорить. Отъ позора не могу. Что вы это, господа, записывать хотите?

— Да, мы запишемъ, — пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

— Вамъ бы не слѣдовало это записывать, про «позоръ»-то. Это я вамъ по добротѣ только души показалъ, а могъ и не показывать, я вамъ, такъ

сказать, подарилъ, а вы сейчасъ лыко въ строку. Ну, пишите, пишите, что хотите, — презрительно и брезгливо заключилъ онъ, — не боюсь я васъ и... горжусь предъ вами.

— А не скажете ли вы, какого бы рода этотъ позоръ? — пролепеталъ было Николай Парѳеновичъ.

Прокуроръ ужасно наморщился.

— Ни-ни, c'est fini, не трудитесь. Да и не стоитъ мараться. Ужъ и такъ объ васъ замарался. Не стоите вы, ни вы и никто . . . Довольно, господа, обрываю.

Проговорено было слишкомъ рѣшительно. Николай Парѳеновичъ пересталъ настаивать, но изъ взглядовъ Ипполита Кирилловича мигомъ успѣлъ усмотрѣть, что тотъ еще не теряетъ надежды.

— Не можете ли, по крайней мѣрѣ, объявить: какой величины была сумма въ рукахъ вашихъ, когда вы вошли съ ней къ господину Перхотину, то есть сколько именно рублей?

— Не могу и этого объявить.

— Господину Перхотину вы, кажется, заявляли о трехъ тысячахъ, будто бы полученныхъ вами отъ госпожи Хохлаковой?

— Можетъ быть, и заявилъ. Довольно, господа, не скажу сколько.

— Потрудитесь въ такомъ случаѣ описать, какъ вы сюда поѣхали и все, что вы сдѣлали, сюда пріѣхавъ?

— Охъ, объ этомъ спросите всѣхъ здѣшнихъ. А, впрочемъ, пожалуй, и я разскажу.

Онъ разсказалъ, но мы уже приводить разсказа не будемъ. Разсказывалъ сухо, бѣгло. О восторгахъ любви своей не говорилъ вовсе. Разсказалъ,

однако, какъ рѣшимость застрѣлиться въ немъ прошла «въ виду новыхъ фактовъ». Онъ разсказывалъ не мотивируя, не вдаваясь въ подробности. Да и слѣдователи не очень его на этотъ разъ безпокоили: ясно было, что и для нихъ не въ томъ состоитъ теперь главный пунктъ.

— Мы это все провѣримъ, ко всему еще возвратимся при допросѣ свидѣтелей, который будетъ, конечно, происходить въ вашемъ присутствіи, — заключилъ допросъ Николай Парѳеновичъ. — Теперь же позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою выложить сюда на столъ всѣ ваши вещи, находящіяся при васъ, а, главное, всѣ деньги, какія только теперь имѣете.

— Деньги, господа? Извольте, понимаю, что надо. Удивляюсь даже, какъ раньше не полюбопытствовали. Правда, никуда бы не ушелъ, на виду сижу. Ну, вотъ онѣ, мои деньги, вотъ считайте, берите, всѣ, кажется.

Онъ вынулъ все изъ кармановъ, даже мелочь, два двугривенныхъ вытащилъ изъ бокового кармана. Сосчитали деньги, оказалось восемьсотъ тридцать шесть рублей сорокъ копеекъ.

— И это все? — спросилъ слѣдователь.

— Все.

— Вы изволили сказать сейчасъ, дѣлая показанія ваши, что въ лавкѣ Плотниковыхъ оставили триста рублей, Перхотину дали десять, ямщику двадцать, здѣсь проиграли двѣсти, потомъ . . .

Николай Парѳеновичъ пересчиталъ все. Митя помогъ охотно. Припомнили и включили въ счетъ всякую копейку. Николай Парѳеновичъ бѣгло свелъ итогъ.

— Съ этими восьмьюстами было, стало быть,

всего у васъ первоначально около полутора тысячъ?

— Стало быть, — отрѣзалъ Митя.

— Какъ же всѣ утверждаютъ, что было гораздо болѣе.

— Пусть утверждаютъ.

— Да и вы сами утверждали.

— И я самъ утверждалъ.

— Мы еще провѣримъ все это свидѣтельствами еще не спрошенныхъ другихъ лицъ; о деньгахъ вашихъ не безпокойтесь, онѣ сохранятся, гдѣ слѣдуетъ, и окажутся къ вашимъ услугамъ по окончаніи всего . . . начавшагося . . . если окажется или, такъ сказать, докажется, что вы имѣете на нихъ неоспоримое право. Ну-съ, а теперь . . .

Николай Парѳеновичъ всталъ и твердо объявилъ Митѣ, что «принужденъ и долженъ» учинить самый подробный и точнѣйшій осмотръ «какъ платья вашего, такъ и всего» . . .

— Извольте, господа, всѣ карманы выверну, если хотите.

И онъ, дѣйствительно, принялся было вывертывать карманы.

— Необходимо будетъ даже снять одежду.

— Какъ? Раздѣться? Фу, чертъ! Да обыщите такъ! Нельзя ли такъ?

— Ни за что нельзя, Дмитрій Ѳедоровичъ. Надо одежду снять.

— Какъ хотите, — мрачно подчинился Митя, — только, пожалуйста, не здѣсь, а за занавѣсками. Кто будетъ осматривать?

— Конечно за занавѣсками, — въ знакъ согласія наклонилъ голову Николай Парѳеновичъ. Личико его изобразило особенную даже важность.

VI.

Прокуроръ поймалъ Митю.

Началось нѣчто совсѣмъ для Мити неожиданное и удивительное. Онъ ни за что бы не могъ прежде, даже за минуту предъ симъ, предположить, чтобы такъ могъ кто-нибудь обойтись съ нимъ, съ Митей Карамазовымъ! Главное, явилось нѣчто унизительное, а съ ихъ стороны «высокомѣрное и къ нему презрительное». Еще ничего бы снять сюртукъ, но его просили раздѣться и далѣе. И не то, что попросили, а въ сущности приказали; онъ это отлично понялъ. Изъ гордости и презрѣнія онъ подчинился вполнѣ, безъ словъ. За занавѣску вошли кромѣ Николая Парѳеновича, и прокуроръ, присутствовали и нѣсколько мужиковъ, «конечно, для силы», подумалъ Митя, «а, можетъ, и еще для чего-нибудь».

— Что жъ, неужели и рубашку снимать? — рѣзко спросилъ было онъ, но Николай Парѳеновичъ ему не отвѣтилъ: онъ вмѣстѣ съ прокуроромъ былъ углубленъ въ разсматриваніе сюртука, панталонъ, жилета и фуражки, и видно было, что оба они очень заинтересовались осмотромъ: «совсѣмъ не церемонятся», мелькнуло у Мити, «даже вѣжливости необходимой не наблюдаютъ».

— Я васъ спрашиваю во второй разъ: надо или нѣтъ снимать рубашку? — проговорилъ онъ еще рѣзче и раздражительнѣе.

— Не безпокойтесь, мы васъ увѣдомимъ, — какъ-то начальственно даже отвѣтилъ Николай Парѳеновичъ. По крайней мѣрѣ, Митѣ такъ показалось.

Между слѣдователемъ и прокуроромъ шло ме-

жду тѣмъ заботливое совѣщаніе вполголоса. Оказались на сюртукѣ, особенно на лѣвой полѣ, сзади, огромныя пятна крови, засохшія, заскорузлыя и не очень еще размятыя. На панталонахъ тоже. Николай Парѳеновичъ, кромѣ того, собственноручно, въ присутствіи понятыхъ, прошелъ пальцами по воротнику, по обшлагамъ и по всѣмъ швамъ сюртука и панталонъ, очевидно, чего-то отыскивая, — конечно, денегъ. Главное, не скрывали отъ Мити подозрѣній, что онъ могъ и способенъ былъ зашить деньги въ платье. «Это ужъ прямо какъ съ воромъ, а не какъ съ офицеромъ», проворчалъ онъ про себя. Сообщили же другъ другу мысли свои при немъ до странности откровенно. Напримѣръ, письмоводитель, очутившійся тоже за занавѣской, суетившійся и прислуживавшій, обратилъ вниманіе Николая Парфеновича на фуражку, которую тоже ощупали: «помните Гриденку писаря-съ, — замѣтилъ письмоводитель, — лѣтомъ жалованье ѣздилъ получать на всю канцелярію, а вернувшись, заявилъ, что потерялъ въ пьяномъ видѣ, — такъ гдѣ же нашли? Вотъ въ этихъ самыхъ кантикахъ, въ фуражкѣ-съ, сторублевыя были свернуты трубочками-съ и въ кантики зашиты». Фактъ съ Гриденкой очень помнили и слѣдователь, и прокуроръ, а потому и Митину фуражку отложили и рѣшили, что все это надо будетъ потомъ пересмотрѣть серьезно, да и все платье.

— Позвольте, — вскрикнулъ вдругъ Николай Парѳеновичъ, замѣтивъ ввернутый внутрь правый обшлагъ праваго рукава рубашки Мити, весь залитый кровью, — позвольте-съ, это какъ же кровь?

— Кровь, — отрѣзалъ Митя.

— То есть это какая же-съ . . . и почему вверну́то внутрь рукава?

Митя разсказалъ, какъ онъ запачкалъ обшлагъ, возясь съ Григоріемъ, и ввернулъ его внутрь еще у Перхотина, когда мылъ у него руки.

— Рубашку вашу тоже придется взять, это очень важно . . . для вещественныхъ доказательствъ. — Митя покраснѣлъ и разсвирѣпѣлъ.

— Что жъ мнѣ голымъ оставаться? — крикнулъ онъ.

— Не безпокойтесь . . . мы какъ-нибудь поправимъ это, а пока потрудитесь снять и носки.

— Вы не шутите? Это, дѣйствительно, такъ необходимо? — сверкнулъ глазами Митя.

— Намъ не до шутокъ! — строго отпарировалъ Николай Парѳеновичъ.

— Что жъ, если надо . . . я . . . — забормоталъ Митя и, сѣвъ на кровать, началъ снимать носки. Ему было нестерпимо конфузно: всѣ одѣты, а онъ раздѣтъ и, странно это, — раздѣтый, онъ какъ бы и самъ почувствовалъ себя предъ ними виноватымъ, и, главное, самъ былъ почти согласенъ, что, дѣйствительно, вдругъ сталъ всѣхъ ихъ ниже, и что теперь они уже имѣютъ полное право его презирать. «Коли всѣ раздѣты, такъ не стыдно, а одинъ раздѣтъ, а всѣ смотрятъ — позоръ!» мелькало опять и опять у него въ умѣ! «Точно во снѣ, я во снѣ иногда такіе позоры надъ собою видывалъ». Но снять носки ему было даже мучительно: они были очень нечисты, да и нижнее бѣлье тоже, и теперь это всѣ увидали. А, главное, онъ самъ не любилъ свои ноги, почему-то всю жизнь находилъ свои большіе пальцы на обѣихъ ногахъ уродливыми, особенно одинъ грубый, плоскій, какъ-то загнув-

шійся внизъ ноготь на правой ногѣ, и вотъ теперь всѣ они увидятъ. Отъ нестерпимаго стыда онъ вдругъ сталъ еще болѣе и уже нарочно грубъ. Онъ самъ сорвалъ съ себя рубашку.

— Не хотите ли и еще гдѣ поискать, если вамъ не стыдно?

— Нѣтъ-съ, пока не надо.

— Что жъ, мнѣ такъ и оставаться голымъ? — свирѣпо прибавилъ онъ.

— Да, это пока необходимо... Потрудитесь пока здѣсь присѣсть, можете взять съ кровати одѣяло и завернуться, а я... я это все улажу.

Всѣ вещи показали понятымъ, составили актъ осмотра и, наконецъ, Николай Парѳеновичъ вышелъ, а платье вынесли за нимъ. Ипполитъ Кирилловичъ тоже вышелъ. Остались съ Митей одни мужики и стояли молча, не спуская съ него глазъ. Митя завернулся въ одѣяло, ему стало холодно. Голыя ноги его торчали наружу, и онъ все никакъ не могъ такъ напялить на нихъ одѣяло, чтобъ ихъ закрыть. Николай Парѳеновичъ что-то долго не возвращался, «истязательно долго», «за щенка меня почитаетъ», скрежеталъ зубами Митя. «Эта дрянь прокуроръ тоже ушелъ, вѣрно изъ презрѣнія, гадко стало смотрѣть на голаго». Митя все-таки полагалъ, что платье его тамъ гдѣ-то смотрятъ и принесутъ обратно. Но каково же было его негодованіе, когда Николай Парѳеновичъ вдругъ воротился совсѣмъ съ другимъ платьемъ, которое несъ за нимъ мужикъ.

— Ну, вотъ вамъ и платье, — развязно проговорилъ онъ, повидимому, очень довольный успѣхомъ своего хожденія. — Это господинъ Калгановъ жертвуетъ на сей любопытный случай, равно какъ

и чистую вамъ рубашку. Съ нимъ все это, къ счастью, какъ разъ оказалось въ чемоданѣ. Нижнее бѣлье и носки можете сохранить свои.

Митя страшно вскипѣлъ.

— Не хочу чужого платья! — грозно закричалъ онъ, — давайте мое!

— Невозможно.

— Давайте мое, къ черту Калганова, и его платье, и его самого!

Его долго уговаривали. Кое-какъ, однако, успокоили. Ему внушили, что платье его, какъ запачканное кровью, должно «примкнуть къ собранію вещественныхъ доказательствъ», оставить же его на немъ они теперь «не имѣютъ даже права . . . въ видахъ того, чѣмъ можетъ окончиться дѣло». Митя кое-какъ, наконецъ, это понялъ. Онъ мрачно замолчалъ и сталъ, спѣша, одѣваться. Замѣтилъ только, надѣвая платье, что оно богаче его стараго платья и что онъ бы не хотѣлъ «пользоваться». Кромѣ того, «унизительно узко. Шута, что ли, я гороховаго долженъ въ немъ разыгрывать . . . къ вашему наслажденію?»

Ему опять внушили, что онъ и тутъ преувеличиваетъ, что господинъ Калгановъ, хоть и выше его ростомъ, но лишь немного, и развѣ только вотъ панталоны выйдутъ длинноваты. Но сюртукъ оказался, дѣйствительно, узокъ въ плечахъ:

— Чертъ возьми, и застегнуться трудно, — заворчалъ снова Митя, — сдѣлайте одолженіе, извольте отъ меня сей же часъ передать господину Калганову, что не я просилъ у него его платья, и что меня самого перерядили въ шута.

— Онъ это очень хорошо понимаетъ и сожалѣетъ . . . то есть не о платьѣ своемъ сожалѣетъ,

а собственно обо всемъ этомъ случаѣ . . . — промямлилъ было Николай Парѳеновичъ.

— Наплевать на его сожалѣніе! Ну, куда теперь? Или все здѣсь сидѣть?

Его попросили выйти опять въ «ту комнату». Митя вышелъ хмурый отъ злобы и стараясь ни на кого не глядѣть. Въ чужомъ платьѣ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ опозореннымъ, даже предъ этими мужиками и Трифономъ Борисовичемъ, лицо котораго вдругъ зачѣмъ-то мелькнуло въ дверяхъ и исчезло: «на ряженаго заглянуть приходилъ», подумалъ Митя. Онъ усѣлся на своемъ прежнемъ стулѣ. Мерещилось ему что-то кошмарное и нелѣпое, казалось ему, что онъ не въ своемъ умѣ.

— Ну, что жъ теперь, пороть розгами, что ли, меня начнете, вѣдь больше-то ничего не осталось, — заскрежеталъ онъ, обращаясь къ прокурору. Къ Николаю Парѳеновичу онъ и повернуться уже не хотѣлъ, какъ бы и говорить съ нимъ не удостаивая. «Слишкомъ ужъ пристально мои носки осматривалъ, да еще велѣлъ, подлецъ, выворотить, это онъ нарочно, чтобы выставить всѣмъ, какое у меня грязное бѣлье!»

— Да вотъ придется теперь перейти къ допросу свидѣтелей, — произнесъ Николай Парѳеновичъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ Дмитрія Ѳедоровича.

— Да-съ, — вдумчиво проговорилъ прокуроръ, тоже какъ бы что-то соображая.

— Мы, Дмитрій Ѳедоровичъ, сдѣлали, что могли въ вашихъ же интересахъ, — продолжалъ Николай Парѳеновичъ, — но, получивъ столь радикальный съ вашей стороны отказъ разъяснить намъ насчетъ происхожденія находившейся при васъ суммы, мы, въ данную минуту . . .

— Это изъ чего у васъ перстень? — перебилъ вдругъ Митя, какъ бы выходя изъ какой-то задумчивости и указывая пальцемъ на одинъ изъ трехъ большихъ перстней, украшавшихъ правую ручку Николая Парѳеновича.

— Перстень? — переспросилъ съ удивленіемъ Николай Парѳеновичъ.

— Да, вотъ этотъ... вотъ на среднемъ пальцѣ, съ жилочками, какой это камень? — какъ-то раздражительно, словно упрямый ребенокъ, настаивалъ Митя.

— Это дымчатый топазъ, — улыбнулся Николай Парѳеновичъ, — хотите посмотрѣть, я сниму...

— Нѣтъ, нѣтъ, не снимайте! — свирѣпо крикнулъ Митя, вдругъ опомнившись и озлившись на себя самого, — не снимайте, не надо... Чертъ... Господа, вы огадили мою душу! Неужели вы думаете, что я сталъ бы скрывать отъ васъ, если бы въ самомъ дѣлѣ убилъ отца, вилять, лгать и прятаться? Нѣтъ, не таковъ Дмитрій Карамазовъ, онъ бы этого не вынесъ, и если бъ я былъ виновенъ, клянусь, не ждалъ бы вашего сюда прибытія и восхода солнца, какъ намѣревался сначала, а истребилъ бы себя еще прежде, еще не дожидаясь разсвѣта! Я чувствую это теперь по себѣ. Я въ двадцать лѣтъ жизни не научился бы столькому, сколько узналъ въ эту проклятую ночь!.. И таковъ ли, таковъ ли былъ бы я въ эту ночь и въ эту проклятую минуту теперь, сидя съ вами, — такъ ли бы я говорилъ, такъ ли двигался, такъ ли бы смотрѣлъ на васъ и на міръ, если бы въ самомъ дѣлѣ былъ отцеубійцей, когда даже нечаянное это убійство Григорія не давало мнѣ покоя всю ночь, —

не отъ страха, о! не отъ одного только страха вашего наказанія! Позоръ! И вы хотите, чтобъ я такимъ насмѣшникамъ, какъ вы, ничего не видящимъ и ничему не вѣрящимъ, слѣпымъ кротамъ и насмѣшникамъ, сталъ открывать и разсказывать еще новую подлость мою, еще новый позоръ, хотя бы это и спасло меня отъ вашего обвиненія? Да лучше въ каторгу! Тотъ, который отперъ къ отцу дверь и вошелъ этою дверью, тотъ и убилъ его, тотъ и обокралъ. Кто онъ — я теряюсь и мучаюсь, но это не Дмитрій Карамазовъ, знайте это, — и вотъ все, что я могу вамъ сказать, и довольно, довольно, не приставайте... Ссылайте, казните, но не раздражайте меня больше. Я замолчалъ. Зовите вашихъ свидѣтелей!

Митя проговорилъ свой внезапный монологъ, какъ бы совсѣмъ уже рѣшившись впредь окончательно замолчать. Прокуроръ все время слѣдилъ за нимъ и, только что онъ замолчалъ, съ самымъ холоднымъ и съ самымъ спокойнымъ видомъ вдругъ проговорилъ точно самую обыкновенную вещь:

— Вотъ именно по поводу этой отворенной двери, о которой вы сейчасъ упомянули, мы, и какъ разъ кстати, можемъ сообщить вамъ, именно теперь, одно чрезвычайно любопытное и въ высшей степени важное, для васъ и для насъ, показаніе раненаго вами старика Григорія Васильева. Онъ ясно и настойчиво передалъ намъ очнувшись, на разспросы наши, что въ то еще время, когда, выйдя на крыльцо и заслышавъ въ саду нѣкоторый шумъ, онъ рѣшился войти въ садъ чрезъ калитку, стоявшую отпертою, то войдя въ садъ, еще прежде чѣмъ замѣтилъ васъ въ темнотѣ убѣгающаго, какъ вы сообщили уже намъ, отъ отвореннаго окошка, въ

которомъ видѣли вашего родителя, онъ, Григорій, бросивъ взглядъ налѣво и замѣтивъ, дѣйствительно, это отворенное окошко, замѣтилъ въ то же время, гораздо ближе къ себѣ, и настежь отворенную дверь, про которую вы заявили, что она все время, какъ вы были въ саду, оставалась запертою. Не скрою отъ васъ, что самъ Васильевъ твердо заключаетъ и свидѣтельствуетъ, что вы должны были выбѣжать изъ двери, хотя, конечно, онъ своими глазами и не видалъ, какъ вы выбѣгали, запримѣтивъ васъ въ первый моментъ уже въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, среди сада, убѣгающаго къ сторонѣ забора . . .

Митя еще съ половины рѣчи вскочилъ со стула.

— Вздоръ! — завопилъ онъ вдругъ въ изступленіи, — наглый обманъ! Онъ не могъ видѣть отворенную дверь, потому что она была тогда заперта . . Онъ лжетъ! . .

— Долгомъ считаю вамъ повторить, что показаніе его твердое. Онъ не колеблется. Онъ стоитъ на немъ. Мы нѣсколько разъ его переспрашивали.

— Именно, я нѣсколько разъ переспрашивалъ, — съ жаромъ подтвердилъ и Николай Парѳеновичъ.

— Неправда, неправда! Это или клевета на меня, или галюцинація сумасшедшаго, — продолжалъ кричать Митя, — просто-за-просто въ бреду, въ крови, отъ раны, ему померещилось, когда очнулся . . . Вотъ онъ и бредитъ.

— Да-съ, но вѣдь замѣтилъ онъ отпертую дверь не когда очнулся отъ раны, а еще прежде того, какъ только онъ входилъ въ садъ изъ флигеля.

— Да неправда же, неправда, это не можетъ

быть! Это онъ со злобы на меня клевещетъ... Онъ не могъ видѣть... Я не выбѣгалъ изъ двери, — задыхался Митя.

Прокуроръ повернулся къ Николаю Парѳеновичу и внушительно проговорилъ ему:

— Предъявите.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? — выложилъ вдругъ Николай Парѳеновичъ на столъ большой, изъ толстой бумаги, канцелярскаго размѣра конвертъ, на которомъ виднѣлись еще три сохранившіяся печати. Самый же конвертъ былъ пустъ и съ одного бока разорванъ. Митя выпучилъ на него глаза.

— Это... это отцовскій, стало быть, конвертъ, — пробормоталъ онъ, — тотъ самый, въ которомъ лежали эти три тысячи... и, если надпись, позвольте: «Цыпленочку»... вотъ: три тысячи, — вскричалъ онъ, — три тысячи, видите?

— Какъ же-съ, видимъ, но мы денегъ уже въ немъ не нашли, онъ былъ пустой и валялся на полу, у кровати за ширмами.

Нѣсколько секундъ Митя стоялъ, какъ ошеломленный.

— Господа, это Смердяковъ! — закричалъ онъ вдругъ изо всей силы, — это онъ убилъ, онъ ограбилъ! Только онъ одинъ и зналъ, гдѣ спрятанъ у старика конвертъ... Это онъ, теперь ясно!

— Но вѣдь и вы же знали про конвертъ и о томъ, что онъ лежитъ подъ подушкой.

— Никогда не зналъ; я и не видѣлъ никогда его вовсе, въ первый разъ теперь вижу, а прежде только отъ Смердякова слышалъ... Онъ одинъ зналъ, гдѣ у старика спрятано, а я не зналъ... — совсѣмъ задыхался Митя.

— И, однако жъ, вы сами показали намъ давеча, что конвертъ лежалъ у покойнаго родителя подъ подушкой. Вы именно сказали, что подъ подушкой, стало быть, знали же, гдѣ лежалъ.

— Мы такъ и записали! — подтвердилъ Николай Парѳеновичъ.

— Вздоръ, нелѣпость! Я совсѣмъ не зналъ, что подъ подушкой. Да, можетъ быть, вовсе и не подъ подушкой... Я наобумъ сказалъ, что подъ подушкой... Что Смердяковъ говоритъ? Вы его спрашивали, гдѣ лежалъ? Что Смердяковъ говоритъ? Это главное... А я нарочно налгалъ на себя... Я вамъ совралъ не думавши, что лежалъ подъ подушкой, а вы теперь... Ну, знаете, сорвется съ языка и соврешь. А зналъ одинъ Смердяковъ, только одинъ Смердяковъ и никто больше!.. Онъ и мнѣ не открылъ, гдѣ лежитъ! Но это онъ, это онъ; это несомнѣнно онъ убилъ, это мнѣ теперь ясно, какъ свѣтъ, — восклицалъ все болѣе и болѣе въ изступленіи Митя, безсвязно повторяясь, горячась и ожесточаясь. — Поймите вы это и арестуйте его скорѣй, скорѣй... Онъ именно убилъ, когда я убѣжалъ и когда Григорій лежалъ безъ чувствъ, это теперь ясно... Онъ подалъ знаки, и отецъ ему отперъ... Потому что только онъ одинъ зналъ знаки, а безъ знаковъ отецъ бы никому не отперъ...

— Но опять вы забываете то обстоятельство, — все такъ же сдержанно, но какъ бы уже торжествуя, замѣтилъ прокуроръ, — что знаковъ и подавать было не надо, если дверь уже стояла отпертою, еще при васъ, еще когда вы находились въ саду...

— Дверь, дверь, — бормоталъ Митя и безмоль-

но уставился на прокурора; онъ въ безсиліи опустился опять на стулъ. Всѣ замолчали.

— Да, дверь!.. Это фантомъ! Богъ противъ меня! — воскликнулъ онъ совсѣмъ уже безъ мысли глядя предъ собою.

— Вотъ видите, — важно проговорилъ прокуроръ, — и посудите теперь сами, Дмитрій Ѳедоровичъ: съ одной стороны это показаніе объ отворенной двери, изъ которой вы выбѣжали, подавляющее васъ и насъ. Съ другой стороны — непонятное, упорное и почти ожесточенное умолчаніе ваше насчетъ происхожденія денегъ, вдругъ появившихся въ вашихъ рукахъ, тогда какъ еще за три часа до этой суммы вы, по собственному показанію, заложили пистолеты ваши, чтобы получить только десять рублей! Въ виду всего этого рѣшите сами: чему же намъ вѣрить и на чемъ остановиться? И не претендуйте на насъ, что мы «холодные циники и насмѣшливые люди», которые не въ состояніи вѣрить благороднымъ порывамъ вашей души... Вникните, напротивъ, и въ наше положеніе...

Митя былъ въ невообразимомъ волненіи, онъ поблѣднѣлъ.

— Хорошо! — воскликнулъ онъ вдругъ, — я открою вамъ мою тайну, открою, откуда взялъ деньги!.. Открою позоръ, чтобы не винить потомъ ни васъ, ни себя...

— И повѣрьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, — какимъ-то умиленно радостнымъ голоскомъ подхватилъ Николай Парѳеновичъ, — что всякое искреннее и полное сознаніе ваше, сдѣланное именно въ теперешнюю минуту, можетъ впослѣдствіи повліять къ безмѣрному облегченію участи вашей и даже, кромѣ того...

Но прокуроръ слегка толкнулъ его подъ столомъ, и тотъ успѣлъ во-время остановиться. Митя, правда, его и не слушалъ.

VII.

Великая тайна Мити. Освистали.

— Господа, — началъ онъ, все въ томъ же волненіи, — эти деньги... я хочу признаться вполнѣ... эти деньги были *мои*.

У прокурора и слѣдователя даже лица вытянулись, не того совсѣмъ они ожидали.

— Какъ же ваши, — пролепеталъ Николай Парѳеновичъ, — тогда какъ еще въ пять часовъ дня, по собственному признанію вашему...

— Э, къ черту пять часовъ того дня и собственное признаніе мое, не въ томъ теперь дѣло! Эти деньги были мои, мои, то есть краденыя мои... не мои, то есть, а краденыя, мною украденныя, и ихъ было полторы тысячи, и онѣ были со мной, все время со мной...

— Да откуда же вы ихъ взяли?

— Съ шеи, господа, взялъ, съ шеи, вотъ съ этой самой моей шеи... Здѣсь онѣ были, у меня на шеѣ, зашиты въ тряпку и висѣли на шеѣ, уже давно, уже мѣсяцъ, какъ я ихъ на шеѣ со стыдомъ и позоромъ носилъ!

— Но у кого же вы ихъ... присвоили?

— Вы хотѣли сказать: «украли»? Говорите теперь слова прямо. Да, я считаю, что я ихъ все равно, что укралъ, а если хотите, дѣйствительно, «присвоилъ». Но, по-моему, укралъ. А вчера, вечеромъ, такъ ужъ совсѣмъ укралъ.

— Вчера вечеромъ? Но вы сказали, что ужъ мѣсяцъ, какъ ихъ . . . достали!

— Да, но не у отца, не у отца, не безпокойтесь, не у отца укралъ, а у ней. Дайте разсказать и не перебивайте. Это вѣдь тяжело. Видите: мѣсяцъ назадъ призываетъ меня Катерина Ивановна Верховцева, бывшая невѣста моя . . . Знаете вы ее?

— Какъ же-съ, помилуйте.

— Знаю, что знаете. Благороднѣйшая душа, благороднѣйшая изъ благородныхъ, но меня ненавидѣвшая уже, о, давно, давно . . . и заслуженно, заслуженно ненавидѣвшая!

— Катерина Ивановна? — съ удивленіемъ переспросилъ слѣдователь. Прокуроръ тоже ужасно уставился.

— О, не произносите имени ея всуе! Я подлецъ, что ее вывожу. Да, я видѣлъ, что она меня ненавидѣла . . . давно . . . съ самаго перваго раза, съ самаго того у меня на квартирѣ еще тамъ . . . Но довольно, довольно, это вы даже и знать недостойны, это не надо вовсе . . . А надо лишь то, что призвала меня мѣсяцъ назадъ, выдала мнѣ три тысячи, чтобъ отослать своей сестрѣ и еще одной родственницѣ въ Москву (и какъ будто сама не могла послать!), а я . . . это было именно въ тотъ роковой часъ моей жизни, когда я . . . ну, однимъ словомъ, когда я только что полюбилъ другую, *ее*, теперешнюю, вонъ она у васъ теперь тамъ внизу сидитъ, Грушеньку . . . я схватилъ ее тогда сюда въ Мокрое и прокутилъ здѣсь въ два дня половину этихъ проклятыхъ трехъ тысячъ, то есть полторы тысячи, а другую половину удержалъ на себѣ. Ну, вотъ эти полторы тысячи, которыя я удержалъ, я и носилъ съ собой на шеѣ, вмѣсто ладонки, а вчера

распечаталъ и прокутилъ. Сдача въ восемьсотъ рублей у васъ теперь въ рукахъ, Николай Парѳеновичъ, это сдача со вчерашнихъ полутора тысячъ.

— Позвольте, какъ же это, вѣдь вы прокутили тогда здѣсь, мѣсяцъ назадъ, три тысячи, а не полторы, всѣ это знаютъ?

— Кто жъ это знаетъ? Кто считалъ? Кому я давалъ считать?

— Помилуйте, да вы сами говорили всѣмъ, что прокутили тогда ровно три тысячи.

— Правда, говорилъ, всему городу говорилъ, и весь городъ говорилъ, и всѣ такъ считали, и здѣсь, въ Мокромъ, такъ же всѣ считали, что три тысячи, Только все-таки я прокутилъ не три, а полторы тысячи, а другія полторы зашилъ въ ладонку; вотъ какъ дѣло было, господа, вотъ откуда эти вчерашнія деньги...

— Это почти чудесно... — пролепеталъ Николай Парѳеновичъ.

— Позвольте спросить, — проговорилъ, наконецъ, прокуроръ, — не объявляли вы хоть кому-нибудь объ этомъ обстоятельствѣ прежде... то есть, что полторы эти тысячи оставили тогда же, мѣсяцъ назадъ, при себѣ?

— Никому не говорилъ.

— Это странно. Неужели такъ-таки совсѣмъ никому?

— Совсѣмъ никому. Никому и никому!

— Но почему же такое умолчаніе? Что побудило васъ сдѣлать изъ этого такой секретъ? Я объяснюсь точнѣе: вы объявили намъ, наконецъ, вашу тайну, по словамъ вашимъ, столь «позорную», хотя въ сущности — то есть, конечно, лишь отно-

сительно говоря — этотъ поступокъ, то есть именно присвоеніе чужихъ трехъ тысячъ рублей, и, безъ сомнѣнія, лишь временное — поступокъ этотъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, есть лишь въ высшей степени поступокъ легкомысленный, но не столь позорный, принимая, кромѣ того, во вниманіе и вашъ характеръ... Ну, положимъ, даже и зазорный въ высшей степени поступокъ, я согласенъ, но зазорный, все же не позорный... То есть, я веду собственно къ тому, что про растраченныя вами эти три тысячи отъ госпожи Верховцевой уже многіе догадывались въ этотъ мѣсяцъ и безъ вашего признанія, я слышалъ эту легенду самъ... Михаилъ Макаровичъ, напримѣръ, тоже слышалъ. Такъ что, наконецъ, это почти уже не легенда, а сплетня всего города. Къ тому же есть слѣды, что и вы сами, если не ошибаюсь, кому-то признавались въ этомъ, то есть именно, что деньги эти отъ госпожи Верховцевой... А потому и удивляетъ меня слишкомъ, что вы придавали до сихъ поръ, то есть до самой настоящей минуты, такую необычайную тайну этимъ отложеннымъ, по вашимъ словамъ, полутора тысячамъ, сопрягая съ вашею тайной этою какой-то даже ужасъ... Невѣроятно, чтобы подобная тайна могла стòить вамъ столькихъ мученій къ признанію... потому что вы кричали сейчасъ даже, что лучше на каторгу, чѣмъ признаться...

Прокуроръ замолкъ. Онъ разгорячился. Онъ не скрывалъ своей досады, почти злобы, и выложилъ все накопившееся, даже не заботясь о красотѣ слога, то есть безсвязно и почти сбивчиво.

— Не въ полутора тысячахъ заключался позоръ, а въ томъ, что эти полторы тысячи я отдѣ-

лилъ отъ тѣхъ трехъ тысячъ, — твердо произнесъ Митя.

— Но что же, — раздражительно усмѣхнулся прокуроръ, — что именно въ томъ позорнаго, что уже отъ взятыхъ зазорно, или, если сами желаете, то и позорно, трехъ тысячъ вы отдѣлили половину по своему усмотрѣнію? Важнѣе то, что вы три тысячи присвоили, а не то, какъ съ ними распорядились. Кстати, почему вы именно такъ распорядились, то есть отдѣлили эту половину? Для чего, для какой цѣли такъ сдѣлали, можете это намъ объяснить?

— О, господа, да въ цѣли-то и вся сила! — воскликнулъ Митя, — отдѣлилъ по подлости, то есть по расчету, ибо расчетъ въ этомъ случаѣ и есть подлость... И цѣлый мѣсяцъ продолжалась эта подлость!

— Непонятно.

— Удивляюсь вамъ. А, впрочемъ, объясняюсь еще, дѣйствительно, можетъ быть, непонятно. Видите, слѣдите за мной: я присвояю три тысячи, ввѣренныя моей чести, кучу на нихъ, прокутилъ всѣ, на утро являюсь къ ней и говорю: «Катя, виноватъ, я прокутилъ твои три тысячи», — ну что, хорошо? Нѣтъ, не хорошо, — безчестно и малодушно, звѣрь и до звѣрства не умѣющій сдержать себя человѣкъ, такъ ли, такъ ли? Но все же не воръ? Не прямой же вѣдь воръ, не прямой, согласитесь! Прокутилъ, но не укралъ! Теперь второй, еще выгоднѣйшій случай, слѣдите за мной, а то я, пожалуй, опять собьюсь — какъ-то голова кружится, — итакъ, второй случай: прокучиваю я здѣсь только полторы тысячи изъ трехъ, то есть половину. На другой день прихожу къ ней и приношу

эту половину: «Катя, возьми отъ меня, мерзавца и легкомысленнаго подлеца, эту половину, потому что половину я прокутилъ, прокучу, стало быть, и эту, такъ чтобы отъ грѣха долой!» Ну, какъ въ такомъ случаѣ? Все, что угодно, и звѣрь и подлецъ, но уже не воръ, не воръ окончательно, ибо, если бъ воръ, то навѣрно бы не принесъ назадъ половину сдачи, а присвоилъ бы и ее. Тутъ же она видитъ, что коль скоро принесъ половину, то донесетъ и остальныя, то есть прокученныя, всю жизнь искать будетъ, работать будетъ, но найдетъ и отдастъ. Такимъ образомъ, подлецъ, но не воръ, не воръ, какъ хотите, не воръ!

— Положимъ, что есть нѣкоторая разница, — холодно усмѣхнулся прокуроръ. — Но странно все-таки, что вы видите въ этомъ такую роковую уже разницу.

— Да, вижу такую роковую разницу! Подлецомъ можетъ быть всякій, да и есть, пожалуй, всякій, но воромъ можетъ быть не всякій, а только архиподлецъ. Ну, да я тамъ этимъ тонкостямъ не умѣю . . . А только воръ подлѣе подлеца, вотъ мое убѣжденіе. Слушайте: я ношу деньги цѣлый мѣсяцъ на себѣ, завтра же я могу рѣшиться ихъ отдать, и я уже не подлецъ, но рѣшиться-то я не могу, вотъ что, хотя и каждый день рѣшаюсь, хотя и каждый день толкаю себя: «рѣшись, рѣшись, подлецъ», и вотъ весь мѣсяцъ не могу рѣшиться вотъ что! Что, хорошо по-вашему, хорошо?

— Положимъ, не такъ хорошо, это я отлично могу понять и въ этомъ я не спорю, — сдержанно отвѣтилъ прокуроръ. — Да и вообще отложимъ всякое препираніе объ этихъ тонкостяхъ и различіяхъ, а вотъ опять-таки если бъ вамъ угодно был.

перейти къ дѣлу. А дѣло именно въ томъ, что вы еще не изволили намъ объяснить, хотя мы и спрашивали: для чего первоначально сдѣлали такое раздѣленіе въ этихъ трехъ тысячахъ, то есть одну половину прокутили, а другую припрятали? Именно для чего собственно припрятали, на что хотѣли собственно эти отдѣленныя полторы тысячи употребить? Я на этомъ вопросѣ настаиваю, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ! — вскричалъ Митя, ударивъ себя по лбу, — простите, я васъ мучаю, а главнаго и не объясняю, а то бы вы вмигъ поняли, ибо въ цѣли-то, въ цѣли-то этой и позоръ! Видите, тутъ все этотъ старикъ, покойникъ, онъ все Аграфену Александровну смущалъ, а я ревновалъ, думалъ тогда, что она колеблется между мною и имъ: вотъ и думаю каждый день: что если вдругъ съ ея стороны рѣшеніе, что если она устанетъ меня мучить, и вдругъ скажетъ мнѣ: «тебя люблю, а не его, увози меня на край свѣта». А у меня всего два двугривенныхъ; съ чѣмъ увезешь, что тогда дѣлать, — вотъ и пропалъ. Я вѣдь ее тогда не зналъ и не понималъ, я думалъ, что ей денегъ надо и что нищеты моей она мнѣ не проститъ. И вотъ я ехидно отсчитываю половину отъ трехъ тысячъ и зашиваю иглой хладнокровно, зашиваю, съ расчетомъ, еще до пьянства зашиваю, а потомъ, какъ ужъ зашилъ, на остальную половину ѣду пьянствовать! Нѣтъ-съ, это подлость! Поняли теперь?

Прокуроръ громко разсмѣялся, слѣдователь тоже.

— По-моему, даже благоразумно и нравственно, что удержались и не всѣ прокутили, — прохихикалъ Николай Парѳеновичъ, — потому что, что же тутъ такого-съ?

— Да то, что укралъ, вотъ что! О, Боже, вы меня ужасаете непониманіемъ! Все время, пока я носилъ эти полторы тысячи, зашитыя на груди, я каждый день и каждый часъ говорилъ себѣ: «ты воръ, ты воръ!» Да я оттого и свирѣпствовалъ въ этотъ мѣсяцъ, оттого и дрался въ трактирѣ, оттого и отца избилъ, что чувствовалъ себя воромъ! Я даже Алешѣ, брату моему, не рѣшился и не посмѣлъ открыть про эти полторы тысячи: до того чувствовалъ, что подлецъ и мазурикъ! Но знайте, что пока я носилъ, я въ то же время каждый день и каждый часъ мой говорилъ себѣ: «нѣтъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, ты, можетъ быть, еще и не воръ». Почему? А именно потому, что ты можешь завтра пойти и отдать эти полторы тысячи Катѣ. И вотъ вчера только я рѣшился сорвать мою ладонку съ шеи, идя отъ Ѳени къ Перхотину, а до той минуты не рѣшался, и только что сорвалъ, въ ту же минуту сталъ уже окончательный и безспорный воръ, воръ и безчестный человѣкъ на всю жизнь. Почему? Потому что вмѣстѣ съ ладонкой и мечту мою пойти къ Катѣ и сказать: «я подлецъ, а не воръ» разорвалъ! Понимаете теперь, понимаете?

— Почему же вы именно вчера вечеромъ на это рѣшились? — прервалъ было Николай Парѳеновичъ.

— Почему? Смѣшно спрашивать: потому что осудилъ себя на смерть, въ пять часовъ утра, здѣсь на разсвѣтѣ: «вѣдь все равно, подумалъ, умирать подлецомъ или благороднымъ!» Такъ вотъ нѣтъ же, не все равно оказалось! Вѣрите ли, господа, не то, не то меня мучило больше всего въ эту ночь, что я старика-слугу убилъ, и что грозила Сибирь, и еще когда? когда увѣнчалась любовь моя и небо откры-

лось мнѣ снова! О, это мучило, но не такъ; все же не такъ, какъ это проклятое сознаніе, что я сорвалъ, наконецъ, съ груди эти проклятыя деньги и ихъ растратилъ, а, стало быть, теперь уже воръ окончательный! О, господа, повторяю вамъ съ кровью сердца: много я узналъ въ эту ночь! Узналъ я, что не только жить подлецомъ невозможно, но и умирать подлецомъ невозможно... Нѣтъ, господа, умирать надо честно!..

Митя былъ блѣденъ. Лицо его имѣло изможденный и измученный видъ, несмотря на то, что онъ былъ до крайности разгоряченъ.

— Я начинаю васъ понимать, Дмитрій Ѳедоровичъ, — мягко и даже какъ бы сострадательно протянулъ прокуроръ, — но все это, воля ваша, по-моему, лишь нервы... болѣзненные нервы ваши, вотъ что-съ. И почему бы, напримѣръ, вамъ, чтобъ избавить себя отъ столькихъ мукъ почти цѣлаго мѣсяца, не пойти и не отдать эти полторы тысячи той особѣ, которая вамъ ихъ довѣрила, и, уже объяснившись съ нею, почему бы вамъ, въ виду вашего тогдашняго положенія, столь ужаснаго, какъ вы его рисуете, не испробовать комбинацію, столь естественно представляющуюся уму, то есть послѣ благороднаго признанія ей въ вашихъ ошибкахъ, почему бы вамъ у ней же и не попросить потребную на ваши расходы сумму, въ которой она, при великодушномъ сердцѣ своемъ и видя ваше разстройство, ужъ, конечно бы, вамъ не отказала, особенно если бы подъ документъ, или, наконецъ, хотя бы подъ такое же обезпеченіе, которое вы предлагали купцу Самсонову и госпожѣ Хохлаковой? Вѣдь считаете же вы до сихъ поръ это обезпеченіе цѣннымъ?

Митя вдругъ покраснѣлъ:

— Неужто же вы меня считаете даже до такой ужъ степени подлецомъ? Не можетъ быть, чтобы вы это серьезно! . . — проговорилъ онъ съ негодованіемъ, смотря въ глаза прокурору и какъ бы не вѣря, что отъ него слышалъ.

— Увѣряю васъ, что серьезно . . . Почему вы думаете, что не серьезно? — удивился въ свою очередь и прокуроръ.

— О, какъ это было бы подло! Господа, знаете ли вы, что вы меня мучаете! Извольте, я вамъ все разскажу, такъ и быть, я вамъ теперь уже во всей моей инфернальности признаюсь, но, чтобы васъ же устыдить, и вы сами удивитесь, до какой подлости можетъ дойти комбинація чувствъ человѣческихъ. Знайте же, что я уже имѣлъ эту комбинацію самъ, вотъ эту самую, про которую вы сейчасъ говорили, прокуроръ! Да, господа, и у меня была эта мысль въ этотъ проклятый мѣсяцъ, такъ что почти уже рѣшался идти къ Катѣ, до того былъ подлъ! Но идти къ ней, объявить ей мою измѣну, и на эту же измѣну, для исполненія же этой измѣны, для предстоящихъ расходовъ на эту измѣну, у ней же, у Кати же, просить денегъ (просить, слышите, просить!) и тотчасъ отъ нея же убѣжать съ другою, съ соперницей, съ ея ненавистницей и обидчицей, — помилуйте, да вы съ ума сошли, прокуроръ!

— Съ ума не съ ума, но, конечно, я сгоряча не сообразилъ . . . насчетъ этой самой вотъ женской ревности. . . если тутъ, дѣйствительно, могла быть ревность, какъ вы утверждаете . . . да, пожалуй, тутъ есть нѣчто въ этомъ родѣ, — усмѣхнулся прокуроръ.

— Но это была бы ужъ такая мерзость, — свирѣпо ударилъ Митя кулакомъ по столу, — это такъ бы воняло, что ужъ я и не знаю! Да знаете ли вы, что она могла бы мнѣ дать эти деньги, да и дала бы, навѣрно дала бы, изъ отмщенія мнѣ, дала бы изъ наслажденія мщеніемъ, изъ презрѣнія ко мнѣ дала бы, потому что это тоже инфернальная душа и великаго гнѣва женщина! Я-то бы деньги взялъ, о, взялъ бы, взялъ, и тогда всю жизнь . . . о, Боже! Простите, господа, я потому такъ кричу, что у меня была эта мысль еще такъ недавно, еще всего только третьяго дня, именно когда я ночью съ Лягавымъ возился, и потомъ вчера, да, и вчера, весь день вчера, я помню это, до самаго этого случая . . .

— До какого случая? — ввернулъ было Николай Парѳеновичъ съ любопытствомъ, но Митя не разслышалъ.

— Я сдѣлалъ вамъ страшное признаніе, — мрачно заключилъ онъ. — Оцѣните же его, господа. Да мало того, мало оцѣнить, не оцѣните, а цѣните его, а если нѣтъ, если и это пройдетъ мимо вашихъ душъ: то тогда уже вы прямо не уважаете меня, господа, вотъ что я вамъ говорю, и я умру отъ стыда, что признался такимъ, какъ вы! О, я застрѣлюсь! Да я уже вижу, вижу, что вы мнѣ не вѣрите! Какъ, такъ вы и это хотите записывать? — вскричалъ онъ уже въ испугѣ.

— Да вотъ что вы сейчасъ сказали, — въ удивленіи смотрѣлъ на него Николай Парѳеновичъ, — то есть, что вы до самаго послѣдняго часа все еще располагали идти къ госпожѣ Верховцевой просить у нея эту сумму . . . Увѣряю васъ, что это очень важное для насъ показаніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, то

есть про весь этотъ случай... и особенно для васъ, особенно для васъ важное.

— Помилосердствуйте, господа, — всплеснулъ руками Митя, — хоть этого-то не пишите, постыдитесь! Вѣдь я, такъ сказать, душу мою разорвалъ пополамъ передъ вами, а вы воспользовались и роетесь пальцами по разорванному мѣсту въ обѣихъ половинахъ... О, Боже!

Онъ закрылся въ отчаяніи руками.

— Не безпокойтесь такъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, — заключилъ прокуроръ, — все теперь записанное вы потомъ прослушаете сами и съ чѣмъ не согласитесь, мы по вашимъ словамъ измѣнимъ, а теперь я вамъ одинъ вопросикъ еще въ третій разъ повторю: неужто въ самомъ дѣлѣ никто, такъ-таки вовсе никто, не слыхалъ отъ васъ объ этихъ зашитыхъ вами въ ладонку деньгахъ? Это, я вамъ скажу, почти невозможно представить.

— Никто, никто, я сказалъ, иначе вы ничего не поняли! Оставьте меня въ покоѣ.

— Извольте-съ, это дѣло должно объясниться и еще много къ тому времени впереди, но пока разсудите: у насъ, можетъ быть, десятки свидѣтельствъ о томъ, что вы именно сами распространяли, и даже кричали вездѣ о трехъ тысячахъ, истраченныхъ вами, о трехъ, а не о полутора, да и теперь, при появленіи вчерашнихъ денегъ, тоже многимъ успѣли дать знать, что денегъ опять привезли съ собою три тысячи.

— Не десятки, а сотни свидѣтельствъ у васъ въ рукахъ, двѣ сотни свидѣтельствъ, двѣ сотни человѣкъ слышали, тысяча слышала! — воскликнулъ Митя.

— Ну, вотъ видите-съ, всѣ, всѣ свидѣтель-

ствуютъ. Такъ вѣдь значитъ же что-нибудь слово *всѣ*.

— Ничего не значитъ, я совралъ, а за мной и всѣ стали врать.

— Да зачѣмъ же вамъ-то такъ надо было «врать», какъ вы изъясняетесь?

— А чертъ знаетъ. Изъ похвальбы, можетъ быть... такъ... что вотъ такъ много денегъ прокутилъ... Изъ того, можетъ, чтобъ объ этихъ зашитыхъ деньгахъ забыть... да, это именно оттого... чертъ... который разъ вы задаете этотъ вопросъ? Ну совралъ и кончено, разъ совралъ и не хотѣлъ ужъ переправлять. Изъ-за чего иной разъ вретъ человѣкъ?

— Это очень трудно рѣшить, Дмитрій Ѳедоровичъ, изъ-за чего вретъ человѣкъ, — внушительно проговорилъ прокуроръ. — Скажите, однако, велика ли была эта, какъ вы называете ее, ладонка, на вашей шеѣ?

— Нѣтъ, не велика.

— А какой, напримѣръ, величины?

— Бумажку сторублевую пополамъ сложить, вотъ и величина.

— А лучше бы вы намъ показали лоскутки? Вѣдь они гдѣ-нибудь при васъ.

— Э, чертъ... какія глупости... я не знаю, гдѣ они.

— Но позвольте, однако: гдѣ же и когда вы ее сняли съ шеи? Вѣдь вы, какъ сами показываете, домой не заходили?

— А вотъ какъ отъ Ѳени вышелъ и шелъ къ Перхотину, дорогой и сорвалъ съ шеи и вынулъ деньги.

— Въ темнотѣ?

— Для чего тутъ свѣчка? Я это пальцемъ въ одинъ мигъ сдѣлалъ.

— Безъ ножницъ, на улицѣ?

— На площади, кажется; зачѣмъ ножницы? Ветхая тряпка сейчасъ разодралась.

— Куда же вы ее потомъ дѣли?

— Тамъ же и бросилъ.

— Гдѣ именно?

— Да на площади же, вообще на площади! Чертъ ее знаетъ, гдѣ на площади. Да для чего вамъ это?

— Это чрезвычайно важно, Дмитрій Ѳедоровичъ: вещественныя доказательства въ вашу же пользу, и какъ это вы не хотите понять? Кто же вамъ помогалъ зашивать мѣсяцъ назадъ?

— Никто не помогалъ, самъ зашивалъ.

— Вы умѣете шить?

— Солдатъ долженъ умѣть шить, а тутъ и умѣнья никакого не надо.

— Гдѣ же вы взяли матеріалъ, то есть эту тряпку, въ которую зашили?

— Неужто вы не смѣетесь?

— Отнюдь нѣтъ, и намъ вовсе не до смѣха, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Не помню, гдѣ взялъ тряпку, гдѣ-нибудь взялъ.

— Какъ бы, кажется, этого-то ужъ не запомнить?

— Да ей Богу же не помню, можетъ, что-нибудь разодралъ изъ бѣлья.

— Это очень интересно: въ вашей квартирѣ могла бы завтра отыскаться эта вещь, рубашка, можетъ быть, отъ которой вы оторвали кусокъ. Изъ чего эта тряпка была: изъ холста, изъ полотна?

— Чертъ ее знаетъ изъ чего. Постойте... Я, кажется, ни отъ чего не отрывалъ. Она была коленкоровая... Я, кажется, въ хозяйкинъ чепчикъ зашилъ.

— Въ хозяйкинъ чепчикъ?

— Да, я у ней утащилъ.

— Какъ это утащили?

— Видите, я, дѣйствительно, помнится, какъ-то утащилъ одинъ чепчикъ на тряпки, а, можетъ быть, перо обтирать. Взялъ тихонько, потому никуда негодная тряпка, лоскутки у меня валялись, а тутъ эти полторы тысячи, я взялъ и зашилъ... Кажется, именно, въ эти тряпки зашилъ. Старая коленкоровая дрянь, тысячу разъ мытая.

— И вы это твердо ужъ помните?

— Не знаю, твердо ли. Кажется, въ чепчикъ. Ну, да наплевать!

— Въ такомъ случаѣ, ваша хозяйка могла бы, по крайней мѣрѣ, припомнить, что у нея пропала эта вещь?

— Вовсе нѣтъ, она и не хватилась. Старая тряпка, говорю вамъ, старая тряпка, гроша не стоитъ.

— А иголку откуда взяли, нитки?

— Я прекращаю, больше не хочу. Довольно! — разсердился, наконецъ, Митя.

— И странно опять-таки, что вы такъ совсѣмъ ужъ забыли, въ какомъ именно мѣстѣ бросили на площади эту... ладонку.

— Да велите завтра площадь выместь, можетъ найдете, — усмѣхнулся Митя. — Довольно, господа, довольно, — измученнымъ голосомъ порѣшилъ онъ. — Вижу ясно: вы мнѣ не повѣрили! Ни въ чемъ и на грошъ! Вина моя, а не ваша, не надо

было соваться. Зачѣмъ, зачѣмъ я омерзилъ себя признаніемъ въ тайнѣ моей! А вамъ это смѣхъ, я по глазамъ вашимъ вижу. Это вы меня, прокуроръ, довели! Пойте себѣ гимнъ, если можете... Будьте вы прокляты, истязатели!

Онъ склонился головой и закрылъ лицо руками. Прокуроръ и слѣдователь молчали. Черезъ минуту онъ поднялъ голову и какъ-то безъ мысли поглядѣлъ на нихъ. Лицо его выражало уже совершившееся, уже безвозвратное отчаяніе, и онъ какъ-то замолкъ, сидѣлъ и какъ будто себя не помнилъ. Между тѣмъ, надо было оканчивать дѣло: слѣдовало неотложно перейти къ допросу свидѣтелей. Было уже часовъ восемь утра. Свѣчи давно уже какъ потушили. Михаилъ Макаровичъ и Калгановъ, все время допроса входившіе и уходившіе изъ комнаты, на этотъ разъ оба опять вышли. Прокуроръ и слѣдователь имѣли тоже чрезвычайно усталый видъ. Наставшее утро было ненастное, все небо затянулось облаками и дождь лилъ, какъ изъ ведра. Митя безъ мысли смотрѣлъ на окна.

— А можно мнѣ въ окно поглядѣть? — спросилъ онъ вдругъ Николая Парѳеновича.

— О, сколько вамъ угодно, — отвѣтилъ тотъ.

Митя всталъ и подошелъ къ окну. Дождь такъ и сѣкъ въ маленькія зеленоватыя стекла окошекъ. Виднѣлась прямо подъ окномъ грязная дорога, а тамъ дальше, въ дождливой мглѣ, черные, бѣдные, неприглядные ряды избъ, еще болѣе, казалось, почернѣвшихъ и побѣднѣвшихъ отъ дождя. Митя вспомнилъ «Феба златокудраго» и какъ онъ хотѣлъ застрѣлиться съ первымъ лучемъ его: «пожалуй, въ такое утро было бы и лучше», усмѣхнулся

онъ и вдругъ, махнувъ сверху внизъ рукой, повернулся къ «истязателямъ»:

— Господа! — воскликнулъ онъ, — я вѣдь вижу, что я пропалъ. Но она? Скажите мнѣ про нее, умоляю васъ, неужели и она пропадетъ со мной? Вѣдь она невинна, вѣдь она вчера кричала не въ умѣ, что «во всемъ виновата». Она ни въ чемъ не виновата! Я всю ночь скорбѣлъ, съ вами сидя... Нельзя ли, не можете ли мнѣ сказать: что вы съ нею теперь сдѣлаете?

— Рѣшительно успокойтесь на этотъ счетъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, — тотчасъ же и съ видимою поспѣшностью отвѣтилъ прокуроръ, — мы не имѣемъ пока никакихъ значительныхъ мотивовъ хоть въ чемъ-нибудь обезпокоить особу, которою вы такъ интересуетесь. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, надѣюсь, окажется то же... Напротивъ, сдѣлаемъ въ этомъ смыслѣ все, что только можно съ нашей стороны. Будьте совершенно спокойны.

— Господа, благодарю васъ, я вѣдь такъ и зналъ, что вы все-таки же честные и справедливые люди, несмотря ни на что. Вы сняли бремя съ души... Ну, что же мы теперь будемъ дѣлать? Я готовъ.

— Да вотъ-съ, поспѣшить бы надо. Нужно неотложно перейти къ допросу свидѣтелей. Все это должно произойти непремѣнно въ вашемъ присутствіи, а потому...

— А не выпить ли сперва чайку? — перебилъ Николай Парѳеновичъ, — вѣдь ужъ, кажется, заслужили!

Порѣшили, что если есть готовый чай внизу (въ виду того, что Михаилъ Макаровичъ навѣрно ушелъ «почаевать»), то выпить по стаканчику и за-

тѣмъ «продолжать и продолжать». Настоящій же чай и «закусочку» отложить до болѣе свободнаго часа. Чай, дѣйствительно, нашелся внизу, и его въ скорости доставили наверхъ. Митя сначала отказался отъ стакана, который ему любезно предложилъ Николай Парѳеновичъ, но потомъ самъ попросилъ и выпилъ съ жадностью. Вообще же имѣлъ какой-то даже удивительно измученный видъ. Казалось бы, при его богатырскихъ силахъ, что могла значить одна ночь кутежа и хотя бы самыхъ сильныхъ при томъ ощущеній? Но онъ самъ чувствовалъ, что едва сидитъ, а по временамъ такъ всѣ предметы начинали какъ бы ходить и вертѣться у него предъ глазами. «Еще немного и, пожалуй, бредить начну», подумалъ онъ про себя.

VIII.

Показаніе свидѣтелей. Дитё.

Допросъ свидѣтелей начался. Но мы уже не станемъ продолжать нашъ разсказъ въ такой подробности, въ какой вели его до сихъ поръ. А потому и опустимъ о томъ, какъ Николай Парѳеновичъ внушалъ каждому призываемому свидѣтелю, что тотъ долженъ показывать по правдѣ и совѣсти, и что впослѣдствіи долженъ будетъ повторить это показаніе свое подъ присягой. Какъ, наконецъ, отъ каждаго свидѣтеля требовалось, чтобъ онъ подписалъ протоколъ своихъ показаній и проч., и проч. Отмѣтимъ лишь одно, что главнѣйшій пунктъ, на который обращалось все вниманіе допрашивавшихъ, преимущественно былъ все тотъ же самый вопросъ о трехъ тысячахъ, то есть было ли

ихъ три или полторы въ первый разъ, то есть въ первый кутежъ Дмитрія Ѳедоровича здѣсь, въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, и было ли ихъ три или полторы тысячи вчера, во второй кутежъ Дмитрія Ѳедоровича. Увы, всѣ свидѣтельства, всѣ до единаго, оказались противъ Мити и ни одного въ его пользу, а иныя изъ свидѣтельствъ такъ даже внесли новые, почти ошеломляющіе факты въ опроверженіе показаній его. Первымъ спрошеннымъ былъ Трифонъ Борисычъ. Онъ предсталъ предъ допрашивающими безъ малѣйшаго страха, напротивъ, съ видомъ строгаго и суроваго негодованія противъ обвиняемаго и тѣмъ несомнѣнно придалъ себѣ видъ чрезвычайной правдивости и собственнаго достоинства. Говорилъ мало, сдержанно, ждалъ вопросовъ, отвѣчалъ точно и обдуманно. Твердо и не обинуясь показалъ, что мѣсяцъ назадъ не могло быть истрачено менѣе трехъ тысячъ, что здѣсь всѣ мужики покажутъ, что слышали о трехъ тысячахъ отъ самого «Митрія Ѳедоровича»: «однѣмъ цаганкамъ сколько денегъ перебросали. Имъ однѣмъ небось за тысячу перевалило».

— И пятисотъ, можетъ, не далъ, — мрачно замѣтилъ на это Митя, — вотъ только не считалъ тогда, пьянъ былъ, а жаль...

Митя сидѣлъ на этотъ разъ сбоку, спиной къ занавѣскамъ, слушалъ мрачно, имѣлъ видъ грустный и усталый, какъ бы говорившій: «э, показывайте, что хотите, теперь все равно!»

— Больше тысячи пошло на нихъ, Митрій Ѳедоровичъ, — твердо опровергъ Трифонъ Борисычъ,—бросали зря, а онѣ подымали. Народъ-то вѣдь этотъ воръ и мошенникъ, конокрады они, угнали ихъ отселева, а то они сами, можетъ, показали бы,

сколькимъ отъ васъ поживились. Самъ я въ рукахъ у васъ тогда сумму видѣлъ, — считать не считалъ, вы мнѣ не давали, это справедливо, — а на глазъ помню, многимъ больше было, чѣмъ полторы тысячи... Куды полторы! Видывали и мы деньги, могимъ судить...

Насчетъ вчерашней же суммы Трифонъ Борисовичъ прямо показалъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ самъ ему, только что всталъ съ лошадей, объявилъ, что привезъ три тысячи.

— Полно, такъ ли, Трифонъ Борисычъ, — возразилъ было Митя, — неужто такъ-таки положительно объявилъ, что привезъ три тысячи?

— Говорили, Митрій Ѳедоровичъ. При Андреѣ говорили. Вотъ онъ тутъ самъ Андрей, еще не уѣхалъ, призовите его. А тамъ въ залѣ, когда хоръ подчевали, такъ прямо закричали, что шестую тысячу здѣсь оставляете, — съ прежними, то есть, оно такъ понимать надо. Степанъ да Семенъ слышали, да Петръ Ѳомичъ Калгановъ съ вами тогда рядомъ стоялъ, можетъ, и они тоже запомнили...

Показаніе о шестой тысячѣ принято было съ необыкновеннымъ впечатлѣніемъ допрашивающими. Понравилась новая редакція: три да три, значитъ, шесть, стало быть, три тысячи тогда, да три тысячи теперь, вотъ онѣ и всѣ шесть, выходило ясно.

Опросили всѣхъ указанныхъ Трифономъ Борисовичемъ мужиковъ, Степана и Семена, ямщика Андрея и Петра Ѳомича Калганова. Мужики и ямщикъ не обинуясь подтвердили показаніе Трифона Борисыча. Кромѣ того, особенно записали со словъ Андрея, о разговорѣ его съ Митей дорогой

насчетъ того, «куда, дескать, я, Дмитрій Ѳедоровичъ, попаду: на небо аль въ адъ, и простятъ ли мнѣ на томъ свѣтѣ аль нѣтъ?» «Психологъ» Ипполитъ Кирилловичъ выслушалъ все это съ тонкою улыбкой и кончилъ тѣмъ, что и это показаніе о томъ, куда Дмитрій Ѳедоровичъ попадетъ, порекомендовалъ «пріобщить къ дѣлу».

Спрошенный Калгановъ вошелъ нехотя, хмурый, капризный, и разговаривалъ съ прокуроромъ и Николаемъ Парѳеновичемъ такъ, какъ бы въ первый разъ увидѣлъ ихъ въ жизни, тогда какъ былъ давній и ежедневный ихъ знакомый. Онъ началъ съ того, что «ничего этого не знаетъ и знать не хочетъ». Но о шестой тысячѣ, оказалось, слышалъ, и онъ признался, что въ ту минуту подлѣ стоялъ. На его взглядъ денегъ было у Мити въ рукахъ «не знаю сколько». Насчетъ того, что поляки въ картахъ передернули, показалъ утвердительно. Объяснилъ тоже, на повторенные разспросы, что по изгнаніи поляковъ, дѣйствительно, дѣла Мити у Аграфены Александровны поправились, и что она сама сказала, что его любитъ. Объ Аграфенѣ Александровнѣ изъяснялся сдержанно и почтительно, какъ будто она была самаго лучшаго общества барыня, и даже ни разу не позволилъ себѣ назвать ее «Грушенькой». Несмотря на видимое отвращеніе молодого человѣка показывать, Ипполитъ Кирилловичъ разспрашивалъ его долго и лишь отъ него узналъ всѣ подробности того, что составляло, такъ сказать, «романъ» Мити въ эту ночь. Митя ни разу не остановилъ Калганова. Наконецъ, юношу отпустили, и онъ удалился съ нескрываемымъ негодованіемъ.

Допросили и поляковъ. Они въ своей комнаткѣ

хоть и легли было спать, но всю ночь не заснули, а съ прибытіемъ властей поскорѣй одѣлись и прибрались, сами понимая, что ихъ непремѣнно потребуютъ. Явились они съ достоинствомъ, хотя и не безъ нѣкотораго страху. Главный, то есть маленькій панъ, оказался чиновникомъ двѣнадцатаго класса въ отставкѣ, служилъ въ Сибири ветеринаромъ, по фамиліи же былъ панъ Муссяловичъ. Панъ же Врублевскій оказался вольнопрактикующимъ дантистомъ, по-русски зубнымъ врачомъ. Оба они, какъ вошли въ комнату, такъ тотчасъ же, несмотря на вопросы Николая Парѳеновича, стали обращаться съ отвѣтами къ стоявшему въ сторонѣ Михаилу Макаровичу, принимая его, по невѣдѣнію, за главный чинъ и начальствующее здѣсь лицо и называя его съ каждымъ словомъ: «пане пулковнику». И только послѣ нѣсколькихъ разовъ и наставленія самого Михаила Макаровича догадались, что надобно обращаться съ отвѣтами лишь къ Николаю Парѳеновичу. Оказалось, что по-русски они умѣли даже весьма и весьма правильно говорить, кромѣ развѣ выговора иныхъ словъ. Объ отношеніяхъ своихъ къ Грушенькѣ, прежнихъ и теперешнихъ, панъ Муссяловичъ сталъ было заявлять горячо и гордо, такъ что Митя сразу вышелъ изъ себя и закричалъ, что не позволитъ «подлецу» при себѣ такъ говорить. Панъ Муссяловичъ тотчасъ же обратилъ вниманіе на слово «подлецъ» и попросилъ внести въ протоколъ. Митя закипѣлъ отъ ярости.

— И подлецъ, подлецъ! Внесите это, и внесите тоже, что несмотря на протоколъ, я все-таки кричу, что подлецъ! — прокричалъ онъ.

Николай Парѳенычъ, хоть и внесъ въ протоколъ, но проявилъ при семъ непріятномъ случаѣ са-

мую похвальную дѣловитость и умѣніе распорядиться: послѣ строгаго внушенія Митѣ онъ самъ тотчасъ же прекратилъ всѣ дальнѣйшіе разспросы касательно романической стороны дѣла и поскорѣе перешелъ къ существенному. Въ существенномъ же явилось одно показаніе пановъ, возбудившее необыкновенное любопытство слѣдователей: это именно о томъ, какъ подкупалъ Митя, въ той комнатѣ, пана Муссяловича и предлагалъ ему три тысячи отступного, съ тѣмъ, что семьсотъ рублей въ руки, а остальныя двѣ тысячи триста «завтра же утромъ въ городѣ», при чемъ клялся честнымъ словомъ, объявляя, что здѣсь, въ Мокромъ, съ нимъ и нѣтъ пока такихъ денегъ, а что деньги въ городѣ. Митя замѣтилъ было сгоряча, что не говорилъ, что навѣрно отдастъ завтра въ городѣ, но панъ Врублевскій подтвердилъ показаніе, да и самъ Митя, подумавъ съ минуту, нахмуренно согласился, что должно быть такъ и было, какъ паны говорятъ, что онъ былъ тогда разгоряченъ, а потому, дѣйствительно, могъ такъ сказать. Прокуроръ такъ и впился въ показаніе: оказывалось для слѣдствія яснымъ (какъ и впрямь потомъ вывели), что половина или часть трехъ тысячъ, доставшихся въ руки Митѣ, дѣйствительно, могла оставаться гдѣ-нибудь припрятанною въ городѣ, а, пожалуй, такъ даже гдѣ-нибудь и тутъ въ Мокромъ, такъ, что выяснилось такимъ образомъ и то щекотливое для слѣдствія обстоятельство, что у Мити нашли въ рукахъ всего только восемьсотъ рублей —обстоятельство, бывшее до сихъ поръ хотя единственнымъ и довольно ничтожнымъ, но все же нѣкоторымъ свидѣтельствомъ въ пользу Мити. Теперь же и это единственное свидѣтельство въ его пользу разру-

шалось. На вопросъ прокурора: гдѣ же бы онъ взялъ остальныя двѣ тысячи триста, чтобъ отдать завтра пану, коли самъ утверждаетъ, что у него было всего только полторы тысячи, а между тѣмъ завѣрялъ пана своимъ честнымъ словомъ, Митя твердо отвѣтилъ, что хотѣлъ предложить «панячишкѣ» на завтра не деньги, а формальный актъ на права свои по имѣнію Чермашнѣ, тѣ самыя права, которыя предлагалъ Самсонову и Хохлаковой. Прокуроръ даже усмѣхнулся «невинности выверта».

— И вы думаете, что онъ бы согласился взять эти «права» вмѣсто наличныхъ двухъ тысячъ трехсотъ рублей?

— Непремѣнно согласился бы, — горячо отрѣзалъ Митя. — Помилуйте, да тутъ не только двѣ, тутъ четыре, тутъ шесть даже тысячъ онъ могъ бы на этомъ тяпнуть! Онъ бы тотчасъ набралъ своихъ адвокатишекъ, полячковъ да жидковъ, и не то что три тысячи, а всю бы Чермашню отъ старика оттягали.

Разумѣется, показаніе пана Муссяловича внесли въ протоколъ въ самой полной подробности. На томъ пановъ и отпустили. О фактѣ же передержки въ картахъ почти и не упомянули. Николай Парѳеновичъ имъ слишкомъ былъ и безъ того благодаренъ и пустяками не хотѣлъ безпокоить, тѣмъ болѣе, что все это пустая ссора въ пьяномъ видѣ за картами и болѣе ничего. Мало ли было кутежа и безобразій въ ту ночь . . . Такъ что деньги, двѣсти рублей, такъ и остались у пановъ въ карманѣ.

Призвали затѣмъ старичка Максимова. Онъ явился робѣя, подошелъ мелкими шажками, видъ имѣлъ растрепанный и очень грустный. Все время

онъ ютился тамъ внизу подлѣ Грушеньки, сидѣлъ съ нею молча и «нѣтъ-нѣтъ, да и начнетъ надъ нею хныкать, а глаза утираетъ синимъ клѣтчатымъ платочкомъ», какъ разсказывалъ потомъ Михаилъ Макаровичъ. Такъ что она сама уже унимала и утѣшала его. Старичокъ тотчасъ же и со слезами признался, что виноватъ, что взялъ у Дмитрія Ѳедоровича взаймы «десять рублей-съ, по моей бѣдности-съ» и что готовъ возвратить... На прямой вопросъ Николая Парѳеновича: не замѣтилъ ли онъ сколько же именно денегъ было въ рукахъ у Дмитрія Ѳедоровича, такъ какъ онъ ближе всѣхъ могъ видѣть у него въ рукахъ деньги, когда получалъ отъ него взаймы, — Максимовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ, что денегъ было «двадцать тысячъ-съ».

— А вы видѣли когда-нибудь двадцать тысячъ гдѣ-нибудь прежде? — спросилъ, улыбнувшись, Николай Парѳеновичъ.

— Какъ же-съ, видѣлъ-съ, только не двадцать-съ, а семь-съ, когда супруга моя деревеньку мою заложила. Дала мнѣ только издали поглядѣть, похвалилась предо мной. Очень крупная была пачка-съ, все радужныя. И у Дмитрія Ѳедоровича были все радужныя...

Его скоро отпустили. Наконецъ, дошла очередь и до Грушеньки. Слѣдователи видимо опасались того впечатлѣнія, которое могло произвести ея появленіе на Дмитрія Ѳедоровича, и Николай Парѳеновичъ пробормоталъ даже нѣсколько словъ ему въ увѣщаніе, но Митя, въ отвѣтъ ему, молча склонилъ голову, давая тѣмъ знать, что «безпорядка не произойдетъ». Ввелъ Грушеньку самъ Михаилъ Макаровичъ. Она вошла со строгимъ и

угрюмымъ лицомъ, съ виду почти спокойнымъ, и тихо сѣла на указанный ей стулъ напротивъ Николая Парѳеновича. Была она очень блѣдна, казалось, что ей холодно, и она плотно закутывалась въ свою прекрасную черную шаль. Дѣйствительно, съ ней начинался тогда легкій лихорадочный ознобъ — начало длинной болѣзни, которую она потомъ съ этой ночи перенесла. Строгій видъ ея, прямой и серьезный взглядъ и спокойная манера произвели весьма благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Николай Парѳеновичъ даже сразу нѣсколько «увлекся». Онъ признавался самъ, разсказывая кое-гдѣ потомъ, что только съ этого разу постигъ, какъ эта женщина «хороша собой», а прежде хоть и видывалъ ее, но всегда считалъ чѣмъ-то въ родѣ «уѣздной Гетеры». «У ней манеры, какъ у самаго высшаго общества», восторженно сболтнулъ онъ какъ-то въ одномъ дамскомъ кружкѣ. Но его выслушали съ самымъ полнымъ негодованіемъ и тотчасъ назвали за это «шалуномъ», чѣмъ онъ и остался очень доволенъ. Входя въ комнату, Грушенька лишь какъ бы мелькомъ глянула на Митю, въ свою очередь съ безпокойствомъ на нее поглядѣвшаго, но видъ ея въ ту же минуту и его успокоилъ. Послѣ первыхъ необходимыхъ вопросовъ и увѣщаній, Николай Парѳеновичъ, хоть и нѣсколько запинаясь, но сохраняя самый вѣжливый, однакоже, видъ, спросилъ ее: «въ какихъ отношеніяхъ состояла она къ отставному поручику Дмитрію Ѳедоровичу Карамазову?» На что Грушенька тихо и твердо произнесла:

— Знакомый мой былъ, какъ знакомаго его въ послѣдній мѣсяцъ принимала.

На дальнѣйшіе любопытствующіе вопросы пря-

мо и съ полною откровенностью заявила, что хотя онъ ей «часами» и нравился, но что она не любила его, но завлекла изъ «гнусной злобы моей», равно какъ и того «старичка», видѣла, что Митя ее очень ревновалъ къ Ѳедору Павловичу и ко всѣмъ, но тѣмъ лишь тѣшилась. Къ Ѳедору же Павловичу совсѣмъ никогда не хотѣла идти, а только смѣялась надъ нимъ. «Въ тотъ весь мѣсяцъ не до нихъ мнѣ обоихъ было; я ждала другого человѣка, предо мною виновнаго... Только, думаю, заключила она, что вамъ нечего объ этомъ любопытствовать, а мнѣ нечего вамъ отвѣчать, потому это особливое мое дѣло».

Такъ немедленно и поступилъ Николай Парѳеновичъ: на «романическихъ» пунктахъ онъ опять пересталъ настаивать, а прямо перешелъ къ серьезному, то есть все къ тому же и главнѣйшему вопросу о трехъ тысячахъ. Грушенька подтвердила, что и въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, дѣйствительно, истрачены были три тысячи рублей, и хоть денегъ сама и не считала, но слышала отъ самого Дмитрія Ѳедоровича, что три тысячи рублей.

— Наединѣ онъ вамъ это говорилъ или при комъ-нибудь, или вы только слышали, какъ онъ съ другими при васъ говорилъ?—освѣдомился тотчасъ же прокуроръ.

На что Грушенька объявила, что слышала и при людяхъ, слышала какъ и съ другими говорилъ, слышала и наединѣ отъ него самого.

— Однажды слышали отъ него наединѣ или неоднократно? — освѣдомился опять прокуроръ и узналъ, что Грушенька слышала неоднократно.

Ипполитъ Кириллычъ остался очень доволенъ этимъ показаніемъ. Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ

выяснилось тоже, что Грушенькѣ было извѣстно, откуда эти деньги и что взялъ ихъ-де Дмитрій Ѳедоровичъ отъ Катерины Ивановны.

— А не слыхали ли вы хоть однажды, что денегъ было промотано мѣсяцъ назадъ не три тысячи, а меньше, и что Дмитрій Ѳедоровичъ уберегъ изъ нихъ цѣлую половину для себя?

— Нѣтъ, никогда этого не слыхала, — показала Грушенька.

Дальше выяснилось даже, что Митя, напротивъ, часто говорилъ ей во весь этотъ мѣсяцъ, что денегъ у него нѣтъ ни копейки. «Съ родителя своего все ждалъ получить», заключила Грушенька.

— А не говорилъ ли когда при васъ... или какъ-нибудь мелькомъ, или въ раздраженіи, — хватилъ вдругъ Николай Парѳеновичъ, — что намѣренъ посягнуть на жизнь своего отца?

— Охъ, говорилъ! — вздохнула Грушенька.

— Однажды или нѣсколько разъ?

— Нѣсколько разъ поминалъ, всегда въ сердцахъ.

— И вы вѣрили, что онъ это исполнитъ?

— Нѣтъ, никогда не вѣрила! — твердо отвѣтила она, — на благородство его надѣялась.

— Господа, позвольте, — вскричалъ вдругъ Митя, — позвольте сказать при васъ Аграфенѣ Александровнѣ лишь одно только слово.

— Скажите, — разрѣшилъ Николай Парѳеновичъ.

— Аграфена Александровна, — привсталъ со стула Митя, — вѣрь Богу и мнѣ: въ крови убитаго вчера отца моего я неповиненъ!

Произнеся это, Митя опять сѣлъ на стулъ. Гру-

шенька привстала и набожно перекрестилась на икону.

— Слава Тебѣ, Господи! — проговорила она горячимъ, проникновеннымъ голосомъ и, еще не садясь на мѣсто и обратившись къ Николаю Парѳеновичу, прибавила: — какъ онъ теперь сказалъ, тому и вѣрьте! Знаю его: сболтнуть что̀ сболтнетъ, али для смѣху, али съ упрямства, но если противъ совѣсти, то никогда не обманетъ. Прямо правду скажетъ, тому вѣрьте!

— Спасибо, Аграфена Александровна, поддержала душу! — дрожащимъ голосомъ отозвался Митя.

На вопросы о вчерашнихъ деньгахъ она заявила, что не знаетъ сколько ихъ было, но слышала, какъ людямъ онъ много разъ говорилъ вчера, что привезъ съ собой три тысячи. А насчетъ того: откуда деньги взялъ, то сказалъ ей одной, что у Катерины Ивановны «укралъ», а что она ему на то отвѣтила, что онъ не укралъ и что деньги надо завтра же отдать. На настойчивый вопросъ прокурора: о какихъ деньгахъ говорилъ, что укралъ у Катерины Ивановны: о вчерашнихъ или о тѣхъ трехъ тысячахъ, которыя были истрачены здѣсь мѣсяцъ назадъ, объявила, что говорилъ о тѣхъ, которыя были мѣсяцъ назадъ, и что она такъ его поняла.

Грушеньку, наконецъ, отпустили, при чемъ Николай Парѳеновичъ стремительно заявилъ ей, что она можетъ хоть сейчасъ же воротиться въ городъ, и что если онъ — съ своей стороны чѣмъ-нибудь можетъ способствовать, напримѣръ, насчетъ лошадей, или, напримѣръ, пожелаетъ она провожатаго, то онъ съ своей стороны . . .

— Покорно благодарю васъ, — поклонилась ему Грушенька, — я съ тѣмъ старичкомъ отправлюсь, съ помѣщикомъ, его довезу, а пока подожду внизу, коль позволите, какъ вы тутъ Дмитрія Ѳедоровича порѣшите.

Она вышла. Митя былъ спокоенъ и даже имѣлъ совсѣмъ ободрившійся видъ, но лишь на минуту. Все какое-то странное физическое безсиліе одолѣвало его чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Глаза его закрывались отъ усталости. Допросъ свидѣтелей, наконецъ, окончился. Приступили къ окончательной редакціи протокола. Митя всталъ и перешелъ съ своего стула въ уголъ, къ занавѣскѣ, прилегъ на большой накрытый ковромъ хозяйскій сундукъ и мигомъ заснулъ. Приснился ему какой-то странный сонъ, какъ-то совсѣмъ не къ мѣсту и не ко времени. Вотъ онъ будто бы гдѣ-то ѣдетъ въ степи, тамъ гдѣ служилъ давно, еще прежде, и везетъ его въ слякотъ на телѣгѣ, на парѣ, мужикъ. Только холодно будто бы Митѣ, въ началѣ ноябрь и снѣгъ валитъ крупными мокрыми хлопьями, а падая на землю тотчасъ таетъ. И бойко везетъ его мужикъ, славно помахиваетъ, русая, длинная такая у него борода, и не то что старикъ, а такъ лѣтъ будетъ пятидесяти, сѣрый мужичій на немъ зипунишко. И вотъ недалеко селеніе, виднѣются избы черныя-пречерныя, а половина избъ погорѣла, торчатъ только одни обгорѣлыя бревна. А при въѣздѣ выстроились на дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все худыя, испитыя, какія-то коричневыя у нихъ лица. Вотъ особенно одна съ краю, такая костлявая, высокаго роста, кажется, ей лѣтъ сорокъ, а, можетъ, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на рукахъ у нея плачетъ ребеночекъ, и гру-

ди-то, должно быть, у ней такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И плачетъ, плачетъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулаченками, отъ холоду совсѣмъ какія-то сизыя.

— Что̀ они плачутъ? Чего они плачутъ? — спрашиваетъ, лихо пролетая мимо нихъ, Митя.

— Дитё, — отвѣчаетъ ему ямщикъ, — дитё плачетъ. И поражаетъ Митю то, что онъ сказалъ по-своему, по-мужицки: «дитё», а не дитя. И ему нравится, что мужикъ сказалъ дитё: жалости будто больше.

— Да отчего оно плачетъ? — домогается, какъ глупый, Митя. — Почему ручки голенькія, почему его не закутаютъ?

— А иззябло дитё, промерзла одежонка, вотъ и не грѣетъ.

— Да почему это такъ? Почему? — все не отстаетъ глупый Митя.

— А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣту-ти, на погорѣлое мѣсто просятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — все будто еще не понимаетъ Митя, — ты скажи: почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно̀ дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не цѣлуются, почему не поютъ пѣсенъ радостныхъ, почему онѣ почернѣли такъ отъ черной бѣды, почему не накормятъ дитё?

И чувствуетъ онъ про себя, что хоть онъ и безумно спрашиваетъ, и безъ толку, но непремѣнно хочется ему именно такъ спросить и что именно такъ и надо спросить. И чувствуетъ онъ еще, что подымается въ сердцѣ его какое-то никогда еще небывалое въ немъ умиленіе, что плакать ему хочется, что хочетъ онъ всѣмъ сдѣлать что-то такое,

чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная изсохшая мать дитяти, чтобъ не было вовсе слезъ отъ сей минуты ни у кого, и чтобы сейчасъ же, сейчасъ же это сдѣлать, не отлагая и несмотря ни на что̀, со всѣмъ безудержемъ Карамазовскимъ.

— А и я съ тобой, я теперь тебя не оставлю, на всю жизнь съ тобой иду,—раздаются подлѣ него милыя, проникновенныя чувствомъ слова Грушеньки. И вотъ загорѣлось все сердце его и устремилось къ какому-то свѣту, и хочется ему жить и жить, идти и идти въ какой-то путь, къ новому зовущему свѣту, и скорѣе, скорѣе, теперь же, сейчасъ!

— Что̀? Куда? — восклицаетъ онъ, открывая глаза и садясь на свой сундукъ, совсѣмъ какъ бы очнувшись отъ обморока, а самъ свѣтло улыбаясь. Надъ нимъ стоитъ Николай Парѳеновичъ и приглашаетъ его выслушать и подписать протоколъ. Догадался Митя, что спалъ онъ часъ или болѣе, но онъ Николая Парѳеновича не слушалъ. Его вдругъ поразило, что подъ головой у него очутилась подушка, которой, однако, не было, когда онъ склонился въ безсиліи на сундукъ.

— Кто это мнѣ подъ голову подушку принесъ? Кто былъ такой добрый человѣкъ! — воскликнулъ онъ съ какимъ-то восторженнымъ, благодарнымъ чувствомъ и плачущимъ какимъ-то голосомъ, будто и Богъ знаетъ какое благодѣяніе оказали ему. Добрый человѣкъ такъ потомъ и остался въ неизвѣстности, кто-нибудь изъ понятыхъ, а, можетъ быть, и писарекъ Николая Парѳеновича распорядились подложить ему подушку изъ состраданія, но вся душа его какъ бы сотряслась отъ слезъ. Онъ подошелъ къ столу и объявилъ, что подпишетъ все, что̀ угодно.

— Я хорошій сонъ видѣлъ, господа, — странно какъ-то произнесъ онъ, съ какимъ-то новымъ, словно радостью озареннымъ лицомъ.

IX.

Увезли Митю.

Когда подписанъ былъ протоколъ, Николай Парѳеновичъ торжественно обратился къ обвиняемому и прочелъ ему «Постановленіе», гласившее, что такого-то года и такого-то дня, тамъ-то, судебный слѣдователь такого-то окружнаго суда, допросивъ такого-то (то есть Митю) въ качествѣ обвиняемаго въ томъ-то и въ томъ-то (всѣ вины были тщательно прописаны) и принимая во вниманіе, что обвиняемый, не признавая себя виновнымъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ, ничего въ оправданіе свое не представилъ, а между тѣмъ, свидѣтели (такіе-то) и обстоятельства (такія-то) его вполнѣ уличаютъ, руководствуясь такими-то и такими-то статьями Уложенія о Наказаніяхъ, и т. д. постановилъ: для пресѣченія такому-то (Митѣ) способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, заключить его въ такой-то тюремный замокъ, о чемъ обвиняемому объявить, а копію сего постановленія товарищу прокурора сообщить и т. д., и т. д. Словомъ, Митѣ объявили, что онъ отъ сей минуты арестантъ, и что повезутъ его сейчасъ въ городъ, гдѣ и заключатъ въ одно очень непріятное мѣсто. Митя, внимательно выслушавъ, вскинулъ только плечами.

— Что̀ жъ, господа, я васъ не виню, я готовъ . . . Понимаю, что вамъ ничего болѣе не остается.

Николай Парѳеновичъ мягко изъяснилъ ему, что

свезетъ его тотчасъ же становой приставъ Маврикій Маврикіевичъ, который какъ разъ теперь тутъ случился...

— Стойте, — перебилъ вдругъ Митя и съ какимъ-то неудержимымъ чувствомъ произнесъ, обращаясь ко всѣмъ въ комнатѣ, — господа, всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ — пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь — изъ всѣхъ я самый подлый гадъ! Пусть! Каждый день моей жизни я, бія себя въ грудь, обѣщалъ исправиться и каждый день творилъ все тѣ же пакости. Понимаю теперь, что на такихъ, какъ я, нуженъ ударъ, ударъ судьбы, чтобъ захватить его какъ въ арканъ и скрутить внѣшнею силою. Никогда, никогда не поднялся бы я самъ собой! Но громъ грянулъ. Принимаю муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострадать хочу и страданіемъ очищусь! Вѣдь, можетъ быть, и очищусь, господа, а? Но услышьте, однако, въ послѣдній разъ: въ крови отца моего неповиненъ! Принимаю казнь не за то, что убилъ его, а за то, что хотѣлъ убить и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ убилъ бы... Но все-таки я намѣренъ съ вами бороться и это вамъ возвѣщаю. Буду бороться съ вами до послѣдняго конца, а тамъ, рѣшитъ Богъ! Прощайте, господа, не сердитесь, что я за допросомъ кричалъ на васъ, о, я былъ тогда еще такъ глупъ... Чрезъ минуту я арестантъ и теперь, въ послѣдній разъ, Дмитрій Карамазовъ, какъ свободный еще человѣкъ, протягиваетъ вамъ свою руку. Прощаясь съ вами, съ людьми прощусь!..

Голосъ его задрожалъ, и онъ, дѣйствительно, протянулъ было руку, но Николай Парѳеновичъ,

всѣхъ ближе къ нему находившійся, какъ-то вдругъ, почти судорожнымъ какимъ-то жестомъ, припряталъ свои руки назадъ. Митя мигомъ замѣтилъ это и вздрогнулъ. Протянутую руку свою тотчасъ же опустилъ.

— Слѣдствіе еще не закончилось, — залепеталъ Николай Парѳеновичъ, нѣсколько сконфузясь, — продолжать будемъ еще въ городѣ, и я, конечно, съ моей стороны готовъ вамъ пожелать всякой удачи... къ вашему оправданію... Собственно же васъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я всегда наклоненъ считать за человѣка, такъ сказать, болѣе несчастнаго, чѣмъ виновнаго... Мы васъ всѣ здѣсь, если только осмѣлюсь выразиться отъ лица всѣхъ, всѣ мы готовы признать васъ за благороднаго въ основѣ своей молодого человѣка, но, увы! увлеченнаго нѣкоторыми страстями въ степени нѣсколько излишней...

Маленькая фигурка Николая Парѳеновича выразила подъ конецъ рѣчи самую полную сановитость. У Мити мелькнуло было вдругъ, что вотъ этотъ «мальчикъ» сейчасъ возьметъ его подъ руку, уведетъ въ другой уголъ и тамъ возобновитъ съ нимъ недавній еще разговоръ ихъ о «дѣвочкахъ». Но мало ли мелькаетъ совсѣмъ постороннихъ и неидущихъ къ дѣлу мыслей иной разъ даже у преступника, ведомаго на смертную казнь.

— Господа, вы добры, вы гуманны, — могу я видѣть *ее*, проститься въ послѣдній разъ? — спросилъ Митя.

— Безъ сомнѣнія, но въ видахъ... однимъ словомъ, теперь ужъ нельзя не въ присутствіи...

— Пожалуй, присутствуйте!

Привели Грушеньку, но прощаніе состоялось ко-

роткое, малословное и Николая Парѳеновича не удовлетворившее. Грушенька глубоко поклонилась Митѣ.

— Сказала тебѣ, что твоя, и буду твоя, пойду съ тобой навѣкъ, куда бы тебя ни рѣшили. Прощай, безвинно погубившій себя человѣкъ!

Губки ея вздрогнули, слезы потекли изъ глазъ.

— Прости, Груша, меня за любовь мою, за то, что любовью моею и тебя сгубилъ!

Митя хотѣлъ и еще что-то сказать, но вдругъ самъ прервалъ и вышелъ. Кругомъ него тотчасъ же очутились люди, не спускавшіе съ него глазъ. Внизу у крылечка, къ которому онъ съ такимъ громомъ подкатилъ вчера на Андреевой тройкѣ, стояли уже готовыя двѣ телѣги. Маврикій Маврикіевичъ, приземистый плотный человѣкъ, съ обрюзглымъ лицомъ, былъ чѣмъ-то раздраженъ, какимъ-то внезапно случившимся безпорядкомъ, сердился и кричалъ. Какъ-то слишкомъ уже сурово пригласилъ онъ Митю взлѣзть въ телѣгу. «Прежде, какъ я въ трактирѣ поилъ его, совсѣмъ было другое лицо у человѣка», подумалъ Митя, влѣзая. Съ крылечка спустился внизъ и Трифонъ Борисовичъ. У воротъ столпились люди, мужики, бабы, ямщики, всѣ уставились на Митю.

— Прощайте, Божіи люди! — крикнулъ имъ вдругъ съ телѣги Митя.

— И насъ прости, — раздались два-три голоса.

— Прощай и ты, Трифонъ Борисычъ!

Но Трифонъ Борисычъ даже не обернулся, можетъ быть, ужъ очень былъ занятъ. Онъ тоже чего-то кричалъ и суетился. Оказалось, что на второй телѣгѣ, на которой должны были сопровождать Маврикія Маврикіевича двое сотскихъ, еще не все

было въ исправности. Мужиченко, котораго нарядили было на вторую тройку, натягивалъ зипунишко и крѣпко спорилъ, что ѣхать не ему, а Акиму. Но Акима не было; за нимъ побѣжали: мужиченко настаивалъ и молилъ обождать.

— Вѣдь это народъ-то у насъ, Маврикій Маврикіевичъ, совсѣмъ безъ стыда! — восклицалъ Трифонъ Борисычъ. — Тебѣ Акимъ третьяго дня далъ четвертакъ денегъ, ты ихъ пропилъ, а теперь кричишь. Добротѣ только вашей удивляюсь съ нашимъ подлымъ народомъ, Маврикій Маврикіевичъ, только это одно скажу!

— Да зачѣмъ намъ вторую тройку? — вступился было Митя, — поѣдемъ на одной, Маврикій Маврикичъ, небось не взбунтуюсь, не убѣгу отъ тебя, къ чему конвой?

— А извольте, сударь, умѣть со мной говорить, если еще не научены, я вамъ не *ты,* не извольте тыкать-съ, да и совѣты на другой разъ сберегите . . . — свирѣпо отрѣзалъ вдругъ Митѣ Маврикій Маврикіевичъ, точно обрадовался сердце сорвать.

Митя примолкъ. Онъ весь покраснѣлъ. Чрезъ мгновеніе ему стало вдругъ очень холодно. Дождь пересталъ, но мутное небо все было обтянуто облаками, дулъ рѣзкій вѣтеръ прямо въ лицо. «Ознобъ что ли со мной», подумалъ Митя, передернувъ плечами. Наконецъ, влѣзъ въ телѣгу и Маврикій Маврикіевичъ, усѣлся грузно, широко и, какъ бы не замѣтивъ, крѣпко потѣснилъ собою Митю. Правда, онъ былъ не въ духѣ, и ему сильно не нравилось возложенное на него порученіе.

— Прощай, Трифонъ Борисычъ! — крикнулъ опять Митя, и самъ почувствовалъ, что не отъ добродушія теперь закричалъ, а со злости, противъ

воли крикнулъ. Но Трифонъ Борисычъ стоялъ гордо, заложивъ назадъ обѣ руки и прямо уставясь на Митю, глядѣлъ строго и сердито и Митѣ ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, Дмитрій Ѳедоровичъ, прощайте!— раздался вдругъ голосъ Калганова, вдругъ откуда-то выскочившаго. Подбѣжавъ къ телѣгѣ, онъ протянулъ Митѣ руку. Былъ онъ безъ фуражки. Митя успѣлъ еще схватить и пожать его руку.

— Прощай, милый человѣкъ, не забуду великодушія! — горячо воскликнулъ онъ. Но телѣга тронулась, и руки ихъ разнялись. Зазвенѣлъ колокольчикъ — увезли Митю.

А Калгановъ забѣжалъ въ сѣни, сѣлъ въ углу, нагнулъ голову, закрылъ руками лицо и заплакалъ, долго такъ сидѣлъ и плакалъ, — плакалъ, точно былъ еще маленькій мальчикъ, а не двадцатилѣтній уже молодой человѣкъ. О, онъ вѣрилъ въ виновность Мити почти вполнѣ! «Что же это за люди, какіе же послѣ того могутъ быть люди!» безсвязно восклицалъ онъ въ горькомъ уныніи, почти въ отчаяніи. Не хотѣлось даже и жить ему въ ту минуту на свѣтѣ. «Стòитъ ли, стòитъ ли!» восклицалъ огорченный юноша.

PG
3325
A1
1911
t.17

Dostoevskiĭ, Fedor Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY